

РЕШЕНИЯ
XXVII
СЪЕЗДА
КПСС
ВЫПОЛНИМ!

5

неприкосновенный
запас

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ

163 ²⁰²⁵

* конец коммунизма
и «коммунизм» без конца

неприкосновенный запас 5 [163] 2025

ДЕБАТЫ О ПОЛИТИКЕ И КУЛЬТУРЕ | выходит шесть раз в год | издается с сентября 1998 года

ПРОЦЕСС НЕ ПОШЕЛ: К 40-ЛЕТИЮ ПЕРЕСТРОЙКИ	003	ДМИТРИЙ ГОРИН. Перестройка и «слепые пятна» позднесоветской рациональности
	016	СЕРГЕЙ ГОГИН. Их революция. О публицистике и публицистах времен гласности и перестройки
	032	МАРК ЭДЕЛЕ. Советские ветераны и перестройка: трагедия одного поколения
	048	АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН. К истокам сильной исполнительной власти в постсоветской России: перепрочтение «Что делать?» Гавриила Попова
	068	АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН. Консервативный лик перестройки: канонизация святых на Поместном соборе 1988 года
	095	СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ. После перестройки: трансформация российского политического режима в 1991–2000 годах
КУЛЬТУРА ПОЛИТИКИ	116	Илья ВИНИЦКИЙ. Краснавица и чудовище. Галина Серебрякова и советская русификация марксизма 1960-х
CASE STUDY	143	Павел ГЛУШАКОВ. Сталин: о происхождении и смыслах псевдонима
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИРИКА	157	Образ Горбачева в общественном мнении страны <i>Страницы</i> АЛЕКСЕЯ ЛЕВИНСОНА
АРХИВ «НЗ»	164	МУХАММАД НАДЖАТИ СИДКИ. Воспоминания
ПРИЗРАКИ «КОММУНИЗМА»	185	САРА МАНЦИ. Гармония распада: ранние записи «Коммунизма» в междисциплинарном ракурсе
	196	ДЕНИС КАРПОВ. Сайд-проекты сибирского панка как антиэстетические высказывания: «Цыганята и я с Ильича»
	209	КИРИЛЛ КОРЧАГИН. «Коммунизм» vs «Коллективные действия»: концептуализм как освобождение
	221	АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ. Призраки «Коммунизма»: «сжатие» времени и «состояние истории»
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МОДЕРНОСТИ	237	ТАНЯ ПЕТРОВИЧ. Модерность и деколонизальность: взгляд с развалин государственного социализма

НОВЫЕ КНИГИ**256****АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ.** Шум & ярость, или
Воображаемая история ментального вируса
Рецензии**279**

SUMMARY**295**

Главный редактор
Ирина Прохорова

Шеф-редактор
Кирилл Кобрин

Редакторы
Андрей Захаров
Антон Золотов

Дизайн
Дмитрий Черногаев
Андрей Бондаренко

Корректор
Марина Алхазова

Маркетинг, PR и реклама
Анастасия Векшина
Тел. +7 (495) 229 91 03
e-mail:
a.vekshina@nlobooks.ru

Почтовый адрес редакции
123104, Москва,
Тверской бульвар, д. 13, стр. 1.
тел./факс: +7 (495) 229 91 03
в Санкт-Петербурге:
тел./факс: +7 (812) 579 50 04

e-mail:
nz@nlobooks.ru
электронная версия
журнала:
www.nlobooks.ru/nz

member of
the eurozine network
www.eurozine.com

Подписка по России:
Агентство «Роспечать»:
подписной индекс 45683

Зарубежная подписка:
Kubon & Sagner,
Hesstr. 39/41,
80798, München, Germany
Tel.: +49-89-54-218-130
Fax: +49-89-54-218-218
e-mail:
postmaster@kubon-sagner.de
www.kubon-sagner.de

ISSN 1815-7912
ISBN 5-86793-053-x
«Неприкосновенный запас»
Лицензия на издательскую
деятельность:
серия ЛР № 061083
от 6 мая 1997 г.

Свидетельство о регистрации
средства массовой
информации:

Серия ПИ № 77-7546 от
5 марта 2001 г.

Периодичность: 6 раз в год.
[18+]

© 000 Редакция журнала
«Новое литературное
обозрение»

Москва, 2025

Перестройка и «слепые пятна» позднесоветской рациональности

ДМИТРИЙ
ГОРИН

Перестройка – исторически короткий период, связанный с масштабными изменениями, причем не только социальными, экономическими и политическими, но прежде всего – ментальными. Имея в виду событийную насыщенность перестроечных времен, сложно не поддасться соблазну поиска причинно-следственных связей между перестройкой и распадом советского государства. Однако те тенденции, которые стали очевидными в конце 1980-х, разворачивались на протяжении нескольких предшествующих десятилетий. Фактически, перестройка сама стала ответом на историческую эволюцию советского общества и представлений о нем. Это замечание относится и к особенностям доминировавшей в то время системы мышления.

Советская модернность создавала особый тип рациональности, возникавший в условиях ускоренной урбанизации советского общества – идеологизированного, атеистического, атомизированного. Рациональность, согласно веберовскому пониманию, формируется в процессе отделения индивида от общины, семьи, церкви и его подчинения правовой, политической и экономической регуляции в государстве, образовании и на производстве. Сложность форсированного вовлечения в модернизацию

Дмитрий Геннадьевич Горин (р. 1970) – философ, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

**ПРОЦЕСС
НЕ ПОШЕЛ:
К 40-ЛЕТИЮ
ПЕРЕСТРОЙКИ**

003

многообразных и с трудом совместимых культурных пространств и контекстов советского общества компенсировалась за счет жесткой централизации власти, основывавшейся прежде всего на унификации идейно-политической сферы, а не универсализации правовых норм.

«Слепые пятна»¹ позднесоветской рациональности стали следствием когнитивных искажений, вызванных предвзятой ориентацией на устойчивые для советского общества ментальные модели, сложившиеся под влиянием коммунистической идеологии. Несмотря на то, что сфера идеологии еще до начала перестройки претерпевала существенную эволюцию и явно утрачивала свою монолитность и убедительность, характерные для нее когнитивные паттерны сохраняли свою силу не только в позднесоветском, но и в постсоветском социуме, пусть и не в столь явном виде. Неслучайно, например, рыночное общество, возникавшее в России в постперестроечную эпоху, до мелочей воспроизводилось в логике той части программы КПСС, где перечислялись пороки капитализма. Столь же неслучайным было и возвращение к советским «песням о главном» уже во второй половине 1990-х.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ОТ ПАРАДОКСА К ТАВТОЛОГИИ

«Сон разума рождает чудовищ. Но и пробуждающийся разум рискует тем же, если летаргия была столь же продолжительной, как у нас», – писал один из инициаторов перестройки Эдуард Шеварднадзе, имея в виду то, что «сверхжесткий механизм системы» устойчиво воспроизводил определенный тип мышления, а выбор средств, инструментов и темпов перестройки «лимитировался дефицитом должных представлений»². Тип мышления, который в годы перестройки вызвал «дефицит должных представлений», был сформирован под влиянием коммунистической идеологии. Однако основанная на идеологии когнитивная модель советской действительности была связана не столько с идеалами классиков научного коммунизма, сколько с весьма специфическими условиями, в которых начиналась советская модернизация.

- 1** Термин «слепое пятно» широко используется в психологии для описания искажений, основанных на предвзятости по отношению к себе в сопоставлении с другими, – по аналогии с тем, как в офтальмологии говорят о физиологическом слепом пятне (см.: PRONIN E., LIN D.Y., ROSS L. *The Bias Blind Spot: Perceptions of Bias in Self Versus Others* // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. № 3. P. 369–381). При этом он приложим не только к индивидуальным, но и к социальным когнитивным искажениям, если последние связаны с предвзятостью, сформировавшейся под влиянием социально устойчивой системы убеждений.
- 2** ШЕВАРДАДЗЕ Э. А. *Мой выбор. В защиту демократии и свободы*. М.: Новости, 1991. С. 314.

Значительная и быстро растущая часть советского общества в тот период состояла из бывших крестьян, ставших горожанами в первом поколении. Ускоренная индустриализация сопровождалась колоссальными темпами урбанизации: в 1930-х всего за восемь лет численность городского населения удвоилась, а за следующие тридцать лет удвоилась еще раз. Именно в тот период тезис о построении в СССР «основ социализма» был закреплен конституционно. При этом, однако, он отражал существенный ментальный разворот, предопределивший как силу соответствующей идеологической конструкции, так и ее последующий упадок. Во-первых, он противоречил марксистско-ленинской идее о том, что переход к социализму происходит в обществе с развитой капиталистической экономикой, в которой гегемоном является пролетариат, уже сложившийся как класс и осознавший свой классовый интерес. Во-вторых, описание реального советского общества, находившегося в сложном динамичном состоянии, подверглось мифологизации в духе складывавшейся новой идеологической рациональности, господство которой устанавливается и в общественных науках.

Сформировавшаяся в результате этого поворота идеологическая рациональность опиралась на когнитивную модель, характерную именно для поколения бывших крестьян, переселившихся в города. Освобожденный от общины, семьи, церкви и оказавшийся в городе бывший сельский труженик был дезориентирован и искал замену привычным общинным и семейным отношениям в авторитарной и патерналистской власти, вникавшей в детали повседневной жизни советских граждан и гарантировавшей социальное равенство³. Распад этих представлений в следующих поколениях городских жителей способствовал девальвации господствовавшей идеологической матрицы уже к 1970-м.

За несколько послевоенных десятилетий идеологическая рациональность претерпела существенные изменения, которые, если следовать терминологии Никласа Лумана, можно характеризовать как переход от парадокса к тавтологии. Общество эпохи модерности Луман описывал как функционально дифференцированную систему, в которой ни одна из частей не способна репрезентировать целостность, а целостные самоописания общества выступают исключительно продуктами функционирования этой системы. Если на определенной стадии модерности такие самоописания обретают форму идеологии, то фокус смещается от действительности к идеалу. В этом смысле любая идеология, оперируя в обществе, действует против него – как будто бы она пришла извне. Тавтология и

ДМИТРИЙ ГОРИН

ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

3 См.: АХИЕЗЕР А. и др. *История России: конец или новое начало?* М.: Новое издательство, 2005. С. 499.

парадокс являются двумя вариантами конструирования таких идеологических самоописаний социума в концепции Лумана⁴. В логике тавтологии идеал уже воплощен и общество представляется как то, что оно есть изначально. Парадокс, напротив, основывается на отождествлении общества с идеалом, реализации которого препятствуют некие силы: общество в подобном случае есть то, чем оно в данный момент не является. Если тавтология ведет к укреплению консервативных тенденций, то парадокс, напротив, провоцирует преобразования.

Советская идеологическая рациональность в период, предшествовавший перестройке, разворачивалась от парадоксального постулирования коммунистического идеала как модели, под которую следовало подгонять описания советской действительности, к тавтологической идее «реального социализма», представлявшегося одновременно и идеальным, и воплотившимся. Принятую при Никите Хрущеве программу КПСС, провозглашавшую достижение коммунистического идеала, брежневское руководство заменить так и не решилось, несмотря на то, что обещанные сроки ее реализации прошли. Отказаться от коммунистического целеполагания партия не могла, но и перевести его на язык конкретных планов и сроков в условиях нисходящей экономической динамики было невозможно.

Сомнения в том, что отсылающий к учению основоположников коммунистический идеал может быть использован для понимания актуального общества, в 1983 году высказал генеральный секретарь ЦК КПСС Юрий Андропов в статье, приуроченной к столетию со дня смерти Карла Маркса. «Конкретные исторические пути становления социализма пролегали не во всем так, как представляли основоположники нашей революционной теории», – писал он⁵. Однако смещение акцентов от недостижимого коммунистического идеала к концепту «реального социализма» свидетельствовало о явном кризисе идеологического мышления. Как сказал в 1986 году на XXVII съезде КПСС Михаил Горбачев, такой идеологический поворот был реакцией на «облегченные представления о путях и сроках решения задач коммунистического строительства» и служил «своеобразным оправданием медлительности в решении назревших задач»⁶.

В позднесоветском обществе «слепые пятна» идеологической рациональности не позволяли схватить сложность его устройства, его многообразные и часто противоречивые принципы регуляции, в том числе этнонациональные, клановые и

4 См.: Луман Н. *Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества*. М.: Прогресс, 1991. С. 194–216.

5 Андропов Ю. В. *Избранные речи и статьи*. М.: Политиздат, 1984. С. 234.

6 *Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза*. М.: Политиздат, 1986. С. 93.

теневые, заметно укрепившиеся в брежневский период. Если официальный дискурс определялся идеологией, постулировавшей коммунистический идеал как однородное и прозрачное для универсальных принципов регуляции общество, то реальные отношения, не укладывавшиеся в идеологическую модель, вытеснялись из сферы публичного обсуждения. Не случайно массовое сознание приписывало Юрию Андропову фразу о том, что «мы не знаем того общества, в котором живем». Справедливости ради следует сказать, что таких слов в цитируемой выше статье генсека не было, хотя задача переформатирования общественнознания была сформулирована им достаточно четко. Еще более определенно об идеологизации общественных наук высказался в политическом докладе XXVII съезду КПСС Горбачев: схоластика, начетничество и догматизм, по его словам, «ведут к застою мысли, мертвой стеной отгораживают науку от жизни»⁷.

ДМИТРИЙ ГОРИН
ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Освобожденный от общины, семьи, церкви и оказавшийся в городе бывший сельский труженик был дезориентирован и искал замену привычным общинным и семейным отношениям в авторитарной и патерналистской власти, вникавшей в детали повседневной жизни советских граждан и гарантировавшей социальное равенство.

В годы перестройки идеологическая сфера приходит в движение. Идеологический монолит рассыпается на множество тенденций, представленных разными версиями коммунистической идеи, а также антикоммунизмом, либерализмом, консерватизмом, интернационализмом, национализмом, «почвенничеством». Эти и другие довольно разнородные ориентации порождали часто неожиданные тактические симбиозы, которые не способствовали, однако, устойчивому синтезу, но, наоборот, провоцировали все новые расколы.

Несмотря на характерный для перестройки идеологический плюрализм, многим из перечисленных идейных тенденций в той или иной степени были присущи черты сформировавшейся в СССР идеологической рациональности. Прежде всего это касается характерной когнитивной предубежденности, связанной с вытеснением тех аспектов действительности, которые не укладываются в идеологическую модель, – причем

7 Там же. С. 85.

неважно, о какой части политического спектра идет речь и основываются ли эти идейные ориентации на парадоксе или тавтологии. Возможно, поэтому выход из перестройки был основан не на консенсусе, о котором часто говорил Горбачев, а на противостоянии.

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И «СЛЕПЫЕ ПЯТНА» КРИТИЧЕСКОГО СУЖДЕНИЯ

Культурный разрыв, связанный с перестройкой, потребовал обновления тех оснований, на которых происходит рационализация социальной действительности. Раз и навсегда сформулированные идеологические догматы больше не работали. Поэтому нужно было не просто переформатировать мышление об обществе, но найти новое основание такого мышления.

По замыслу Горбачева, основание мышления об обществе следует искать в самом обществе. Демократический процесс воспринимался им как единственный надежный способ устранения ошибок управления. В своей книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», опубликованной в 1988 году, он писал: «Ошибочные позиции, с которыми мы сталкиваемся и будем сталкиваться в ходе обновления общества, и даже прямое сопротивление мы будем преодолевать в рамках демократического процесса»⁸. Демократизация, таким образом, решала не только политическую проблему расширения общественной поддержки и преодоления сопротивления перестройке, но и эпистемологическую проблему: она была необходима для репрезентации новой модели социума.

Но если идеологическая рациональность разворачивается дедуктивно от идеальных форм к действительности, то демократическая рациональность в эпоху перестройки следовала индуктивной логике, основанной на локальных представлениях, которые в некоторых случаях интегрировались горизонтально, но не поднимались до макроуровня и не воспроизводили целостной картины.

Причины следует искать не только в ограниченности любой логической системы, но и во многовековой российской политической традиции. Государствообразующей силой в России традиционно выступала патерналистская власть, опиравшаяся исключительно на саму себя и транслировавшая легитимные идеальные представления о действительности, а вечевая традиция локальной демократии если и интегрировалась в систему государственной власти, то в разобращенном и ослабленном

8 ГОРБАЧЕВ М.С. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. М.: Политиздат, 1988. С. 71.

виде. В то время как идеологическая рационально-дедуктивная логика все более расходилась с реальной действительностью, демократическая рациональность перестройки с ее индуктивным прагматизмом фрагментировалась во множестве противоречивых локальных и групповых представлений и интересов. Выборы директоров предприятий, перетекание власти на всех уровнях от партийных структур и исполкомов к советам народных депутатов, многочисленные локальные дискуссионные площадки, поддержка этнических меньшинств и сепаратистских тенденций – все это и многое другое вело к потере целостной картины и утрате управляемости.

Когда Горбачев сделал ставку на вечевую политическую форму, которую на высшем уровне власти в тот период воплощал Съезд народных депутатов, основы государственности начали размываться, а демократизация привела к центробежности. Президентская структура власти, сформированная не всеобщими выборами, а Съездом, отстраивалась медленнее, чем разрушалась партийная вертикаль, которая, согласно территориально-производственному принципу своей организации, контролировала каждый трудовой коллектив, интегрируя первичные парторганизации в централизованную систему управления. В формирующиеся институты представительной демократии, как признавал позже Шеварднадзе, надо было встраивать «узлы» государственного механизма, но делалось это избирательно, а значительная часть депутатов «получила мандаты, минуя прямые выборы»⁹.

Сопrotивляясь косности системы, Горбачев вынужден был опираться на общественное мнение. Но это изменчивое и ненадежное основание. В изданном в 1991 году сборнике с символическим названием «Освобождение духа», посвященном перестройке сознания, Вадим Межуев вполне справедливо указывал на огромную дистанцию между связанным с частной жизнью мнением «толпы или любой стихийно возникшей группы» и сознанием, которое действительно отражает «общий ход вещей»¹⁰.

Гипотезу о связи идеологии коммунизма и ее кризиса с формированием образованного слоя выдвинул Эмманюэль Тодд, предсказавший в 1976 году распад советской системы, хотя и по другим причинам. Он полагает, что советский коммунизм стал продуктом первой стадии массовой грамотности: с преодолением доли грамотного населения в 50% в различных странах наблюдается распространение первичных идеологий, характер

ДМИТРИЙ ГОРИН

ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

9 ШЕВАРДНАДЗЕ Э.А. Указ. соч. С. 318.

10 Любомирова Н.В., Межуев В.М., Михайлов Ф.Т., Толстых В.И. *Перестройка сознания или сознательная перестройка? // Освобождение духа /* Под ред. А.А. Гусейнова, В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1991. С. 16.

которых задается особенностями страны. В англо-американском мире XVII–XVIII веков преодоление этого порога привело к утверждению либерализма, во Франции XVIII века – эгалитарного либерализма, в Германии XIX–XX веков – социал-демократии и затем нацизма, в России XX века – коммунизма. Обратный процесс рассеивания этих первичных идеологий наблюдается в различных странах в тот момент, когда доступ к высшему образованию получают 20–25% в каждом поколении. В результате возникает новое расслоение общества, а отношение к письменному тексту и идеологии становится более критичным¹¹. В США этот порог был достигнут в 1965 году, когда произошел заметный интеллектуальный спад на всех уровнях: «Прогресс образованности в итоге привел к регрессу в образовании, потому что вызвал исчезновение ценностей, благоприятствовавших получению образования»¹². Россия достигла соответствующего порога между 1985-м и 1990 годами, что дало возможность Тодду говорить как минимум о «совпадении между появлением среднего класса, получившего высшее образование, и распадом коммунизма»¹³.

Набиравшее силу массовое демократическое движение определялось сформировавшимся в СССР образованным слоем. Верхушка творческой интеллигенции как наиболее активная в тот период часть этого слоя публично поддержала перестройку на V съезде Союза кинематографистов СССР весной 1987 года. Позиция научной интеллигенции, писателей и публицистов, сочувствовавших перестройке, была заявлена в одной из самых значимых книг той эпохи – сборнике статей «Иного не дано» (1988)¹⁴. Однако близость Горбачева к хорошо знакомому ему слою столичной интеллигенции не привела к надежному союзу между ними. «При переходе от философии к практической политике возникает необходимость коррекции движения. Она диктуется жизнью и участвующими в политике. Но это нередко порождает разочарование у многих. В этих случаях интеллигенция думает, что ее отстранили или предали», – вспоминал Горбачев о «сдвиге вправо», происходившем в начале зимы 1990 года¹⁵. В свою очередь верхушка столичной интеллигенции постепенно перешла на проельцинские позиции, присоединяясь к будущему победителю.

«Слепые пятна» демократической рациональности определяются утратой целостных представлений об обществе и несформированностью нормативных точек опоры социальной

11 Тодд Э. *Поражение Запада*. Севастополь: Таврия, 2024. С. 48–49.

12 Там же. С. 233.

13 Там же. С. 49.

14 *Иного не дано* / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.

15 Горбачев М.С. *Декабрь-91. Моя позиция*. М.: Новости, 1992. С. 147.

критики, которая состоит не в утверждении вкусовых различий, а в способности увидеть за происходящими переменами связь между транслирующимся знанием и интересами различных социальных групп – прежде всего тех, которые сделались теневыми бенефициарами обмена власти на собственность. Основоположники Франкфуртской школы видели в интеллектуалах новую социальную силу, способную стать проводником критической рациональности благодаря своей автономности и способности дистанцироваться от собственных интересов. И хотя критическая рациональность в позднем СССР начинала обретать институциональные основы в науке, публицистике, искусстве, слой интеллектуалов, как позже оказалось, не обладал достаточной автономией. Это привело к последствиям, аналогичным тем, о которых пишут Люк Болтански и Эв Кьяпелло применительно к художественной критике на Западе¹⁶. Ее успешность обернулась легкостью, с которой она была использована капитализмом. В советском случае подобная легкость сопровождала сначала охлаждение отношений между Горбачевым и творческой интеллигенцией, а затем ее переход на антигорбачевские позиции, что открывало для нее возможность обменять требования автономии и свободы на покровительство новой российской власти и преференции в рыночном обществе.

ДМИТРИЙ ГОРИН
ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

ВТОРЖЕНИЕ ИРРАЦИОНАЛЬНОГО И КРИЗИС САМООПИСАНИЯ ОБЩЕСТВА

В свое время Бертран Рассел, указывая на холизм советской идеологической догматики, которая содержала ответы на любые вопросы и исключала мировоззренческие лакуны, сделал вывод, что она сближается не с наукой, а с религией, догмы которой отстоят от очевидности или даже противоречат ей¹⁷. Возможно, поэтому освобождение от коммунистической идеологии вело массовое сознание не к «расколдовыванию мира» и мышлению, основанному на опыте и аргументации, а к новому «заколдовыванию мира», вновь становившегося непрозрачным.

Перестроечный феномен медиапроизводства чуда, апофеозом которого стали теле- и радиозфиры Анатолия Кашпировского и Аллана Чумака, а в публичной политике – резкий рост интереса к популистским лидерам, от Бориса Ельцина до Владимира Жириновского, сочетался с институционализацией и нормализацией разного рода паранаучного и псевдонаучного

16 Болтански Л., Кьяпелло Э. *Новый дух капитализма*. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 554–556.

17 РАССЕЛ Б. *Практика и теория большевизма*. М.: Наука, 1991. С. 65.

знания, квазирелигиозных мистических представлений, шарлатанства, конспирологии. Ментальный кризис проявился не только в распаде идеологической рациональности и поисках новых, альтернативных ей, оснований мышления об обществе, но и в явных прорывах иррационального. Своего рода диагноз иррационализации мышления позднесоветского человека пытались поставить авторы изданного в 1990 году сборника «Заблуждающийся разум»¹⁸. Это был значимый поворот, поскольку в советском обществе вопросы иррационального вытеснялись из сферы научного дискурса и публичного обсуждения.

Между тем попытка обосновать перестройку с позиций научной рациональности после XXVII съезда КПСС привела к заметному росту внимания к общественным наукам – прежде всего к истории и социологии. В июне 1988 года Политбюро принимает постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». В нем говорится о недопустимом отставании изучения общественного мнения и о неотработанности механизмов «учета и использования общественного мнения в процессе подготовки и принятия управленческих решений»¹⁹.

Однако, несмотря на публичную активность научного сообщества и участие его представителей в деятельности органов власти и управления, возможности научной рационализации перестройки имели свои границы. С одной стороны, в условиях активизации политического процесса сфера управления продолжала оставаться реактивной, а научная аргументация не всегда была решающей в публичной политике и принятии решений. С другой стороны, массовое сознание столкнулось с утратой «единственно верной» картины мира и конкуренцией различных дискурсов, среди которых научный дискурс не всегда занимал ведущее положение. О распространении «абстрактных метафизических представлений», которые «не выдерживают соприкосновения с действительностью», говорилось, например, в записке «О результатах проверки работы Академии общественных наук при ЦК КПСС», рассмотренной секретариатом ЦК 7 марта 1989 года²⁰. Наконец, распад идеологизированных представлений о советской истории под влиянием потока публикаций о «белых пятнах» и «темных страницах» прошлого привел к фрагментарности интерпретаций

18 *Заблуждающийся разум. Многообразие вненаучного знания* / Под ред. И.Т. КАСАВИНА. М.: Политиздат, 1990.

19 *О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества. Постановление Политбюро ЦК КПСС. 7 июня 1988 г.* // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 15.

20 *О результатах проверки работы Академии общественных наук при ЦК КПСС. Постановление Секретариата ЦК КПСС. 7 марта 1989 г.* // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 10–14.

истории и даже к временной отмене выпускных экзаменов по этой дисциплине в советских школах. Рекордные тиражи газет и журналов свидетельствовали о резком росте общественного интереса к перестроечной публицистике, ранее запрещенным текстам, дискуссиям между «западниками» и «почвенниками», сенсационным разоблачениям и альтернативным представлениям, в том числе иррациональным.

ДМИТРИЙ ГОРИН
ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Освобождение от коммунистической идеологии вело массовое сознание не к «расколдовыванию мира» и мышлению, основанному на опыте и аргументации, а к новому «заколдовыванию мира», вновь становившегося непрозрачным.

Критика идеологической рациональности велась со стороны не только приверженцев модернизации, но и традиционалистски ориентированных слоев. Одним из примеров служит тенденция, восходящая к деревенской прозе, набравшей популярность на протяжении последних десятилетий существования СССР. В более широком понимании она продолжала реализовывать себя в неоязычестве и прочих традиционалистских квазирелигиозных ориентациях. Советская цензура достаточно лояльно относилась к «почвеннической» альтернативе коммунистическому интернационализму, что способствовало утверждению в позднесоветском и постсоветском обществе той версии патриотизма, которая связана с домодерным пониманием культуры.

Была ли связь между завершением эпохи «реального социализма» и всплеском интереса к иррациональному, к многообразным агентам рынка альтернативного знания и иррациональных услуг случайной или исторически обусловленной? Этот вопрос остается дискуссионным²¹. Но кризис рациональности проекта модерности наблюдался не только в его коммунистическом варианте. В США и странах Западной Европы в последние десятилетия XX века также фиксировался рост интереса к иррациональным моделям объяснения действительности. В некоторой степени это можно объяснить характерной для высокой модерности попыткой рационализации растущих рисков, компенсацией распада прогрессистского мышления, характерного для стадияльно более ранних состояний современных обществ, разочарованием в достижениях науки, которые все чаще воспринимались в логике апокалипсиса, а не спасения.

21 Романов П., Ярская-Смирнова Е. *Социальное как иррациональное? (Диагнозы 1990 года)* // Новое литературное обозрение. 2007. № 1(83). С. 205–226.

Постмодернистская философия с характерной для нее установкой на шизоанализ актуального общества и его деконструкцию охватила умы западных интеллектуалов в 1970–1980-е. Автор идеи деконструкции Жак Деррида в своем московском интервью в феврале 1990 года говорил, что перестройка, по его мнению, и есть деконструкция: «Деконструкция делает свое дело, хотите вы того или нет; она на полном ходу: то, что происходит сейчас в Советском Союзе, есть своего рода деконструкция»²². В том же интервью он обратил внимание на то, что деконструкция есть не просто разоблачение гетерогенного множества противоречий – она «совершается главным образом не на уровне логики»²³ и требует «деконструкции логоцентризма, потому что все и вся в этой общей архитектуре зависит от логоцентризма»²⁴.

Перестройка в этом смысле была ответом не только на кризис коммунистической версии модерности, но и на более универсальные вызовы, связанные с переходом к высокой модерности с характерной для нее глобализацией, переориентацией с производства на потребление, «текучестью» институтов и утратой предсказуемости общественного развития. Однако советский вариант этого перехода оказался менее подготовленным и более драматичным. Юрий Лотман, получивший в годы перестройки возможность донести свои идеи до массового зрителя в цикле популярных телепередач, писал в книге «Культура и взрыв»²⁵, что русская культура по причине слабости срединных ориентаций и тяготения к крайним полюсам в условиях взрывного развития утрачивает способность к воспроизводству целостного самоописания.

Позиция политического централизма, которая более или менее последовательно проводилась Горбачевым, быстро утратила свое влияние, уступив более простым популистским представлениям. Демократизация и гласность активизировали общественное мнение и массовый интерес к политике, но не сделали процесс социальных преобразований прозрачным для рациональной рефлексии. А нарастающий кризис, как это часто бывает, провоцировал иррационализацию общественных настроений. Если воспользоваться метафорой Василия Ключевского о том, что российская история похожа на театральное действие, периодически прерывающееся антрактами, то можно сказать, что свет на исторической сцене в очередной раз погас, а когда спустя непродолжительное время после завершения гор-

22 Рыклин М. *Деконструкция и деструкция. Беседа с Жаком Деррида // Он же. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами.* М.: Логос, 2002. С. 27.

23 Там же. С. 26.

24 Там же. С. 30.

25 См.: Лотман Ю.М. *Культура и взрыв.* М.: Гнозис, 1992.

бачевской перестройки занавес вновь поднялся, общество неожиданно для себя увидело совсем другие декорации. «Слепым пятном» оказался сам процесс транзита, включая теневое перераспределение власти и собственности.

ДМИТРИЙ ГОРИН
ПЕРЕСТРОЙКА И «СЛЕПЫЕ
ПЯТНА» ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ
РАЦИОНАЛЬНОСТИ

* * *

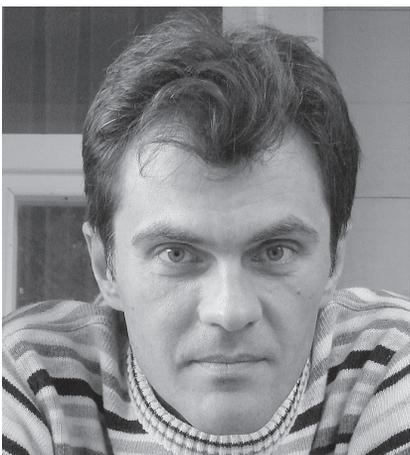
Разумеется, в политике перестройки можно увидеть стечение случайных факторов или политических просчетов, которых, казалось бы, можно было избежать. Но «слепые пятна» позднесоветской рациональности задавались более длительными фундаментальными процессами, в которых сужение восприятия предопределялось характером и динамикой советской модернизации.

По мере распада коммунистического идеологического проекта характерная для советского типа модернизации рациональность оказалась под влиянием двух тенденций. Во-первых, демократической рациональности – как особого феномена перестройки, запустившего общественную активность в артикуляции низовых интересов. И, во-вторых, иррационального медиапроизводства чуда, включая политический популизм. Первая тенденция способствовала ослаблению легитимности власти союзного центра, которая и выступила инициатором перестройки, а вторая, в условиях дезориентации, вызванной распадом идеологической картины мира, поддерживала иллюзию возможности почти моментальных изменений и быстрого избавления от существующих пороков. Обе тенденции, в конечном счете, не позволили обществу обрести политическую субъектность в постперестроечных преобразованиях.

СЕРГЕЙ
ГОГИН

Их революция. О публицистике и публицистах времен гласности и перестройки

Сергей Гогин (р. 1964) –
независимый журналист
(Ульяновск).

Горбачевская перестройка открыла для публики плеяду блестящих публицистов. Это особая генерация людей, откликнувшихся на зов времени, интеллектуалы-гуманитарии, «мобилизованные и призванные» перестройкой. Они были родом из СССР, многие состояли в КПСС, но их публицистическая страстность указывала на призывание к перу, тоску по свободному слову, внутреннюю честность. Поддерживая идеалы перестройки, они болели за нее душой, огорчались и негодовали, когда обозначились признаки ее торможения. Юрий Карякин писал в 1987 году:

«Это действительно революция. И это – *моя революция*. Стало быть, и от меня зависит. Стало быть, от меня и зависит. Не только и не столько надо ждать помощи от нее, сколько – самому помогать ей. Не просить о ее приходе, а идти ей навстречу. Мы дождались ее начала – значит, ее и надо делать самому, на своем месте, в своем деле»¹.

Публицисты стали «прорабами перестройки» наряду с ее инициаторами во власти и видными сторонниками из числа общественных деятелей.

Энтузиазм публицистов сочетался с искренними заблуждениями, которые объяснялись необходимостью поменять мировоззрение, по выражению Александра Герцена, «переменить кровь в жилах». Ведь экономика, которую в свое время изучали эти люди, была политекономией социализма, журналистика – функционированием партийной печати, институтская философия – критикой философов-идеалистов и «буржуазных фальсификаторов», а отечественная история сводилась к истории КПСС. После окончания хрущевской «оттепели» эти люди годами сидели в интеллектуальной засаде и с облегчением воспользовались возможностью выйти на свет. В их статьях звучала надежда на радикальные перемены, стремление распутать (а не разрубить) узел накопившихся проблем, а также

1 КАРЯКИН Ю.Ф. *Стоит ли наступать на грабли? (Открытое письмо одному Инкогнито)* // Знамя. 1987. № 9. С. 200–224 (www.karyakinury.com/ru/articles/1987/1987grabli.html).

неизменное желание русских интеллигентов послужить своей стране и народу. Карякин считал, что решающим вкладом журналистов в перестройку была не только их ответственность и смелость, но и «кликбез», который они проводили для публики и для самих себя – «и в социализме, и в демократии, и в истории, и в политике, а особенно – в экономике и праве»².

СЕРГЕЙ ГОГИН
ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

Журналистика особого рода

Публицистика как жанр не просто актуальная журналистика, которая занимается общественно-политическими темами. Это журналистика мнения, причем мнения развернутого и аргументированного, фиксация обретенного знания для современников и для истории. Это «элитарная» журналистика, право на которую надо было заслужить. Жанр предполагает артикуляцию авторской позиции, анализ и интерпретацию фактов, полемический эмоциональный стиль, что делает публицистику переходным звеном между журналистикой и литературой.

Все это отвечало духу перестройки. Многие писатели в ту пору, отложив в сторону романы и повести, занялись публицистикой. В «самой читающей» и литературоцентричной стране местом ее естественного обитания в перестроечные годы оставалась печатная периодика, но и на телевидении привычных дикторов в годы перестройки сменяли ведущие и комментаторы; телевизионная публицистика нашла себе место в общественно-политических программах, таких как «Взгляд», «12 этаж», «Пятое колесо». В более широком смысле публицистическими высказываниями времен перестройки можно признать и антисталинский фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» (снят в 1984-м, запрещен к показу, вышел на экраны в 1986-м), и документальный фильм Юриса Подниекса «Легко ли быть молодым?» (1986), и театральные постановки поздней ленинаны драматурга Михаила Шатрова, и стихотворный сборник «Новая волна»³.

«Словарь литературных терминов» утверждает, что цель публицистики – «проводить определенные взгляды в широких кругах читателей, создавать, формировать общественное мнение»⁴. В отличие от пропаганды, публицистика перестройки не манипулировала аудиторией, но стремилась активизировать общественную рефлексию. Она помогала осмыслить вновь открывающиеся факты истории и актуальные процессы, запущен-

2 Там же.

3 *Новая волна. Сборник.* М.: Советский писатель, 1991.

4 *Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов: В 2 т. // Под ред. Н. Бродского и др.* М.; Л.: Издательство Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. С. 680–688.

ные перестройкой, строила прогнозы. По словам Александра Мельмана из «Московского комсомольца», «перестройка была пиком в работе СМИ; тогда верили каждому слову журналистов и журналисты были реальными деятелями этой жизни»⁵.

Возможно, аудитория живо реагировала не только на правду «обнаженного факта», но и на стиль подачи, на авторский пафос. Например, статья Юрия Карякина «Стоит ли наступать на грабли? (Открытое письмо одному Инкогнито)» насквозь полемична и чуть ли не наполовину состоит из риторических вопросов. Они адресованы убежденным ретроградом-сталинистам, которые в первые перестроечные годы с помощью клеветнических писем в редакции организованно травили писателей Бориса Можаева, Владимира Дудинцева, Анатолия Рыбакова и других, обвиняя их в «огульном охаивании советской действительности».

Цитируя эти письма-доносы, но не раскрывая имен их авторов, Карякин обращается к коллективному образу доносчика, который видит в гласности вражескую диверсию против социализма. Пригвождая этих «инкогнито» к позорному столбу, Карякин, по его признанию, хотел заставить их отозвать свои клеюзы из редакций и не писать новых. Риторический стиль Карякина контрастирует с назидательным стилем советских изданий: автор словно выпаливает свои вопросы, приглашая читателей к контакту и диалогу. И тематика, и стиль таких публикаций обеспечивали «разгерметизацию» не только отечественной журналистики, но и редакций: недаром такие статьи вызывали море читательских откликов. Количество писем, которые приходили, к примеру, в журнал «Огонек», с 1986-го по 1990-й выросло более, чем в десять раз: с 15,3 тысяч до 154 тысяч в год⁶.

Екатерина Есикова выделяет некоторые особенности перестроечного публицистического стиля на примере еженедельника «Огонек»⁷:

1) Активное использование и даже акцентирование авторского «я» в статьях. Например, привычное коллективистское «в нашей стране» превращается в авторское «в моей стране».

2) Индивидуальность стиля как следствие легализации авторского «я». Редакторы стараются сохранить особенности стиля автора или респондента интервью. Вопросы в интервью могут быть сопоставимы по объему с ответами героя.

5 Кочнев С. «Объективность в популярной прессе практически никого в то время не волновала». Александр Мельман о том, куда ушла журналистика периода перестройки // Реальное время. 2020. 27 июня (realnoevremya.ru/articles/178928-aleksandr-melman-o-zhurnalistike-perioda-perestroyki).

6 Маслова К.О. Журнал «Огонек» периода перестройки: типологические признаки // Форум молодых ученых. 2020. № 1(41). С. 423.

7 Есикова Е.М. Стиль публикаций журнала «Огонек» в эпоху перестройки: между советским и демократическим дискурсами // Вестник РУДН. Серия «Литературоведение, журналистика». 2011. № 2. С. 84–89.

3) Экспрессия – вплоть до избыточной. Она была оправдана тем, что «многое надо было рассказать читателям, долгие годы пребывавшим в информационной изоляции; она являлась стилевым признаком публицистического дискурса и печати *революции*»⁸.

4) Диалогичность. Вновь обретенная субъектность автора потребовала другого субъекта напротив – адекватного *vis-à-vis*, партнера по диалогу, – отсюда взлет жанра развернутого интервью. На телевидении образцом такого интервьюера – вдумчивого, интеллигентного, с прекрасной речью и эмпатичной интонацией – стал Владимир Молчанов, который вел программу «До и после полуночи» (1987–1991). «Вместо официального, застегнутого на все пуговицы журналиста, говорящего от имени партии, явился автор, говорящий от своего имени, частный человек, автор-собеседник»⁹.

5) Рост количества используемых специальных терминов. Это был вынужденный ликбез: переход от плановой экономики к рыночной, от административно-командной системы к демократизации власти требовал ревизии экономического и юридического словаря. Новые понятия отвечали новым реалиям.

СЕРГЕЙ ГОГИН
ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

«ОГОНЕК» И «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

Популярность перестроечного «Огонька» была феноменальной. Тираж журнала за годы перестройки, когда его редактором был Виталий Коротич, вырос в три раза – с 1,5 миллионов до 4,5 миллиона экземпляров. Ульяновский филолог Александр Рассадин вспоминает:

«Помню, как в Ленинграде, где я тогда жил, сложно было купить “Огонек”. Очереди в киоски на Невском. Разбирали за полчаса. Надо было попасть в первую двадцатку в очереди, тогда уж наверняка. Я подписывался на многие толстые журналы. Причем все “толстяки” шли на мой абонентский ящик в Ульяновске, где их бережно складировала жена. Вернувшись домой, я потом их разбирал и переплетал в отдельные книги»¹⁰.

По замечанию Виктора Лошака, который возглавлял «Огонек» с 2003-го по 2012-й, в период гласности журнал снимал слои вранья, которые сам же и нагромоздил в предыдущие годы:

«[При Коротиче] “Огонек” был знаменит тем, что в нем было очень много материалов по истории, он заново строил для советского

8 Там же. С. 87.

9 Солганик Г. Я. *Язык современных СМИ* // Журналистика и культура русской речи. 2004. № 1. С. 4.

10 Из личной переписки с автором, март–апрель 2025 года.

человека историю страны – Сталин, коллективизация, война, – читатель все узнавал с совершенно другой стороны, по-новому»¹¹.

Виталий Коротич до перестройки был вполне лояльным партийным журналистом-пропагандистом, автором антиамериканской книги «Лицо ненависти», так что эволюция его личных взглядов выглядела радикальной. Превращение «Огонька» из типично советского, витринного издания в рупор перестройки произошло не сразу¹². Коротич возглавил журнал в мае 1986 года по предложению Александра Яковлева – ближайшего соратника Михаила Горбачева, – сменив на этом посту сталиниста и антисемита Анатолия Софронова. Первым признаком перемен в журнале стали смелые по тем временам публикации о молодежи и трудных подростках, а также появление в апрельском номере (уже без Софронова) стихотворной подборки Николая Гумилева, расстрелянного в 1921 году за участие в антисоветском заговоре. Поворотом журнала к гласности можно считать статью писателя-фронтовика Владимира Карпова о жизни и творчестве Гумилева (1986. № 36). Карпов предложил реабилитировать поэта, а сама статья фактически сняла запрет на его упоминание. С 1987-го «Огонек» стал полноправным лидером новой гласности, каким и запомнился.

Подписка на журнал в 1990 году стоила чуть больше двадцати рублей, что составляло около десятой части среднемесячной зарплаты в стране, и все-таки 4,5 миллиона семей предпочли отдавать «Огоньку» эти деньги. Популярность журналу принесли актуальные темы и рубрики, документальная фотография, публикация документов и в первую очередь – авторский коллектив, почти на две трети состоявший из публицистов разных направлений и литераторов. Среди них были Андрей Нуйкин, Никита Хрущев, Милован Джилас, Гавриил Попов, Георгий Жуков, Дмитрий Лихачев, Бенедикт Сарнов, Евгений Евтушенко и многие другие¹³.

Наряду с «Огоньком» флагманом перестроечной журналистики стал еженедельник «Московские новости» – с тех пор, как по предложению советника Горбачева Валентина Фалина газету в 1986 году возглавил «известинец» Егор Яковлев. Виктор Лошак вспоминает, что обнародование любого острого материала тогда требовало драматической борьбы: редакции «МН» приходилось отвоевывать «от номера к номеру, от недели к неделе, буквально по сантиметру пространство сво-

11 Лошак В. «Огонек» сильнее журналистов и тиранов // РИА «Новости». 2009. 21 декабря (www.rian.ru/interview/20091221/200485426.html).

12 КАРАТАЕВ Д.С. «Огоньковская» легенда: к истории публицистики первых лет «Перестройки» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2015. № 4. С. 58–63.

13 Маслова К.О. Указ. соч. С. 424.

боды»¹⁴. В отдельных случаях Яковлеву, как и Коротичу, приходилось пользоваться своей номенклатурной привилегией и искать поддержки в секретариате ЦК. До фактической отмены цензуры было не так далеко: глушение западных радиоголосов закончилось в конце 1988-го, хотя закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» был принят только в июне 1990 года. Но Яковлев с самого начала установил, что в «Московских новостях» не должно быть закрытых тем, за это ему постоянно доставалось: Егор Лигачев и другие консерваторы из Политбюро неоднократно требовали снятия его с должности и исключения из партии.

СЕРГЕЙ ГОГИН
ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

Подписка на журнал в 1990 году стоила чуть больше двадцати рублей, что составляло около десятой части среднемесячной зарплаты в стране, и все-таки 4,5 миллиона семей предпочли отдавать «Огоньку» эти деньги.

«Парадоксально, что мы боролись с тем, кто нас и содержал – государством во главе с ЦК КПСС», – замечает Виктор Лошак¹⁵. В такой же противоречивой ситуации находились в годы перестройки все издания, потому что они принадлежали государству – других тогда не было: децентрализация издательского дела с образованием новых издательств и частных изданий началась только в 1990-е в связи с принятием новых экономических законов и нового законодательства о СМИ, а также распадом СССР. Но импульс гласности оказался так силен, что идеологические сдвиги происходили даже в таких, казалось бы, официозных изданиях, как «Коммунист» и «Молодой коммунист»: там стали появляться актуальные, написанные «человеческим» языком материалы, которые было интересно читать.

И здесь свою роль сыграл человеческий фактор. В частности, в феврале 1986-го журнал «Коммунист» с подачи Горбачева возглавил советский философ, академик Иван Фролов, известный своей критикой лысенковщины. С его приходом в журнале появился раздел «Дискуссии». Политическим обозревателем, а затем и заместителем главного редактора в 1987–1991 годах здесь работал либеральный экономический журналист Отто Лацис, а в 1987–1990-м редактором и заведующим отделом экономической политики «Коммуниста» был Егор Гайдар. Журнал печатал статьи экономистов Татьяны Заславской, Льва Абалки-

¹⁴ Лошак В. *Освободитель слова* // Огонек. 2020. 23 марта (цит. по: www.kommersant.ru/doc/4291759).

¹⁵ Там же.

на, Павла Бунича, Николая Петракова, Гавриила Попова; экспертов-международников Георгия Арбатова, Александра Бовина, Евгения Примакова, а также многих известных деятелей культуры. В итоге тираж еще недавно официозного издания превысил 1,1 миллиона экземпляров¹⁶.

Горбачев мечтал о социализме с человеческим лицом. Такой социализм предполагал переход к непосредственному диалогу с людьми. «Человеческое лицо» прессы, говорящее с читателями, должно было иметь «необщее выражение». Фокус внимания, таким образом, смещался на личность. Поэтому так важны были личности главных редакторов и ведущих публицистов. По воспоминаниям Лошака, через кабинет главного редактора «Московских новостей» проходили самые известные участники общественно-политической жизни того времени: постоянными авторами здесь были Александр Гельман, Тимур Гайдар, Лен Карпинский, Юрий Афанасьев, Алексей Аджубей, Отто Лацис, Натан Эйдельман, Владимир Лакшин, Михаил Шатров, Юрий Левада, Гавриил Попов. Эти люди сотрудничали с газетой, потому что Егор Яковлев, по словам драматурга Александра Гельмана, обладал неукротимой настойчивостью:

«Он мог приехать к тебе домой и не уходить, пока не добьется твоего согласия написать для “МН”. При этом он был готов приносить тебе сигареты, сходить в магазин за продуктами, заваривать чай... Это проявлялось далеко не только по отношению ко мне»¹⁷.

ТОЛСТЫЕ ЖУРНАЛЫ

Благоприятной средой обитания перестроечной публицистики стали толстые литературные журналы, главным делом которых в конце 1980-х было возвращение читателю литературы, не публиковавшейся ранее из-за советской цензуры. Впервые печатались «задержанные» рукописи современников, произведения эмигрантов первой волны, поэтов и философов Серебряного века, «непубликуемая» западная проза, романы тогдашних писателей-эмигрантов. Но уже с первых лет перестройки толстые журналы отдавали свои страницы публицистике – большим, обстоятельным текстам на темы истории, экономики, философии, культуры, образования и воспитания. Массив возвращенной литературы был велик, но не бесконечен, а писатели-современники по разным причинам не создали произведений, сопоставимых с нею по глубине и

16 Фролов И.Т. *Загадка жизни и тайна человека: поиски и заблуждения // Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки. Воспоминания. Избранные статьи.* М.: Наука, 2001. С. 81.

17 Лошак В. *Освободитель слова.*

влиянию – еще и поэтому большие публицистические статьи обрели в литературных «толстяках» свое законное место.

Литература и публицистика сосуществовали и поддерживали интерес друг к другу. Читатели воспринимали толстый журнал как оперативную и качественную экспертизу. «Толстый журнал превращал поле литературы в часть поля публичного ответственного суждения»¹⁸. Значительный – десятки страниц – объем публицистических материалов позволял их авторам в подробностях развивать это суждение и углублять экспертизу. Александр Марков рассматривает аномально большие тиражи перестроечных изданий как «завышение ожиданий, превращающее всех читателей как бы в спортивных болельщиков, соперничающих новым победам, скажем, возвращению произведений, но и требующих, в конце концов, новых медийных стратегий подлинности»¹⁹. Марков считает, что люди имели потребность в сохранении единства советской многонациональной культуры и возлагали на журналы связанные с этим социальные ожидания, достигшие своего максимума в период перестройки.

До перестройки поддержание интеллектуальной и культурной общности требовало знания «техники намеков», умения читать между строк. Перестройка отменила нужду во владении этой техникой: теперь можно было писать открытым текстом. Вот неполный список публицистов, которые печатались в 1985–1991 годах в «Новом мире», некоторые – не по одному разу: Геннадий Лисичкин, Василий Селюнин, Симон Соловейчик, Юрий Черниченко, Натан Эйдельман, Игорь Клямкин, Анатолий Стреляный, Николай Шмелев, Дмитрий Лихачев, Андрей Нуйкин, Игорь Шафаревич, Александр Ципко. В 1990-м тираж «Нового мира» достиг 2,7 миллиона экземпляров, журнал «Знамя» в том же году показал рекордный миллион экземпляров, журнал «Дружба народов» в 1989-м перевалил за 1,135 миллиона экземпляров, тираж журнала «Октябрь» в том же году поднимался до максимальных 380 тысяч²⁰. (Впрочем, любому из них было далеко до перестроечного еженедельника «Аргументы и факты», чей тираж в 1990-м достиг 33,4 миллиона и удостоился упоминания в «Книге рекордов Гиннеса».)

Примером того, что общественная дискуссия способна воздействовать на власть, является отмена решения о переброске части стока северных и сибирских рек в южные районы страны: 16 августа 1986 года Политбюро ЦК КПСС постановило прекратить связанные с этим проектные работы. Решение было обо-

СЕРГЕЙ ГОГИН

ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

18 Марков А. Преодоление жанровой системы «толстого журнала» как социально-политическое конструирование: об одной публикации С.С. Аверинцева // Социологическое обозрение. 2020. № 3. С. 323.

19 Там же. С. 325–326.

20 См. статьи «Википедии» «Новый мир», «Знамя (журнал)», «Дружба народов (журнал)», «Октябрь (журнал)».

сновано не только необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических последствий «поворота рек», но и выступлением широких кругов общественности.

В статье «Поворот. Уроки одной дискуссии» редактор «Нового мира» Сергей Залыгин, подводя итоги общественных дебатов о повороте рек, пишет, что победа над узковедомственными, надуманными проектами Министерства водного хозяйства стала одним из «важных и убедительных фактов общего процесса перестройки, которым живет нынче страна»:

«Специалисты-перебросчики выражали недоумение: с каких это пор технические проекты обсуждаются общественностью? Но в Политическом докладе съезду [XXVII съезд КПСС, проходил с 25 февраля по 6 марта 1986 года. – С. Г.] ответ содержался ясный – с наших дней! Начиная с наших дней вот так и будет – общественное мнение отныне приобретает права гражданства!»²¹

До перестройки поддержание интеллектуальной и культурной общности требовало знания «техники намеков», умения читать между строк. Перестройка отменила нужду во владении этой техникой: теперь можно было писать открытым текстом.

Эволюция гласности и XIX ПАРТКОНФЕРЕНЦИЯ

Яркая перестроечная публицистика, обходившаяся без эзопова языка, стала следствием и воплощением политики гласности. «В нашей публицистике, художественных и научных изданиях идет небывалый по масштабу, откровенности, интеллектуальной насыщенности разговор о путях обновления социализма, об истории и современности», – говорил Михаил Горбачев 28 июня 1988 года в докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС²². Этот интеллектуальный разговор стал итогом быстрой эволюции самой гласности, прошедшей несколько этапов. В начале перестройки гласность рассматривалась партийными и советскими функционерами на местах как спущенное сверху задание по выявлению недостатков, как формальное разрешение на критику и поощрение самокритики внутри партийно-хозяйственных органов. В глубинке понимание гласности редуцировали до информирования о деятельности местных партийных комитетов. После январского Пленума ЦК 1987 года

²¹ Залыгин С. *Поворот. Уроки одной дискуссии* // Новый мир. 1987. № 1. С. 3, 4.

²² XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г. *Стенографический отчет: В 2 т.* М.: Политиздат, 1988. Т. 1. С. 39.

гласность превратилась в инструмент формирования общественного сознания, в способ мобилизации сторонников перестройки – и в партийном аппарате, и в обществе в целом. Для СМИ она означала «достоверность материалов, критическое осмысление действительности, активную позицию в перестройке, плюрализм мнений, больше писем читателей»²³.

В резолюции «О гласности» XIX Всесоюзной конференции КПСС подробно говорилось, что такое гласность и для чего она нужна. За три года перестройки гласность, как сказано в документе, помогла партии и народу понять свое прошлое и настоящее, она гарантия против деформаций социализма, ее цель – консолидация общества вокруг идей и принципов перестройки. Вместе с тем гласность, «будучи острым оружием перестройки, сама нуждается в углублении и поддержке»²⁴. При этом она должна служить «возвышению личности и ограждению ее достоинства», а не унижению путем наветов и оскорблений. Конференция признала, что у каждого гражданина есть неотъемлемое право получать любую информацию, не являющуюся государственной тайной, что нельзя накладывать ограничения на общественно-значимую статистику, включая данные об экологической обстановке. Резолюция конференции, таким образом, предвосхитила правовые гарантии гласности, которые были впоследствии закреплены в Конституции Российской Федерации 1993 года: запрет цензуры, право на доступ к информации, право на выражение мнения.

Сама XIX конференция КПСС дала образцы «публицистики с трибуны». Заметным в этом смысле было выступление актера Михаила Ульянова, в то время руководившего Союзом театральных деятелей РСФСР²⁵. Он говорил о перестройке как об историческом шансе для страны, который нельзя упустить, о засилье бюрократов, которые повисли на честных тружениках и руководителях, «как свора на медведе, и рвут их своими инструкциями». Он призвал выработать конституционные гарантии против любого, кто вновь захочет «попугать народ, пустить кровь». Ульянов резко высказался против попыток заткнуть рот газетам, критикующим ответственных работников. Его выступление содержало полемический пафос, риторические фигуры, образность, факты и их обобщение – все то, что отличает авторский публицистический стиль.

Примером устной консервативной публицистики стало выступление на той же конференции секретаря Союза писателей СССР Юрия Бондарева. Он обрушился на печать, которая,

23 Соколова Т.Л. Понятия «Перестройка», «Демократизация», «Гласность» в материалах региональной печати 1985–1991 годов // Вопросы территориального развития. 2015. № 5(25). С. 10.

24 XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза... Т. 2. С. 166–170.

25 Там же. Т. 1. С. 190–199.

по его словам, использовала перестройку для дестабилизации всего существующего, для «ревизии веры и нравственности». Он утверждал, что перестроечная пресса «разрушает, унижает, сваливает в отхожие ямы прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народов в Отечественную войну, традиции культуры, то есть стирает из сознания людей память, веру и надежду»²⁶. В полемику с Бондаревым вступил главный редактор «Знамени» Григорий Бакланов:

«Тот, кто сегодня борется против гласности, – борется за свое порабощение. [...] И что же, товарищи, неужели мы только вдохнули глоток свободы и все уже поперхнулись? Уже закашлялись?.. (Шум в зале)»²⁷.

Эта полемика стала отражением так называемых «журнальных войн» между литературными журналами условно либерального и охранительно-почвеннического направлений, которая продолжилась и после перестройки. Стороны расходились в оценке советской истории, экономических реформ и перспектив перестройки, в вопросах культуры и литературы, по национальному вопросу. Журналы «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Звезда» расположились вдоль либерального спектра; «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» держались национал-патриотической, консервативной ориентации. Например, в 1988 году «Наш современник», ведя арьергардные бои против перестройки, обрушился в уже тогда выглядевшим архаичным стиле советской пропаганды на рок-музыку, которая понемногу получала легальный статус в теле- и радиоэфире:

«Цель рок-культуры – девальвация общечеловеческих ценностей, приспособление их к низменному уровню потребительского существования. Цель рок-музыки – разрушение эстетического вкуса, деградация духовной сущности человека, его личностного начала»²⁸.

Через три с половиной десятка лет после начала перестройки Горбачев в статье «Понять перестройку, отстоять новое мышление» написал, что видел в гласности своего главного помощника²⁹. Для него это означало говорить народу правду о состоянии страны, об окружающем мире, получать обратную связь, свести к разумному минимуму закрытую информацию и гостайну, обсуждать любые темы. Он понимал, что у гласности есть оборотная сторона, что свобода, включая свободу слова, несет с собой риск, поэтому она неотделима от ответственности.

26 Там же. Т. 1. С. 225.

27 Там же. Т. 2. С. 20.

28 Дунаев М. *Роковая музыка* // Наш современник. 1988. № 2. С. 153–172.

29 Горбачев М.С. *Понять перестройку, отстоять новое мышление* // Россия в глобальной политике. 2021. 2 августа (globalaffairs.ru/articles/ponyat-perestrojku/).

КАЗУС НИНЫ АНДРЕЕВОЙ

СЕРГЕЙ ГОГИН

ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

Критики гласности и перестройки увидели в них попытку разрушить «идеалы социализма», подорвать его идейные и политические основы. Пережив шок начала перестройки и собравшись с мыслями, консерваторы пошли в контрнаступление. Возглавила этот поход (возможно, неожиданно для себя самой) преподаватель химии Ленинградского технологического института Нина Андреева: 13 марта 1988 года газета «Советская Россия» опубликовала ее статью «Не могу поступаться принципами», которую впоследствии назвали манифестом антиперестроечных сил. Статью можно признать образцом консервативной публицистики хотя бы из-за широкого резонанса, который она вызвала. В ней Андреева называет обнародованные данные о сталинских репрессиях дезориентацией молодежи и обрушивается на драматурга Михаила Шатрова за то, что тот якобы отходит от канонов соцреализма и искажает историю социализма. Она призывает отстоять честь и достоинство Сталина и других «первопроходцев социализма», чью роль предлагает рассматривать с «партийно-классовых позиций». Отъезд из страны «воинствующих космополитов», еще недавно бывших на положении отказников, она рассматривает как «классовую и национальную измену». Не будет натяжкой назвать эту статью необольшевистской и реабилитирующей сталинизм.

В течение трех недель руководство страны не реагировало на публикацию, из чего многие заключили, что перестройка закончилась, а позиция Андреевой отражает новую политику ЦК – ведь «Советская Россия» была органом ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР. «Эта статья застала нас врасплох, – сказал позднее Михаил Ульянов с трибуны XIX конференции КПСС. – Многие, не все, но многие уже вытянули руки по швам и ждали следующих приказаний». И только 5 апреля 1988 года в «Правде» появилась редакционная статья «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», несомненно публицистический текст, автором которого был член ЦК КПСС, один из идеологов перестройки Александр Яковлев. Отвечая Андреевой, он писал, что цель перестройки не демонтаж социализма, а возрождение его «ленинской сущности»; что позиция Андреевой несовместима с перестройкой и отличается «фаталистическим пониманием истории»; что Сталин не просто знал об актах беззакония, но лично организовывал их, поэтому защита Сталина – это защита права на произвол.

Под одной обложкой

В 1990 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник под названием «Перестройка»³⁰. Он задумывался как ежегодное собрание наиболее заметной публицистики, уже опубликованной в журналах. Первый выпуск оказался и последним, однако он дает представление о публицистике либерального, реформаторского спектра – о ее темах, позиции и мечтаниях авторов, их заблуждениях, видных уже из наших дней, стиле и пафосе этих текстов. Геннадий Лисичкин разоблачает мифы социализма и описывает реальное состояние СССР, его политики и экономики. Сергей Андреев пишет, что советский управленческий аппарат подпадает под определение класса и обладает классовыми интересами, что он способен существовать лишь в экстенсивной экономике и поэтому является главной опасностью для перестройки. Игорь Клямкин рассуждает о политической лжи, аппаратной монополии на информацию и подавлении меньшинства как пути к тирании. Николай Шмелев раскрывает причины неэффективности плановой экономики и описывает параметры хозрасчетного, «рыночного социализма», предлагает устранить диспаритет цен, провести ценовую реформу, но при этом не начинать с отпуска розничных цен. Василий Селюнин с болью рассказывает о гибели Аральского бассейна из-за бездумного освоения засушливых земель в советских республиках Средней Азии. Юрий Черниченко пишет о том, как и почему СССР превратился в страну, импортирующую зерно и продовольствие. Алексей Черниченко объясняет, как при НЭПе возродились финансы, торговля и кредит и как, уничтожив НЭП и свободное обращение рубля, Сталин уничтожил демократию и «отменил» законы экономики. Леонид Жуховицкий объясняет рост неформальных объединений молодежи естественным поиском идентичности и потребностью молодых людей в признании.

На примере этого сборника можно выделить общую идейную позицию перестроечной публицистики. Она заключалась в следующем:

- 1) Авторитет Ленина как революционера и политика непрекаем. Ленин был прав – если не во всем, то в основном, поэтому перестройка есть возвращение к ленинским нормам жизни.
- 2) Ленин и Сталин противопоставляются друг другу. Сталин извратил учение марксизма-ленинизма, он не марксист и не экономист, сталинский социализм – вовсе не социализм.
- 3) Потенциал социализма не исчерпан – ни в экономике, ни в демократическом строительстве. Социализм с человеческим

30 *Перестройка. Публицистический ежегодник Союза писателей СССР. Вып. 1.* М.: Советский писатель, 1990.

лицом и «рыночный социализм» возможны. Нужен возврат к новой экономической политике по типу ленинской, переход к экономике, ориентированной на рубль и «социалистическую прибыль».

4) Руководящая роль КПСС не оспаривается³¹.

5) Главный враг социализма и перестройки – бюрократ. Аппарат, унаследованный от административной системы, представляет собой мафию. Победить ее можно опять же через возвращение к ленинским нормам.

6) Несмотря ни на что, общество движется к демократии. Публицисты и передовая интеллигенция сопровождают «коммунистическую реформу», они осознают свою ответственность за перестройку, видят угрозы для нее со стороны номенклатурной бюрократии, способной заболтать и похоронить преобразования.

Вслед за политологом Дмитрием Травиным такой подход к публицистике можно было бы назвать «осторожной, не подрывающей основ системы констатацией ошибок прошлого»³². В самом деле, заявить, что Сталин не марксист и что надо переходить от неэффективной плановой экономики к хозрасчетной, казалось бы, не доблесть. Но это – сегодня. А тогда публицист, открыто ставивший под сомнение, например, дублирование функций партийного и советского аппарата, совершал прорыв в восприятии реальности.

СЕРГЕЙ ГОГИН
ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

Продолжение полемики сегодня

Спустя сорок лет после начала перестройки полемика между идейными потомками Нины Андреевой и сторонниками европейского пути России продолжается. Люди, ностальгирующие по СССР, но рассуждающие о его истории, политике и экономике в основном на профанном уровне, говорят, что «Горбачев развалил страну» – то есть великая страна развалилась вследствие перестройки и гласности. Но журналисты не разваливали страну, говорит Александр Мельман, они всего лишь были зеркалом происходящего, делали свою работу, вскрывая преступления прошлой и настоящей власти: «Внутренняя система сгнила, и тут куда ни ткни – все развалится, и так получалось, что разваливали страну якобы “Огонек” и программа “Взгляд”»³³.

31 Так было в первые годы перестройки. Впервые об отмене 6-й статьи Конституции СССР заговорили на I Съезде народных депутатов СССР в конце мая 1989 года.

32 Травин Д. Я. *Медведевская модернизация и горбачевская перестройка* // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). С. 161.

33 Кочнев С. *Указ. соч.*

Современные конспирологи утверждают, что горбачевская гласность была инспирирована Западом с целью развала Советского Союза, а перестройку затеяли либералы-западники, пробравшиеся в идеологический аппарат КПСС и заразившие его антикоммунизмом. Эта конспирология публикуется под видом научных статей даже в реферируемых изданиях из списка ВАК. Например, Ольга Асонова из РАНХиГС утверждает, что Михаил Горбачев подцепил «новую идеологическую моду» во время встреч с лидерами западных демократий и сменил руководство почти всех СМИ, чтобы те насаждали в сознании граждан нужные ему социально-политические штампы³⁴. Она полагает, что с этой целью тиражи перестроечных изданий раздувались намеренно, а новые независимые СМИ создавались партийной верхушкой, чтобы развернуть общественное мнение в свою пользу (слова «независимый» и «свободный» она употребляет только в кавычках). Автор заявляет, что журналистика помогала правящему на тот момент классу решать главную задачу по удержанию политического господства, для чего использовались профессиональные западные технологии, позволявшие «скрыто действовать в разных направлениях»³⁵. В той же тональности профессор Омского государственного педагогического университета Сергей Новиков заявляет, что «начатый КПСС курс на гласность был трансформирован частью его носителей и исполнителей в антикоммунистическую, антисоветскую пропаганду, приведшую к разрушению союзного государства»³⁶.

Горбачев заочно ответил на эту будущую критику еще в 1986 году на одном из заседаний в ЦК, где он сказал: «И никаких уступок в вопросах гласности из-за того, что мы, мол, раздеваемся перед миром! Ведь это мы сами говорим... Здесь наша сила, а не слабость»³⁷. Виктор Лошак замечает, что журналистам важно было успеть воспользоваться гласностью как историческим шансом, даже если он был дан свыше. Они понимали, что окно возможностей в любой момент может закрыться: «Прогноз последствий был нулевым, главным было действие»³⁸.

Охваченные эйфорией перемен советские интеллектуалы не успели проговорить будущее, потому что слишком много надо

34 Асонова О.Н. *Журналистика в период перестройки: идеологический анализ* // Власть. 2024. Т. 32. № 4. С. 73–76.

35 Там же.

36 Новиков С.В. *Либеральный и ортодоксальный дискурс как альтернатива курсу гласности в период трансформации политической системы СССР: 1985–1991 гг.* // Омский научный вестник. 2015. № 3(139). С. 9–12.

37 *Советские Горбачева с секретарями ЦК, завотделами ЦК, помощниками, 23 июня 1986 года* // В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. М.: Альпина Бизнес Букс; Горбачев-Фонд, 2008. С. 53.

38 Лошак В. *Освободитель слова.*

было сказать о прошлом и настоящем. Привычной им формой высказывания была журнальная или газетная публикация, как вариант – экспертная дискуссия, тогда как время требовало публичной политики. Некоторые все же попробовали: народными депутатами СССР или РСФСР на пике перестройки стали печатные публицисты Геннадий Лисичкин, Сергей Залыгин, Юрий Карякин, Виталий Коротич, Юрий Щербак, телевизионщики Александр Политковский и Александр Любимов. Их поход во власть был кратковременным. У власти осталась непоколебимая номенклатура.

«Интеллигенция не смогла заменить партийную номенклатуру в управленческой сфере, ей не хватило для этого знаний и опыта, – написал в 2021 году Михаил Горбачев. – Ее представители сосредоточились на критике и разоблачении нашего прошлого, но не смогли выдвинуть конструктивных идей о том, как идти к будущему»³⁹. Не менее важно, что, в конечном счете, идеологическая перестройка не была поддержана экономической⁴⁰.

После распада СССР тиражи печатных флагманов перестройки обрушились и уже никогда не достигали прежних высот. Главная причина была экономической: при больших тиражах и невысоких подписных ценах издания не потянули возросшей стоимости бумаги и увеличившихся типографских расходов. Сместился и фокус общественного внимания: с концом советской власти и началом экономических реформ полемика вокруг советского идеологического наследия утратила былую актуальность. Но и сегодня многие свидетели перестройки хранят у себя на дачах подшивки «Огонька», «Нового мира» и тематические папки с вырезками из газет времен горбачевской гласности.

СЕРГЕЙ ГОГИН

ИХ РЕВОЛЮЦИЯ.
О ПУБЛИЦИСТИКЕ
И ПУБЛИЦИСТАХ...

39 Горбачев М.С. *Понять перестройку, отстоять новое мышление.*

40 См.: «Перестройка была прыщавая и слюнявая». Как начались и чем закончились реформы Михаила Горбачева – в спецпроекте «Ъ» (www.kommersant.ru/projects/perestroika).

МАРК
ЭДЕЛЕ

Советские ветераны и перестройка: трагедия одного поколения¹

ДВОЙНАЯ ГОДОВЩИНА

Марк Эделе (р. 1972) – профессор истории Университета Мельбурна (Австралия), специалист по истории сталинизма и Второй мировой войны. Среди его последних работ – «The Soviet Union: A Short History» (2019), «Debates on Stalinism» (2020), «Stalinism at War: The Soviet Union in World War II» (2021) и другие книги.

В 2025 году исполняется восемьдесят лет со дня окончания Второй мировой войны и сорок лет с момента прихода Михаила Горбачева к власти. В этой статье рассказывается об истории советских ветеранов Великой Отечественной войны в тот важный и короткий период, который принято именовать перестройкой. Автор этой статьи считает, что 1985 год (или же, беря шире, 1980-е в целом) оказался ключевой вехой в трагедии советского фронтового поколения – об этом данный текст. С одной стороны, именно в это время фронтовики, пережившие войну с нацистской Германией, наконец-то, были признаны в качестве особой статусной поколенческой группы: привилегии и льготы, предоставляемые им советским государством, начали расширяться, и они даже обзавелись собственным политическим представительством. С другой стороны, именно в тот момент, когда институционализация фронтового поколения стала свершившимся общественным фактом, система, поддерживавшая возникновение внутри себя этого «нового социума», вступила в стадию распада. Ветераны оказались как выгодоприобретателями перестройки, так и ее жертвами².

ПОКОЛЕНИЕ САМОУТВЕРЖДАЕТСЯ

В 1945 году численность ветеранов Великой Отечественной войны – под которыми подразумеваются бывшие солдаты и офицеры Советской Армии, несшие службу в 1941–1945 годах, – составляла 20–25 миллионов человек³. По большей части эти

- 1 Написание этой статьи стало возможным, в частности, благодаря проекту Австралийского исследовательского совета DP200101777 «Последствия войны: насилие, травмы, перемещения людей, 1815–1950». Я также благодарен факультету гуманитарных наук и Школе исторических и философских исследований Мельбурнского университета за предоставленный мне академический отпуск, во время которого работал над этим текстом.
- 2 Термин «новый социум» предложен Еленой Зубковой: Зубкова Е. Ю. *Послевоенное советское общество: политика и повседневность, 1945–1953*. М.: РОССПЭН, 1999. С. 28–37.
- 3 Эделе М. *Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991*. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 35. Первоначально эта книга была опубликована

032

люди родились между 1890-м и 1927 годами. Они не были отдельным поколением в полном смысле слова, поскольку в их составе четко выделялись три отличающиеся друг от друга возрастные когорты⁴. Самую молодую из них составляло собственно «фронтное поколение» – в основном мужчины 1923–1927 годов рождения, которые либо уже были призваны в армию до войны, либо оказались под ружьем сразу после ее начала. Уходя на фронт со школьной или студенческой скамьи, они не успевали утвердиться во взрослой жизни, и поэтому война стала для них основополагающим жизненным опытом⁵. Две более старшие когорты ветеранов, вставая в строй по зову родины, напротив, уже имели обширный опыт гражданской жизни. «Средним поколением» советских ветеранов я называю тех из них, кто родился между 1905-м и 1922 годами. Среди них были люди, уже состоявшие в профессиональной и семейной жизни, но еще не обладавшие военным стажем, как, например, Леонид Брежнев. Их старшие товарищи из когорты «дважды ветеранов», родившиеся в 1890–1904 годах, участвовали в гражданской войне, а некоторые даже и в Первой мировой, которая, собственно, и поставила старый режим на колени. В обычных обстоятельствах их вряд ли снова призвали бы под знамена, но катастрофа новой мировой войны заставила их вернуться в армию. И вот, когда выжившие из всех трех когорт вернулись с войны, ветераны оказались буквально повсюду⁶.

К тому моменту, когда в 1985 году Горбачев был избран генеральным секретарем ЦК КПСС, ситуация кардинально изменилась. В 1979-м официальная статистика констатировала наличие в стране восьми миллионов ветеранов Великой Отечественной войны, а к 1990-му их осталось лишь пять–шесть миллионов⁷. По мере того, как представители старших когорт в 1950–1980-х уходили из жизни, сообщество оставшихся ветеранов становилось все более однородным в возрастном отношении. Согласно переписи 1979 года, в стране насчитывались два миллиона мужчин, родившихся между 1890-ми 1904 годами⁸, хотя

МАРК ЭДЕЛЕ

СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
И ПЕРЕСТРОЙКА: ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

на английском языке: EDELE M. *Soviet Veterans of World War II: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*. Oxford: Oxford University Press, 2004. О том, как шла работа над книгой, см. мою статью: ЭДЕЛЕ М. «Советские ветераны Второй мировой войны»: двадцать лет спустя // Неприкосновенный запас. 2024. № 3(155). С. 60–82.

- 4 К началу 1946 года в живых оставались около 34,5 миллиона мужчин, родившихся в 1890–1927 годах (Он же. *Советские ветераны...* С. 45. Табл. I.1). Точное определение доли ветеранов среди них затруднено, поскольку оценки численности последних на тот момент (см. примечание выше) не слишком точны и учитывают заметное женское меньшинство. При этом большинство взрослых мужчин, живших в СССР к завершению войны, были ветеранами.
- 5 Подробнее об этой когорте см.: СЕНЯВСКАЯ Е.С. *1941–1945. Фронтное поколение: историко-психологическое исследование*. М.: Институт российской истории РАН, 1995.
- 6 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* С. 42–45.
- 7 Там же. С. 410.
- 8 См.: *Всесоюзная перепись населения 1979 года. Распределение населения союзных республик по полу и возрасту* (www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_79.php).

в 1946-м в когорте потенциальных «дважды ветеранов» числились 9,5 миллиона человек⁹. В силу сказанного на первый план среди советских ветеранов войны постепенно начала выходить когорта «фронтового поколения». Доля женщин в этой группе, становившейся все более сплоченной, также росла – как из-за того, что в армию призывали только молодых женщин, так и потому, что продолжительность женской жизни в целом выше, чем мужской¹⁰.

Именно в тот момент, когда институционализация фронтового поколения стала свершившимся общественным фактом, система, поддерживавшая возникновение внутри себя этого «нового социума», вступила в стадию распада. Ветераны оказались как выгодоприобретателями перестройки, так и ее жертвами.

Усиливающаяся возрастная однородность и расширяющееся женское представительство делали все более логичным восприятие ветеранов в качестве представителей особого советского поколения. На это обстоятельство обратил внимание Горбачев, выступая 27 января 1987 года на пленуме ЦК КПСС. Рассказывая о консультациях партийного руководства с различными слоями советского населения, он сообщил: «Накануне Пленума у меня, других членов Политбюро, секретарей ЦК было немало встреч и бесед с членами Центрального Комитета, общественными деятелями, рабочими, колхозниками, интеллигенцией, ветеранами и молодежью»¹¹. Фактически, такое перечисление социальных групп впервые со сталинских времен обогащало социологическую структуру советского общества новым системообразующим элементом, в роли которого выступает старшее поколение с преобладающими в нем ветеранами. Следует напомнить, что изначально она ограничивалась двумя «неантагонистическими» классами (рабочие и колхозники), одной «прослойкой» (интеллигенция) и целым каталогом наций и народностей¹².

⁹ ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* С. 45. Табл. I.1.

¹⁰ О женщинах «фронтового поколения» см.: KRYLOVA A. *Soviet Women in Combat: A History of Violence on the Eastern Front*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2010; MARKWICK R.D., CARDONA E. *Soviet Women on the Frontline in the Second World War*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2012.

¹¹ *О перестройке и кадровой политике партии. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года* // Правда. 1987. 28 января. С. 1.

¹² Подробнее см.: FITZPATRICK S. *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia* // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. № 4. P. 745–770 [Фицпатрик Ш. *Срывайте маску! Идентичность и самозванство в России XX века*. М.: РОССПЭН, 2011. Гл. 4. С. 87–105]; MARTIN T. *Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism* // FITZPATRICK S. (Ed.). *Stalinism: New Directions*. London; New York: Routledge, 2000. P. 348–367.

Понимание того, что советское общество состоит еще и из поколений, тоже всегда наличествовало, но теперь старшее поколение однозначно отождествлялось с теми советскими гражданами, кто выиграл войну¹³.

Далее в своем докладе Горбачев, рассуждая о том, как обеспечить адекватное представительство различных подгрупп советского населения в меняющейся политической системе перестройки, вновь обратился к этой теме. Согласно его социологическим воззрениям, опорными блоками советского общества служили класс, национальность, гендер и поколение, причем ветераны составляли выраженную поколенческую группу, найдя тем самым свое место в официальной картине социума:

«Существующий механизм избирательной системы обеспечивает представительство всех слоев населения в выборных органах власти. В нынешних Советах на всех уровнях представлены рабочий класс, колхозное крестьянство, интеллигенция, женщины и мужчины, ветераны и молодежь, все нации и народности страны»¹⁴.

Интеграция ветеранов в официальное видение общественной структуры было частью затянувшегося превращения общества заслуживающих в отдельный социальный коллектив, обладающий особым статусом. Я разграничиваю между собой сообщество заслуживающих и статусную группу: если первое лишь настаивает на особом к себе отношении в силу определенных заслуг перед страной, то вторая уже пользуется институциональным признанием своих притязаний. Группу, обладающую легально закрепленными привилегиями, я вслед за социологом Максом Вебером называю «статусной», в то время как совокупность индивидов, которые, заявляя о своих правах, не могут тем не менее добиться их системного признания со стороны социума в целом, именую «сообществом заслуживающих». Опираясь на эту терминологию, мои более ранние исследования описывали историю советских ветеранов Второй мировой войны как процесс трансформации изначальной статусной группы с признанными привилегиями, существовавшей лишь в 1945–1947 годах, в сообщество заслуживающих. Это произошло после 1948 года. Лоббистская деятельность, осуществлявшаяся многими представителями ветеранского сообщест-

МАРК ЭДЕЛЕ

СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
И ПЕРЕСТРОЙКА: ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

13 О поколениях в советской истории см.: ЧУДАКОВА М. *Заметки о поколениях в Советской России* // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 73–91; ЮРЧАК А. *Everything Was Forever, until It Was No More: The Last Soviet Generation*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2006 [ЮРЧАК А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2020]; FÜRST J. *Stalin's Last Generation: Soviet Post-War Youth and the Emergence of Mature Socialism*. Oxford: Oxford University Press, 2010; RALEIGH D.J. *Soviet Baby Boomers: An Oral History of Russia's Cold War Generation*. Oxford: Oxford University Press, 2012 [РЕЙЛИ Д. *Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране*. М.: Новое литературное обозрение, 2015].

14 *О перестройке и кадровой политике партии...* С. 3.

ва в 1950–1970-х, к 1978 году позволила заново институционализировать его в качестве статусной группы. Более того, при Горбачеве эта группа пережила коренную трансформацию: она не только приобрела новые привилегии и вышла на новый организационный уровень, но и была интегрирована в советскую политическую систему¹⁵.

СТАТУСНАЯ ГРУППА: СОЗИДАНИЕ И РАЗРУШЕНИЕ

Частью этой трансформации стала история введения правовых привилегий и льгот для ветеранов, их последующей отмены и дальнейшего восстановления. В 1945 году государство обещало состоявшему из нескольких поколенческих когорт ветеранскому сообществу, возвращающемуся к гражданской жизни, свою неустанную заботу и неослабное внимание. Адресуясь прежде всего к чиновничеству партии-государства, составлявшему ее главную читательскую аудиторию, газета «Известия» в своей передовице писала:

«Советские люди возвращаются с войны, уверенные в своем будущем. Социалистическое государство гарантирует им осуществление права на труд. В самом законе о демобилизации выразилась глубокая сталинская забота о советском человеке. Сейчас задача – добиться, чтобы организованность и четкость местных органов власти везде соответствовали высокому духу закона. [...] Органы нашего государства получили [...] твердую программу работ с демобилизуемыми воинами, начиная с обеспечения за счет государства комплектом обмундирования, обуви, единовременного денежного вознаграждения, помощи с жильем, топливом и обслуживанием хозяйством и кончая обеспечением работой на месте жительства, соответствующей их способностям»¹⁶.

Подобные публичные заявления заставили некоторых сторонних наблюдателей поверить, будто в СССР создается всеобъемлющая система социальной поддержки ветеранов, похожая на ту, которая появилась в США после принятия Акта о реинтеграции военнослужащих 1944 года (*Servicemen's Readjustment Act*)¹⁷. И действительно, в первые послевоенные годы в Советском Союзе реализовался целый ряд специальных мер, призван-

15 Впервые я изложил эту мысль в двух статьях: EDELE M. *Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955* // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. № 1. 2006. P. 111–137; ИДЕМ. *Collective Action in Soviet Society: The Case of War Veterans* // ТОМОВ К., HESSLER J., ALEXOPOULOS G. (Eds.). *Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography*. New York: Palgrave, 2011.

16 *Дело большой важности* // *Известия*. 1945. 19 сентября. С. 1.

17 ЯСОВСОН С. *The Soviet G.I.'s Bill of Rights* // *American Review on the Soviet Union*. 1945. Vol. 7. № 1. P. 56–63; см. также сопоставление с американскими гарантиями: BENNETT M.J. *When Dreams Came True: The GI Bill and the Making of Modern America*. Washington: Brassey's, 2000.

ных помочь демобилизованным бойцам, инвалидам войны и репатриированным военнопленным вернуться в гражданскую жизнь.

В 1940-х поддержка ветеранов войны осуществлялась по двум базовым направлениям. Во-первых, у вернувшихся фронтовиков имелось то, что можно назвать «горизонтальным признанием», связывавшим их с соотечественниками: советские люди относились к ветеранам с уважением и заботой, видя в них защитников родины от фашизма. Во-вторых, еще более важным было их «вертикальное признание» со стороны государства, которое проявлялось в льготах и привилегиях, предоставленных награжденным боевыми орденами и медалями, официальной поддержке ветеранов в ходе демобилизации и сразу после нее, а также государственной помощи прошедшим «фильтрацию» и извлеченным от обвинений в измене и коллаборационизме репатриированным военнопленным¹⁸.

Однако на практике превозносимая пропагандистами «сталинская забота» оказалась гораздо скромнее, чем сулили послевоенные газеты. Право на труд на деле означало лишь обязанность как можно скорее вернуться на прежнее рабочее место. Власти предполагали, что ветераны не станут почитать на лаврах, а немедленно предадутся усердному труду по восстановлению разрушенной страны. Как правило, в деле реинтеграции вернувшиеся фронтовики могли рассчитывать только на собственные силы или помощь родных и близких, поскольку государственная поддержка была недостаточной даже на бумаге, не говоря уже о деле. Лишь в очень немногих аспектах обещанная «сталинская забота» воплотилась в жизнь¹⁹. Архивы полны жалоб вернувшихся ветеранов на бессердечие местных чиновников, с которым им постоянно приходилось сталкиваться, а также на трудности, которые им приходилось преодолевать²⁰.

Отчасти этот плачевный результат был обусловлен скудными государственными ресурсами: милитаризованное сталинское государство не было готово опекать столь значительное количество демобилизованных, репатриированных и покалеченных. В своих отчетах «наверх» местные власти любили преподносить оказанную ветеранам помощь в абсолютных цифрах: столько-то денег выделено, столько-то хлеба предо-

МАРК ЭДЕЛЕ

СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
И ПЕРЕСТРОЙКА: ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

18 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* С. 358–365, 259–261; CROTTY M., DIAMANT N.J., EDELE M. *The Politics of Veteran Benefits in the Twentieth Century: A Comparative History*. Ithaca: Cornell University Press, 2020. P. 8–9, 49. О репатриации и ее последствиях см.: BERNSTEIN S. *Return to the Motherland: Displaced Soviets in World War II and the Cold War*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2023.

19 См.: DALE R. *Rats and Resentment: The Demobilization of the Red Army in Postwar Leningrad, 1945–1950* // *Journal of Contemporary History*. 2010. Vol. 45. № 1. P. 113–133; ИДЕМ. *Demobilized Veterans in Late Stalinist Leningrad: Soldiers to Civilians*. London: Bloomsbury Academic, 2015.

20 Подробнее см.: ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* Гл. 2.

ставлено, столько-то коров подарено, столько-то единиц обуви или одежды выдано. Но если разделить содержащиеся в отчетах числа на количество вернувшихся ветеранов, то картина становится куда менее радужной. В среднем при подушевом раскладе государственная материальная помощь составляла лишь несколько рублей или несколько сантиметров ткани на одного фронтовика. В Кемеровской области, например, вернувшийся с войны среднестатистический ветеран мог рассчитывать на выделение ему 0,007 головы рогатого скота, 0,007 пары обуви, менее четверти предмета одежды, 100 сантиметров льняной или хлопчатобумажной ткани, а дров ему не полагалось вовсе²¹.

Особенно остро стоял вопрос с предоставлением жилья. Ни гневные порицания со страниц «Известий», ни строгие директивы аппаратчиков ЦК не могли заставить местные власти возводить новые жилые здания в достаточных объемах: в разоренном недавней войной Советском Союзе решить эту задачу можно было, лишь строя из воздуха. Даже во внутренних районах страны, избежавших оккупации, жилых площадей отчаянно не хватало, а те, что были в наличии, из-за долгого небрежения в военные годы находились в плачевном состоянии и характеризовались крайней перенаселенностью. Только с приходом на пост руководителя партии Никиты Хрущева эту проблему начали решать в более или менее систематической манере²².

Более того, в 1947–1948 годах основные составляющие «вертикального признания» были либо серьезно сокращены, либо вовсе ликвидированы. В сентябре 1947-го власти упразднили льготы, связанные с боевыми наградами, что затронуло около 5,6 миллиона ветеранов. Последующие урезания привилегий были связаны с завершением массовой репатриации военнопленных в 1947 году и окончанием демобилизации в 1948-м. Эти мероприятия не могли не повлиять на государственную заботу о ветеранах, поскольку большая часть ветеранских льгот представляла собой особые меры поддержки для бывших фронтовиков, продолжавших нести службу в послевоенное время: как только они становились гражданскими лицами, все регулярные выплаты им, как и предоставление различных видов помощи, прекращались. То же можно сказать и о большинстве репатриантов, которые после фильтрации возвращались к гражданской жизни. Они также имели право на временную государственную помощь, но лишь до той поры, пока обустривались на новых местах; после этого к ним начинали относиться как ко всем

21 Там же. Табл. 2.1. С. 91.

22 Подробнее см.: SMITH M.B. *Property of Communists: The Urban Housing Program from Stalin to Khrushchev*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2010.

прочим гражданским лицам – за исключением того, что каждому из них до конца жизни приходилось нести клеймо бывшего пленного. Таким образом, с окончанием массовых демобилизации и репатриации значительный сегмент государственной поддержки ветеранов был свернут: персонально это коснулось порядка 1,8 миллиона репатриированных и по меньшей мере 8,5 миллиона демобилизованных. Наконец, в октябре 1948 года были сокращены льготы для инвалидов войны, которые больше остальных нуждались в государственной поддержке, – таковых оказалось более 2,6 миллиона человек²³.

Таким образом, к моменту смерти Иосифа Сталина ветераны-фронтовики утратили большую часть законодательно закрепленных привилегий: от их «вертикального признания» ничего не осталось. (Исключение составили только бывшие бойцы с наиболее тяжелыми формами инвалидности.) Что касается «горизонтального признания», на котором основывалась их неформальная поддержка согражданами, то и его невозможно было сохранять в долгосрочной перспективе: ветеранов было слишком много, а гражданское население в военное время тоже немало страдало. Многие штатские, способствуя победе на трудовом фронте, голодали и терпели всевозможные лишения, и не каждому из них было понятно, почему надо с особой заботой относиться к ветеранам-фронтовикам. В конце концов, подавляющее большинство советских граждан, живших в 1950 году, пережило минувшую войну. Безусловно, на фронте было тяжело – но и жизнь в тылу была отнюдь не сахаром²⁴.

МАРК ЭДЕЛЕ

СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
И ПЕРЕСТРОЙКА: ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

ВЕТЕРАНЫ В ПОЗДНЕМ СССР: СТАТУС И ОРГАНИЗАЦИЯ

К началу перестройки ситуация кардинально изменилась. Теперь ветераны в СССР не только стали поколением *de facto*, но и получили признание *de jure*. Постановлением Совета министров СССР от 10 ноября 1978 года они были признаны особой статусной группой советского общества, наделенной набором привилегий, включая внеочередную установку домашнего телефона, дополнительные дни отпуска, беспроцентные ссуды, льготы на транспорт, приоритетный доступ к медицинскому

23 Эделе М. *Советские ветераны...* С. 59–60; количественные показатели: Там же. С. 362; о жизни репатриированных военнопленных см.: Там же. Гл. 5; об инвалидах войны: Там же. Гл. 4.

24 О всеохватности военного опыта см.: EDELE M. *Stalinism at War: The Soviet Union in World War II*. London: Bloomsbury Academic, 2021. Отдельно о ситуации на трудовом фронте см.: GOLDMAN W.Z., FILTZER D.A. *Hunger and War: Food Provisioning in the Soviet Union During World War II*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 2015; IDEM. *Fortress Dark and Stern: The Soviet Home Front During World War II*. New York: Oxford University Press, 2021 [Фильцер Д., Голдман В. *Крепость темная и суровая: советский тыл в годы Второй мировой войны*. М.: Новое литературное обозрение, 2023].

обслуживанию, включая санатории, а также первоочередное наделение садово-огородными участками. Позже список привилегий и льгот продолжил расширяться. Членов этой статусной группы обобщенно начали именовать «участниками Великой Отечественной войны», и со временем этот термин вбирал в себя все больше и больше ветеранских подгрупп. В 1988 году его распространили даже на некоторых гражданских лиц: ветеранов тыла, удостоенных государственных наград – зачастую женщин²⁵.

Этот медленный процесс сближения статусов ветеранов войны и ветеранов тыла привел к тому, что со временем понятие «ветеран» включало в себя все больше и больше представителей фронтового поколения как единого целого, независимо от гендерных характеристик или вида деятельности в военные годы. Приобщение всего поколения к ветеранскому сообществу выразилось в появлении зонтичного термина «ветераны войны и труда», который потеснил «участников войны» в качестве основного понятия, описывавшего ветеранское сообщество ранее. Сам термин вошел в обиход еще в 1950-е, но довольно долго играл лишь второстепенную роль. Например, в ноябре 1978 года газета «Правда» отметила принятие нового закона об участниках войны передовицей, озаглавленной «Почет ветеранам». Автор этого материала употреблял понятия «ветеран», «участник Великой Отечественной войны» и «фронтовик» как взаимозаменяемые, что подчеркивало особый статус тех, кто воевал. Следует, однако, отметить, что термин «ветераны», трактуемый в подобном контексте, не распространялся на подавляющее большинство женщин, трудившихся ради победы в тылу, а также мужчин, несших службу вдали от линии фронта или занятых на оборонном производстве²⁶. Той же эксклюзивной логики придерживались и учредители Советского комитета ветеранов войны (СКВВ), основанного в 1956 году: под «ветеранами» они понимали исключительно бывших солдат, сражавшихся на фронте²⁷.

Между тем к концу 1986 года военных и гражданских лиц, переживших войну, объединила Всесоюзная организация ветеранов войны и труда²⁸. Обобщающее понятие в основе этого названия сплотило всех советских граждан, которые во взрослом

25 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* С. 387–391; Филиппова М.В. *Льготы для участников Великой Отечественной войны*. Л.: Лениздат, 1991. С. 111–112. Рубежным документом стало постановление Совета министров СССР и ЦК КПСС от 10 ноября 1978 года «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны» (Собрание постановлений СССР. 1978. № 27. Ст. 164). См. также постановление Совета министров СССР и ВЦСПС от 12 мая 1988 года, расширяющее категорию за счет награжденных гражданских лиц (Собрание постановлений СССР. 1988. № 21. Ст. 70).

26 *Почет ветеранам* // Правда. 1978. 26 ноября. С. 1.

27 Подробнее о запутанной и противоречивой истории СКВВ см.: ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* С. 306–342.

28 Там же. С. 342.

возрасте пережили Вторую мировую войну, в одну широкую категорию. Надо сказать, что в советском дискурсе оно спорадически мелькало начиная с 1950-х, однако по-настоящему заметным стало только с 1965-го, а еще больше – с 1978 года²⁹. К 1980-м это понятие использовалось повсеместно, что способствовало ошибочному представлению, будто бы все пережившие войну обладают одинаковым правовым статусом. На деле же внутри группы сохранялась жесткая иерархия, в которой участники войны составляли наиболее привилегированную подгруппу. Неудивительно, что те ветераны, которые на первых порах не вошли в эту категорию, усиленно и в основном успешно боролись за включение в нее. Наиболее важным тем не менее стал тот факт, что новый концепт объединил теперь целое поколение независимо от того, где конкретный человек вносил свой вклад в победу – на фронте или в тылу. Отныне все эти люди считались «ветеранами войны и труда», и как отдельную общность их все чаще противопоставляли «молодежи»³⁰.

В укоренении нового статуса было что-то немарксистское – ведь ветераны не являлись социальной группой с точки зрения исторического материализма. Более того, с ранних дней советской власти коммунисты опасались, что становление ветеранов в качестве отдельной социальной группы может вызывать нежелательные коннотации с фашистским движением, для которого понятие «ветеран» являлось центральным. Всякий раз, когда ветераны пытались учредить самостоятельное сообщество, им разъясняли, что никаких «объективных предпосылок» для такого шага не существует. Недоверие к ветеранской самоорганизации сохранялось даже после образования СКВВ – институции, которая создавалась лишь для ведения коммунистической пропаганды за рубежом, но воспринималась ветеранами как нечто гораздо большее, и которая довольно быстро превратилась в организацию, отстаивающую их интересы внутри страны. Это не могло не встревожить политическое руководство СССР: в результате в 1970-х сеть филиалов СКВВ на местах, появившаяся спонтанно и вопреки рекомендациям партии и правительства, была упразднена – опять-таки за ненадобностью³¹.

Именно Михаил Горбачев (или кто-то из его советников) нашел выход, позволяющий сделать существование ветеранов

МАРК ЭДЕЛЕ

СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
И ПЕРЕСТРОЙКА: ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

29 Я основываюсь на поисках указанного термина в цифровом архиве газет «Правда» и «Известия», проведенных с помощью «East View Information Services». В период с 1945-го по 1964 год это понятие встретилось лишь однажды, см.: Власов Н. *Хороший почин* // Правда. 1958. 9 января. С. 2. С середины 1965-го оно стало появляться в публикациях ежегодно, причем частота его употребления нарастала с 1975 года.

30 Этот процесс подробно проанализирован в моей статье: EDELE M. *Collective Action in Soviet Society*...

31 ИДЕМ. *Soviet Veterans of World War II*. Ch. 7. О восприятии ветеранов в довоенном СССР см. новаторские работы: SUMPFF A. *The Broken Years: Russia's Disabled War Veterans, 1904–1921*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022; ИДЕМ. *The Unfound Peace: Disabled Veterans in the Interwar Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press, 2025.

в советском обществе идеологически приемлемым: все, кто участвовал в войне, были провозглашены отдельным поколением. В рамках этой новой социологии ветераны не могли быть ни общественным классом или слоем, к каковым со сталинских времен относили рабочих, колхозников и интеллигенцию, и, разумеется, не могли считаться национальностью. Вместо этого их предлагалось рассматривать как особую общность, объединяющую людей поверх классовых или этнических границ – как отдельное поколение, противопоставляемое «молодежи». Теперь, когда число ветеранов заметно сократилось с подавляющего большинства взрослых мужчин до остающихся в живых представителей самых молодых фронтовых когорт, такое обособление имело смысл. А тот факт, что список ветеранов был пополнен за счет тружеников тыла, лишь подкреплял эту логику. Таким образом, ветераны превратились в поколение как *de facto*, так и *de jure*.

ПОБЕДА

Итак, ветеранское поколение отныне пользовалось как «вертикальным», так и «горизонтальным» статусом. Законодательно установленные привилегии ветеранов постоянно расширялись, а от соотечественников ожидалось проявления почтения и уважения – в автобусе, метро, гардеробной или магазинной очереди. Ежегодно ветеранов войны и труда чествовали в День Победы. Они ходили по школам, встречались с пионерами, воспитывая «молодежь» в патриотическом духе Великой Отечественной. Ветераны надевали свои награды: некоторые – только по особым случаям, другие – ежедневно. Среди них было много представителей творческой интеллигенции: например, Григорий Чухрай, Виктор Некрасов, Юрий Бондарев, Борис Васильев.

Однако в политическом отношении фронтовое поколение оставалось на задворках. Вплоть до 1980-х Советским Союзом правили не те, кто ушел на фронт со школьной скамьи, а ровесники Брежнева. В брежневском окружении тоже были ветераны войны, принадлежавшие, как и сам генсек, к средней когорте фронтовиков. Война сыграла важную роль в формировании их индивидуальной и групповой идентичности, но она конкурировала с другим фундаментальным опытом – сталинской «революцией сверху», включая первую пятилетку, коллективизацию и Большой террор. Память о славных военных годах помогала сталинским выдвиженцам забыть те невероятные компромиссы, на которые им приходилось идти, стремительно поднимаясь по служебной лестнице в 1930-х. Таким образом, можно предположить, что активно разворачиваемый в тот период культ войны,

брежневский труд «Малая земля», а также украшавшая грудь генсека нелепо гигантская коллекция орденов и медалей были призваны, помимо прочего, перефокусировать внимание советской публики, отвлечь ее от тех неоднозначных лет и от той части коллективной биографии, где добро и зло были разграничены не слишком четко. Между тем ужасные 1930-е вполне можно было расценивать как необходимую, хотя и болезненную прелюдию к войне. Поколение, оказавшееся на руководящих должностях в то десятилетие, удерживало власть и после смерти Сталина, а когда на смену ему пришло новое поколение, это были уже не фронтовики, а ровесники Михаила Горбачева – человека, который был слишком молод, чтобы воевать³².

Тем не менее под руководством молодого генерального секретаря, представлявшего совсем иное поколение, фронтовики добились выдающегося, по советским меркам, достижения – политического представительства. В ходе конституционной реформы, проведенной в декабре 1988 года, был учрежден новый орган государственной власти – Съезд народных депутатов СССР. Его роль заключалась в избрании нового состава Верховного Совета СССР, который, как надеялся Горбачев, поможет ему оттеснить поколение Брежнева и преодолеть сопротивление сторонников жесткой линии, выступавших против реформ. В создании этой институции воплотилось также искреннее желание Глобачева «вернуть власть Советам» и тем самым восстановить то, что он считал «ленинской демократией»³³.

Съезд состоял из 2250 депутатов, из которых первая треть избиралась на прямых и конкурентных выборах всеми советскими гражданами, вторая треть избиралась в национальных республиках СССР, а последняя треть делегировалась общественными организациями. В число последних входили КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ, Комитет советских женщин, а также Всесоюзная организация ветеранов войны и труда. Ветеранская квота составила 75 мест – чуть более 3% общего числа народных депутатов и 10% выдвигавшихся от общественности. Более того, Устав Всесоюзной организации ветеранов впервые в со-

МАРК ЭДЕЛЕ

СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
И ПЕРЕСТРОЙКА: ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

- 32** RIGBY T.H. *The Soviet Regional Leadership: The Brezhnev Generation* // *Slavic Review*. 1978. Vol. 37. № 1. P. 1–24; MAWDSLEY E., WHITE S. *The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and Its Members, 1917–1991*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000 [Модсли Э., Уайт С. *Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991 гг.* М.: РОССПЭН, 2011]. О выдвижениях той поры см.: FITZPATRICK S. *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934*. Cambridge; London; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1979. Новейшей научной биографией Леонида Брежнева остается переведенная с немецкого работа Сюзанны Шаттенберг: SCHATTENBERG S. *Brezhnev: The Making of a Statesman*. London: Bloomsbury Publishing, 2021. О Михаиле Горбачеве см.: ТАУБМАН W. *Gorbachev: His Life and Times*. London: Simon & Schuster, 2017 [ТАУБМАН У. *Горбачев. Его жизнь и время.* М.: АСТ; Corpus, 2018]. Образцовым англоязычным исследованием культа войны можно считать работу: ТУМАРКИН N. *The Living & the Dead: The Rise & Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994.
- 33** О Съезде народных депутатов СССР см.: ZUВOK V.M. *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. New Haven, 2021. P. 60–66. О воодушевлявших Горбачева мотивах, включая его неоленинизм, см.: *Ibid.* P. 37–39.

ветской истории признавал, что представительство интересов ветеранов на общесоюзном уровне является законной политической практикой³⁴.

ПОРАЖЕНИЕ

Увы, эта победа оказалась пирровой. Набирающий силу авторитет ветеранов войны был подорван поражением той самой системы, которая после многих лет признала, наконец, в них социально-политическую силу. Упадок советских ветеранов как социальной группы происходил в двухскоростном режиме: сначала все шло довольно медленно, а потом оборвалось чуть ли не вмиг.

Постепенный распад привилегированного статуса ветеранов отчасти был вызван дурной работой советской системы в целом, не умевшей удовлетворять повседневные нужды своих граждан. Например, тот факт, что ветераны имели приоритетное право на установку телефонов в своих домах и квартирах, оказывался несущественным в ситуации, когда свободных телефонных линий не имелось в наличии, а очереди страждущих оставались невероятно длинными даже для привилегированных групп: в 1988 году около 800 тысяч ветеранов все еще ожидали обещанных личных телефонов. Привилегии не помогали им и в получении государственных квартир, поскольку таковых просто не строили в достаточном количестве. Право на моторизованную инвалидную коляску тоже оказывалось нереализуемым, так как подобные устройства производились в недостаточных объемах. Иными словами, ветеранские права и привилегии зачастую представляли не практическим, а лишь теоретическим достижением³⁵.

Ситуация ухудшалась по мере того, как советская экономика переходила от застоя к кризису, а затем к катастрофе. Пока советские ветераны готовились к выборам своих делегатов на Съезд народных депутатов СССР, призванный стать мотором горбачевских политических преобразований, последствия реформ, которые ранее были запущены новым генеральным секретарем в экономике, уже вовсю начали расшатывать структуры производства, распределения и потребления. В своем исследовании о распаде Советского Союза Владислав Зубок пишет о второй половине 1988 года и 1989-м:

«Экономический рост в стране не состоялся. Перебои в работе производственных линий и транспортных цепочек становились все бо-

34 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* С. 346–347.

35 Там же. С. 400.

лее разрушительными. [...] Темпы жилищного строительства снизились. Магазинные прилавки в большинстве советских городов, даже в Москве, опустели, а очереди удлинлись»³⁶.

МАРК ЭДЕЛЕ

СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
И ПЕРЕСТРОЙКА: ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

Право на законных основаниях обойти очередь утратило всякое значение, ибо на другом ее конце льготника ждали только пустые полки. Между тем сам факт наличия подобной привилегии, даже нереализуемой, раздражал остальных сограждан, вынужденных толкаться в очередях, – а это подрывало горизонтальную солидарность между ветеранами и остальными их соотечественниками.

Набирающий силу авторитет ветеранов войны } был подорван поражением той самой системы, } которая после многих лет признала, наконец, в них } социально-политическую силу.)

Политическая реформа, наложившаяся на экономический кризис, усугубила нестабильность. Вместо того, чтобы сплотить многонациональный советский народ в созидательном порыве, на что не без наивности надеялся Горбачев, приступивший к работе Съезд народных депутатов ускорил распад советской системы. Озвучиваемые с трибуны Съезда многочисленные проблемы страны внезапно стали достоянием общественности, демонстрируя трещины, раскалывающие советский социум. Что же касается ветеранов, то они теперь могли публично высказать свои застарелые обиды. Обретенная незадолго до всех этих событий способность действовать политически позволила открыто заявить о том, на что представители СКВВ уже давно жаловались кулуарно: за фасадом красивых слов о чествовании ветеранов и почтении к ним скрывалась совсем другая реальность. Ни «вертикальное», ни «горизонтальное признание» ветеранских заслуг не прошли проверку на прочность.

С одной стороны, абсолютно недостаточным было социальное обеспечение, неуклонно ухудшавшееся на фоне разворачивающегося экономического кризиса. Это подрывало «вертикальный» статус ветеранов, предполагавший особое отношение к ним со стороны государства. Касаясь этой темы на Первом Съезде народных депутатов СССР, председатель Всесоюзного совета ветеранов войны и труда Кирилл Мазуров заявлял:

«Товарищи депутаты! У нас в стране и в обществе накопилось много всякого рода дефицита. Здесь их называли, помимо таких дефицитов, как сахар, мыло, и прочие товары. И все мы понимаем, что

36 Зубов В.М. *Ор. cit.* Р. 41.

все эти дефициты надо ликвидировать. Но я хотел бы сказать об одном дефиците, о котором никто не говорил: о дефиците благодарности ветеранам, которые обеспечили победу в Великой Отечественной войне, обеспечили всем нам и нашим детям мирную жизнь. [...] Когда была создана Всесоюзная организация ветеранов, Всесоюзный совет ветеранов в 1987 году решил проверить, как живут ветераны. [...] Проверка эта показала безрадостную картину, товарищи. У нас более 22 миллионов ветеранов войны и труда получают пенсию 60 рублей в месяц или ниже. Из них 10 миллионов – это люди одинокие, у которых нет других источников существования. Можете себе представить, какова жизнь тех, кто обеспечил нас сегодняшней демократией»³⁷.

С другой стороны, обострялся межпоколенческий конфликт между стареющим фронтовым поколением и молодыми советскими гражданами, многие из которых испытывали нарастающее раздражение по поводу того, что увешанные медалями бывшие фронтовики под разговоры о давно прошедшей войне требуют для себя всевозможных благ и ресурсов, которых и без того не хватает. Конфликт поколений ставил под угрозу «горизонтальный» статус ветеранов – особое отношение, которого они ожидали от соотечественников. Продолжая свои lamentации, Мазуров отмечал:

«Ветераны все чаще стесняются носить свои боевые ордена. Надевают их только 9 мая, потому что не хотят выслушивать оскорбительные реплики в очередях магазинов, в трамваях и автобусах»³⁸.

Под давлением таких людей, как Мазуров, новая легислатура попыталась смягчить сложившуюся ситуацию. В 1990-м были приняты законы, которые предполагали поэтапное реформирование системы государственных пенсий к 1992 году. Если бы задуманное претворилось в жизнь, то Советский Союз начал бы тратить на пенсии бóльшую долю ВВП, чем любая другая страна мира. Однако этим смелым упованиям, взлелеянным на фоне политических потрясений и экономического кризиса, не суждено было сбыться³⁹.

В 1991 году советские ветераны пережили крах всех своих надежд. Многочисленные экономические, политические и социальные кризисы, сотрясавшие Советский Союз во второй половине 1980-х, в конце концов, достигли апогея, и СССР распался на пятнадцать самостоятельных государств. Дальнейшая судьба ветеранов сильно разнилась в зависимости от того, в каком

37 Первый Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. 25 мая – 9 июля 1989 г. М.: Верховный Совет СССР, 1989. Т. II. С. 179–180.

38 Там же. С. 183.

39 CHANDLER A. *Shocking Mother Russia: Democratization, Social Rights, and Pension Reform in Russia, 1990–2001*. Toronto: University of Toronto Press, 2004. P. 55–59.

конкретно локусе постсоветского пространства они оказались, хотя экономическая катастрофа 1990-х ударила по ветеранским сообществам повсеместно. Бывшие фронтовики лишились всех привилегий, которые им были предоставлены советским государством и советскими согражданами, их сбережения испарились, а пенсии обесценились⁴⁰. В России, впрочем, немногие выжившие участники войны вернули себе особое положение к 1995 году; их общественная значимость продолжила укрепляться и в 2000-х – по мере того, как страна переосмысливала прошлое, прочно связанное с победой Советского Союза во Второй мировой войне. Но в других республиках бывшего СССР ветераны нередко оставались без государственного внимания, а порой даже сталкивались с откровенной враждебностью⁴¹.

Спустя четыре десятилетия мало кто вспоминает о перестройке как о периоде, когда советским ветеранам на деле удалось выйти победителями из политической борьбы, которую многие из них вели с момента отмены послевоенных ветеранских льгот в 1948 году. По большей части Горбачев остался в памяти людей как могильщик Советского Союза, а не защитник ветеранов Великой Отечественной войны. Он, однако, был и тем и другим. Горбачев укрепил систему социального обеспечения ветеранов, унаследованную им от Брежнева. Он также снабдил ветеранов новой организационной структурой, новыми политическими и экономическими правами. Тем самым Горбачев продолжил дело, начатое в 1970-х и начале 1980-х. Вместо того, чтобы отвернуться от ветеранов, он продолжал развивать и углублять ветеранскую политику, которую ему завещали предшественники. Как я писал в одной из своих книг, применительно к ветеранам «реформы Горбачева были логическим результатом длительного институционального развития, а не радикального разрыва с брежневщиной»⁴². Трагедия советского фронтового поколения была обусловлена не тем, что преобразователи советской системы плохо относились к бывшим фронтовикам. Она заключалась в том, что те самые реформы, которые, в конечном счете, предоставили ветеранам беспрецедентные права, одновременно разрушили советскую систему, за которую они сражались в годы Второй мировой войны.

Авторизованный перевод с английского Екатерины Иванушкиной

40 DUNN E. *Disabled Russian War Veterans: Surviving the Collapse of the Soviet Union* // GERBER D.A. (Ed.). *Disabled Veterans in History*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2000. P. 251–270.

41 О ветеранах на постсоветском пространстве см.: ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* С. 406–418; об отношении к ветеранам и Второй мировой войне в постсоветских государствах: EDELE M. *The Many Memories of the Soviet Union's World War II* // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2020. Vol. 33. № 4. P. 524–526; об изменениях в политике памяти в России: IDEM. *Debates on Stalinism*. Manchester: Manchester University Press, 2020. Ch. 8. [См. также рецензию на эту книгу, опубликованную в «НЗ»: ГАВРИЛОВ П. *История одного «-изма»* // *Неприкосновенный запас*. 2021. № 3(137). С. 269–274.]

42 ЭДЕЛЕ М. *Советские ветераны...* С. 342.

МАРК ЭДЕЛЕ

СОВЕТСКИЕ ВЕТЕРАНЫ
И ПЕРЕСТРОЙКА: ТРАГЕДИЯ
ОДНОГО ПОКОЛЕНИЯ

АЛЕКСАНДР
ЗАМЯТИН

К истокам сильной исполнительной власти в постсоветской России: перепрочтение «Что делать?» Гавриила Попова

Александр Андреевич
Замятин (р. 1991) – неза-
висимый исследователь.

ВВЕДЕНИЕ: ДВА ЗАБЫТЫХ ПЛЕБИСЦИТА

17 марта 1991 года в советской России прошел референдум о введении поста всенародно избираемого президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР). Избирателям Москвы в этот день также выдавали бюллетени с вопросом «Считаете ли вы необходимым провести прямые выборы мэра Москвы жителями города?»¹. Возникшие по итогам этих плебисцитов фигуры президента и мэра сыграли ключевые роли в процессе демонтажа советского государства и учреждения новой политической системы России и ее столицы. Однако, в отличие от драматических событий августа 1991 года или сентября–октября 1993-го, эти плебисциты не породили заметной рефлексии в публицистике и редко становились предметом дискуссий за три постсоветских десятилетия. Историки, политологи и правоведы обычно скупо упоминают учреждение президентства как логично вытекающий из общих тенденций перестройки акт демократизации и консолидации российского государства². А о происхождении московского мэрства и вовсе практически не вспоминают³.

- 1 Строго говоря, это был не бюллетень референдума, а «опросный лист для изучения общественного мнения», так как в Москве не было закона о городском референдуме.
- 2 См., например, работы таких разных авторов, как: Авакьян С.А. *Президент Российской Федерации: эволюция конституционно-правового статуса* // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 1998. № 1. С. 8–40; Гельман В.Я. *Авторитарная Россия: бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия*. М.: Альпина Паблишер, 2021; Дегтев Г.В. *Становление и развитие института президентства в России: теоретико-правовые и конституционные основы*. М.: Юрист, 2005; Пихоя Р.Г. *Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий, 1985–2005*. М.: Русь-Олимп, 2007; Согрин В.В. *Политическая история современной России. 1985–2001. От Горбачева до Путина*. М.: Весь мир; ИНФРА-М, 2001; Шевцова Л.Ф. *Режим Бориса Ельцина*. М.: РОССПЭН, 1999; Шейнис В.Л. *Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993): В 2 т.* М.: Издательство Р. Елинина, 2005. Т. 1; Оуэнс Дж. *Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991*. Washington, D.C., 1997.
- 3 Среди редких примеров работ, которые упоминают вопрос о происхождении московского мэрства: Любарев А.Е. *Выборы в Москве: опыт двенадцати лет. 1989–2000*. М.: Стольный град, 2001; *Московский*

При всей ретроспективной вписанности зарождения сильной, персонифицированной и избираемой напрямую исполнительной власти в логику постсоветского транзита можно заметить, что еще в 1990 году никто публично не предлагал плебисцитарного сценария ее учреждения в обход принятия новой Конституции. Как подчеркивали некоторые конституционалисты, референдум о президентстве не был встроен в официальный конституционный процесс и фактически сорвал планомерную работу над новой Конституцией РСФСР⁴. Наиболее рельефно эту мысль сформулировал секретарь Конституционной комиссии Олег Румянцев, сравнивший внеплановое учреждение президентства со взятием «отравленной фигуры» в шахматах, которое тактически выглядит выигрышно, но стратегически существенно ухудшает позицию поддавшегося искушению игрока⁵.

Однако в современных разговорах о российском авторитаризме редко возвращаются к вопросу о происхождении его главных институтов. Момент зарождения российского президентства и московского мэртства удивительным образом остается «слепым пятном» в истории становления нового российского государства, будто это был ее наименее проблематичный эпизод.

В этой статье я хочу вернуться к политической логике зарождения сильной исполнительной власти в перестроечной России и показать, что она сочетала в себе как демократический, так и антидемократический моменты. Для этого я обращаюсь к текстам и решениям одного из лидеров «Демократической России» Гавриила Попова. В центре моего внимания будет статья «Что делать?», в которой Попов за несколько месяцев до мартовских плебисцитов обосновывал необходимость стратегического разворота «демократов» от советов к сильной исполнительной власти.

Фигура Попова здесь не случайна. Будучи председателем Моссовета, он выступил главным идеологом и инициатором

АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН

К ИСТОКАМ СИЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ...

городской Совет народных депутатов двадцать первого созыва. 1990–1993 гг.: В 2 т. / Под общ. ред. С.В. Орлова. М.: Московская городская дума, 2022. Т. 1; Малхозова Ф.В. Статус Москвы в решениях союзных и российских властей. 1990–1991 годы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки». 2020. № 1. С. 59–72.

- 4 Так, например, Илья Шаблинский пишет, что введение президентства было частью порочной «стратегии поправок» – внесения многочисленных точечных изменений в Конституцию РСФСР 1978 года, которые являлись полумерами, откладываяшими полноценную конституционную реформу и проложившими дорогу к конституционному кризису (Шаблинский И.Г. *Пределы власти. Борьба за российскую конституционную реформу (1989–1995 гг.)*. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997). Другой пример внимания конституционалистов к этой проблеме см.: Зуйков А. *Президент для России: от идеи до Главы 4 Часть 1. Рождение института (1990–1991 годы)* // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 2. С. 22–37.
- 5 Румянцев О.Г. *Конституция девяносто третьего. История явления. Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов*. М.: Издательство «Российской газеты», 2018. С. 41.

введения мэрства, а затем был избран первым мэром Москвы в один день с президентом России. Я не буду утверждать, что текст Попова наилучшим образом отражает подлинную мотивацию действующих лиц, но использую его как источник альтернативной интерпретации логики учреждения сильной исполнительной власти. Для этого я предложу прочтение текста «Что делать?», основанное на предположении о том, что он написан не с традиционной для Попова позиции публициста и экономиста, а с позиции действующего политика.

Чтобы понять замысел и мотивы Попова, я начну с погружения текста «Что делать?» в конкретную политическую ситуацию его написания летом–осенью 1990 года и покажу, что с точки зрения председателя Моссовета эту ситуацию можно охарактеризовать как двоевластие. Далее я покажу, что Попов выводит идею сильной исполнительной власти как способ выхода из двоевластия и что это открывает новый, более проблематичный взгляд на момент учреждение российского президентства и московского мэрства.

«АНТИСОВЕТСКИЙ МОССОВЕТ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ОКРУЖЕНИИ»

По итогам выборов народных депутатов в марте 1990 года большинство мест (285 из 465) в 21-м созыве Моссовета получили кандидаты предвыборного блока «Демократическая Россия» (далее – ДемРоссия). Их оппоненты, организованные московским горкомом КПСС, получили всего пятую часть мандатов (93 из 465)⁶. Пользуясь столь значительным перевесом, депутаты ДемРоссии смогли распределить в свою пользу ключевые позиции председателя Моссовета (Гавриил Попов) и двух его заместителей (Сергей Станкевич и Николай Гончар), а также назначить лояльного председателя Мосгорисполкома (Юрий Лужков).

Однако это еще не означало, что лидеры ДемРоссии могли беспрепятственно проводить любые решения. Между «демократами» быстро возникли острые политические разногласия, из-за которых они начали делиться на фракции. Позиции депутатов ДемРоссии по вопросам повестки дня часто расходились, а решения принимались разнородными коалициями депутатов, которые складывались по-разному для разных вопросов⁷.

Кроме того, из-за отсутствия соответствующего опыта и «парламентской культуры» Моссовет принимал решения медлен-

6 Подробнее об итогах выборов см.: Любарев А.Е. *Указ. соч.* С. 108–125.

7 CLARK T.D. *A House Divided: A Roll-call Analysis of the First Session of the Moscow City Soviet* // *Slavic Review*. 1992. Vol. 51. № 4. P. 674–690.

но и с большим трудом. Много времени на заседаниях занимали митинговые речи и споры депутатов, выходящие далеко за пределы повестки дня. Это вызывало сожаление у сторонников демократизации и злорадство у ее противников⁸. Не все были готовы терпеливо учиться самоуправлению. Но меньше всего терпения и демократического энтузиазма выражала социально-экономическая ситуация в городе.

24 мая 1990 года председатель Совмина СССР Николай Рыжков объявил о повышении цен на продукты, после чего Москву накрыл продовольственный кризис. Услышав заявление Рыжкова по телевизору и радио, горожане бросились запастись едой по старым ценам и буквально за день опустошили магазины. На следующий день председатель Мосгорисполкома докладывал Моссовету о критическом истощении складов и риске исчезновения базовых продуктов из продажи. В Моссовете понимали, что в городе могут начаться голодные бунты, в которых никто уже не станет разбираться, как распределена ответственность между союзным правительством и городской властью.

Затем, в конце лета, в городе разразились табачный и хлебный кризисы. Московские табачные фабрики летом вставали на ремонт, и недостаток выпуска сигарет на этот период обычно компенсировали запасами и импортом. В этот раз центральные власти не дали валюты на импорт, а из-за стремительно распадающихся межреспубликанских связей не получилось сделать достаточно запасов. Аналогичная ситуация сложилась с производством хлеба: устаревшее оборудование и дефицит кадров на хлебозаводах в комбинации со срывом подготовки резервных фондов привели к сбоям хлебных поставок в магазины. Срыв поставок накладывался на сезонный рост спроса на продукты: в сентябре люди возвращаются в город с дач и из отпусков. У магазинов выстраивались нервные очереди, в городе вспыхивали настоящие табачные бунты⁹.

Как это часто бывает, перешедшая во власть оппозиция получила в наследство всю ту разруху, за которую критиковала предыдущую администрацию, и теперь должна была доказать преимущества своей власти на деле. В ответ на майский кризис Попов и Лужков продавили в Моссовете решение о временном ограничении продажи продуктов в Москве и Московской области по «визиткам москвича», чтобы остановить ажиотажное опустошение московских магазинов жителями соседних

АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН

К ИСТОКАМ СИЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ...

8 См. воспоминания свидетелей, например: «Избирательная кампания С. Станкевича и другие истории». Интервью А. Пятковского. Апрель 2005 (http://igrunov.ru/vin/vchk-vin-n_histor/remen/1114673915.html), а также репортажи с заседаний Моссовета в газете «Московская правда» (№ 91, 92 от 18-го и 19 апреля 1990 года).

9 *Московский городской Совет народных депутатов двадцать первого созыва...* Т. 1. С. 19–21.

областей. В августе исполком ввел талоны на продажу сигарет, а в сентябре перевел «Мосгорхлебпром» на работу в режиме особого положения. Городские и районные депутаты ездили по заводам и складам, договаривались на местах с директорами и рабочими, пытались пресекать «левую» отгрузку спекулянтам¹⁰.

Осенью 1990 года экономическая ситуация в городе стабилизировалась, но принципиально лучше не стала. Экономический коллапс был отложен, не отменен полностью. В ответ на введение «визиток москвича» власти соседних областей, жители которых теперь не могли привычно запастись продуктами в Москве, объявили Моссовету торговую войну и начали саботировать поставки в столицу. По снабжению Москвы бил и распад межреспубликанских экономических связей. В ноябре на второй сессии Моссовета председатель Мосгорисполкома докладывал об экономической блокаде: «За 10 месяцев 1990 года город недополучил более 124 тысяч тонн мясопродуктов, свыше 130 тысяч тонн цельномолочной продукции, 200 миллионов штук яиц. Это равно примерно месячному потреблению продуктов питания»¹¹. В декабре в Москву стала поступать иностранная гуманитарная помощь¹².

Таким образом, социально-экономическая стабильность в Москве оказалась в критической зависимости от отношений с региональными, республиканскими и союзными властями. Без координации на межрегиональном и межреспубликанском уровнях в Москву не шли ни молоко, ни мясо, ни сырье для заводов. Раньше такой координацией занималась партия: горком поддерживал связь с парткомитетами в других регионах для прямых поставок и с ЦК для самых сложных вопросов. Теперь, когда «демократические» советы сепарировались от партии и противопоставили себя ей, нужно было выстраивать экономическую координацию самостоятельно.

Без больших реформ на уровне Союза и РСФСР антикризисная работа «демократов» во власти ограничивалась административными мерами управления экономикой – карточками, талонами и ручным регулированием производства и поставок. В конце первой сессии Моссовета, 27 июня 1990 года Попов обратился к депутатам:

«Вот уже три месяца мы встречаемся с избирателями. Выслушиваем бесконечные жалобы на жилье, на ремонт, на торговлю и так далее. Пытаемся что-то решить. Надо сказать, что все это было и до нас. Точно так же выслушивали раньше депутаты различные жалобы, точно так же пытались эти жалобы разрешать. Если мы

¹⁰ Там же. С. 22.

¹¹ Лужков Ю.М. *В режиме особого положения* // Ведомости Моссовета. 1991. № 1. С. 29.

¹² *Московский городской Совет народных депутатов двадцать первого созыва...* Т. 1. С. 24.

будем идти по этому пути, то нас ждет судьба наших предшественников, так и не сумевших преодолеть застой. Для того, чтобы изменить ситуацию, нужно не частные меры предпринимать, надо изменить всю систему»¹³.

АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН
К ИСТОКАМ СИЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ...

Иными словами, уже летом Попов осознал, что для удержания власти «демократам» недостаточно просто хорошо работать в советах – необходимы радикальные преобразования. А после того, как в сентябре Верховный Совет СССР отказался от совместного с РСФСР плана реформ «500 дней», перед «демократами» во власти встал вопрос, что делать дальше. На открытии второй сессии Моссовета в ноябре Попов признавал, что рассчитывать на оптимистичный сценарий всесоюзной реформы было ошибкой и теперь Москва должна действовать самостоятельно¹⁴.

При этом большинство советов в стране (в том числе в Московской области) оставались под контролем КПСС, потому что на выборах в них победили секретари парткомов, которые сохраняли лояльность партийному руководству и не поддерживали «демократов». Они продолжали сотрудничать с Московским городским комитетом КПСС и воспринимали новое руководство Моссовета холодно или откровенно враждебно. Попову приходилось звонить в ЦК и договариваться о поставках из других областей, как это делали партийные начальники до демократизации советов¹⁵.

Значительная часть городской инфраструктуры в Москве тоже относилась к ведению республиканских и союзных министерств, в том числе метро, железные дороги, вокзалы, автозаправки, телефонные линии и целые кварталы ведомственных зданий и жилья. У горкома КПСС и дружественных ему комсомола и профсоюзов тоже оставались некоторые важные для городской власти активы. Показательный пример: первая сессия Моссовета проходила в зале Общественно-политического центра (в Доме политического просвещения на Трубной площади), потому что у Моссовета не было своего достаточно вместительного зала. А принадлежало это здание горкому партии и ВЛКСМ, так что Моссовет платил им за аренду из городского

13 *Обращение председателя Моссовета Г.Х. Попова к депутатам (27.06.1990) // Материалы первой сессии Московского городского Совета народных депутатов РСФСР двадцать первого созыва (Основные документы)*. М.: Московский городской Совет народных депутатов РСФСР, 1990. С. 49. Как показывает историк Гийом Совэ, советским либеральным интеллектуалам, к которым относился Попов, было свойственно «чувство системы»: они видели проблему не в коррумпированности отдельных аморальных личностей, а в порочности самой советской системы, «которая создает условия для совершения индивидуальных нравственных проступков» (Совэ Г. *Потерпевшие победу: советские либералы и крах демократии в России (1987–1993 годы)*). М.: Новое литературное обозрение, 2025. С. 76). Акцент на системность проблемы проявляется не только в этом выступлении, но и многократно далее в рассуждениях Попова.

14 Попов Г. *Кто создает трудности в Москве?* // Ведомости Моссовета. 1991. № 1. С. 19–20.

15 Он же. *Снова в оппозиции*. М.: Галактика, 1994. С. 98.

бюджета¹⁶. Другой пример: газеты «Московская правда» и «Вечерняя Москва», которые раньше были совместными изданиями Моссовета и горкома КПСС, остались в руках партии. Моссовет пытался вернуть их себе, но после долгих тяжб с горкомом отступил и пошел по пути создания своих СМИ (газеты «Куранты», «Независимая газета» и радио «Эхо Москвы»)¹⁷.

Социально-экономическая стабильность в Москве оказалась в критической зависимости от отношений с региональными, республиканскими и союзными властями. Без координации на межрегиональном и межреспубликанском уровнях в Москву не шли ни молоко, ни мясо, ни сырье для заводов.

Все это иллюстрируют специфическое положение Моссовета в новой политической конфигурации: несмотря на широкие конституционные полномочия¹⁸, фактически он делил власть в городе со старой номенклатурой, действующей через партию, все еще пронизывавшей местные, республиканские и союзные органы власти. Позже Попов опишет эту конфигурацию как «антисоветский Моссовет в коммунистическом окружении»¹⁹.

ДВОЕВЛАСТИЕ

Заметим, что противостояние «демократов» в Моссовете (как и в Верховном Совете РСФСР) с враждебным коммунистическим окружением велось на необычной арене. Это не было противостоянием парламентских партий, потому что речь не шла о конкуренции за голоса избирателей или места в правительстве. Не было это и противостоянием ветвей власти, потому что

16 Газета «Московская правда» в критическом репортаже с заседания Моссовета намекала читателям на издержки демократии: «Аренда помещений Общественно-политического центра только на четыре дня обойдется Моссовету, москвичам в 30 705 рублей» (Баталова Н., Нечаев В. *Сессия Моссовета продолжает работу* // *Московская правда*. 1990. 19 апреля. С. 1).

17 См. решение Моссовета от 29 мая 1990 года «О газетах “Московская правда”, “Вечерняя Москва” и других средствах массовой информации»; решение президиума Моссовета от 14 июня 1990 года № 15 «Об утверждении и организации выпуска ежедневной общественно-политической газеты Моссовета»; решение Моссовета от 25 июля 1990 года № 43 «Об учреждении радиовещательной станции для Москвы».

18 Статья 89 Конституции РСФСР в редакции от 27 октября 1989 года гласила: «Советы народных депутатов непосредственно и через создаваемые ими органы руководят на своих территориях всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, принимают решения, обеспечивая их исполнение, осуществляют контроль за проведением решений в жизнь» (<http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/1293/>).

19 Попов Г. *Первый мэтр Москвы*. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2015. С. 54–55.

стороны не представляли функционально разделенные институты единой государственной системы. Описанную ситуацию, возникшую в процессе сепарации советов от партии, точнее было бы охарактеризовать как двоевластие, хотя сам Попов и не использует этого термина в «Что делать?». Обычно его применяют в отношении ситуации 1992–1993 годов²⁰, но я утверждаю, что в 1990–1991-м имело место другое, предшествующее ему, двоевластие.

Двоевластие отличается от разделения властей тем, что при нем параллельно существуют две политические системы, претендующие на всю полноту власти. До выборов власть над Москвой была в руках аппарата КПСС, который осуществлял ее в том числе через советы. В 1990 году Моссовет получил самостоятельность и полномочия по конституционной реформе и наполнился политической энергией по итогам выборов. «Демократы» в Моссовете отказались от услуг партийного аппарата и начали выстраивать новую политическую систему на основе обновленного Моссовета и Мосгорисполкома. Но старая политическая система не исчезла мгновенно. Партийно-административная вертикаль КПСС сохраняла роль скрепляющего советское государство стержня, доминировала во многих советах, включая Верховный Совет СССР, и имела в своем составе руководство вооруженными силами, МВД, КГБ и прокуратуры. Оправившись от поражения на выборах, ее ведущая политическая сила – партаппарат и государственная бюрократия – продемонстрировала свои способности, заблокировав компромисс с Верховным Советом РСФСР по программе «500 дней» на уровне Союза и окружив Моссовет на уровне города.

Таким образом, перед Поповым – как председателем Моссовета – осенью 1990 года встал вызов: как удержать власть в Москве в противостоянии с реакционными силами старой политической системы в условиях двоевластия?

АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН

К ИСТОКАМ СИЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ...

ТЕЗИС О ДЕСОВЕТИЗАЦИИ

Осенью 1990 года вышла статья Попова «Что делать?». Сначала она распространялась в Москве в виде брошюры, а затем в декабре ее напечатал журнал «Огонек»²¹. В ней Попов впервые

20 Редкий пример использования понятия «двоевластие» в анализе ситуации после выборов 1990 года см. в: Котц Д. М., Вир Ф. *Путь России от Горбачева к Путину: гибель советской системы и новая Россия*. М.: Едиториал УРСС, 2013. С. 171. Об эволюции этого понятия в 1917–1993 годах см.: SAUVÉ G. *Un libéralisme bolchévique? Histoire conceptuelle du double pouvoir en Russie* // *Revue canadienne de science politique*. 2020. № 53. P. 117–132.

21 Далее я буду цитировать газетную репродукцию оригинальной брошюры: Попов Г. *Что делать?* М.: Ланит; Московская правда, 1990. В журнале «Огонек» ее напечатали под заголовком «Перспективы и реалии» (1990. № 50; 51). Позже она переиздавалась с некоторыми изменениями в сборниках работ Попова.

систематически излагал свои взгляды на тактику и стратегию демократических сил не в качестве отстраненного публициста и комментатора, а как действующий политик.

До демократической фазы перестройки Попов был известен читающей советской публике как экономист и публицист. В 1989 году он был избран народным депутатом Съезда народных депутатов СССР, на котором организовал Межрегиональную депутатскую группу, превратившись в популярного оппозиционного политика, ведущего массовых митингов «демократов» и без труда победившего на выборах депутатов Моссовета в статусе лидера ДемРоссии. В апреле 1990 года он впервые занимает государственную и управленческую должность председателя Моссовета, то есть высшего должностного лица столицы.

Столкнувшись с вызовом двоевластия, Попов снова берет за перо, чтобы подняться над управленческой «текучкой», систематизировать свои мысли и проанализировать перспективы демократического движения²². В тексте он выдвинул три программных тезиса: о денационализации, о дефедерализации и о десоветизации²³. Здесь нас будет интересовать только последний.

Тезис о десоветизации состоит из двух частей. Прежде всего это критика системы советов и выдвижение альтернативы в виде демократической республики:

«В чем суть перестройки в политической, государственной сфере? Говоря кратко: в замене советской власти нормальной демократической республикой. Выворачивая известный лозунг В.И. Ленина наоборот – не республика Советов, а демократическая республика. Другими словами: десоветизация. [...] По В.И. Ленину, в системе советов носитель власти – совет самого низшего уровня, в котором непосредственно заседают рабочие. А в нормальной демократической республике носитель власти – национальный парламент. И власть от него идет сверху вниз, а не наоборот. На местах избирают не органы власти, а органы самоуправления – муниципалитеты (или земства, как было в России). В системе советов вся власть сосредоточена в руках советов. В демократической республике никто не имеет право удерживать всю власть. Есть три системы власти: законодательная, исполнительная и судебная. В советской системе главное – заседания советов, а в демократической республике – работа аппарата. В советской системе должны работать депутаты, а в республике – профессиональные чиновники»²⁴.

22 Так он сам вспоминает о мотивах написания «Что делать?» в мемуарах: Он же. *Первый мэр Москвы*. С. 107.

23 Интересно, что в 1991 году немецкий политический социолог Клаус Оффе сформулировал свою «дилемму одновременности», согласно которой коммунистические режимы во время трансформации сталкиваются с необходимостью осуществить одновременно три названных Поповым перехода. Но вряд ли они тогда знали о работах друг друга. См.: OFFE C. *Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe* // Social Research. 1991. Vol. 58. № 4. P. 865–892.

24 Попов Г. *Что делать?* С. 4–5.

Может показаться, что тезис о десоветизации заключается лишь в предложении разделения властей, то есть в переходе к стандартам либерально-демократической конституции, и Попов не говорит здесь ничего оригинального. Осенью 1990 года Конституционная комиссия Съезда народных депутатов РСФСР опубликовала первый проект новой Конституции РСФСР, который уже вполне соответствовал этим требованиям²⁵, однако Попов не упоминает его и вообще не обращается к теме конституционной реформы. Он не возлагает надежд на новую Конституцию потому, что суть его тезиса не ограничивается разделением властей (что было бы банальностью). Как я покажу далее, за этим поверхностным прочтением тезиса о десоветизации стоит более сложная и противоречивая идея.

Вторая часть тезиса о десоветизации состоит в выборе механизма, который должен создать демократическую республику. Таковым механизмом Попов объявляет независимую от советов исполнительную власть:

«Главное, ведущее звено [десоветизации] – избрание прямым голосованием всего населения руководителей исполнительной власти всех уровней: президента, губернаторов, мэров, старост и появление независимой от советов по своему составу исполнительной власти»²⁶.

Для Попова-политика значение имеют не только сами принципы политической реформы, но и вопрос о практических средствах ее реализации. Согласия по вопросу о разделении властей недостаточно, поскольку нужно еще придумать, как перейти к нему из актуального положения формального полновластия советов, которое на деле является двоевластием. Обе части тезиса о десоветизации можно понять, если смотреть на него как на практическое решение это вопроса.

НЕДЕЕСПОСОБНОСТЬ СОВЕТОВ

Попов формулирует тактическую развилку для «демократов» в сложившейся политической ситуации: либо сдавать власть, либо прорывать враждебное окружение старой системы²⁷. Но подходят ли советы в качестве плацдарма для прорыва? Попов отвечает отрицательно:

«Если раньше прокламировалась идея, что плохая работа Моссовета или Ленсовета связана с монополией МГК или ЛГК КПСС на

25 Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): В 6 т. / Под общ. ред. О.Г. Румянцева. М.: Wolters Kluwer, 2007. Т. 1. С. 597.

26 Попов Г. *Что делать?* С. 12.

27 Там же. С. 44–45.

власть, то после того, как эти советы оказались под контролем демократов, стало очевидно, что дело не только и не столько в руководителях советов, сколько в самой системе советов как таковой. Кроме того, советы “при КПСС” выглядели порой более эффективными. Почему? Да потому, что и “при КПСС”, и при демократах советы остаются тем, чем они были все семьдесят лет, – декорацией. Но “при КПСС” за декорацией стояла реальная административная власть партии и декорации двигались, что-то делалось. А при демократах за советами-декорациями никакой сильной административной иерархии не стоит, а движения самих декораций ничего не дает – не превращаясь в акции райкомов, парткомов, прокуратуры и т.д.»²⁸.

Могут ли «демократы» компенсировать административную недееспособность советов? Попов считает, что не могут:

«Опыт показывает, что когда демократы на местах берут власть, они в лучшем случае могут управлять советом (и то порой неэффективно), но они совершенно не готовы создать сами административную систему – то, что является главным для перестройки, когда она от разрушения старого переходит к созиданию нового. У них нет кадров, нет опыта. Демократы не в состоянии профессионально бороться с сопротивлением аппарата, начинают скатываться к диктатуре, к террору»²⁹.

Более того, в этом деле вообще нельзя рассчитывать на депутатов:

«Депутаты – особенно демократы – избирались не как представители каких-то партий, а как личности. Они не подотчетны никому, кроме избирателей. Рассчитывать на устойчивость их действий в такой ситуации трудно. И за этими депутатами стоят не силы нового общества, а старые структуры и соответствующие им социальные группы с их политическими позициями. Депутаты очень часто отражают то, что не должно сохраниться, что должно измениться. С этой точки зрения депутатские позиции и голосование тоже не могут быть устойчивыми. [...] Как только надо решить что-то конкретное – появляется разброс мнений депутатов, отражающий разброс мнений слоев нынешнего общества и их неоднозначное отношение к будущему. Возникают бесконечные дебаты, которые никак не могут завершиться принятием каких-то конструктивных решений»³⁰.

Скепсис Попова в отношении депутатов объясним с учетом обстановки на заседаниях Моссовета. Попов хотел принимать решения быстро и эффективно, но в Моссовете это было невоз-

28 Там же. С. 12.

29 Там же. С. 41.

30 Там же. С. 13.

можно, поскольку всегда находились оппонировавшие ему депутаты. В упомянутом выше обращении к депутатам от 27 июня он говорит:

«Я глубоко убежден, что, конечно, только демократия может быть основой жизни общества. Но в то же время пока что наша демократия не вылилась в реальные действия. Теперь нам надо решить: или есть наша личная вина в том, что мы, депутаты, никак не можем принять принципиально важные решения, или дело в том механизме демократии, который сейчас у нас сложился»³¹.

В этих размышлениях Попова проявляется его «чувство системы», о котором пишет Гийом Совэ³²: порочную систему нельзя исправить заменой действующих лиц, ее нужно менять полностью.

На второй сессии Моссовета зимой ситуация лишь усугубилась и все больше депутатов разделяли скепсис Попова в отношении советов. В письмах депутатов, опубликованных в газете «Куранты» под заголовком «Как избавиться от говорильни», можно найти такие свидетельства: депутаты прогуливают («первую половину второй сессии не посещали 26% избранных депутатов, а на вечерних заседаниях зачастую в зале оставались не более 130–170 человек – этого недостаточно для принятия решения») и подолгу ведут бесплодные межфракционные дебаты («в результате на заседаниях Моссовета царит атмосфера нездорового соперничества и противоборства») ³³.

Заметим, что еще в апреле 1990 года, в первые дни работы нового Моссовета, Попов выражал противоположную позицию. Вот, например, его ответ «Московскому комсомольцу» на вопрос о долгих спорах депутатов:

«То, что происходит сейчас в этом зале, нельзя рассматривать в отрыве от того, что сейчас происходит в стране. Необходимо знать общую линию – а она состоит в том, чтобы продвинуться от демократических институтов, которые достигнуты в стране, к условиям президентской власти. Ставится целью создать в Москве ситуацию, при которой можно было бы сказать: эти люди городом не управляют и не собираются управлять, они не могут управлять. Это уже внедряется в умы москвичей. [...] Пытаются доказать, что демократические силы, получившие большинство на выборах, реально вести дело не могут»³⁴.

Тогда Попов считал, что разговоры о недееспособности советов нагнетаются ради обоснования усиления президентской

АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН

К ИСТОКАМ СИЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ...

31 Обращение председателя Моссовета Г.Х. Попова к депутатам... С. 50.

32 См. сн. 13.

33 Как избавиться от говорильни // Куранты. 1991. 9 января. № 4. С. 2.

34 Цыба Т. Возможно ли безвластие? // Московский комсомолец. 1990. 19 апреля. № 91. С. 2.

власти Горбачева. Спустя несколько месяцев работы в Моссовете он уже сам пришел к противопоставлению сильной исполнительной власти слабым советам. Попова можно уличить в двойных стандартах, но едва ли это продвинет нас в понимании его мысли и смены стратегии «демократов». Попов совершает свой идейный разворот против советов в поисках выхода из новой ситуации двоевластия. Вариант решения рождается из опыта руководства Моссоветом и подсказан самой логикой политической борьбы.

МЕХАНИЗМ ВЫХОДА ИЗ ДВОЕВЛАСТИЯ

Решение Попова заключается в том, чтобы собрать и запустить политический механизм, способный ликвидировать двоевластие и создать на его месте демократическую республику. В этой роли Попов видит только сильную исполнительную власть, которая «станет ключевым звеном политического механизма периода перестройки»³⁵. Советы же, согласно Попову, сами на это не способны:

«Советы – даже если ограничить их всевластие и сделать только органами представительной законодательной власти – могут решать две группы задач. Во-первых, своими законами и решениями разрушать правовые устои старого механизма. Во-вторых, принимать законы и решения, которые станут опорой нового механизма. Но в обоих случаях советы издают только указания, грубо говоря, все это – бумаги. Чтобы эти бумаги на деле что-то из старого разрушили и что-то новое создали, нужен механизм администрирования»³⁶.

Превращение советов в законодательные органы в рамках либеральной конституции не решает, по мнению Попова, проблему, поэтому дело для него вовсе не в разделении властей и не в конституционной реформе. Он раз за разом повторяет, что советы могут в лучшем случае *разрушать старое*, но не могут *создавать новое*. Главный вопрос: кто может? Существующие исполнительные комитеты советов на эту роль не подходят, поскольку слишком зависимы от последних и тем самым тоже отражают то, что нужно разрушить. Попов постоянно жаловался на несамостоятельность исполкомов:

«Нельзя рассматривать исполнительную власть как службу – принеси, подай. Это власть. Исполнительная, но власть! [...] заметил, что комиссии Моссовета начинают давать директивы соответствующим

35 Попов Г. *Что делать?* С. 12.

36 Там же. С. 13.

щим службам исполкома. И те радостно стали включаться в эту игру: привыкли так жить»³⁷.

Сильная исполнительная власть должна быть независимой, депутаты не должны сковывать ее своими директивами и контролем.

Следует оговориться, что мысль о сильной исполнительной власти с чрезвычайными полномочиями для беспрепятственного проведения радикальных реформ не была новой в перестроечном политическом дискурсе. Эта идея существовала в кругах прореформаторски настроенных интеллектуалов по меньшей мере с 1989 года в виде метафоры о «железной руке». Именно тогда «Литературная газета» опубликовала интервью с сотрудниками АН СССР Андраником Миграняном и Игорем Клямкиным под заголовком «Нужна ли “железная рука”?», в котором они выдвинули тезис о необходимости авторитарной власти для перехода от тоталитарной системы к демократической³⁸. Эта публикация вызвала бурную реакцию у перестроечной интеллигенции и запустила полемику о допустимости недемократических методов построения демократии³⁹. Но это был теоретический спор (хотя и вдохновленный конкретным положением Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР), а вот летом–осенью 1990 года, вопрос о диктатуре во имя демократии имел для Попова самое практическое значение.

Попов видел источник сильной исполнительной власти иначе, чем сторонники «железной руки»: «руководители исполнительной власти должны избираться тем же населением, которое избирает депутатов»⁴⁰. Оригинальность этого решения в том, что оно как будто бы не отрицает демократию (в отличие от концепции «железной руки»), а напротив, самым последовательным образом доводит ее электоральное понимание до предела: ни один депутат или совет не сможет сравниться в легитимности с исполнительной властью, получившей мандат напрямую от народного большинства. Таким образом, Попов предлагает в качестве механизма десоветизации плебисцитарную легитимность сильного лидера⁴¹.

Здесь перед нами возникает следующая загадка тезиса о десоветизации: кто же в таком случае должен создать новую исполнительную власть? Кто запустит этот механизм плебисцитарной легитимации? Как мы видели у Попова, советы и депутаты

АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН

К ИСТОКАМ СИЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ...

37 Вкус власти. С председателем Моссовета Гавриилом Поповым беседует народный депутат Моссовета, обозреватель «Известий» Валерий Выжutowич // Известия. 1990. № 180. 28 июня. С. 3.

38 Мигранян А., Клямкин И. Нужна ли «железная рука»? // Литературная газета. 1989. № 33. 16 августа.

39 Хороший анализ этой дискуссии см. в: Совз Г. Указ. соч.

40 Попов Г. Что делать? С. 13.

41 Плебисцитарная демократия подразумевает, что политическое влияние граждан на власть ограничивается возможностью одобрить или отклонить предлагаемые им решение или кандидатуру. – Примеч. ред.

«не готовы создать сами административную систему», ведь они «очень часто отражают то, что не должно сохраниться, что должно измениться». И причина непригодности советов для этой работы глубже, чем недостатки личностей отдельных депутатов:

«Новая, послеперестроечная система не вырастает естественным образом из прошлого, из административного социализма. Напротив, ее надо искусственно, извне насаждать на перекопанное поле прежнего строя. (Кстати, так же, как пришедший извне административный социализм.) Из этого фундаментального факта следует вывод: органы власти, отражающие состав старого общества, могут легко разрушить свое ненавидимое и тупиковое общество, но мало что могут создать взамен, так как то, что должно прийти, – вовсе не продукт всеобщего согласия»⁴².

В этом и заключается ключевая проблема тезиса о десоветизации: советы должны разрушить старую систему и вскопать оставшуюся под ней землю, но засеять почву новыми культурами должны какие-то иные силы, не черпающие семена из мешка старого общества. В конце мы вернемся к тому практическому ответу на эту загадку, который нашли Попов и его соратники в 1991 году.

Советы должны разрушить старую систему и вскопать оставшуюся под ней землю, но засеять почву новыми культурами должны какие-то иные силы, не черпающие семена из мешка старого общества.

ГЛАВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ДЕСОВЕТИЗАЦИИ

Плебисцитарное решение сталкивается в теории Попова со следующим противоречием: как утверждение о непригодности представителей старого общества для созидания нового сочетается с тем, что реформы должны опираться на широкие слои того же общества? Попов пишет:

«В конечном счете, вопрос о вариантах перестройки – это вопрос о том, кто будет ее хозяином. Будут ли ее вести только те, кто господствовал в стране раньше, или в дело включатся все силы общества. Аппаратный вариант исходит из глубокого убеждения, что никто в стране, кроме уже занимающих посты в аппарате, реально двигать перестройку не может. Демократический вариант предполагает приток качественно новых сил из всех слоев общества»⁴³.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 22.

Здесь мы снова можем поймать Попова на политическом двуличии⁴⁴, но именно это противоречие и двигает его аргумент. Если мы хотим понять, как «демократы» перешли к учреждению новой политической системы, то нам нужно увидеть в этом противоречии ключ к решению проблемы, а не очередной повод для критики. Посмотрим на обе его стороны внимательнее.

Почему Попов считал, что новое не может быть продуктом согласия в старом обществе? Потому что, «хотя каждый после перестройки будет жить неизмеримо лучше, должно возникнуть новое общество неравенства – и тут ожидать единства нельзя»⁴⁵. В «Что делать?» Попов не раскрывал эту мысль и лишь местами намекал, что завершающий этап перестройки в любом случае не понравится большинству людей в стране: «За десятилетия раболепия перед партократией придется платить, и платить придется каждому, хотя вина у всех разная»⁴⁶. В другом тексте он выразился еще более конкретно:

«Я вижу главную проблему в отношениях между, с одной стороны, популизмом и, с другой стороны, задачами, которые необходимо решить для преобразования экономики и общества. Очевидно, что мы не смогли бы свергнуть мощную тоталитарную систему без активного участия миллионов простых людей. Но сейчас мы должны создать общество с множеством различных форм собственности, включая частную; и это будет общество экономического неравенства. Возникнут противоречия между политикой, ведущей к разгосударствлению, приватизации и неравенству, с одной стороны, и популистским характером сил, которые были приведены в движение для достижения этих целей, с другой. Массы стремятся к справедливости и экономическому равенству. И, чем дальше продвигается процесс преобразований, тем более острым и вопиющим будет разрыв между этими устремлениями и экономическими реалиями»⁴⁷.

Попов четко осознавал это противоречие и развивал свою политическую мысль вокруг него. В популистском характере поддержки демократических сил он видел одновременно и слабость, и силу:

«Сторонники демократического варианта по природе своей массовой базы тяготеют к популизму, к уравнительности, к справедливости. Все это не всегда сочетается с рынком, с конкуренцией, с укреплением административной власти. Поэтому среди демократов постоянно присутствует опасность раскола. [...]»

44 Такую критику озвучивали современники, см., например: Трушков В. *Поперек демократии. В чем нельзя согласиться с Г. Поповым* // Диалог. 1991. № 4. С. 28–34.

45 Попов Г. *Что делать?* С. 13–14.

46 Там же. С. 21.

47 POPOV G. *Dangers of Democracy* // The New York Review of Books. 1990. August 16 (www.nybooks.com/articles/1990/08/16/dangers-of-democracy/). – Перев. мой.

Сила демократического варианта – в активности и решимости масс. Большинству участников преобразований просто нечего терять, и они готовы к самым последовательным переменам»⁴⁸.

Попов знал, что он и другие вожди демократического движения победили на выборах не как провозвестники сильной исполнительной власти во имя непопулярных реформ, а наоборот, как популисты, которые мобилизовали массы против аппарата во имя демократии. Теперь, в ситуации двоевластия, они должны были провести непопулярные реформы, чтобы победить аппарат. А их главным преимуществом перед аппаратом была массовая поддержка.

Попов и другие вожди демократического движения победили на выборах не как провозвестники сильной исполнительной власти во имя непопулярных реформ, а наоборот, как популисты, которые мобилизовали массы против аппарата во имя демократии.

Если «демократы» не могут отказаться от массовой поддержки, то почему бы им не снять противоречие через отказ от другой его части – непопулярных реформ? Потому что это тоже вело к потере власти. Здесь нужно обратиться к различию между двумя вариантами перестройки, которое проводил Попов. В его изложении «и за аппаратным, и за демократическим вариантами стоят силы старого, устранимого общества, административного социализма»⁴⁹, совпадавшие в главном: «они признают необходимость завершить советский государственно-социалистический эксперимент и открыть путь к товарному производству и демократической республике»⁵⁰. То есть у Попова речь вовсе не шла о развилке между рыночными реформами в комбинации с демократической республикой с одной стороны и консервацией государственного социализма с другой. Нет, оба варианта перестройки должны были пойти по первому пути.

В чем же разница? По мнению Попова, демократический вариант перестройки должен был быть более эгалитарным, «ведь [он] дает каждому пакет акций на собственность»⁵¹, – однако противоречия это не снимало. Попов лишь подчеркивал, что демократический вариант имел для масс сравнительное пре-

48 Попов Г. *Что делать?* С. 20.

49 Там же. С. 19.

50 Там же. С. 20.

51 Там же. С. 21.

имущество перед аппаратным, но демократическим силам все равно пришлось бы проводить непопулярные преобразования, поскольку только такие реформы позволили бы им одолеть аппарат и удержать власть.

В статье «Dangers of Democрасу» Попов прогнозировал, что после победы над коммунистической бюрократией от демократического движения отколются лево-популистская часть (*left-wing populism*), которая будет противостоять рыночным реформам:

«Модель полной демократии, которой мы пытаемся следовать, на мой взгляд, неизбежно столкнется с серьезными трудностями: сначала из-за забастовок, а затем из-за последствий уступки требованиям левого популизма, начиная с низших уровней советов, а затем поднимаясь все выше и выше. Поэтому мне кажется, что мы должны приложить интенсивные усилия для поиска новых и отличающихся политических механизмов, чтобы осуществить преобразования, которые должны произойти, если мы хотим перейти к новому обществу. Для меня абсолютно очевидно, что применяемая сейчас чисто демократическая модель ведет к противоречиям, которые в будущем могут только обостриться»⁵².

Но с чего бы демократическому движению раскалываться, если демократический вариант перестройки – наиболее эгалитарный из возможных и лучше всего соответствует интересам всех слоев общества? Это можно понять только в логике политической борьбы: вопрос не в интересах общества, а в том, у кого власть. Сущностное различие между вариантами перестройки в том, кто будет ее продолжать и завершать – «мы» или «они». Демократические силы – писал Попов – это «мы», которые вели борьбу за власть с «ними», силами старого общества – аппаратом, бюрократией, реакционной номенклатурой, а в будущем и с гипотетическими левыми популистами. Демократический вариант перестройки разрубил бы двоевластие в пользу «нас», «демократов», а аппаратный – в пользу оппонентов.

С этой точки зрения тезис о необходимости свернуть демократию ради «демократических» реформ не является логическим противоречием или криводушием мыслителя – он выражает ход в политической борьбе, отвечающий на реально существующее противоречие между популистским характером опоры демократических сил и антипопулистским характером реформ, которые должны удержать их во власти.

АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН

К ИСТОКАМ СИЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу о политической логике учреждения постов президента РСФСР и мэра Москвы, можно резюмировать следующую ее интерпретацию, основанную на предложенном прочтении статьи Попова.

Идея сильной исполнительной власти появилась у «демократов» на рубеже 1990–1991 годов в качестве хода в политической борьбе в ситуации двоевластия, которая сложилась после выборов. Опыт руководства Моссоветом в трудных социально-экономических условиях заставил Попова усомниться в эффективности советов в противостоянии с партийно-бюрократической вертикалью и пересмотреть стратегическую ставку на их демократизацию. В статье «Что делать?» Попов формулирует свое решение для успешного выхода из ситуации двоевластия, которое заключается в том, чтобы побороть вертикаль аппарата, принес в жертву саму систему советов. Для этого он предлагает создать сильную исполнительную власть вне советов, которая должна выступить в роли механизма учреждения новой политической системы. Такая исполнительная власть должна опираться напрямую на массовое демократическое движение и тем самым обладать плебисцитарной легитимностью, позволяющей действовать в обход советов и Конституции.

Вопрос о том, кто должен собрать и запустить этот плебисцитарно-учредительный механизм, в тексте Попова не упоминается. На данной недосказанности теория Попова заканчивается и переходит в практику, которая была явлена организацией плебисцитов о введении президентства и мэрства 17 марта 1991 года, а затем победой на выборах на эти должности в июне того же года Бориса Ельцина и самого Попова. С этой точки зрения учреждение президентства и мэрства в России выглядит проблематичным сразу в нескольких измерениях.

Во-первых, распространенная в политологии трактовка этого эпизода как высшей точки демократизации (поскольку референдум и всенародные выборы являются торжеством народного волеизъявления) не учитывает, что это был плебисцитарный ход, призванный ограничить избыточную демократию, воплощенную в советах. В этом отношении президентство и мэрство сочетали в себе демократический (апеллирующий к воле народа) и антидемократический (настаивающий на дальнейшей независимости исполнительной власти от этой воли) моменты. Данное сочетание отражает противоречие между популистским характером опоры «демократов» и их антипопулистской задачей политического выживания.

Во-вторых, сильная исполнительная власть создавалась не только для наведения конституционного порядка (каковой ее

часто представляли риторически), но и в качестве революционной силы, способной ликвидировать старую систему двоевластия, включавшую, с одной стороны, вычеркнутую из Конституции КПСС и, с другой стороны, конституционную власть советов.

В-третьих, утверждения о том, что учреждение президентства и мэрства были вписаны в логику транзита к либерально-демократическому режиму, выглядят с точки зрения предложенной интерпретации как рационализация задним числом, уводящая в тень тот факт, что эти должности вводились через плебисциты в обход конституционных преобразований. В дальнейшем президент и мэр определяли свое место в политической системе «явочным порядком», то есть концентрируя в своих руках полномочия на основании своей плебисцитарной легитимности, к чему был вынужден адаптироваться конституционный процесс⁵³. Предложенная интерпретация смысла учреждения сильной исполнительной власти объясняет ее внеконституционное происхождение через заложенную в нее плебисцитарно-учредительную природу.

АЛЕКСАНДР ЗАМЯТИН
К ИСТОКАМ СИЛЬНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ...

53 См., например: Краснов М.А. *Законодательно закрепленные полномочия президента России: необходимость или сервиллизм?* // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4. С. 91–103.

АЛЕКСЕЙ
МАКАРКИН

Консервативный лик перестройки: канонизация святых на Поместном соборе 1988 года

Алексей Владимирович Макаркин (р. 1971) – первый вице-президент Центра политических технологий.

6 –9 июня 1988 года в Троице-Сергиевой лавре прошел Поместный собор Русской православной церкви (РПЦ). Он стал первым церковным форумом после собора 1917–1918 годов, где можно было вернуть дискуссии о путях развития церкви: перестройка и гласность к тому моменту распространились и на эту сферу. Однако после его завершения ничего подобного в истории РПЦ более не повторялось: двумя годами позже, когда состоялся новый собор, посвященный выборам нового патриарха вместо почившего Пимена – им стал Алексей II, – церковно-общественные дискуссии не проводились. В следующий же раз Поместный собор был созван только после смерти Алексея II в 2009 году; на нем патриархом был избран Кирилл.

Одним из главных вопросов, рассматривавшихся на соборе 1988 года и привлечших большое внимание за пределами церкви, стал «апофеоз национальной русской святости, представленной тщательно подобранными репрезентативными фигурами»¹, а именно: канонизация девяти святых – князя Дмитрия Донского, святителей Макария Московского, Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника, преподобных Андрея Рублева, Максима Грека, Паисия Величковского и Амвросия Оптинского, а также блаженной Ксении Петербургской. Здесь важно отметить, что в интервале между Поместными соборами 1917–1918-го и 1988 годов канонизации в РПЦ практически прекратились. Священный Синод за все это время канонизировал всего трех человек, причем две канонизации, согласованные с властями, были связаны с внешней политикой. (В 1970-м к лику святых был причислен архиепископ Николай (Касаткин), почти всю жизнь прослуживший в Японии, а в 1977-м – митрополит Иннокентий (Вениаминов), долгие годы бывший миссионером на Аляске. Эти канонизации были увязаны с предоставлением автономии Японской автономной церкви и автокефалии Православной церкви в Америке.)

¹ Семененко-Басин И.В. *Канонизация святых в Русской Православной церкви в контексте эволюции советской и постсоветской культуры (1917–2000 гг.)*. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М., 2002. С. 66.

Запрос на канонизацию святых, сформировавшийся к тому моменту у части архиереев и клириков, реализовывался разными способами. Архимандрит Дамаскин (Орловский), многолетний член Синодальной комиссии по канонизации святых, обратил внимание на внесение в 1978–1979 годах в выпускаемую патриархией «Настольную книгу священнослужителя» около 150 имен неканонизированных усопших, заимствованных из издававшихся в XIX веке (и не проходивших проверку в Синоде ни тогда, ни в 1970-х) печатных сборников. Затем развернулась местная инициатива – с отсылками к упомянутой книге были составлены списки некоторых епархиальных соборов святых, которые по мере представления в Синод им утверждались. (В дореволюционное время таких соборов – собраний святых, имевших отношение к конкретной епархии, – вообще не существовало.) Этот процесс начался в 1981 году. В 1987-м в списке Русских святых к богослужебной Минее за месяц май оказалось уже более четырехсот имен неканонизированных усопших². Архимандрит Дамаскин считает этот процесс «хаосом в области агиографии»³. Его постарались упорядочить, но проверенные поименные списки «местных соборов святых, почитаемых в Самоуправляемых Церквах, Экзархатах, Митрополичьих округах, митрополиях и епархиях», были утверждены Синодом только в 2023 году⁴.

Архимандрит Дамаскин подчеркивает, что канонизация 1988 года была совершена после переговоров патриарха и членов Синода с руководителями советского государства⁵. Следующая канонизация – патриархов Иова и Тихона на Архиерейском соборе в октябре 1989-го, – по его словам, была связана с «некоторым ослаблением государственного контроля над Церковью». При этом, однако, патриарх Тихон был канонизирован как святитель, а не исповедник, что «было связано с опасением отрицательной реакции со стороны еще действовавших тогда советских государственных организаций»⁶. Последней канонизацией советских времен стало причисление к лику святых протоиерея Иоанна Кронштадтского на Поместном соборе в июне 1990 года. Первые же новомученики были прославлены РПЦ уже в суверенной России – на Архиерейском соборе 1992-го.

Говоря о канонизации Иоанна Кронштадтского, следует отметить, что первой ее осуществила Русская православная цер-

2 ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ), АРХИМАНДРИТ. *Слава и трагедия русской агиографии. Причисление к лику святых в Русской Православной Церкви: история и современность*. М.: Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», 2018. С. 144–146, 167–179.

3 Там же. С. 144.

4 См.: *Журналы Священного Синода от 16 мая 2023 года* (www.patriarchia.ru/db/text/6027150.html).

5 ДАМАСКИН (ОРЛОВСКИЙ), АРХИМАНДРИТ. *Указ. соч.* С. 182.

6 Там же. С. 226.

ковь за границей (РПЦЗ) в 1964 году⁷, но этот акт не был признан РПЦ, которая в тот момент считала само существование РПЦЗ «расколом». В 1981-м РПЦЗ канонизировала новомучеников, включая Николая II и членов его семьи⁸, а тремя годами раньше, в 1978-м, с гораздо меньшим шумом за границей прошла канонизация Ксении Петербургской. Иначе говоря, канонизации 1988 года были, хотя и косвенно, связаны с «конкуренцией» между РПЦ и РПЦЗ: РПЦ, не ссылаясь при канонизации Ксении Петербургской на аналогичное деяние «зарубежной» церкви, продемонстрировала, что не признает его легитимности. Дальнейшие канонизации проходили в более свободной для церкви обстановке: по мере перехода гласности в демократизацию фактор РПЦЗ учитывался все более зримо. Уже в 1989 году первая небольшая группа духовенства во главе с игуменом Евтихием (Курочкиным), вышедшая из-под юрисдикции РПЦ, обратилась в РПЦЗ с просьбой о приеме⁹, причем тогда никто не мог прогнозировать, насколько массовой окажется подобная инициатива. Впрочем, на практике она почти не вызвала резонанса – среди прочего и потому, что РПЦ быстро адаптировалась к новой реальности, в том числе и на символическом уровне производимых ею канонизаций.

В 1981 году, когда РПЦЗ канонизировала новомучеников, окончательный список канонизируемых не удалось утвердить из-за дефицита достоверной информации о жертвах гонений¹⁰. Тем не менее патриарх Тихон был изображен на одобренной РПЦЗ иконе новомучеников и исповедников Российских, и поэтому его прославление считалось очевидным для клира и прихожан «зарубежной» церкви – иначе говоря, речь шла о своего рода канонизации *de facto*. Так что в «советском» 1989 году, канонизируя того же патриарха Тихона, РПЦ подавала сигнал о том, что почитание новомучеников более не является исключительной прерогативой РПЦЗ. Канонизация Иоанна Кронштадтского также показывала, что церковь стремится преодолеть советское прошлое.

КОНСЕРВАТИВНЫЕ КАНОНИЗАЦИИ

Канонизации 1988 года содержали в себе еще один смысл, который не был столь очевиден: причисление в перестроечный период к лику святых Амвросия Оптинского, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника, а также канонизация Иоанна

7 Это событие стало первой канонизацией в РПЦЗ, см.: Семеновко-Басин И.В. *Указ. соч.* С. 57.

8 Там же. С. 61–63.

9 Подробнее см.: *Епископ Евтихий (Курочкин)* (www.patriarchia.ru/db/text/113647.html).

10 Семеновко-Басин И.В. *Указ. соч.* С. 62.

Кронштадтского стали яркой демонстрацией укрепляющей-ся влияния консервативной части священноначалия и клира. В этой связи есть смысл отдельно остановиться на социально-богословском наследии каждого из перечисленных персонажей.

Причисление к лику святых Амвросия возобновило практику так называемых «монашеских» канонизаций, которая была распространена в средневековой Руси, но оказалась практически свернутой в синодальный период, когда канонизировали редко и в основном архиереев. Единственная синодальная канонизация монаха, так и не ставшего епископом – Серафима Саровского, – в 1903 году своей исключительностью подтверждала общее правило, поскольку была проведена по прямому указанию императора. Зато после канонизации Амвросия Оптинского к лику святых были причислены иные оптинские старцы, монашествующие Глинской пустыни и других обителей. Подобные канонизации явились официальным признанием «старческого» авторитета в церкви, до той поры остававшегося неформальным.

Авторитет старца Амвросия среди православных (как практикующих верующих, так и знакомых с православием в основном по художественной литературе, включая роман «Братья Карамазовы», где Амвросий послужил прототипом одного из персонажей) и в XX веке оставался настолько высоким, что церковный диссидент Валерий Борщев, например, однозначно одобрял его причисление к лику святых. Вскоре после Поместного собора он отмечал, что паломничество на могилу старца продолжалось даже в советское время, когда Оптина пустынь была разорена; как раз это всенародное почитание, по мнению Борщева, сыграло немаловажную роль в его канонизации¹¹. Интересно, что для церковных консерваторов важность этих процессов выходила за рамки канонизации как таковой: если раньше богословские взгляды Амвросия Оптинского, Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника и Иоанна Кронштадтского воспринимались как частные мнения подвижников церкви, то теперь они приобретали гораздо большую весомость. В частности, в наши дни подборки цитат из их высказываний, кочующие по интернету, широко используются полемистами, отстаивающими неприятие как западного христианства, так и самого Запада в целом¹².

На фоне многочисленных духовных советов, даваемых Амвросием Оптинским приезжавшим к нему людям, не слишком известна, но все же весьма показательна его позиция, согласно которой «Римская церковь давно уклонилась в ересь». Отвечая на вопрос, почему же о еретичности католиков и других ино-

11 Борщев В.В. *Возвращение дыхания // На пути к свободе совести*. М.: Прогресс, 1989. С. 237–238.

12 См.: *Святые отцы о католицизме* (<https://krestovayapustin.cerkov.ru/2015/03/10/svyatye-otcy-o-katolicizme>).

славных в современной ему России не говорят прямо, старец ссылался на политические факторы: по его словам, «иноверцы наравне с православными занимают у нас важные должности» и «где ни начни духовное лицо открыто проповедывать, что вне Православной Церкви нет спасения, сановитые иноверцы оскорбятся»¹³.

Что касается богословского творчества святителя Игнатия, то для него тема защиты православия от западных «ересей» представляла еще более важной. Он тоже считал католиков и протестантов еретиками, но высказывался о них гораздо резче, чем любвеобильный старец Амвросий: католики, писал он, «преданы самим себе и сатане, изобретателю и отцу всех ересей, в числе прочих и папизма», а протестанты, хотя и отбросили святую Терезу, святого Франциска и «прочих западных сумасшедших, которых их еретическая Церковь выдает за святых», тем не менее «с ужасными хулами отвергли Божественную литургию и все таинства»¹⁴.

В свою очередь Феофан Затворник, относившийся к католикам более снисходительно, даже переводил труды западных христианских писателей на русский язык, адаптируя их к православной ортодоксии. Однако его мягкость оставалась весьма относительной: так, не объявляя последователей католицизма еретиками напрямую, он в то же время писал, что «у папистов все таинства повреждены и многие спасительные священнодействия искажены», а папство называл не иначе как «гноящимся легким». Лютеране у Феофана – в развитие той же медицинской метафоры – «походят на тех, у коих три четверти легких сгнило, а остальная [четверть] дотлевет»¹⁵. В этих словах при желании можно усмотреть намек на то, что католики, в отличие от протестантов, не такие уж и безнадежные в догматическом плане люди, – но негативное отношение к западному христианству все равно остается тут доминирующим мотивом. Более того, к тогдашнему секулярному Западу Феофан относился с яркой непримиримостью, выводя из этого и звучащие довольно современно конкретные рекомендации по преодолению данной напасти:

«Западом и наказывал и накажет нас Господь, а нам в толк не берет. Завязли в грязи западной по уши, и все хорошо. Есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим и сердцем не разумеем. [...]

13 Преподобный Амвросий Оптинский (Гренков). *Ответ благосклонным к латинской церкви* (https://azbyka.ru/otechnik/Amvrosij_Optinskij/otvet-blagosklonnym-k-latinskoj-tserkvi).

14 Цит. по: Зайцев А.А. *Православие и инославие в оценке святителя Игнатия (Брянчанинова)* (www.orthohetero.ru/index.php/heresy/566).

15 Цит. по: Барсов М.В. *Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний святых апостолов* (https://azbyka.ru/otechnik/Matvej_Barsov/sbornik-statej-po-istolkovatelnomu-i-nazidatelnomu-cteniju-dejanij-svjatykh-apostolov/2_9#source).

Надо свободу замыслов пресечь – зажать рот журналистам и газетчикам. Неверие объявить государственным преступлением. Материальные воззрения запретить под смертной казнью»¹⁶.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИК
ПЕРЕСТРОЙКИ...

Примерно в том же русле рассуждал и Иоанн Кронштадтский, считавший католическую церковь «вполне еретической»¹⁷ и бичевавший, не щадя сил, либерализм и нигилизм. По его мнению, «к особенному роду бесноватых надобно отнести [...] так называемых либеральничавших: то есть слишком свободно, вопреки христианскому и всякому здравому смыслу, мыслящих»¹⁸. «Кронштадтский батюшка», призывавший «умолкнуть мечтательных конституционалистов и парламентаров»¹⁹, был крайне политизирован: он не только благословил создание Союза русского народа, но и сам вступил в него, поддерживая эту крайне правую организацию материально²⁰.

Все эти инвективы не означают, разумеется, что творчество канонизированных в 1988–1990 годах русских богословов ограничивается только нападками на Запад: напротив, они составляют меньшую часть их духовно-нравственного наследия. Кстати, в житиях Амвросия, Игнатия и Феофана, опубликованных в материалах Поместного собора, об этой стороне их духовной деятельности вообще ничего не сказано²¹, поэтому верующие в большинстве своем навряд ли были осведомлены о воззрениях новых святых относительно западных ценностей. Но для консерваторов внутри РПЦ эти взгляды не были чем-то новым – тем более, что некоторые из них приняли непосредственное участие в подготовке канонизаций.

КОНСЕРВАТОРЫ И ЛИБЕРАЛЫ В РПЦ

Еще задолго до Поместного собора 1988 года в РПЦ сложились две неформальные фракции. Те, кого можно назвать «консерваторами», группировались вокруг Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии, а для церковных «либералов»

16 Цит. по: Игумен Лука (Степанов). *Святитель Феофан Затворник об угрозе с Запада* (https://ruskline.ru/monitoring_smi/2016/aprel/2016-04-20/svyatitel_feofan_zatvornik_ob_ugroze_s_zapada).

17 Цит. по: Св. Иоанн Кронштадтский о католичестве и панстве (www.ortho-hetero.ru/index.php/heresy/234).

18 Св. Иоанн Кронштадтский. *Простое Евангельское слово русскому народу. Слово в неделю пятую по Пятидесятнице* (https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Kronshtadtskij/prostoe-evangelское-slovo-russkomu-narodu-stati-dlja-chtenija-po-voskresnym-i-prazdnichnym-dnjam-vsego-goda).

19 Цит. по: Игумен Кирилл (Сахаров). *За Веру и Царство Православное подвигающихся* // Русский вестник. 2023. 9 марта (www.rv.ru/content.php3?id=14537).

20 Подробнее см.: Пронин А. *Он предсказал «русский Апокалипсис». О пророчествах святого праведного Иоанна Кронштадтского* (www.stoletie.ru/territoriya_istorii/on_predskazal_russkij_apokalipsis_857.htm).

21 См.: *Поместный собор Русской православной церкви. Троице-Сергиева лавра. 6–9 июня 1988 года. Материалы*. М.: Издание Московской Патриархии, 1990. С. 200–229.

точкой притяжения выступала Ленинградская духовная академия. Церковный либерализм восходил к дореволюционной академической традиции, на которую значительное влияние оказывали богословие и церковно-историческая наука Запада. Среди преподавателей духовных академий предреволюционного времени было немало светских ученых и представителей белого духовенства. Что касается церковного консерватизма, то он исторически был связан с монашеством – причем как со «старческим», так и с «ученым», за которым стояли принявшие постриг интеллектуалы. Обычно последние были выпускниками духовных академий, хотя встречались и случаи, когда в монахи уходили выпускники светских высших учебных заведений. Наличие двух выраженных фракций способствовало своеобразной «полифоничности» русской церкви, отсутствию в ней единственной, доминирующей и подавляющей, традиции²².

Задолго до Поместного собора 1988 года в РПЦ сложились две неформальные фракции. Те, кого можно назвать «консерваторами», группировались вокруг Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии, а для церковных «либералов» точкой притяжения выступала Ленинградская духовная академия.

После революции 1917 года внутрицерковное обновленческое движение тесно сблизилось с советской властью. Это дискредитировало его в глазах большинства верующих, ослабив позиции церковных либералов, – пусть и далеко не все сторонники переустройства церкви примкнули к обновленчеству, а некоторым и вовсе суждено было при коммунистах стать новомучениками. Между тем изнуренная гонениями церковь в СССР делалась все более консервативной не только из-за отторжения ею обновленчества. Немалую роль в этом сыграли и закрытость страны, прервавшая нормальное общение с зарубежными богословами, и живучесть монашеской традиции, представители которой даже на фоне государственных репрессий сохраняли духовный авторитет среди паствы. Если либеральная традиция была завязана на церковное образование, по которому советская власть нанесла сильнейший удар (старая система была уничтожена, а новая, возникшая после

22 Подробнее об этом явлении см.: Макаркин А.В. *Полифония Русской церкви: государственный фактор, общественный запрос и вызов пандемии* // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 2(97). С. 104–125.

1943 года, оказалась слабым подобием прежней), то консервативная традиция воспроизводилась в непосредственном или дистанционном (через переписку) личном общении между монахом и его духовными чадами.

Имелась еще более фундаментальная причина, объяснявшая успех консерваторов: консервативная церковь устраивала советскую власть гораздо больше, чем ее либеральный аналог. Как полагали советские идеологи, «церковь старушек» никогда не сумеет привлечь образованную молодежь, которая априори считалась носителем прогрессивного мировоззрения. Кроме того, в сталинские времена, когда оформлялись новые государственно-церковные отношения, консерватизм РПЦ воспринимался и как альтернатива идейному влиянию Запада, что в условиях начавшейся «холодной войны» казалось довольно важным. Всеправославное совещание 1948 года в Москве – мероприятие, отмеченное антизападничеством, антикуменизмом, антикатолицизмом, – до сих пор остается богословским и политическим образцом для российских церковных консерваторов. (Характерно, что тяготевший тогда к либеральным реформам Константинопольский патриархат полностью проигнорировал это масштабное событие.) Неудивительно, что церковный консерватизм удачно вписывался и в сталинскую борьбу с космополитизмом.

В том же 1948 году на страницах «Журнала Московской Патриархии» появился своего рода манифест церковного консерватизма, представленный профессором Московской духовной академии Иваном Шабатиным в статье о епископе Феофане Затворнике²³. По словам автора, в годы жизни Феофана наступление на православие «шло стремительными шагами и концентрированными ударами – извне и изнутри». «Удары извне» советский богослов обходит молчанием; иначе ему пришлось бы критиковать революционных демократов, а это сулило неминуемые неприятности. Но зато «удары изнутри» Шабатин характеризует подробно: среди них упоминались и фальсификация истории православной культуры, и клевета «о поразительной якобы отсталости и заимственности православного учения», и то, что в сфере богословия «признаком хорошего “научного” тона считались благоговейные ссылки на протестантские “авторитеты” (зачастую непомерно раздутые) и признаком рутинерства – ссылки на святоотеческие труды». Духовная лень, по мнению Шабатина, «поощрялась рассуждениями о необходимости сокращения продолжительности богослужения, театрализации церковного пения, уменьшения количества обрядов и т.д. и т.п.». Автор удрученно констатировал:

23 ШАБАТИН И. Н. *Епископ Феофан Затворник и его духовное наследие* // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 5. С. 43–55. Нижеследующие цитаты из статьи даются именно по этому тексту.

«Прискорбнее всего, что благодаря своей доверчивости и уважению к духовно-учебным степеням и званиям руководящие иерархи Святейшего Синода разглядели истинную подоплеку и колоссальный вред “творчества” такого рода слишком поздно».

К счастью, с выходом на церковную сцену епископа Феофана все изменилось, поскольку он дал «сокрушительный отпор лжецерковным “либералам” и отуманенным или нетвердым в вере мирянам». Интересно, что в качестве образцового богослова и молитвенника Шабатин предлагал не только Феофана, но и Иоанна Кронштадтского, который в советской литературе считался одним из символов церковной реакции (Феофаном эта литература вовсе не интересовалась). В завершение своей статьи автор делится с читателями мыслью о том, что следование традиционным формам духовной жизни есть «могущественное средство воспитания лучших гражданско-общественных и нравственных качеств в современном поколении русских людей: людей высокой морали, честности, героического общественно-полезного труда и доблести на полях справедливой воинской брани». Иначе говоря, даже в эпоху позднего сталинизма церковные консерваторы претендовали на востребованность со стороны атеистического государства – которое, впрочем, почти до самого своего конца никак не собиралось давать им такую возможность.

Консервативная церковь устраивала советскую власть гораздо больше, чем ее либеральный аналог. Как полагали советские идеологи, «церковь старушек» никогда не сумеет привлечь образованную молодежь, которая априори считалась носителем прогрессивного мировоззрения.

Вместе с тем в советские времена наряду с консервативной продолжала жить и либеральная церковная традиция. В 1960-х она даже испытала некоторое оживление, прежде всего благодаря последствиям оттепели в виде ограниченной открытости страны, позволившей наладить контакты с западными христианами. Консерваторы такого диалога вести не могли.

Непрямая полемика между либералами и консерваторами проявлялась в немногочисленных церковных изданиях того времени. Так, в одном из номеров «Богословских трудов» за 1971 год были опубликованы работы, диаметрально по-разному

оценивающие опыт западного христианства. В первой статье, написанной ленинградским профессором и епископом Михаилом (Мудьюгиным) – одним из ключевых участников диалога РПЦ с протестантами – и посвященной ранней Реформации, утверждалось следующее:

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИК
ПЕРЕСТРОЙКИ...

«Массовое распространение слова Божия, доведение его до рядового мирянина на доступном ему родном языке явилось чем-то вроде повторения первых веков христианства, воскрешением в душах людей давно забытого облика Христа Спасителя и Искупителя, почти померкшего в полутьме средневекового обрядоверия и схоластики. [...] Важнейшим, хотя и косвенным, положительным результатом реформации следует считать тот путь обновления, на который вынуждена была стать сама Римско-Католическая Церковь, чтобы сохранить свое существование, противопоставив распространению протестантизма мощный оплот контрреформации. [...] В результате] реформация явилась орудием обновления и укрепления той самой Церкви, которую она отрицала и против которой ожесточенно боролась»²⁴.

Автор не просто изучает опыт протестантизма – он стремится актуализировать его применительно к современной РПЦ, пережившей в 1920-х опасность обновленческого раскола, использовавшего реформаторские лозунги. Но вот должна ли церковь в ответ на подобные вызовы консервировать или, напротив, обновлять себя? На этот принципиальный вопрос «москвичи» и «ленинградцы» отвечали по-разному.

«Московская» позиция представлена во второй статье, принадлежавшей перу московского профессора игумена Марка (Лозинского) и фактически являвшейся авторефератом его диссертации, которая была посвящена епископу Игнатию (Брянчанинову) – тогда еще не канонизированному критику западного христианства и поборнику православной ортодоксии:

«Изучая жизнь и творения приснопамятного епископа Игнатия, невольно склоняешься перед величием его духовного образа. Лучшие иерархи прошлого века сразу же увидели в сочинениях Преосвященного Игнатия всестороннее руководство в духовной жизни. Позднейшие русские христианские писатели в вопросах духовной жизни нередко ссылаются на произведения епископа Игнатия как на непререкаемый авторитет. И поныне многие миряне находят в учении епископа Игнатия источник живой воды, утоляющий духовную жажду»²⁵.

24 Епископ Михаил (Мудьюгин). *Реформация XVI в. как церковно-историческое явление* // Богословские труды. 1971. Т. 6. С. 163, 164.

25 Доцент-игумен Марк (Лозинский). *Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова)* // Богословские труды. 1971. Т. 6. С. 230.

Все перечисленные аргументы были задействованы в перестроечные годы – в ходе канонизации этого виднейшего церковного консерватора-антизападника, до которой игумен Марк не дожил.

МОСКОВСКИЕ БОГОСЛОВЫ И ПОДГОТОВКА КАНОНИЗАЦИЙ

Игумен Марк (Лозинский) родился в 1939 году в Нарве, находившейся на территории независимой Эстонии, где его отец был священником²⁶. Интересно, однако, что в официальном некрологе, составленном, вероятно, на основе его личного дела, местом рождения указан соседний «Ивангород Ленинградской области»²⁷ – скорее всего, чтобы не вызывать лишних вопросов, связанных с появлением на свет за пределами СССР. Окончив семинарию и академию в Москве, он преподавал в последнем из этих заведений, а после защиты в 1969 году диссертации стал самым молодым его профессором. Работая над своей темой, он собрал, систематизировал и откомментировал обширный архивный материал из наследия епископа Игнатия – в частности, подготовил полное собрание его писем. Также он собирал и изучал материалы по истории Оптиной пустыни, знаменитой целой плеядой старцев, самым известным из которых был иеросхимонах Амвросий (Гренков). В январе 1973 года игумен Марк скончался от диабета.

У Марка (Лозинского) в академии учился иеромонах Иоанн (Маслов), располагавший, однако, большим жизненным и практическим духовным опытом, чем его молодой наставник. Родившийся в 1932 году, он семь лет жил в одном из немногих действовавших тогда монастырей – Глинской пустыни. Поступив в нее в 1954-м послушником, он через три года был пострижен в монашество. В конце жизни Иоанн составил «Глинский патерик» с подробными жизнеописаниями насельников обители и ее настоятелей. Однако в патерике нет биографии «антигероя» его книги – архимандрита Тавриона (Батозского), который в 1957–1958 годах служил настоятелем пустыни. Иоанн писал, что Таврион в «истинно православной» обители стал вводить «западные, католические обычаи церковной жизни», что и привело к его смещению с должности по требованию братии²⁸, в которую тогда входил и автор патерика. Архиепископ Ярославский и Ростовский Микей (Хархаров) вспоминал:

26 Марк (Лозинский) // *Православная энциклопедия*. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. Т. 43. С. 667.

27 *Памяти игумена Марка (Лозинского)* // Журнал Московской Патриархии. 1973. № 3. С. 28–29.

28 Иоанн (Маслов), архимандрит. *Глинский патерик*. М.: Самшит, 1997. С. 588.

«Отец Таврион в своих проповедях часто ссылался на Фому Кемпийского. Братия вычитали у святителя Игнатия Брянчанинова, что благочестие по книге Фомы Кемпийского “О подражании Христу” не истинное – это только по разгорячению крови, а не основанное на смиренномудрии, как учат православные подвижники. Пошли обвинения в католицизме отца Тавриона»²⁹.

Позднее архимандрит Таврион был духовником Спасо-Преображенской пустыни Рижской епархии, куда к нему приезжали интеллигенты из Москвы, интересовавшиеся православием, но при этом далекие от национал-патриотов³⁰.

Лишь после закрытия Глинской пустыни в 1961 году Иоанн стал студентом Московской духовной семинарии, а затем и академии. Его кандидатская работа была посвящена эпистолярному наследию оптинского старца Амвросия (Гренкова). Влияние этого труда заметно в житии преподобного Амвросия, канонизированного на соборе 1988 года, хотя опубликован в «Богословских трудах» он был уже после канонизации старца³¹. Во время учебы в академии иеромонах Иоанн духовно окормлял не только студентов, но и преподавателей. В биографии схиархимандрита Иоанна (Маслова) сказано, что игумен Марк (Лозинский) был самым близким из его духовных чад, отличался беззаветной преданностью наставнику (и одновременно собственному студенту!), во всем испрашивал его советов и следовал им неуклонно. Вместе они ездили к глинскому старцу схиархимандриту Андронику (Лукашу, канонизирован в 2009 году), который после закрытия монастыря жил в Тбилиси³².

Учеником игумена Марка в семинарии был его почти ровесник Николай Тертышников (р. 1941) – будущий архимандрит Георгий (Тертышников). Марк не только много рассказывал своему ученику об Игнатии (Брянчанинове), но и заинтересовал его богословским наследием Феофана Затворника, которым сам увлекся после изучения трудов Игнатия. Марк в 1969 году прочитал в академии доклад о святителе Феофане, а Георгий подготовил под его руководством свои первые работы, посвященные Феофану. В 1973 году Георгий защитил в академии кандидатскую работу «Гомилетический элемент в эпистолярном творчестве епископа Феофана Затворника». Духовным отцом Георгия был Иоанн (Маслов).

29 КАВЕРИН Н. Кто добивается канонизации архимандрита Тавриона (Батозского)? (<https://blagogon.ru/articles/246/>).

30 Об архимандрите Таврионе см.: Бычков С.С. *Страдный путь архимандрита Тавриона*. М.: Тэтис Паблишн, 2007.

31 Иоанн (Маслов), АРХИМАНДРИТ. *Оптинский старец преподобный Амвросий и его эпистолярное наследие* // Богословские труды. 1990. Т. 30. С. 117–151.

32 Маслов Н.В. *Благодатный старец. Схиархимандрит Иоанн (Маслов)*. М.: Самшит-издат, 2006. С. 18–19.

В 1972 году, за несколько месяцев до смерти, игумен Марк возглавил поездку в Вышенский монастырь, в котором к тому времени давно располагалась психиатрическая больница; в монастырском храме находился склад. Его сопровождали Георгий (тогда студент четвертого курса академии), его однокурсник иеромонах Елевферий (Диденко, будущий архимандрит) и священник Георгий Глазунов, служивший в находящемся рядом храме Рязанской епархии. Они нашли и тайно забрали мощи Феофана, которые перевезли в Троице-Сергиеву лавру, где те были замурованы в храме Всех Святых под Успенским собором. В течение многих лет Георгий работал над диссертацией, посвященной учению святителя Феофана о спасении, которую защитил лишь в 1990 году: она стала первым трудом, в котором подробно исследовались его жизнь и творчество³³.

В 1985 году Иоанн (Маслов) и Георгий (Тертышников) были уволены из Московской духовной академии и отчислены из братии Троице-Сергиевой лавры. Причины увольнения неясны: в жизнеописании Иоанна содержится лишь смутный намек на гонения³⁴, в биографии Георгия ответственность за это решение, официально принятое Учебным комитетом Московской патриархии, возлагается на Совет по делам религий, который «неустанно контролировал» церковь в то время, когда «образованных, авторитетных, но неугодных для власти монахов ссылали в удаленные от столицы регионы»³⁵. Впрочем, о политических обвинениях речь, видимо, не шла – оказавшего в этой трудной ситуации покровительство Георгию владимирского архиепископа Серапиона (Фадеева)³⁶ никак нельзя было назвать нелояльным по отношению к власти, как и ленинградского митрополита Антония (Мельникова), старавшегося помочь архимандриту Иоанну и надеявшегося, что тот останется в провинции ненадолго³⁷.

Иоанн был отправлен духовником в белорусский Жировицкий монастырь, и тамошний климат способствовал его болезни и кончине в 1991 году. Георгий не получил нового назначения и вначале работал экскурсоводом паломнического центра Владимирской епархии, а затем получил возможность по воскресеньям и праздникам служить в Успенском соборе Владимира. Причем жил он в Загорске на частной квартире без прописки, так что поездки во Владимир занимали не менее четырех часов. Все это время он работал над материалами для канонизации святителя Феофана. Только после Поместного собора, в августе

33 *Драгоценный Божий дар. Время земной жизни архимандрита Георгия (Тертышникова)*. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2017. С. 16–33.

34 Маслов Н.В. *Указ. соч.* С. 115.

35 *Драгоценный Божий дар...* С. 56–57.

36 Там же. С. 58.

37 Маслов Н.В. *Указ. соч.* С. 115.

1988 года, он был возведен в сан архимандрита, вскоре вернулся к преподавательской деятельности и был восстановлен в братии Троице-Сергиевой лавры³⁸. Скончался в 1998-м.

Таким образом, если у консерваторов появились святые, которые подкрепляли их взгляды своим авторитетом, то у либералов «собственных» святых не было – позднее некоторые либеральные священнослужители были канонизированы как новомученики, но это не означало официального признания их богословских взглядов. Из сказанного не следует, что церковные либералы в конце 1980-х совсем не интересовались канонизациями: например, они приветствовали причисление к лику святых патриарха Тихона. Первая официальная канонизация местночтимого святого была проведена в 1988 году, через несколько недель после Поместного собора, в Вологодской епархии по просьбе либерального владыки Михаила (Мудьюгина). К лику святых был причислен юродивый Николай Рынин, умерший в 1837 году³⁹. Однако эта канонизация не имела церковно-политического характера – был прославлен подвижник, еще до революции почитавшийся местными православными⁴⁰.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИК
ПЕРЕСТРОЙКИ...

Если у консерваторов появились святые, которые подкрепляли их взгляды своим авторитетом, то у либералов «собственных» святых не было – некоторые либеральные священнослужители были канонизированы как новомученики, но это не означало официального признания их богословских взглядов.

ЦЕРКОВЬ И НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТЫ

Особенностью церковных консерваторов была их связь со светскими русскими национал-патриотами, так называемыми «почвенниками» – активистами Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, научными сотрудниками и литераторами, регулярно совершавшими экскурсионные (а по сути – паломнические) поездки в Троице-Сергиеву лавру. Здесь имела место очевидная общность интересов.

В феврале 1989 года архимандрит Иоанн (Маслов) завершил статью «Преподобный Амвросий Оптинский и русская интел-

38 Там же. С. 56–62.

39 СЕМЕНЕНКО-БАСИН И.В. *Указ. соч.* С. 67.

40 *Святой праведный Николай Вологодский* / Сост. В.А. Яцкевич, Л.Г. Яцкевич. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2017.

лигенция второй половины XIX века», в которой перечислялись многочисленные деятели культуры, пользовавшиеся духовными советами старца: среди них были Владимир Соловьев, Степан Шевырев, Иван и Петр Киреевские, Михаил Погодин, Николай Гоголь, Федор Достоевский, Константин Леонтьев, Лев Толстой, а также обер-прокурор Синода Александр Толстой. Основная часть статьи посвящена, однако, не взаимоотношениям старца с интеллигентами, а изложению его советов: о смирении, покаянии, пагубности самолюбия и гордыни, терпении в скорбях. И лишь к концу отец Иоанн возвращается к теме взаимоотношений старца с его гостями, отмечая, что преподобный Амвросий «постоянно возводил взоры своих пасомых от земли к небу» и «в его келии смирялось всякое горделивое сердце, холодные и окаменелые проливали благодатные слезы, колеблющиеся утверждались и возвращались на твердый и истинный путь»⁴¹. Можно предположить, что, уделяя внимание этой теме, отец Иоанн имел в виду не только опыт старца Амвросия, но и некоторые актуальные реалии.

В этом контексте интересен пример будущего профессора Московской духовной академии Николая Гаврюшина. Еще будучи научным сотрудником Института истории естествознания и техники (и автором текста 1975 года о несовместимости взглядов Льва Толстого и Константина Циолковского с христианством⁴²), он впервые посетил академию на Пасху 1979 года. Это произошло в составе паломнической группы, организованной искусствоведом Валерием Сергеевым, который уже тогда работал над книгой об Андрее Рублеве. На Рождество 1980-го к группе присоединились еще несколько человек, включая писателя Юрия Ложица, завершившего к тому времени работу над биографией Дмитрия Донского⁴³. В 1980-м Гаврюшин познакомился с ленинградским митрополитом Антонием (Мельниковым), возглавлявшим редколлегия «Богословских трудов», а в 1983-м опубликовал в этом издании статью с резкой критикой философских взглядов Николая Федорова. «Философ общего дела» уличался им в антиправославных взглядах, близких к антропософии и даже построениям «одного из идеологов сионизма Макса Нордау»⁴⁴. Во вставном сюжете о гностицизме и православии Гаврюшин писал, демонстрируя все «метки», при-

41 Схиархимандрит Иоанн (Маслов). *Преподобный Амвросий Оптинский и русская интеллигенция второй половины XIX века* // Он же. *Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении. Статьи разных лет*. М.: Издательский отдел Московского патриархата; Мир Отечества, 1993. С. 475.

42 Гаврюшин Н.К. *К.Э. Циолковский и Л.Н. Толстой как религиозные реформаторы* // Он же. *У колыбели смыслов. Статьи разных лет*. М.: Издатель Модест Колеров, 2019. С. 604–625.

43 Он же. «Александровская эпоха». *Из воспоминаний о Московской духовной академии* // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2012. № 10. С. 112.

44 А.М. [Гаврюшин Н.К.] *Воскрешение чаемое или восхищаемое. (О религиозных воззрениях Н.Ф. Федорова)* // Богословские труды. 1983. Т. 24. С. 250.

вычные для национал-патриотического дискурса, видевшего главных врагов России в сионистах и масонах:

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИК
ПЕРЕСТРОЙКИ...

«На русской почве православие впервые, по-видимому, столкнулось с личиной гностицизма в связи с обнаружением так называемой ереси жидовствующих, ревностно искоренявшейся преподобным Иосифом Волоцким и новгородским архиепископом Геннадием. Но, несмотря на все усилия, уже наследники царя Алексея Михайловича воспитывались на теософских трактатах Николая Спафария. Петром I, по преданию, основана первая в России масонская ложа, и в XVIII веке в масонство совращается часть русского духовенства»⁴⁵.

В декабре 1983 года митрополит Антоний сообщил Гаврюшину, что некоему «генералу», цензуровавшему «Богословские труды», очень понравился этот текст, после чего владыка предложил собеседнику написать специальную статью о масонстве (из чего Гаврюшин понял, что именно приглянулось в публикации анонимному рецензенту). Статья появилась в самиздате под говорящим псевдонимом «Н.К.Г.» и названием «...И еллини премудрости ищут», а в 1986 году была напечатана в «Богословских трудах» в несколько видоизмененном виде под авторством самого митрополита Антония и под нейтральным названием «Из истории новгородской иконографии»⁴⁶. В ней взгляды русских философов Владимира Соловьева и Павла Флоренского связывались с масонской идеологией, а разработанная ими и другими религиозными философами Серебряного века софиология (учение о святой Софии) изображалась «прекрасным материалом для уяснения религиозно-философского “обрамления” этой идеологии». В конце автор заключал, что «софиология, отделяемая от христологии, есть духовный недуг»⁴⁷. В 1998 году Гаврюшин напечатал эту статью в первоначальной редакции уже под собственным именем⁴⁸.

Гаврюшин вспоминал, что в беседе с митрополитом Антонием в марте 1986 года, «выдавая желаемое за действительное» и вспоминая о Всеправославном совещании 1948-го, обмолвился, что надеется на восстановление Михаилом Горбачевым «сталинской линии». Когда митрополит выразил недовольство этим тезисом, Гаврюшину пришлось пояснить, что он имеет в виду только последние годы правления Сталина, и упомянуть апокриф, согласно которому «вождь под ручку провожал патриарха Алексия I с кремлевских приемов». Выслушав это, митрополит Антоний «облегченно вздохнул и, как бы преодо-

45 Там же. С. 254.

46 Струве Н.А. *Спор о софиологическом богословии* // Вестник РХД. 1987. Т. 149. № 1. С. 5–6.

47 Митрополит Антоний (Мельников) [Гаврюшин Н.К.]. *Из истории новгородской иконографии* // Богословские труды. 1986. Т. 27. С. 76.

48 Гаврюшин Н.К. *По следам Рыцарей Софии*. М.: Стар Интер, 1998. С. 69–114.

левая внутреннее сопротивление, промолвил: “Ну, если этот период...”». И далее передал собеседнику слух о том, что в последние годы жизни «Сталин очень осторожно выяснял у высших иерархов, возможно ли в Православной Церкви тайное венчание на царство»⁴⁹.

Впрочем, упоминавшаяся выше полифоничность Русской церкви означала, что позиция митрополита Антония не была единственной возможной. Так, и при его руководстве редколлегией в «Богословских трудах» публиковались работы отца Павла Флоренского⁵⁰, что обеспечивалось влиятельностью входившего в ее состав митрополита Питирима (Нечаева), уважительно относившегося к софиологам. В 1986 году, после кончины Антония, Питирим возглавил редколлегию, и уже в ближайшем томе «Богословских трудов» (1987) появились большая статья о Флоренском, а также – что стало сенсацией – работа популярного в среде либеральной интеллигенции миссионера, протоиерея Александра Меня, о русской православной библеистике⁵¹ (впрочем, более отец Александр в «Богословских трудах» не публиковался).

Вместе с тем советские либералы – в отличие от советских национал-патриотов – за малочисленными, хотя и знаковыми исключениями, ярчайшим из которых оставался Сергей Аверинцев, были далеки от церковной проблематики. «Шестидесятники», интересовавшиеся западным социальным опытом и мечтавшие о либерализации политического режима, не рассматривали церковь в качестве значимого фактора чаемых ими преобразований, видя в ней разве что элемент российской культуры. По сути, один только протоиерей Александр Мень выполнял функцию посредника между светскими либералами и церковью, но его возможности и масштабы его паствы были ограничены: известность в массовой аудитории он получил лишь незадолго до трагической гибели в 1990 году.

Национал-патриоты же не просто активно интересовались церковной жизнью, но и втягивались в нее сами, вовлекая потом других. Среди этих деятелей были авторы журнала «Наш современник» и редакторы серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), выпускаемой издательством «Молодая гвардия». В 1969 году руководство этой серией принял один из идеологов национал-патриотизма Сергей Семанов, а в 1976-м его сменил Юрий Селезнев, придерживавшийся сходных взглядов. Наставником целого ряда будущих православных священни-

49 Он же. *Думал ли Сталин венчаться на царство?* (<https://iarex.ru/articles/147291.html>).

50 Священник Павел Флоренский. *Проповеди* // Богословские труды. 1982. Т. 23. С. 310–320; Он же. *Макрокосм и микрокосм* // Богословские труды. 1983. Т. 24. С. 230–241.

51 Протоиерей Александр Мень. *О Русской православной библеистике* // Богословские труды. 1987. Т. 28. С. 272–289.

ков выступил писатель и преподаватель Литературного института, один из авторов этой серии, Михаил Лобанов. В вышедшей в ЖЗЛ в 1979 году биографии Александра Островского он буквально воспел патриархальное русское купечество, найдя добрые слова даже для одиозной Кабанихи из пьесы «Гроза»⁵². Сам Островский предстает в книге человеком патриархальной России, разочаровавшимся в «либеральных тирадах о прогрессизме всего европейского лишь потому, что оно европейское, а не русское»⁵³. Между делом Лобанов сообщает и о том, что является внуком монаха Феодота из Донского монастыря, «почитаемого среди монастырской братии как строгий аскет и подвижник»⁵⁴.

У архимандрита Дамаскина (Орловского), ученика Лобанова, остались о наставнике теплые воспоминания: «Михаил Петрович был спокойным и уравновешенным человеком, любящим Россию и хорошо разбиравшимся в особенностях русской литературы». Вспоминая о личных беседах с ментором, архимандрит говорит, что в этих разговорах сам он «не скрывал своих религиозно-нравственных предпочтений»⁵⁵. Лобанов, впрочем, писал о студенте Владимире Орловском в своих мемуарах не без некоторой иронии:

«В голосе моего собеседника послышалась нотка проповедничества, в лексике – “отцы церкви”, на что я, расставаясь с ним, сказал ему: “Володя, то, что ты сейчас говорил мне, помолчи об этом на экзамене по марксизму-ленинизму, там другие “отцы”, тебя не поймут, и останешься сиротой для Литинститута”»⁵⁶.

Вспоминал Лобанов и о других участниках своих семинаров. Один из них, Юрий Пономарев, стал монахом Александровского мужского монастыря Феодором. Другой, Евгений Булин, еще до поступления в Литинститут, работая инженером в Куйбышеве, написал большую рукопись о статье Лобанова «Освобождение», которая была признана ошибочной в ЦК КПСС, и позднее, уже получая второе высшее образование, посещал лобановский семинар⁵⁷. Крестился он в 1983 году, когда поступил в Литинститут, после окончания которого некоторое время работал в «Нашем современнике». В 1990-х жил в США, где учился в духовной семинарии «зарубежной» церкви, но за-

52 Лобанов М.П. *Александр Островский*. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 136–138.

53 Там же. С. 196.

54 Там же. С. 372.

55 Архимандрит Дамаскин (Орловский). «Жаждающему знать правду Господь Сам покажет, что и когда надо читать» (<https://pravchtenie.ru/chelovek-nedeli/zhazhdushchemu-znat-pravdu-gospod-sam-pokazhet-cto-i-kogda-nado-chitat/>).

56 Лобанов М.П. *В сражении и любви*. М.: Трифонов Печенгский монастырь, 2003. С. 112–113.

57 Он же. *Убеждение. Из новой автобиографической книги* (https://ruskline.ru/analitika/2016/12/17/ubezhdenie_iz_novoj_avtobiograficheskoy_knigi/)

тем вернулся в Россию и в 1997 году был рукоположен в сан священника РПЦ⁵⁸.

Наконец, священник и писатель из Липецка Геннадий Рязанцев-Седогин, также посещавший семинар Лобанова, оставил о нем подробную мемуарную статью, где вспоминал, как в 1982 году студенты Литинститута достали номер журнала с «Освобождением» и вслух читали статью⁵⁹. Сам Рязанцев во время учебы прислуживал в церкви, что чуть было не привело к его исключению – Лобанов писал, что отстояли студента не без его участия и он «постарался добиться того, чтобы его дипломная работа была принята как отличная»⁶⁰.

СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ И БУДУЩИЕ КАНОНИЗАЦИИ

В упомянутой серии ЖЗЛ вышли две книги о будущих святых, канонизированных на Поместном соборе 1988 года; их авторы паломничали вместе с Гаврюшиным. Героем одной из них – опубликованной в 1981-м работы Валерия Сергеева «Рублев» (позднее неоднократно переиздававшейся под названием «Андрей Рублев») – стал Сергей Радонежский. Для воцерковленной интеллигенции это жизнеописание приобрело особую значимость. «Снова и снова (в который уже раз!) слышим мы с поразительной настойчивостью повторяемые славословия в адрес Сергия Радонежского», которые «дословно совпадают с тем, что можно прочесть в современных церковных изданиях», – сокрушался в разгромной рецензии на этот труд обозреватель советского атеистического журнала⁶¹.

Предложение написать книгу Сергеев, по его воспоминаниям, получил от своего друга Лощица; позже идея была поддержана группой «писателей-публицистов патриотического направления», включая Селезнева, Лобанова и Кожинова. Автор рассказывал также, что перед тем, как начать книгу, он ездил за благословением в Троице-Сергиеву лавру, где встречался с жившим там на покое архиепископом Сергием (Голубцовым) – иконописцем, реставратором, искусствоведом. Сергеев смог даже сослаться на него в тексте как на Павла Голубцова⁶². О Сергии в работе говорилось как о главе русского исихастского движения, давшего положительный ответ на «один из главных, краеугольных вопросов не только личной духовной,

58 См.: <https://ramnews.ru/pozdravljaem-s-jubileem-2/>.

59 Рязанцев-Седогин Г. «Приметы памяти сердечной». Воспоминания о Михаиле Петровиче Лобанове (<https://rospisatel.ru/rjazancev-lobanov.html>).

60 Лобанов М.П. *В сражении и любви*. С. 112.

61 ШАМАРО А.А. *Книга о русском иконописце* // Наука и религия. 1983. № 5. С. 28.

62 СЕРГЕЕВ В.Н. *Андрей Рублев*. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 14–15.

но и общественной жизни – возможно ли преобразование человеческой личности до идеального просветленного состояния, возможно ли преобразование по высшим законам добра и любви социального бытия»⁶³.

За два десятилетия до этого, в 1960 году, в ЖЗЛ уже выходила биография Андрея Рублева, написанная Владимиром Прибытковым, в которой личность и творчество иконописца трактовались в традиционном для советской литературы того времени атеистическом ключе. Так, о рублевской Троице в ней сообщалось следующее: «Рублев прорывался сквозь схоластику и символику “учения отцов церкви” к ясному осознанию мира и места человека в нем», причем сама Троица наполнялась «человеческим смыслом, не имеющим ничего общего с лицемерием христианства»⁶⁴. Издание альтернативной биографии в одной и той же серии было тогда довольно редким явлением – и, по сути, свидетельствовало о пересмотре издательской концепции. Вот для сравнения богословская интерпретация Троицы, изложенная Сергеевым: «Три лица, или три ипостаси, но Бог един – как вместить эту тайну человеческому сознанию? Это так же трудно, как постигнуть идею о бесконечности пространства или вечности времени». И далее – об иконе: Рублев «с гениальным совершенством воплотил в ней мысль о том, что любовь и единство святы, они – основа всего бытия, не искаженная злом идея жизни. Всегда, везде и во всем. И сейчас и во веки веков»⁶⁵. Книга Сергеева вошла в число материалов, на основании которых Андрей Рублев был канонизирован на соборе 1988 года: именно со ссылкой на нее устанавливался день его памяти⁶⁶.

Другой важной для православных верующих книгой, вышедшей в ЖЗЛ, стала биография Дмитрия Донского, написанная Юрием Лощицем и выпущенная в свет в 1980 году, к 600-летию Куликовской битвы. Разумеется, одним из героев книги вновь оказался Сергей Радонежский, хотя его образ у Лощица несколько отличался от портрета, выполненного Сергеевым. Сергей здесь не вождь русских исихастов (Лощиц весьма скептически относится к одному из главных сторонников исихазма на Руси тех времен – митрополиту Киприану⁶⁷), но идеальный монах, основатель монастыря, где «действует общежитийский устав, то есть каждый кормится от общего труда, несет свое сильное послушание: кто в поварне, кто в поле и на лугу, кто на лесосеке, кто в писании книг», и где монахам запрещено

63 Там же. С. 154.

64 Прибытков В.С. *Андрей Рублев*. М.: Молодая гвардия, 1960. С. 202.

65 СЕРГЕЕВ В.Н. *Указ. соч.* С. 229, 231.

66 *Поместный собор Русской православной церкви...* С. 164.

67 Лощиц Ю.М. *Дмитрий Донской*. М.: Молодая гвардия, 1980. С. 225–226.

заводить собственное имущество и «ни тунеядцев, ни холопов не держат»⁶⁸. Благословляя Дмитрия перед Куликовской битвой, он говорит о победе «как о чем-то, видимом ему с такою же отчетливостью, с какою он видел сейчас перед собой великого князя»⁶⁹.

Если Сергей – идеальный монах, то главный герой книги, Дмитрий Донской, предстает в ней идеальным князем, мудрым правителем и выдающимся полководцем. Спорным с точки зрения православной церкви эпизодам его биографии автор изыскивает оправдания. Например, тверской князь Михаил Александрович, вероломно взятый под стражу во время своего пребывания у Дмитрия в Москве, в книге выставляется единственным виновником собственного ареста, а чтобы читатель не слишком волновался по этому поводу, ему сообщают, что Михаил «был из породы людей, берущихся поворотить историю с нового, уже намеченного и прикатанного пути на старую, заглохшую дорогу»⁷⁰. Запутанные церковно-государственные отношения, бытовавшие в правление Дмитрия, тоже представлены максимально благоприятно для него⁷¹. В житии Дмитрия, опубликованном в материалах собора 1988 года, спорные вопросы упомянуты не были, а о легитимном митрополите Киприане, который не мог вернуться в Москву до самой кончины князя, сказано лишь вскользь⁷².

НЕЖЕЛАННЫЙ СОЮЗНИК

Весьма драматичным обстоятельством для националистов стало то, что в Политбюро ЦК КПСС главным сторонником возвращения РПЦ ее святынь выступил самый ненавистный для них «прораб перестройки» – Александр Яковлев. Вместо «нового Сталина», который мог бы вернуться к практике государственно-церковных отношений конца 1940-х, навстречу РПЦ пошли партийные либералы, не имевшие к националистическому этосу никакого касательства. В то же время сама церковь благожелательно воспринимала политиков, готовых содействовать ей в конкретных вопросах: это относилось не только к Яковлеву, но и к Горбачеву, чья супруга Раиса неожиданно для многих оказалась в числе гостей Поместного собора 1988 года (а сам Горбачев тогда встретился с церковными иерархами). Как оказалось, при всех многочисленных точках соприкосновения меж-

68 Там же. С. 201.

69 Там же. С. 245.

70 Там же. С. 125–127, 129.

71 Там же. С. 322–327, 336–337.

72 Поместный собор Русской православной церкви... С. 149–156.

ду церковными деятелями и национал-патриотами наблюдаются заметные расхождения.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИК
ПЕРЕСТРОЙКИ...

Еще в 1972 году Яковлев столкнулся с национал-патриотами, опубликовав статью «Против антиисторизма», где резко критиковал почвенничество (и конкретно Михаила Лобанова); именно после нее он был отправлен на дипломатическую работу в Канаду – в десятилетнюю почетную ссылку. В этой статье Яковлев с ортодоксальных марксистско-ленинских позиций раскритиковал и увлечение почвенников православием, заявляя, что «под сводами храмов освящались штыки карателей, душивших первую русскую революцию, с церковного амвона был предан анафеме Лев Толстой, колокольным благовестом встречали палача Кутепова, вешателя Деникина, банды Петлюры». Более того, переходя от конкретных исторических примеров к обобщениям, Яковлев утверждал, что «и самая “демократическая” религия, в конечном счете, реакционна, представляет собой идеологию духовного рабства»⁷³. Что здесь имеется в виду, не совсем понятно – возможно, католическая «теология освобождения», адепты которой зачастую рассматривались как союзники коммунистов.

Вместо «нового Сталина», который мог бы вернуться к практике государственно-церковных отношений конца 1940-х, навстречу РПЦ пошли партийные либералы, не имевшие к националистическому этосу никакого касательства.

Но к середине 1980-х взгляды Яковлева на религию изменились. В 1984 году, вернувшись из Северной Америки и заняв пост директора Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, он опубликовал в журнале «Дружба народов» статью о духоборах – религиозном течении, адепты которого некогда эмигрировали из Российской империи в Канаду. С ними он близко познакомился, работая послом в Оттаве; духоборы, будучи еще дореволюционными эмигрантами, довольно благожелательно относились к Советскому Союзу, а советское посольство находило с ними общий язык на почве «борьбы за мир» (духоборы – пацифисты). О духоборчестве Яковлев писал с явным сочувствием, осуждая гонения на него со стороны государства и церкви в царской России⁷⁴.

В 1989 году, готовя к публикации программный сборник своих текстов «Реализм – земля перестройки», он включил в него

73 Яковлев А.Н. *Против антиисторизма* // Литературная газета. 1972. 15 ноября. № 46.

74 Он же. *Плакун-трава, плывущая напротив воды* // Дружба народов. 1984. № 12. С. 210–222.

существенно расширенный и немного исправленный вариант этой статьи, убрав некоторые «официально-атеистические» инвективы и добавив рассуждения, позволяющие сформулировать его идеал в религиозной сфере; последний закономерно оказался созвучным тем политическим взглядам, к которым автор пришел к тому времени. В духоборах Яковлева восхищало следующее:

«Внутренняя сила людей, уже три столетия противостоящих официальной церкви и государственной власти, подвергающихся жесточайшим гонениям, но не озлобившихся, не впавших в мрачное отчаяние и всененавидящий экстремизм, не замкнувшихся в схимническом отшельничестве. Людей жизнерадостных, совестливых, обожествляющих высшие ценности жизни: радость труда и человеческого общения, семью и дружбу, честь и порядочность».

Несмотря на все гонения, эти люди всенепременно поднимались, снова обзаводились крепким хозяйством, а главное, находили общий язык, устанавливали дружеские связи, отношения сотрудничества с любыми иноязычными соседями – будь то в центральной России, на Кавказе или в Канаде⁷⁵. Открытость и трудолюбие были главными факторами, привлекавшими Яковлева в духоборах.

В Русской православной церкви Яковлев видел таких же гонимых, только уже советским государством. По его инициативе церкви был возвращен Толгский монастырь близ Ярославля, в котором на тот момент находилась детская колония МВД. Сам выходец из Ярославской области, Яковлев вначале предполагал разместить там школу реставраторов (о важности реставрации памятников архитектуры он писал еще в статье «Против антиисторизма»), но затем посчитал «кощунством» не передавать монастыря церкви. В своих мемуарах он восхищался красотами «сказочного архитектурного сооружения», восхвалял ухоженность монастырского огорода⁷⁶, но при этом симптоматично не коснулся чисто религиозных вопросов – в том числе и состоявшегося в 1988 году переноса в эту обитель мощей святителя Игнатия (Брянчанинова)⁷⁷.

«Когда мы отдали своим решением Толгский монастырь, в ЦК одобрил это решение только один Яковлев», – вспоминал предпоследний председатель Совета по делам религий Константин Харчев. По его словам, Яковлев, сыгравший «колоссальную роль в перестройке отношений Церкви и государства», выступил инициатором возвращения церкви и Оптиной пустыни:

75 Он же. *Духоборы – плакун-трава, плывущая напротив воды // Он же. Реализм – земля перестройки. Избранные выступления и статьи.* М.: Политиздат, 1990. С. 40–41.

76 Он же. *Омут памяти.* М.: Вагриус, 2001. С. 266.

77 *Первая возрожденная обитель* (www.pravmir.ru/pervaya-vozhrozhennaya-obitel/).

«Звонит мне, спрашивает: “Как?” – Я говорю: “Такое только во сне может привидеться”. Он: “Давай попробуем!” Так и передали». По словам Харчева, оценивавшего политические процессы из окон своего ведомства, Яковлев «понимал, что демократизацию страны надо начинать с отношения к Церкви, к верующим»⁷⁸. Точнее, однако, было бы сказать, что Яковлев рассматривал церковную политику как составную часть реформирования страны.

Он ждал внутренних преобразований и от самой РПЦ, не скрывая в мемуарах 2001 года своего разочарования по поводу неготовности иерархов к реформам. Характер желаемых Яковлевым перемен в церковной сфере просматривается в тех претензиях, которые он тогда предъявлял РПЦ: среди них упоминались низкий образовательный уровень священнослужителей, внутрицерковная коррупция, нетактичность по отношению к прихожанам, отсутствие «возвышенной духовности», слишком тесная близость к власти⁷⁹.

Действительно, попытки предложить даже минимальные реформы на Поместном соборе не получили поддержки. Между тем 42-летний архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл (Гундяев) с трибуны форума ставил перед делегатами вопрос о необходимости адаптировать церковь к потребностям XX века. Он, в частности, говорил о том, что малоцерковные люди, приходя в храм, не получают ответов на возникающие у них вопросы, и предупреждал, что они могут, разочаровавшись, вообще покинуть церковь. Обозначив диагноз, владыка Кирилл предложил подумать об изменении православного богослужения с тем, чтобы «каждый современный человек, с верой, надеждой и радостью переступающий порог храма, мог принимать в нем участие»⁸⁰. Однако никто из архиереев не ответил своему собрату – несмотря на то, что в перестроечное время слово «консерватор» было бранным, а слово «реформа», напротив, сугубо позитивным. Ответ дал представлявший Калужскую епархию искусствовед Василий Пуцко – один из немногих ученых, избранных делегатами Собора. Как и подобает скромному мирянину, Пуцко большую часть своего выступления посвятил конкретной теме, не вызывающей дискуссий, – улучшению подготовки псаломщиков. Вместе с тем в конце он скептически отозвался о предложениях Кирилла, напомнив о печальном опыте богослужебной реформы патриарха Никона и об одиозном обновленческом движении⁸¹. Точка зрения калужского

78 *Председатель Совета по делам религий Константин Харчев: «Я не помню ни одной просьбы от иерархов и священников открывать церкви. Они боялись»* (https://ruvera.ru/articles/predsdate_l_soveta_religiyy_konstantin_harchev).

79 Яковлев А. Н. *Омут памяти*. С. 267.

80 *Поместный собор Русской православной церкви...* С. 398–399.

81 Там же. С. 407.

ученого была близка многим коллегам владыки Кирилла, не желавшим серьезных перемен; возможно, они даже составляли большинство. Более этот вопрос на соборе не поднимался.

КОНСЕРВАТИВНАЯ ВОЛНА И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Консервативная волна в РПЦ началась еще в либеральный перестроечный период – но тогда она была не слишком заметна для внешней аудитории. Первым ее признаком стало решение Синода, принятое в июле 1986 года и покончившее с и без того ограниченной практикой причащения в РПЦ католиков (и старообрядцев), которая была введена в 1969-м⁸². Вторым признаком выступила канонизация консервативных богословов, прошедшая на соборе 1988-го.

Весь этот процесс свидетельствует, что в иные исторические моменты либерализация способна приносить выгоды консерваторам. В политической сфере конца 1980-х подобный расклад оказался невозможным из-за охранительства национал-патриотического сообщества, все более горячо выступавшего против либеральных реформ и сближавшегося на этой платформе с антиреформаторскими силами в КПСС. В контексте 1989–1990 годов, который определялся поляризацией российских избирателей по поводу их отношения к Борису Ельцину, национал-патриоты оказались в рядах «антиельцинистов», что в тот переломный период лишило их политических перспектив.

Но внутри РПЦ ситуация была иной. Ослабление государственного давления, наметившееся благодаря политической либерализации, вело к тому, что она становилась все более самостоятельной во внутренних вопросах. И если раньше ЦК КПСС, опасаясь подъема религиозных настроений, мог заблокировать канонизации в принципе – и уже тем более причисление к лику святых «реакционеров» Игнатия (Брянчанинова) и Феофана Затворника, «черносотенца» Иоанна Кронштадтского, «антисоветчика» патриарха Тихона, – то в перестроечные годы подобное стало уже невозможным.

Внутрицерковный консерватизм отторгал либеральное реформаторство в церкви, и потому некоторые сторонники реформ довольно быстро начали эволюционировать в сторону умеренного консерватизма; среди них оказался, в частности, будущий патриарх Кирилл. Но при этом не происходило и сближения священноначалия с инерционной бюрократией КПСС, подозрительно или отрицательно относившейся к укреплению

82 См.: <https://blagogon.ru/biblio/201>.

церковных позиций в обществе. Церковь, только что канонизировавшая патриарха Тихона и готовившая канонизации новомучеников, не могла и не хотела идентифицировать себя с ортодоксальными коммунистами, не отмежевавшимися от ее бывших гонителей. Постепенно распространявшийся православный сталинизм также не мог получить признания со стороны церковной иерархии, причем даже самых антилиберальных ее представителей: вспомним скептическую реакцию митрополита Антония (Мельникова) на позитивную оценку Сталина.

АЛЕКСЕЙ МАКАРКИН
КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИК
ПЕРЕСТРОЙКИ...

Консервативная волна в РПЦ началась еще в либеральный перестроечный период – но тогда она была не слишком заметна для внешней аудитории. Первым ее признаком стало решение Синода, покончившее с практикой причащения в РПЦ католиков (и старообрядцев). Вторым признаком выступила канонизация консервативных богословов.

В результате в церкви возобладал прагматизм, приведший при патриархе Алексии II к отказу поддержать ГКЧП и сотрудничеству с властями новой России, которые в свою очередь шли навстречу церкви в вопросах ее статуса, возврата имущества и расширения возможностей в различных сферах. Даже самые консервативные иерархи – такие, как петербургский митрополит Иоанн (Снычев), – вынуждены были сосуществовать с нелюбимой ими властью, хотя и негодовали по поводу того, что при ней свободу проповеди получили католики, протестанты и «сектанты».

Учитывая все сказанное, можно задать вопрос: насколько уникален опыт РПЦ в условиях транзита? Сравнение показывает, что и другие церкви тогда выбирали консервативный сценарий. В частности, это происходило в Болгарии и Румынии, где после краха просоветских режимов имели место неудачные попытки сместить предстоятелей церквей, лояльных этим режимам. В Болгарии дело дошло даже до церковного раскола, однако параллельная иерархия не была признана в православном мире и быстро сошла со сцены. Но и католическая церковь в Польше, занимавшая куда более критичную позицию по отношению к властям, в постсоциалистический период стала оплотом консерватизма, поддержав консервативные силы в «Солидарности», образовавшие партию «Право и справедливость».

Выживание разных церквей в странах социалистического блока было связано с поддержанием консервативной идентич-

ности, апелляциями к истории, традициям, привычным морально-нравственным ценностям. Тем более, что «прогрессивные» перемены нередко, как это было и в СССР, навязывались властями в виде различных вариантов обновленчества – вначале для борьбы с «реакционной» иерархией, а затем тоже для борьбы, но уже против «поджигателей войны» в рамках официального миротворчества (для решения последней задачи стимулировалось и участие в экуменическом движении). Краткий позднесталинский период в СССР, когда государство, наоборот, поддержало консервативный настрой в РПЦ, выглядел исключением. Так что перестроечный успех консерваторов был связан не только с их активностью, но и с настройками клира и паствы. Среди подтверждений тому – многочисленные и востребованные читателями переиздания трудов Феофана Затворника, Игнатия (Брянчанинова) и прочих недавно канонизированных РПЦ деятелей.

После перестройки: трансформация российского политического режима в 1991–2000 годах

СЕРГЕЙ
РЫЖЕНКОВ

В научной литературе, посвященной российской политике 1990-х, довольно широко распространено представление о том, что процесс формирования нового политического режима остановился на этапе утверждения электоральной демократии. Согласно этой позиции, перехода к полноценной – либеральной – демократии не произошло; напротив, в 2000-е возник и укрепился режим электорального авторитаризма. Действительно, в России 1990-х проводились многочисленные федеральные, региональные и муниципальные выборы органов исполнительной и представительной власти. Причем большей частью они были свободными, честными и справедливыми, заранее их результаты не были известны. В то же время ситуация с правами и свободами, верховенством права, а также состояние гражданского общества, несмотря на происходившие в этой сфере сдвиги к ориентирам, задаваемым западными либеральными демократиями, оставались далекими от соответствующих стандартов. И, когда либеральные начала подверглись вытеснению на периферию российской политики, их слабость проявилась в полной мере. Ни оппозиционные политические силы, ни общественные организации не смогли противостоять действиям, направленным на замену режима электоральной демократии режимом электорального авторитаризма¹.

В настоящей статье предлагается иная трактовка процесса трансформации российского политического режима в 1990-х². Я исхожу из того, что режим электоральной демократии в этот период не был установлен, а электоральные институты и прак-

Сергей Иванович
Рыженков (р. 1959) –
политолог.

- 1 См., например: Голосов Г. *Политические режимы и трансформации. Россия в сравнительной перспективе*. М.: Рутения, 2024; ЗАКАРИЯ Ф. *Будущее свободы. Нелиберальная демократия в США и за их пределами*. М.: Ладомир, 2004; SHEVTSOVA L. *Ten Years After the Soviet Breakup: Russia's Hybrid Regime* // Journal of Democracy. 2001. Vol. 12. № 4. P. 65–70.
- 2 Фактическая сторона дела представлена в ряде работ политологов и историков. См., в частности: REDDAWAY P., GLINSKI D. *The Tragedy of Russia's Reforms: Market Bolshevism against Democracy*. Washington: United States Institute of Peace Press, 2001. P. 530–576; STONER-WEISS K. *The Russian Central State in Crisis: Center and Periphery in the Post-Soviet Era* // BARANY Z., MOZES R. (Eds.). *Russian Politics: Challenges of Democratization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 103–134. Согрин В. *Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина*. М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2001; Туровский Р. *Отношения «Центр-регионы» в 1997–1998 годах: между конфликтом и консенсусом* // Полития. 1998. № 1. С. 5–32.

тики только отчасти влияли на политический процесс. Гораздо большее значение имело внеэлекторальное стратегическое взаимодействие ключевых игроков на политической сцене. Чтобы сохранить и укрепить контроль над государством, правящая группа старалась использовать электоральные механизмы лишь в той мере, в которой это не ставило ее власть под угрозу. Соответственно, попытки проанализировать становление либеральных прав и свобод, а также гражданского общества как одного из измерений демократии, чтобы объяснить логику и исход трансформации российского политического режима, мне представляются избыточными.

Презний режим пал в результате антикоммунистической, а не демократической революции, после чего началась борьба за установление диктатуры, а не процесс демократизации.

Если применить предложенные Адамом Пшеворским определения сценариев переходов, которые альтернативны демократизации, то нужно признать, что прежний режим пал в результате антикоммунистической, а не демократической революции, после чего началась борьба за установление диктатуры, а не процесс демократизации³. Закономерным исходом стало установление режима электорального авторитаризма, в котором выборы не могли привести к смене власти. Хотя сказанное не означает, что такой исход был полностью предопределен, стратегически важные шаги, которые совершали правящая группа, стремившаяся укрепить свои позиции, и ее оппоненты, пытавшиеся улучшить свое положение, обоюдно и постепенно уменьшали и без того небольшую вероятность возникновения эффективной конкуренции на главных – президентских – выборах.

ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

В исследованиях политических режимов и их трансформаций используются две основные концепции демократии и режимных изменений. В рамках минималистского, или процедурного, понимания демократия определяется как «режим, в котором те, кто правят, избираются на конкурентных выборах»⁴. С таким

3 PRZEWORSKI A. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 52, 89.

4 PRZEWORSKI A., ALVAREZ M., CHEIBUB J., LIMONGI F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1959–1990*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 15.

пониманием связан стратегический подход к изучению трансформаций политических режимов: процессы, происходящие в такие периоды, рассматриваются через призму стратегического взаимодействия политических сил, преследующих собственные интересы и отстаивающих заявляемые ими ценности, результатом которого становится либо согласие относительно базовых правил игры – институтов, определяющих систему власти и регулирующих политическую конкуренцию, – либо провал таких попыток. Другое направление исследований опирается на субстанциональное понимание демократии, при котором ее определение включает еще одно – надэлекторальное – измерение, связанное с различными характеристиками общественного развития⁵. Поэтому при изучении трансформационных процессов используется социологический подход: первостепенное внимание в нем уделяется изменениям социальной структуры, развитию гражданского общества, личным правам и свободам и тому подобному⁶.

Минималистское понимание демократии, как отмечает Самюэль Хантингтон, включает «существование гражданских и политических свобод слова, печати, собраний и организаций, необходимых для политических дебатов и проведения избирательных кампаний»⁷. При этом, однако, предполагается, что отношение демократии к другим общественным ценностям следует рассматривать, выделяя ее из других характеристик политических систем⁸. При процедурном подходе главным критерием установления демократии выступает смена власти по результатам выборов (альтернатива), а в центре внимания исследователей находятся выборы высшей власти⁹. В президентских режимах парламентские выборы рассматриваются как выборы второго плана. Наличие избираемого на конкурентных выборах парламента является необходимым, но недостаточным условием признания режима демократическим¹⁰.

Стратегическое понимание переходов от авторитарных режимов заключается в том, что в такие периоды релевантные политические силы вступают в конфликт по поводу будущих

- 5 DIAMOND L. *The Spirit of Democracy: The Struggle to Build Free Societies throughout the World*. New York: Henry Holt and Company, 2008; IDEM. *Developing Democracy: Toward Consolidation*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1996; GILL G. *Democracy and Post-Communism: Political Change in the Post-Communist World*. London; New York: Routledge, 2002; SCHMITTER P., KARL T. *What Democracy Is... and Is Not...* // *Journal of Democracy*. 1991. Vol. 2. № 3. P. 75–88.
- 6 О стратегическом и социологическом подходах см.: PRZEWORSKI A. *Democracy and Economic Development* // MANSFIELD E., SISSON R. (Eds.). *Political Science and the Public Interest*. Columbus: Ohio State University Press, 2003. P. 5.
- 7 ХАНТИНГТОН С. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. М.: РОССПЭН, 2003. С. 17.
- 8 Там же. С. 20; см. также: СНЕИВУВ J., GANDHI J., VREELAND J. *Democracy and Dictatorship Revisited* // *Public Choice*. 2010. Vol. 143. № 1-2. P. 72–74.
- 9 В парламентской системе альтернативой являются «любые изменения правящей коалиции», а не только проигрыш партии, являющейся ее лидером. См.: PRZEWORSKI A., ALVAREZ M., СНЕИВУВ J., LIMONGI F. *Op. cit.* P. 17.
- 10 СНЕИВУВ J., GANDHI J., VREELAND J. *Op. cit.* P. 69.

институтов. Спор и торг идут прежде всего о выборе президентской, парламентской или смешанной системы и электоральных правил¹¹. В сегментированных обществах, как показывают Хуан Линц и Альфред Степан, важна также последовательность проведения выборов. На примере Испании они объясняют, как проводимые в первую очередь общенациональные выборы высшей власти стимулируют создание партий, что препятствует росту сепаратизма и политической мобилизации этничности. Только после таких выборов проводятся региональные и местные выборы¹².

Условия, при которых достигается или не достигается согласие по поводу институтов, Пшеворский определяет следующим образом. Если одна из политических сил обладает значительным преимуществом, то она устанавливает выгодные ей институты в одностороннем порядке, закрывая путь к демократии. В случае равенства конфликтующих сторон, вероятнее всего, начнется упорная борьба, которая может закончиться либо победой одной из них, либо политическим хаосом и гражданской войной, либо взаимным ослаблением и восхождением третьей силы. Путь к демократии открывается в том случае, если соотношение сил участников переходного процесса неизвестно. Такая ситуация подталкивает к поиску компромиссов и вариантов, при которых правила будут страховать проигравших в электоральном соревновании¹³. Если созданные институты окажутся способными породить спонтанное децентрализованное согласие, то произойдет «передача власти от группы лиц своду правил»¹⁴. А когда власть в соответствии с установленными правилами сменится, процесс демократизации будет завершен. В сегментированных обществах процесс выбора институтов осложняется тем, что трудно находить институциональные решения для снижения рисков, связанных с политизацией этнических, культурных, языковых и религиозных различий¹⁵.

В России процесс трансформации проходил в условиях либерализации и частичной демократизации (конкурентные выборы союзного и российского парламентов, отмена монополии КПСС на власть), которые были запущены сверху. В какой-то момент, однако, управляемость этим процессом со стороны

11 См., к примеру: GEDDES B. *Initiation of New Democratic Institutions in Eastern Europe and Latin America* // LIZPHART A., WAISMAN C. (Eds.). *Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America*. Boulder; Oxford: Westview Press, 1996. P. 15–42.

12 LINZ J., STEPAN A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press, 1996. P. 99–101.

13 PRZEWORSKI A. *Democracy and the Market...* P. 52–53, 81–88.

14 Ibid. P. 14.

15 Ibid. P. 52; см. также: LAITIN D., PRZEWORSKI A. *Transitions to Democracy and Territorial Integrity* // PRZEWORSKI A. (Ed.). *Sustainable Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 19–33.

союзного руководства была потеряна, но рассмотрение этого этапа не входит в задачи настоящей статьи. Я ограничусь лишь отсылками к указанному периоду в тех случаях, когда речь пойдет о явном влиянии происходившего на том этапе на процесс собственно российской трансформации.

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ
ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ...

1991–1993: РСФСР vs СССР И РЕФОРМАТОРЫ VS КОНСЕРВАТОРЫ

После провала путча в августе 1991 года некоторое время во главе страны находился своеобразный дуумвират победителей – президента России Бориса Ельцина и исполняющего обязанности председателя Верховного Совета РСФСР Руслана Хасбулатова, который поддерживал президента, довольствуясь ролью второго номера. Однако постепенно появлялись расхождения в позициях, вылившиеся к концу 1992 года в конфликт по поводу политических и экономических реформ. До этого более года в стране отсутствовала политическая оппозиция, с которой властям стоило бы считаться. Вопреки своему самоназванию правители-«демократы» не спешили с созданием демократических институтов, стремясь упрочить собственную власть. В результате, к моменту, когда конфликт между Ельциным и Хасбулатовым (ставшим к тому времени полноценным председателем Верховного Совета) начал разрастаться, оказалось, что институты, устанавливаемые в РСФСР на этапе ослабления союзного режима с целью политической, управленческой и экономической автономизации, после его крушения стали препятствием для дальнейшей трансформации по сценарию демократизации. Возникновение поставторитарного соперничества в стане победителей было связано не с перспективами тех или иных институциональных решений, а с отстаиванием собственных институциональных позиций в радикально изменившемся политическом контексте, в котором органы власти одной из частей СССР превратились в структуры высшей власти нового государства. Президент выступал за введение обеспечивающей его главенство системы с сильной президентской властью; для Верховного Совета и его руководства такой подход был неприемлем. И если на первом этапе трансформации победила, как ранее было сказано, не демократическая, а антикоммунистическая революция, то возникшая затем политическая конкуренция приняла форму борьбы за установление диктатуры, что теоретически и фактически исключало демократическую перспективу.

В развернувшейся борьбе руководство Верховного Совета нашло союзников из числа оставшихся от старого режима

элитных групп, имевших как региональное базирование, главным образом в Советах народных депутатов, так и общегосударственное – возрождавшуюся после запрета КПСС Коммунистическую партию РСФСР, более известную в тот период как Российская компартия (РКП), на базе которой в феврале 1993 года была создана Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ). К коммунистам примыкали малые политические организации левого и национал-государственнического толка. Кроме того, к коалиции присоединились представители директората, которые не видели перспектив для себя в случае ухода государства из экономики, провозглашавшегося одной из главных целей начатых президентом реформ. Так как аппаратчики РКП, директорат предприятий машиностроения и руководители аграрного сектора контролировали некоторые региональные советы или обладали значительным весом в них, в ряде регионов президент даже был вынужден назначать глав администраций из того же круга.

Институты, устанавливаемые в РСФСР на этапе ослабления союзного режима с целью политической, управленческой и экономической автономизации, после его крушения стали препятствием для дальнейшей трансформации по сценарию демократизации.

Одновременно в экономически развитых регионах, обладавших сравнительно высокой степенью адаптивности к рыночным реформам, ожидаемые выгоды от них делали региональные элиты естественными союзниками президента. То же следует сказать о директорате, возглавлявшем крупнейшие структуры топливно-сырьевого комплекса, и нарождающемся крупном бизнесе. Некоторой опорой президентской власти продолжало служить ранее созданное движение «Демократическая Россия». И главным ресурсом оставался административный контроль, пусть и весьма несовершенный, над государством.

Таким образом, в структуре конфликтов постперестроечной России в данный период совмещались две основные линии. Те, кто выступал за сильную президентскую власть, являлись сторонниками радикальных рыночных реформ. Те, кто выступал за смешанную систему правления с сильным парламентом, были против их проведения¹⁶.

16 Перегудов С., Лапина Н., Семенов И. *Группы интересов и российское государство*. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 86–87; Стонер-Вейс К. *Причины непокорности российских регионов центральной власти // Страна после коммунизма: государственное управление в новой России*. М.: ИППП, 2004. Т. 2. С. 134.

Довольно скоро эти реформы оказались в подвешенном состоянии, что привело к модификации альянсов. Опасение лишиться политической поддержки собственных сторонников оказалось для президента более весомым соображением, чем вера в успех технократического проекта. В обмен на содействие наиболее влиятельных экономических акторов и сохранение лояльности региональных лидеров началась корректировка реформ, завершившаяся в декабре 1992 года формированием правительства Виктора Черномырдина. Правительственный курс должен был сочетать следование модели Вашингтонского консенсуса, используемой Егором Гайдаром на предыдущем этапе, и учет особого положения привилегированных экономических акторов и региональных групп интересов.

На примере возглавляемого Черномырдиным государственного концерна «Газпром», ставшего в ноябре 1992 года открытым акционерным обществом, а также другого пионера акционирования – компании «ЛУКОЙЛ» – хорошо виден механизм обмена политической поддержки на экономические привилегии. По сути, эти экономические гиганты были не только выведены из режима экономической конкуренции на неопределенное время, но и получили возможность контролировать принятие решений в сфере правительственной экономической политики. Началось формирование политико-экономического альянса на основе принципа «политическая поддержка в обмен на привилегии», который будет сохранять важнейшее значение на протяжении многих последующих лет (при расширении и изменениях состава участников альянса).

Социальные последствия начального этапа экономических реформ резко ограничили возможности Ельцина по мобилизации массовой поддержки, что практиковалось им ранее. Референдум, проведенный в апреле 1993 года, продемонстрировал непригодность этого инструмента для решения политических задач в новых условиях.

В отличие от экономических акторов, элиты регионов, критически важных для исхода противостояния между российским и союзным лидерами, политически определились еще до распада старого режима. СССР был государством многонациональным – как и РСФСР, входившая в его состав. Еще в тот период, когда основным доменом трансформации оставался СССР, руководители регионов, образованных некогда на этнической основе, воспользовались ослаблением союзного государства, борьбой акторов союзного и российского уровней, региональной этнической мобилизацией и добились привилегированного положения, предполагавшего крайне высокую степень автономии от центра. Критически важным был случай Республики Татарстан, руководство которой начало проводить эконо-

мические и политические преобразования по собственному сценарию. Этот пример оказался привлекательным – в разной мере – и для других республик: прежде всего Башкортостана и Якутии. Чеченская республика пошла другим путем, выбрав стратегию радикального сепаратизма.

Избранные одновременно с Ельциным мэр Москвы Гавриил Попов и губернатор Санкт-Петербурга Анатолий Собчак фактически входили в правящую группу, но при этом тоже получили широкую автономию. Их регионы, особенно Москва, обладали высокой адаптивностью к условиям рынка. В других индустриально развитых регионах с высокой адаптивностью назначенные после августа 1991 года главы администраций стремились действовать по образцу Москвы – по схеме «политическая поддержка в обмен на автономию» (Свердловская, Самарская, Нижегородская области).

Предпочтения глав неадаптивных регионов определялись более сложно. Основные линии отношений между центром и такими регионами были связаны либо с ресурсной поддержкой, либо с возможностью изменения экономического курса. Экономическая зависимость подобных регионов от центра не обязательно вела их к безусловной политической поддержке: наиболее ярким примером здесь выступает Ульяновская область. Но там, где складывалась такая ситуация, чаще всего обозначался раскол между главами регионов и советами, в которых влиянием обладали сторонники Верховного Совета.

Таким образом, в отсутствие институтов, определяющих систему власти и регулирующих конкуренцию, политические силы формировались исходя из стратегических расчетов, которые обуславливались желанием добиться победы над противником. Это вело в тупик, из которого, по-видимому, не оставалось иного выхода, кроме силового противостояния.

1994–1996: ЕЛЬЦИН КАК ОСЕВОЙ АКТОР И ПОДРЫВ ИНСТИТУТА ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА

В результате силового разрешения конфликта между Верховным Советом и президентом – в пользу последнего – возникла политическая протосистема, в которой институционально и практически победитель занял главенствующее положение. При этом, однако, политическая конкуренция в принципе допускалась. Подготовленная Конституционным совещанием, созданным Ельциным еще в июне 1993 года, Конституция Российской Федерации задним числом давала президенту больше, чем на момент избрания, полномочия. Политических сил, которые могли бы настаивать на созыве Учредительного собрания

и/или проведении новых президентских выборов, в стране не было. Ельцин и его команда, полагая, что сохранение власти без электорального подтверждения есть менее рискованная стратегия, откладывали президентские выборы. Парламентские выборы 1993-го и 1995 годов, в результате которых проправительственные фракции не получили большинства в Государственной Думе, подтвердили, что такие опасения не были беспочвенными. Наконец, последствиями допуска демократических элементов в политический процесс и появления рыночной экономики стали усугубляющаяся автономизация регионов, возникновение и развитие оппозиционных партий и движений, а также возрастающее политическое влияние так называемых «олигархов».

Вводимые институты не предусматривали партийности президентских выборов, а сами они до 1996 года не проводились. В выборах других уровней наряду с партиями участвовали движения и блоки, что не способствовало, а вероятнее всего, даже препятствовало повышению значимости партий и стимулировало вместо этого коалиционные политические образования, большей частью временные. В 1994–1996 годах, несмотря на конституционную и фактическую многопартийность, именно они – а не партии – находились на первом плане в общенациональном и субнациональном политических процессах¹⁷.

В состав правящей коалиции входили крупнейшие экономические акторы, главы регионов, высокопоставленные чиновники, лидеры партий и парламентских фракций («Выбор России», затем «Демократический выбор России» и «Наш дом – Россия»), владельцы и топ-менеджеры крупных СМИ. На периферии коалиции действовали партии и общественные организации, поддерживавшие проводимый правящей группой курс. Роль Ельцина во главе этой коалиции соответствовала позиции осевого, или центрального, актора – ключевого игрока переходного периода, который в процессе укрепления собственной власти в состоянии не только получать поддержку от различных социальных групп и находить союзников, но и заменять их при случае другими¹⁸. Фактически воспроизводился тот же сценарий борьбы за установление диктатуры, что и в 1992–1993 годах, изменились лишь соотношение сил и состав участников. Осевой актор обладал значительным преимуществом, но для консолидации нового режима и создания моноцентрической системы его было недостаточно.

17 Ср.: «Партии – это, по определению, участники электорального соревнования. Там, где власть не оспаривается на выборах, их роль маргинальна. В России ситуация осложнялась тем, что практически никто из “партийных политиков” не вошел в руководство страны и по назначению» (Голосов Г. *Партийные системы России и стран Восточной Европы*. М.: Весь мир, 1999. С. 45).

18 PRZEWORSKI A. *Democracy and the Market...* P. 52.

Оппозиция в лице КПРФ благодаря успеху на парламентских выборах смогла сплотить вокруг себя коалицию, включившую директоров крупных промышленных производств и глав регионов. В нее на правах младшего партнера входила также Аграрная партия России, поддерживаемая руководителями предприятий сельскохозяйственной отрасли. Кроме того, КПРФ имела поддержку некоторых национал-патриотических политических организаций. Располагая весьма ограниченным доступом к электронным и центральным печатным СМИ, КПРФ стремилась компенсировать этот пробел за счет активного присутствия в СМИ региональных. В роли оппозиции выступали также и менее значительные политические организации – Либерально-демократическая партия России Владимира Жириновского и общественное объединение «Яблоко» Григория Явлинского, представленные думскими фракциями.

Постепенно в составе правящей коалиции, а также правящей группы все бóльшую роль стали играть потеснившие руководителей полугосударственных компаний представители крупного бизнеса, финансовые и медийные магнаты. Показательным примером их отношений с осевым актором является проект проведения залоговых аукционов:

«[Залоговые аукционы] проводились в декабре 1995 года, а переход в собственность мог осуществиться только осенью 1996 года. В середине же срока – в июне 1996 года – должны были состояться президентские выборы. Причем было ясно, что условия “залоговых аукционов” будут соблюдены только в случае победы на них совершенно определенного кандидата»¹⁹.

На президентских выборах 1996 года поддержку Ельцину оказали все компании, входившие в первую десятку российских бизнес-групп. Наибольший выигрыш от этого получили группа «ОНЭКСИМ-Интеррос» Владимира Потанина, банк «Менатеп» Михаила Ходорковского, группа «ЛогоВАЗ» Бориса Березовского, ставшие победителями залоговых аукционов, а также группа «МОСТ» Владимира Гусинского, закрепившая за собой четвертый канал национального телевидения²⁰. После выборов президента Потанин стал первым вице-премьером правительства, а Березовский – секретарем Совета безопасности и позднее исполнителем секретарем Содружества Независимых Государств. Что касается прежних участников, то их роль в коалиции и правящей группе была двойной. Получая возможность влиять на государственное регулирование ус-

19 Мау В. *Политические проблемы экономических реформ в посткоммунистической России // Страна после коммунизма...* Т. 1. С. 132–133.

20 Характеристики выигрышей см. в: Паппэ Я. «Олигархи». *Экономическая хроника 1992–2000*. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 117, 129–130, 151.

ловий собственной деятельности, они в свою очередь предоставляли государству доступ к своим ресурсам. Вместе с тем крупные компании активно участвовали в парламентских выборах 1993-го и 1995 годов, финансово и организационно поддерживая проправительственные партии.

Иная политическая динамика наблюдалась в регионах, хотя и там основные процессы были тесно связаны с экономикой. Непосредственно после событий 3–4 октября 1993 года Ельцин был в той или иной форме поддержан абсолютным большинством глав регионов, но в рассматриваемый период ситуация изменилась. Разделение регионов на адаптивные и неадаптивные (к условиям рынка) не утратило значения в том смысле, что определяло привилегированное положение первых во взаимоотношениях с правящей группой, выражавшееся либо в допуске в правящую коалицию, либо, напротив, в предоставлении фактически полной автономии от центра. Но и в значительной части неадаптивных регионов тоже существовали относительно прибыльные в рыночных условиях сектора экономики, за контроль над которыми почти повсеместно развернулась борьба. Центр, экономический курс которого определил такое направление внутрирегиональных политических процессов, оказывал только точечное воздействие на происходящее исходя из собственных интересов (например – назначая новых глав регионов накануне президентских выборов) или же вмешивался в критических ситуациях, сохраняя, правда, важнейшие политические рычаги в своих руках. Так, Кремль не давал массово проводить выборы губернаторов до проведения выборов президентских, тормозился и процесс избрания глав местных администраций.

В национальных республиках также шло формирование оппозирующих центру региональных правящих групп. Чтобы остановить подъем сепаратизма, центр действовал методом кнута и пряника. С Татарстаном в марте 1994 года, а затем с другими республиками, заключались двусторонние договоры, признававшие высокую степень их автономии. В декабре 1994-го в попытавшуюся отделиться от России Чеченскую республику были введены войска, что положило начало первой чеченской войне.

В ходе президентских выборов 1996 года произошел, если исходить из оценки ситуации в духе демократизационного сценария, подрыв этого центрального демократического института. Те выборы нельзя было назвать свободными, честными и справедливыми²¹. Для выдвижения кандидата нужно было

21 Гельман В., Елизаров В. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // *Первый электоральный цикл в России (1993–1996)* / Под ред. В. Гельмана, Г. Голосова, Е. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2000. С. 19–20, 33–35.

собрать не менее миллиона подписей. По формальным основаниям не была зарегистрирована инициативная группа, выдвигавшая Галину Старовойтову. В предвыборной кампании на стороне инкумбента активное участие принимали правительственные и административные структуры, было обеспечено его подавляющее превосходство в финансовых ресурсах и полное доминирование в подконтрольных медиамагнатам СМИ (основные телевизионные каналы и главные печатные издания), проходили широкомасштабные акции по запугиванию и шельмованию оппозиции, имели место всевозможные формы подкупа и обмана избирателей и так далее.

Видимо, правящая группа преувеличивала угрозу коммунистического реванша в случае победы лидера КПРФ Геннадия Зюганова, но некоторые основания для опасений у нее действительно имелись. Коммунисты, как наследники акторов старого режима, были исключены из процесса трансформации и не приняли установленные без их участия правила игры. В случае победы они могли заняться пересмотром правил в свою пользу. В таком контексте продолжение антикоммунистической революции и стратегия победы над кандидатом от КПРФ во что бы то ни стало, по принципу «цель оправдывает средства», стали для правящей группы в каком-то смысле вынужденными: они обуславливались предыдущим решением отказаться от демократизационного сценария.

Так или иначе, выборы состоялись, хотя рассматривался вопрос об их отмене или переносе, что означало бы открытое установление диктатуры. Что же могло произойти в случае поражения инкумбента? Точного ответа на это вопрос нет, но вполне вероятной могла стать отмена результатов голосования. Добившись победы, правящая группа начала пересматривать подходы к укреплению власти, не покушаясь на действующие демократические институты второго плана.

1997–2000: «СЕМЬЯ», ПРЕЕМНИК И КРИЗИС ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА

После выборов президента начали происходить персональные изменения в составе правящей группы. Одновременно все большее значение в ней приобретало непосредственное окружение Ельцина, которое журналисты еще в предыдущий период прозвали «семьей»²². Из небольшой неформальной группы

22 В «семью» входили дочь Ельцина Татьяна Дьяченко, ее муж Валентин Юмашев, бизнесмены Борис Березовский и Роман Абрамович, банкир Александр Мамут, глава администрации президента Александр Волошин, управляющий делами президента Павел Бородин (см.: SAKWA R. *Putin: Russia's Choice*. London; New York: Routledge, 2005. P. 64), а также вице-премьер Анатолий Чубайс.

советников и консультантов она превратилась в коллективно-серого кардинала» и, видимо, с 1998 года правила от имени Ельцина. Такое развитие объяснимо с институциональной точки зрения. Пост президента в России никак не связан с какой-либо политической организацией. По сути, президент – частное лицо, оказавшееся на вершине власти благодаря успешной стратегии маневрирования в поле противоречивых и запутанных правил игры и манипуляций ими. В этой ситуации приближенные к главе государства в тот момент, когда он перестает надлежащим образом исполнять обязанности президента и выступать в роли осевого актора, оказываются перед соблазном взять дело в собственные руки, чтобы не потерпеть вместе с лидером неизбежную неудачу. В отсутствие эффективных механизмов, позволяющих широкому кругу сторонников или политическим конкурентам добиваться смены высшей власти, такая стратегия выглядит вполне естественной. Правда, в результате ее реализации вслед за уже произошедшим подрывом главного демократического института – президентских выборов – началась и коррозия института президентства как такового. До этого институционального провала можно было ожидать, что при определенном стечении обстоятельств, хотя бы на следующих выборах главы государства, возникнет реальная политическая конкуренция, которая будет иметь институциональные последствия. Но теперь на фоне подобных ожиданий вставал вопрос не только о том, как будут проходить выборы, но и о том, что такое президентство, если высшая власть может находиться в руках уполномоченных на это только ими самими деятелей, которые оказались в нужное время в нужном месте.

Пост президента в России никак не связан с какой-либо политической организацией. По сути, президент – частное лицо, оказавшееся на вершине власти благодаря успешной стратегии маневрирования в поле противоречивых и запутанных правил игры и манипуляций ими.

Внутри правящей группы и коалиции имели место разнообразные конфликты, однако преобладание внеинституциональных стимулов к согласию – распределение выгод среди своих и наличие общего врага – сдерживало их разрастание. Однако, как только стимулы ослабли, обнаружился дефицит институтов, предназначенных для регулирования конкуренции.

Акцент в мотивации относительно успешных экономических деятелей все больше смещался с получения собственности

из рук государства к ее удержанию. Менее успешные, напротив, стремились пересмотреть результаты приватизации. Со стороны осевого актора и бюрократических групп возник запрос на большую отдачу от собственно экономической деятельности. Одним из результатов залоговых аукционов и продажи летом 1997 года 25%-го пакета акций «Связьинвеста» «ОНЭКСИМ-банку», а также заключения множества других менее значительных непрозрачных сделок стал раскол среди экономических акторов, входивших в правящую коалицию.

Между тем выборы глав регионов в 1996–1997 годах, сопровождавшиеся массовым подписанием двусторонних договоров между субъектами и центром по образцу договора с Татарстаном, наряду с изменением порядка формирования Совета Федерации (вместо избрания – представительство глав регионов и руководителей региональных парламентов), упрочили автономию тех субъектов, которые уже обладали ею в значительной степени, и расширили автономию многих других. Заключенное накануне президентских выборов перемирие с Чечней, фактически означавшее выход республики из состава Российской Федерации, продемонстрировало неспособность центра пресечь центробежные тенденции. Процесс регионализации, выливающейся в неуправляемую децентрализацию, в тот период достиг пика. В ходе экономических реформ углубилось региональное неравенство, и региональные элиты, входившие в правящую коалицию или представлявшие привилегированные регионы, получили возможность оказывать влияние на политику в других регионах. Прежде всего это относится к Москве и Татарстану.

Частичный распад правящей коалиции выявил сокращение возможностей, имевшихся у осевого актора. Формальный институт сильного президента автоматически не гарантировал инкубенту сохранения властных позиций. Ресурсы же, которыми он расплачивался за политическую поддержку привилегированных групп, тратились почти впустую. Они не были использованы для создания институциональных механизмов укрепления президентской власти или формирования собственной эффективной политической организации и оказались недостаточными даже для установления полного контроля над собственным правительством и другими административными структурами. Обращение к методам, дававшим результаты на предыдущих этапах, в новых условиях не приносило успеха. В число этих методов входили авторитарное принуждение (например попытка отстранить от должности губернатора Приморского края Евгения Наздратенко или учреждение временной чрезвычайной комиссии при президенте по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины), применение админист-

ративных рычагов (меры, призванные укрепить институт полномочных представителей президента в регионах и создать коллегии, координирующие деятельность федеральных органов на местах), политические проекты (так называемая «игра в местное самоуправление», когда главам регионов противопоставлялись мэры региональных столиц).

Обострение конкуренции между наиболее значимыми группами интересов заставляло их лидеров предпринимать шаги по организационному оформлению. Такие группы состояли из нескольких организационных звеньев и включали высокопоставленных представителей бюрократии из центральных органов управления (администрации президента и правительства), крупных финансово-экономических структур, руководства (на уровне первых и вторых лиц) регионов и их столиц. Как правило, с этими группами были связаны определенные СМИ, партийные и/или парламентские деятели, силовые подразделения официальных государственных структур, а также криминальные группировки. Кроме того, некоторые группы располагали собственными охранными миниармиями – службами безопасности. Внутри групп складывался иерархический порядок: лидером каждой был либо руководитель интегрированной бизнес-группы – в терминологии Якова Паппэ²³, – либо глава региона. По аналогии такие образования, появившиеся в условиях сращивания политики и бизнеса, можно назвать бизнес-политическими группами (БПГ).

Разразившийся в августе 1998 года финансовый кризис и его последствия вынудили большинство лидеров БПГ раствориться в новой – временной и рыхлой – коалиции, образовавшейся во круг осевого актора в связи с назначением премьер-министром Евгения Примакова. Это вынужденное для президента решение вызвало последовательность событий, отчасти возвращающую процесс трансформации к его истокам: возникла открытая политическая конкуренция, ставшая результатом раскола в правящей группе, и новая оппозиция считала, что имеет хорошие шансы на победу на главных выборах.

Примаков не был включен ни в одну из БПГ. Именно это обстоятельство и позволило ему стать премьером, поскольку ни одна из значимых групп не опасалась, что в результате этого назначения усилятся конкуренты. Но такие политические условия назначения наряду с необходимостью изменений в экономической политике позволяли Примакову проводить достаточно независимый – от влияния прежде всего наиболее близких президенту деятелей – правительственный курс, что превращало нового премьера в самостоятельную политическую фигуру.

23 Паппэ Я. Указ. соч. С. 34.

Одновременно с кандидатурой Примакова на тот же пост рассматривался мэр Москвы Юрий Лужков – бессменный и один из наиболее влиятельных участников правящей группы, создавший собственную БПП²⁴. Поскольку вопрос о возможном преемнике Ельцина в связи с ухудшением его здоровья был актуален, а московский мэр рассматривался многими в качестве такового, то «семья» (в которую ранее входил и сам Лужков) воспринимала его как угрозу собственным интересам. Поэтому давнего и сильного союзника предпочли фактически вытолкнуть в оппозицию, полагая, что внутри правящей группы он будет более опасен. В результате в конце 1998 года созданием движения «Отечество», поддержанного двумя десятками губернаторов, Лужков, по сути, начал собственную президентскую кампанию.

Весной 1999 года по инициативе президента Татарстана Минтимера Шаймиева, также являвшегося лидером крупной БПП и главным выразителем интересов элит привилегированных регионов, не входивших в правящую коалицию, началось создание еще одного политического объединения глав регионов – «Вся Россия». В его руководстве оказались также президент Башкортостана Муртаза Рахимов и губернатор Санкт-Петербурга Владимир Яковлев. В апреле–августе 1999-го произошло объединение новой оппозиции в избирательный блок «Отечество – Вся Россия» (ОВР). Состоявшаяся ранее отставка Примакова и вовлечение его в оппозиционную коалицию укрепило ее.

Поскольку выборы президента должны были, как предполагалось, пройти спустя полгода после выборов в Государственную Думу, требовалось сначала добиться значимых результатов на последних. На стороне ОВР выступали группа «МОСТ» и АФК «Система», тесно связанные с московским мэром. Поддержку ОВР и одновременно сформированному правящей группой движению «Медведь» (в дальнейшем – «Единство»), а также партиям «Наш дом – Россия» и «Союз правых сил», оказывал «ЛУЖкойл»²⁵. Ядро новой оппозиции образовывали региональные БПП различного масштаба, в разной степени монополизировавшие политику и экономику в собственных регионах²⁶.

24 О том, как создавалась и что собой представляла БПП Лужкова, см.: BRIE M. *The Moscow Political Regime: The Emergence of a New Urban Political Machine* // EVANS A. JR., GEL'MAN V. (Eds.). *The Politics of Local Government in Russia*. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2004. P. 203–234.

25 Паппэ Я. *Указ. соч.* С. 114, 182, 183; Перегудов С. *Корпорации, общество, государство. Эволюция отношений.* М.: Наука, 2003. С. 202–206.

26 Все эти регионы входили в первую десятку по объему валового регионального продукта на 1997 год: Москва (первое место с огромным отрывом), Московская область (третье место), Санкт-Петербург (четвертое место), Татарстан (седьмое место), Башкортостан (девятое место). В них проживали около пятой части всех избирателей. Данные приводятся по: *Федеральный бюджет и регионы. Опыт анализа финансовых потоков* / Под ред. А. М. Лаврова. М.: Московский центр института «Восток-Запад»; Диалог-МГУ, 1999. С. 15; *Выборы Президента Российской Федерации. 2000. Электоральная статистика.* М.: Весь мир, 2000. С. 35. К коалиции присоединились и другие республики – Мордовия, Карелия, Чувашия, Ингушетия, Северная Осетия, Адыгея.

Правящая коалиция в этих условиях оказалась в ситуации, требующей не только создания политической организации, но и поиска новых союзников. Таковые были найдены в лице прежде всего региональных лидеров, чья поддержка вытекала из экономической необходимости, то есть была выражением зависимости. Таких регионов насчитывалось около трети от общего числа. Всего заявление о создании «Единства» подписали лидеры 39 регионов. Ближе к выборам круг поддерживающих «Единство» региональных лидеров расширился, в том числе и за счет перешедших из ОВР. Кроме того, «Единство» сумело в явной или неявной форме заручиться поддержкой более десятка глав регионов, официально поддерживавших КПРФ, фактически предложив заменить модель исключения КПРФ, политический вес которой после президентских выборов 1996 года и большой серии губернаторских выборов уменьшился, моделью ее частичной кооптации.

Избирательная кампания «Единства» опиралась на опыт президентской кампании 1996 года. На фоне прямой и косвенной рекламы «Единства» на контролируемых правящей коалицией главных телевизионных каналах и в других популярных СМИ общенационального и регионального уровней лидеры оппозиции изображались несостоятельными политиками, негодными руководителями, моральными монстрами, чудовищными коррупционерами, тяжелобольными старцами и так далее. По-видимому, оказывалось давление на губернаторов, поддерживавших ОВР. Но решающую роль сыграло возобновление военных действий на Северном Кавказе и крупные террористические акты. Это вывело вопросы безопасности в электоральной повестке на первый план. В результате «Единство» как партия правящей группы, ведущей борьбу с терроризмом, получило значительное преимущество.

Не выдержав нарастающего перевеса «Единства», лидеры ОВР в разной форме начали высказываться в поддержку Владимира Путина, которого Ельцин объявил преемником еще при назначении премьер-министром в августе 1999 года. Получив скромный результат на парламентских выборах, которые фактически являлись нулевым туром выборов президентских, руководство ОВР сочло, что оптимальной стратегией будет почетная капитуляция: слияние с победившей политической силой. Отсутствие кандидата от ОВР (в лице Лужкова или Примакова) на президентских выборах стало одним из факторов победы Путина. Другими факторами стали перенос выборов с июня на март 2000 года, продолжение «маленькой победоносной войны» на Северном Кавказе, полное доминирование, в том числе за счет использования государственных ресурсов, в электоральном поле.

1990-Е – НАЧАЛО 2000-Х: НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПЕРЕХОД К ДЕМОКРАТИИ

К решению заменить слабеющего лидера, сохранив, благодаря популярному, но политически малоопытному преемнику, собственную власть, «семью» привело понимание, что шансы правящей группы победить в борьбе за установление диктатуры уменьшаются. Но задача была успешно решена только отчасти. Новый президент довольно скоро стал самостоятельной фигурой. Борьба за установление диктатуры завершилась победой Ельцина и правящей группы, но плодами победы в полной мере воспользовался их ставленник, постепенно отстранивший «семью» от принятия решений. Правда, большинство ее членов либо были оставлены Путиным в собственном окружении, либо получили возможность безболезненно уйти в частную жизнь.

Капитуляция ОВР и поддержка со стороны абсолютного большинства региональных лидеров определили направление первого главного удара нового президента: довольно быстро регионы были лишены им политической автономии. Начатая Путиным так называемая «федеральная реформа»²⁷ не встретила организованного отпора и стала первым шагом к укреплению обретенной им власти. Черту под наступлением в этом направлении подвело принятие президентского указа, отменяющего выборы глав регионов населением.

Подобного масштабного удара по другой группе, имевшей традиционное представительство в правящей коалиции – крупным БПГ, возглавляемым экономическими акторами, – нанести сразу было невозможно. Поэтому сначала с политической сцены были удалены наиболее одиозные фигуры: Березовский, который, как предполагают некоторые, фактически создал «Единство» и был одной из ключевых фигур, обеспечивших избрание Путина президентом²⁸, и Гусинский. Лидеры других БПГ не смогли сколько-нибудь эффективно выступить в их защиту. При этом находившиеся под контролем вставших в немилость «олигархов» каналы телевидения перешли под контроль государства. В результате, как отмечает Наталья Зубаревич, «хотя некоторые бизнес-группы все равно остались “более равными”, деловые люди получили однозначный сигнал, озна-

27 Ross C. *Putin's Federal Reforms and the Consolidation of Federalism in Russia: One Step Forward, Two Steps Back!* // *Communist and Post-Communist Studies*. 2003. Vol. 36. № 1. P. 29–47; Hyde M. *Putin's Federal Reforms and Their Implications for Presidential Power in Russia* // *Europe-Asia Studies*. 2001. Vol. 53. № 5. P. 719–743.

28 Sakva R. *Op. cit.* P. 21, 64; КЛЕВНИКОВ P. *Godfather of the Kremlin: Boris Beresovskiy and the Looting of Russia*. New York; San Diego; London: Harcourt, 2000. P. 298, 313; МОИУДДИН Y. *Boris Beresovskiy: Russia's First Billionaire and Political Maverick Still Has It in for Vladimir Putin* // *International Journal*. 2007. Vol. 62. № 3. P. 684–685.

чавший, что лоббировать свои интересы через федеральные структуры станет труднее»²⁹. Когда претензиям нового президента на политическую монополию уже трудно было что-то противопоставить, начался захват «ЮКОСа», руководитель которого Ходорковский в то время, по всей видимости, пытался предпринять практические шаги по организации политического противодействия намерениям новой власти. Что касается правительства, силовых органов, парламента, в котором в 2003 году новая партия власти – «Единая Россия», возникшая в результате слияния «Единства» и ОВР, – получила конституционное большинство, то все эти структуры, постепенно превратились в составные части личной суперБПГ Путина.

Анализ институциональной логики описываемых в настоящей статье событий, надеюсь, объясняет закономерность такого исхода. Перспектива возникновения демократии в минималистском понимании съезживалась на протяжении всего процесса трансформации. До выборов президента в 1996 году этот процесс представлял собой разновидность сценария «демократия как временное решение», при котором получившая власть группа считает возможным до какого-то момента придерживаться демократизационного пути, а затем при благоприятных для нее обстоятельствах отказаться от него³⁰. Российский вариант такого решения можно назвать «демократия как обещание»: конкурентные выборы главы государства должны состояться в ближайшем будущем, а пока давайте довольствоваться парламентом, выборами в него и в другие органы власти.

Перспектива возникновения демократии } в минималистском понимании съезживалась на } протяжении всего процесса трансформации. }

После того, как обещание было исполнено не по существу, а лишь формально, вследствие чего произошел подрыв института выборов президента, сценарий «демократия как обещание» заработал по-иному. Как предполагалось, на следующих выборах, если Ельцин примет участие в них, он не сможет победить, а если за президентство будет бороться наследующий Ельцину политик, не имеющий президентских полномочий, все будет зависеть от того, насколько оппозиционные политические силы окажутся способны с ним конкурировать. Попытка объявления импичмента Ельцину в мае 1999 года предпринималась с целью добиться исполнения обещания и выхода кандидата

29 Зубаревич Н. *Пришел, увидел, победил? (Крупный бизнес и региональная власть)* // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 1. С. 110.

30 PRZEWORSKI A. *Democracy and the Market...* P. 52.

от правящей группы на президентские выборы в максимально неблагоприятном для него и нее варианте. Сценарий «демократия как обещание» был завершен (хотя соответствующую риторику новая власть в дальнейшем продолжала использовать) успешным появлением на электоральной сцене преемника, исполняющего обязанности президента, и выборы проходили как формальная процедура, подтверждающая победу в борьбе за установление диктатуры нового лидера правящей группы.

Таким образом, можно констатировать, что, в отличие от трансформировавшихся в тот же период стран Центральной и Восточной Европы, в России с самого начала перехода от советского режима шло становление электорального авторитаризма, окончательно сложившегося в 2000-е. Подобным образом шла трансформация в большинстве африканских стран, лидеры которых в конце 1980-х – начале 1990-х устанавливали псевдодемократии и потом бессменно правили долгие годы, обнуляя предыдущие сроки нахождения у власти, вновь и вновь избираясь президентами или премьер-министрами либо передавая власть наследникам.

Почему с позиций минималистского понимания демократии вопросы, связанные с развитием гражданского общества, правами и свободами, другими либеральными ценностями, можно вынести за скобки? Если электоральная демократия не была установлена, говорить о ее провале из-за слабости либеральных начал попросту нелогично. Те, кто включает эти начала в определение демократии в качестве одного из измерений наряду с соответствующей выборной процедурой, не выделяют из всей совокупности электоральных событий и органов власти центральные институты – выборы и правила функционирования высшей власти, – будто бы принимая их за данность, не требующую проблематизации и подробного анализа, в том числе в динамическом аспекте. То есть эти аспекты попадают в слепую зону.

В случае России 1990-х в рассмотрении нуждаются не вопросы, связанные с зарождением и упадком двухмерной демократии³¹, а проблема взаимосвязи и взаимовлияния двух разнородных пластов политического развития: поставторитарного, переходного, но недемократического в минималистском понимании институционального устройства, с одной стороны, и вне-

31 Следует отметить, что некоторые исследователи, использующие двухмерную модель демократии, исходят из того, что электоральной демократии в 1990-е не было. По мнению Владимира Гельмана, ее отсутствие создавало негативные условия для развития второго – внеэлекторального – измерения, см.: ГЕЛЬМАН В. *Авторитарная Россия: бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия*. М.: Говард Рорк, 2021. Стивен Фиш, также отрицая установление электоральной демократии, анализирует взаимодействие двух измерений: FISHER S. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

электоральной общественной деятельности и государственной политики в отношении общества, с другой.

СЕРГЕЙ РЫЖЕНКОВ
ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ...

В заключение хотел бы сделать небольшое, но важное пояснение. Политики из правящей группы не формулировали свои стратегии в научных терминах, но точно знали, что борются за сохранение и укрепление власти, используя для этого возможности и ресурсы, превосходящие силы оппонентов. Эти политики полагали, что созыв Учредительного собрания после распада СССР, избрание после этого главы государства на демократических выборах, сильные партии и парламент будут препятствовать достижению их цели. Но долгое время, не обладая достаточным для монополизации власти превосходством, они ничего не имели против того, чтобы создавать видимость следования образцам западной либеральной политики. Электоральная активность, защита прав человека, появление многопартийности и рыночной экономики, некоммерческих организаций, частных СМИ, открытие границ и тому подобные явления представляли собой не более чем фон и декорации для вполне авторитарных практик. Они были убраны за ненадобностью, как только полученная и переданная недемократическим путем власть стала достаточно сильна, чтобы сделать это.

Илья
Виницкий

Краснавица и чудовище

Галина Серебрякова и советская русификация
марксизма 1960-х

Памяти Фридриха Энгельса

Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколение,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас.

АЛЕКСАНДР ПУШКИН. *Евгений Онегин*.

Sein Beispiel ist den Andern eine Lehre – aber (nein!)
bei Gott, welche Langeweile, bei Kranken zu sitzen Tag
und Nacht, ohne Rückzug und keinen Schritt fort!¹

Фридрих Энгельс. *Из перевода первой строфы
«Евгения Онегина»*

В середине 1980-х в нашей «английской» школе, продвинутой в самых разных отношениях, появился предмет «Этика и психология семейной жизни», который вела какая-то чужая учительница (кажется, литературы) с горящим взглядом и многолетним советским опытом. Помню, что в качестве свидетельств образцовых взаимоотношений в семье и правильного воспитания ребенка она читала нам на уроках напечатанные в хрестоматии к этому курсу Ивана Гребенникова и Луизы Кованько отрывки из воспоминаний зятя Марк-

1 «Его пример – другим наука, / Но, боже мой, какая...» и так далее.

КУЛЬТУРА
ПОЛИТИКИ

са – Поля Лафарга – о круге Карла и его жены Женни, синонимичные «житийным» историям о детстве Ульянова-Ленина, который сам детей не имел:

«Маркс был нежным, кротким, снисходительным отцом. “Дети должны воспитывать своих родителей”, – бывало говорил он. Не было и тени отцовской власти в его отношениях к дочерям, которые были необыкновенно к нему привязаны. Он никогда ничего им не приказывал; если же хотел чего-нибудь от них, он их просил как об одолжении или уговаривал отказаться от того, что ему было нежелательно. И тем не менее редкому отцу удавалось добиться большего послушания.

[...] Впрочем, и Энгельс тоже как бы состоял членом их семьи: дочери Маркса называли его своим вторым отцом, он был *alter ego* Маркса»².

Читала учительница вслух и лирически-морализаторские отрывки из переписки супругов и постоянно указывала на то, как важны семейные идеалы Маркса и его сподвижника для советских юношей и девушек – думающих, по чьему примеру строить свою жизнь. В соответствии с методичкой она также восторженно отмечала, что основоположники научного коммунизма обожали русский язык и предвидели высокую миссию российской культуры.

Надо признать, что привыкших к позднесоветскому циническому и веселому двоемыслию школьников (стена в комнате моего одноклассника-комсомольца была увешана выписками из собрания сочинений Ленина вроде «Мы с Надей начали купаться и наладились на летний режим» и тому подобного) семейная идиллия и языковые предпочтения Марксов не впечатляли. Мы были, наверное, большими материалистами и диалектиками, чем наша учительница, а главное, читали тогда из-под полы на английском языке разные эротические (и даже хуже) буржуазные книжки, которым во избежание проблем с родителями делали суперобложки из твердой бумаги с фиктивными названиями (упомянутый одноклассник перестарался, надписав на такой обложке «Чукотско-ненецкий разговорник», чем заинтересовал своего любопытного, но настроенного воинственно патриархально родителя).

Это воспоминание прорезалось в памяти в связи с нынешними попытками российских властей возродить уроки нравственных ценностей – на этот раз не марксистских, а традиционных. Впрочем, говорить здесь о современном консервативном морализме мы не будем – нас интересует, каким образом и

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ

КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Илья Виницкий – филолог, профессор Принстонского университета (США), круг научных интересов: литература XVIII и XIX веков, история эмоций, интеллектуальная и духовная история XIX века.

Автор выражает благодарность Марку Альтшуллеру, Илье Кукулину, Александру Самойлову и Россену Джагалову за консультации.

2 Гребенников И., Кованько Л. *Хрестоматия по этике и психологии семейной жизни*. М.: Просвещение, 1986.

в каком историко-идеологическом контексте складывалась в поздне-советском читательском сознании (той самой нашей учительницы) легенда об идиллической семье Маркса (и примкнувшего к ней презиравшего узы брака Энгельса)³ и какое значение она имела для формовки (используя термин Евгения Добренко) советского русскоязычного читателя/читательницы.

Несколько слов о структуре этой работы, объединяющей, так сказать, «мысль семейную» с «вопросами языкознания». Отправной точкой нашего расследования будет забавный русский неологизм Энгельса, канонизированный в популярной в 1960–1980-е книге глубоко идейной женской писательницы, открывшей советскому читателю окно в семейную жизнь основоположников научного материализма, где она рассматривалась в контексте революционной истории Европы второй половины XIX века. В первой – лингво-педагогической – части работы мы рассмотрим идеологические истоки и коннотации советского мифа об энгельсовском культе русского языка, а также противоречащую этому мифу историко-материалистическую интерпретацию политическим философом характера и любовных приключений его незадачливого русского учителя, в которых он видел воплощение славянского мещанства и варварства. Во второй – литературно-политической – мы обратимся к генезису и прагматике выведенного в романе типа прекрасной русской героини-революционерки, находящей смысл жизни в учении и семейной жизни Карла Маркса.

Пролог

Идеальная «тургеневская» девушка Лиза Мосолова – героиня исторической трилогии «Прометей»⁴ советской писательницы Галины Серебряковой (1905–1980)⁵ – приходит накануне «Христмас» (Рождества) 1858 года в гости к Женни Маркс на Графтон-террас Мэйтленд-парк в Лондоне. Ее обступают очаровательные дочери вождя мирового пролетариата, причем одна из них, Лаура, «неотрывно рассматривавшая гостью», неожиданно обращается к ней по-русски, «четко выговаривая слова»:

- 3 В западной научно-биографической литературе семейным отношениям Маркса и Женни посвящены несколько книг, включая: GABRIEL M. *Love and Capital. Karl and Jenny Marx and the Birth of a Revolution*. New York; Boston; London: Little, Brown and Co., 2011; AMBROSI M. *Jenny Marx – eine bedeutende Frau*. Trier: Weyand, 2018; ИДЕМ. *Helena Demuth. Die treue Seele im Hause Marx und Engels*. Trier: Weyand, 2018. В 2017 году в Трире была организована выставка, посвященная семейству Маркса.
- 4 Название отсылает к прозвищу Маркса «Рейнский Прометей».
- 5 В трилогию Серебряковой «Прометей» входят романы «Юность Маркса» (1933–1934), «Похищение огня» (1961) и «Вершины жизни» (1962).

«– Вы красавица.

Лиза широко раскрыла глаза, услышав слегка искаженное лишней буквой «н» лестное русское слово, обращенное к ней тоненькой очаровательной девочкой.

– Красавица не я, а вы, Лаура, – ответила она по-русски.

– Я знаю только это одно слово на вашем языке – красавица, Бьюти. Дядя Энгельс научил меня. Он хорошо говорит по-русски и переводил как-то мне и КвиКви, – она указала на старшую сестру, – стихи Пушкина»⁶.

У этого маленького диалога, напоминающего дореволюционные слащаво-сентиментальные разговоры в детской, есть строгая фактологическая основа (в частности, воспоминания Элеанор Маркс-Авелинг, где приводились семейные прозвища дочерей⁷), не только помогающая понять, как сочинительница исторического романа работала с источниками, но и как трансформируется в литературный текст определенный политический заказ, отражающий советский постулат об основоположниках марксизма как образцовых семьянинах и восторженных русофилах.

Контекстуализация приведенной выше идиллической сцены в семействе Маркса поможет нам разобраться также в биографическом мифотворчестве Серебряковой – харизматичной коммунистической феминистки, хозяйки «наркомовского» литературного салона в Москве и популярной писательницы, пропагандировавшей семейные ценности грозных в миру революционеров и сохранившей веру в марксистские идеалы, несмотря на выпавшие на ее долю страдания в СССР (ее отца и первого мужа, одного из лидеров левой оппозиции Леонида Серебрякова, расстреляли; второй муж – бывший нарком финансов Григорий Сокольников – был убит в тюрьме, а сама она провела почти двадцать лет в лагерях и на поселении, описанных в мемуарах «Смерч», напечатанных по-польски в 1967 году без разрешения автора⁸).

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ

КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

- 6 СЕРЕБРЯКОВА Г.И. *Собрание сочинений: В 6 т.* М., 1976–1977. Т. 3. С. 281. Здесь и далее курсив в цитатах наш, за исключением особо оговоренных случаев.
- 7 В семье Маркса, сообщает Серебрякова в последней части трилогии «Вершины жизни» (1962), «всех интересовали далекие страны, волнующие маловедомой, сложной древней культурой. Все, что печаталось об Индии и Китае, жадно прочитывалось не только Марксом, но и его женой и дочерьми. Прозвищем Женни-хен было Кви-Кви – император Китая, а Тусси – Кво-Кво, китайский принц» (Там же. Т. 4. С. 140). В день рождения Женнихен Маркс произносит тост в честь «нашего китайского императора Кви-Кви», за которым следует тост «за Международное Товарищество Рабочих» (Там же. С. 49). Заметим, что первым в русской литературе автором, изобразившим идиллическое семейство Карла и Женни, был Марк Алданов в романе «Истоки» (1948), посвященном корням русского политического терроризма.
- 8 Краткий очерк о роли Серебряковой в истории хрущевской оттепели см. в: Чупринин С. *Оттепель: действующие лица.* М., 2023. С. 819–822. Отметим также содержательную биографическую статью: Чупринина Ю. *Московская красавица: Галина Серебрякова* // Москвич. 2021. 8 сентября (<https://moskvichmag.ru/lyudi/moskovskaya-krasavitsa-galina-serebryakova/>).

Часть 1. Русский Пиндар

1

Советские идеологи и их «золотые перья» неоднократно подчеркивали, что Энгельс и Маркс восхищались русской культурой и даже изучили язык, на котором потом будет разговаривать Ленин. Последний в статье 1896 года, посвященной памяти Энгельса, провозглашал: «Маркс и Энгельс, оба знавшие русский язык и читавшие русские книги, живо интересовались Россией, с сочувствием следили за русским революционным движением и поддерживали сношения с русскими революционерами»⁹. «Весьма любопытно, – писал в 1937 году литературовед Ян Эйдук, – что Энгельс и Маркс проявили большой интерес к русскому языку и русской литературе еще тогда, когда русская литература на Западе почти что не была известна»¹⁰. Исследователь обратил внимание на сохранившиеся в архиве Энгельса тетради с упражнениями по русскому языку, включавшими выписки из произведений русских классиков, прежде всего пушкинского романа в стихах¹¹, «экономическую» строфу из первой главы которого о «простом продукте» основоположники научного коммунизма несколько раз цитировали в своих работах¹².

Преклонение Маркса и Энгельса перед русской культурой становится важным пропагандистским мотивом в период борьбы с космополитизмом. Лев Гольман писал в майском номере журнала «Смена» за 1949 год:

«В глазах Маркса и Энгельса Пушкин был олицетворением необычайной одаренности русской нации. Основатели марксизма всю свою жизнь верили в творческие силы и глубокие революционные возможности народа, который за несколько десятилетий выдвинул из своей среды Пушкина, Гоголя, Чернышевского, Добролюбова и целую плеяду других гениев. Они смотрели на Россию как на страну, которой принадлежит крупнейшая роль в мировой истории и предстоит великое будущее»¹³.

Русский язык (истолкованный Сталиным в работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) как язык общенациональный, по сути дела, канонизированный Пушкиным) представал в советской интерпретации того времени своего рода лингвис-

9 Ленин В. И. *Фридрих Энгельс* [1896]. Цит. по: <http://libelli.ru/works/2-4.htm>.

10 Эйдук Я. Ю. *Маркс – Энгельс о Пушкине и русской литературе* // Вестник АН СССР. 1937. № 2–3. С. 62–64.

11 Там же. С. 64.

12 См.: Аникин А. В. *Первая глава «Евгения Онегина» в произведениях и высказываниях Маркса и Энгельса* // Пушкин: исследования и материалы. Л.: Наука, 1986. Т. 12. С. 324–334.

13 Гольман Л. *Маркс и Энгельс о великом поэте* // Смена. 1949. № 10. С. 10.

тической реализацией (энтелехией) марксистского наследия, которую якобы предвидели сами основатели учения¹⁴.

В начале 1950-х подробный анализ лингвистических упражнений Энгельса предложил в пространной работе академик Михаил Алексеев, датировавший их началом 1850-х, когда тот брал уроки русского языка у эксцентричного эмигранта русского происхождения с одической фамилией Пиндар (по имени Эдуард, он же Дмитрий)¹⁵ и ультраромантическим поведением. После отъезда странного учителя в Париж Энгельс, согласно Алексееву, продолжил занятия русским языком и самостоятельно сумел перевести слово в слово почти всю первую главу «Евгения Онегина», вступление к «Медному всаднику» и монолог о французике из «Горя от ума» Грибоедова¹⁶.

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Русский язык предстал в советской интерпретации своего рода лингвистической реализацией марксистского наследия, которую якобы предвидели сами основатели учения.

Между тем слова «краснавица» в учебных тетрадях Энгельса не было, с Пушкиным в наследии философа оно никак не связано и упоминается им лишь однажды – в письме к Марксу от 17 сентября 1852 года, опубликованном в 28-м томе советского издания 1962 года (впервые по-русски это письмо было напечатано в 21-м томе издания 1929 года). Осторожный Алексеев объяснил появление этого неправильного слова непрофессионализмом учителя Энгельса – Эдуарда Пиндара:

- 14** В действительности интерес основателей научного коммунизма к русскому языку был чисто практический, тесно связанный с их политической деятельностью, расширением Интернационала и конкретными моментами идеологической борьбы с политическими конкурентами вроде Бакунина. «Множество странных явлений, происходивших в русском движении, – писал Энгельс, – объясняется тем, что долгое время всякое русское сочинение было для Запада книгою за семью печатями и что поэтому Бакунину и иже с ним легко было скрыть от Запада свои проделки, давно уже известные среди русских [...] Теперь этому наступил конец. Знание русского языка – языка, который всемерно заслуживает изучения как сам по себе, ибо это один из самых сильных и самых богатых живых языков, так и ради раскрываемой им литературы, – теперь уж не такая редкость, по крайней мере среди немецких социал-демократов» (*К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве*. М., 1957. Т. 1. С. 531; см. также: *Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1951). Перефразируя слова Тургенева, сказанные о Некрасове, поэзия в приведенном выше признании Энгельса и не ночевала.
- 15** Алексеев М.П. *Словарные записи Ф. Энгельса к «Евгению Онегину» и «Медному всаднику» // Пушкин: исследования и материалы. Труды третьей Всесоюзной Пушкинской конференции*. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. Алексеев не согласился с мнением Франца Шиллера, высказанном в его книге «Энгельс как литературный критик» (М., 1933. С. 195), что фамилия «Пиндар» является псевдонимом неизвестного лица, и предположил, что это могла быть фамилия матери учителя Энгельса («a very respectable old English lady» в письме). Он также указал, что петербургские Пиндары находились в родственных связях с другой английской купеческой семьей того времени – Бишопами.
- 16** Там же. С. 26.

«Памятником этих занятий является лишь одно русское слово, в русском, но ошибочном написании (“краснавица” вместо “красавица”), мелькнувшее в одном из писем Энгельса к Марксу того же времени. Не такой “ментор” нужен был Энгельсу, с жадностью и глубокой заинтересованностью отдававшемуся изучению нового для него русского языка»¹⁷.

Не вызывает сомнений, что именно из письма от 17 сентября 1852 года и взяла это слово «дяди Энгельса» Серебрякова, отнеся его к вымышленной героине Лизе Мосоловой, о которой речь пойдет ниже, и реальной красавице Лауре Маркс (1845–1911)¹⁸ – будущей жене верного последователя Маркса и тоже красавца Поля Лафарга (1842–1911), с которым она собирала архив отца, в 1930-е приобретенный Институтом Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). (Заметим, что писательница могла видеть оригинал письма Энгельса в этом архиве или в музейной экспозиции.)

2

Приведем выдержку из упомянутого письма, характеризующую не только уровень владения русским языком Энгельса, но и его специфическое чувство юмора, и особый взгляд на любовные отношения в капиталистическом обществе:

«С Пиндаром здесь приключился роман. Недавно я прихожу к нему домой – не знаю, писал ли я тебе об этом – и встречаю там его мать, очень почтенную старую английскую леди, и молодую даму, совершенно не похожую на англичанку, которую я поэтому принял за русскую. В прошлую пятницу я спросил Пиндара, кто эта *krasnávitza* (красавица) – его жена или сестра? “Ни то ни другое”, – ответил он. В понедельник его мать приходит ко мне домой: ее любимый Эдуард уехал, исчез»¹⁹.

Оказалось, что Пиндар в Петербурге влюбился то ли в шведку, то ли в финку, бежал с ней после смерти своего отца и женился на ней в Англии – «это и есть вышеупомянутая *krasnávitza*».

«[В Лондоне Пиндар] познакомился с одной французенкой, по утверждению старухи (которая, конечно, очень плохо о ней отзывалась), бывшей парижской проституткой и любовницей какого-то английского сочинителя комедий по имени Тейлор. Пиндар дает ей

17 Там же. С. 12–13.

18 «Лаура Лафарг, по общему мнению, была красивейшей из дочерей Маркса, [...] – писала Серебрякова. – “Красавица”, – говорили прохожие, заглядываясь на тоненькую женщину чуть выше среднего роста, всегда изящно одетую. А Париж знает толк в красоте» (СЕРЕБРЯКОВА Г. И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 593).

19 Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения: В 39 т.* М.: Издательство политической литературы, 1955–1977. Т. 28. С. 104. Далее, за исключением оговоренных случаев, в тексте указывается том и страница этого издания.

ей уроки, и тихий кандидат вступает с ней в любовную связь. Его жена узнает об этой истории (старуха между тем приехала из Кронштадта, привезла деньги и примирилась с шведкой) и, чтобы удалить П[индара] от француженки, вся семья переезжает в Ливерпуль. Но он выписывает лоретку и туда, и шведка, обладающая, очевидно, большим терпением и настойчивостью, опять узнает об этом»²⁰.

Семейство Пиндаров переселяется в Манчестер, где мать ловеласа, живущая «на остатки нажитого торговлей лесом и фарфором и промотанного ею состояния Пиндара старшего», покупает два дома²¹. Но влюбленный учитель выписывает свою француженку и в этот город. «Три раза наверняка она была здесь, – сообщает Энгельс, – я знаю это потому, что он тогда очень аккуратно занимал у меня деньги, а затем так же аккуратно возвращал их». Наконец, желая положить конец этой истории, Пиндар удирает с ней, по словам его матери, в Австралию, но, вероятнее – как кажется автору письма, – «либо в Нью-Йорк, либо просто в Париж»²².

Добрый Энгельс, отвергавший буржуазный брак и живший с гражданскими женами (партнершами) – сестрами Мэри и (после ее смерти) Лиззи Бернс, работницами хлопкопрядильной фабрики «Ermen & Engels», частично принадлежавшей его семье, – входит в положение незадачливого влюбленного, помогает ему материально и, как блестящий исторический аналитик, дает убедительный прогноз развития этого романа без стихов:

«Бедняга терпит и будет всю жизнь терпеть ужасные последствия своей глупой ранней женитьбы на шведском идеале – вот что всегда тяготило его. При несколько большем опыте и ловкости он – со своими 100 ф. ст. – мог бы очень хорошо содержать здесь француженку, но откуда взять опыт парню, который в 21 год влюбился в шведку, бежал с ней и, как обыватель, вступил с ней в законный брак! Если бы только этот болван рассказал мне эту историю, то было бы очень нетрудно уладить дело. Но впутаться за границу во вторую, более или менее продолжительную и во всяком случае серьезную историю с француженкой и бежать с ней – какая глупость!

20 Там же.

21 Отец Эдварда, как следует из письма Энгельса, торговал «лесом и бисквитами» и скончался до отъезда сына в Англию. Алексеев допустил возможность, что «он был русским и носил русскую фамилию, так как в письме от 4 октября 1852 года Энгельс называет Эдварда “славянином” и человеком, в характере которого сочетаются английские и русские черты». (АЛЕКСЕЕВ М.П. *Указ. соч.* С. 11–12). Как мы полагаем, отцом учителя Энгельса был кронштадтский купец 3-й гильдии обрусевший англичанин Дмитрий Иванович Пиндар (Kronstadtische Kaufmann 3ter Gilde Dmitrji Iwanow Pindar), торговавший железом и отвечавший за поставки сухарей для флота в 1834 году. В 1835-м он обанкротился, о чем сообщала немецкоязычная «Петербургская газета». Таким образом, себя учитель Энгельса мог представлять как «Эдвард Дмитрий» (то есть Эдуард Дмитриевич), что объясняет путаницу с именами. Сохранились сведения, что юный Эдвард был усыновлен эстляндским бароном – генералом фон Деллингсхаузенем (Baltische Schachblaeter. 1889. Vol. 4. S. 342; HINDLE O. *The Mystery of Edward Pindar. Chess Nomad.* Ostrava, 2005. P. 89). Богатая купеческая семья Пиндаров имела представительства в Англии и США, где молодой Пиндар провел несколько лет.

22 АЛЕКСЕЕВ М.П. *Указ. соч.* С. 11–12.

Она еще покажет ему, вот увидишь! В особенности, если он в самом деле поехал в Австралию. И к тому же его старуха очень добродушная и слабая особа, от которой он мог бы добиться всего чего угодно. Но, подобно тому, как Кинкель в обручении²³, так Пиндар в бегстве, очевидно, видит истинную сущность всякой любовной связи» (Т. 28. С. 105).

Наконец, Энгельс обнаруживает в романе Пиндара «совершенно буржуазный оборот», причем в истинно славянской (русской) аранжировке:

«Он – славянин до мозга костей, сентиментальный в своей фривольности и даже в непристойности, льстивый и высокомерный; от англичанина у него только крайняя молчаливость – как русский, он должен ее доводить до крайности» (Т. 28. С. 127).

Сердце Пиндара, констатирует Энгельс, принадлежит шведке, «но другой свой орган он хотел бы предоставить только француженке» (вспомним неизвестную философу непристойную шутку Пушкина о благочестивой жене и митрополите Фотии. – И.В.). В этой коллизии или «славянски-сентиментальном грубом противоречии» кроется для революционного философа «прелесть всей истории» о влюбленном русском Пиндаре, ничего не понимающем ни в практической жизни, ни в политике, ни в литературе:

«[У] этого субъекта, впрочем, отсутствует знание света и собственное мнение, что находится в комическом противоречии с духовными претензиями, свойственными ему как русскому. Он не понял ни “Манифеста”, ни Бальзака; это он мне довольно часто доказывал. Немецкого языка он определенно не знает, он не понимает самых простых вещей. Знает ли он французский язык, я также очень сомневаюсь. Если исчезнет таинственность, благодаря которой он казался интересным, то не останется ничего, кроме неудачника» (Т. 28. С. 128).

В то же время Пиндар в своих письмах наивно старается «поддерживать видимость давно разоблаченной таинственности», что выглядит смешно:

«Ты увидишь, через три месяца *Gospodin* Пиндар опять будет здесь и будет снова хорошим сыном, хорошим мужем, хорошим буржуа, более молчаливым, чем когда-либо, он будет по-прежнему прома-

23 Упоминание Готфрида Кинкеля (немецкого поэта и баденского революционера, бежавшего в Америку) является отголоском идеологической борьбы и финансовых разбирательств в революционном сообществе. В письме к Энгельсу от 30 марта 1852 года Маркс возмущается поведением Кинкеля, который якобы «заявлялся сводничеством и сосватал студия Шульца [еще одного участника баденского восстания. – И.В.] с сестрой г-жи Ронге [жены немецкого священника и участника революции. – И.В.], которая, говорят, богата» (Т. 28. С. 35). В ответном письме Энгельс сообщает другу, что Кинкель в Цинциннати «заявил в буржуазном кругу, что “Маркс и Энгельс не революционеры, а два негодяя, которые в Лондоне были выброшены рабочими из трактиров”» (Т. 28. С. 80).

тывать остаток материнского состояния, не делая ни малейшей попытки чем-нибудь заняться или что-нибудь изучать. И такой субъект бежал с бывалой парижанкой, – она еще заставит его плакать (4 октября 1852 года)» (Т. 28. С. 128).

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Можно сказать, что опытный циничный немецкий фабрикант-материалист из Манчестера относится к сумасбродному преподавателю-транжиру из России с гораздо большей иронией, чем английский денди Онегин к романтическому Ленскому, влюбившемуся в стереотипную романную красавицу. Житейская философия молодого Энгельса, переплетенная с политической сатирой, хорошо выражена в шутовском приглашении Марксу приехать покутить с ним в марте 1847 года в Париж:

«Здесь можно быть либо беспутным человеком, либо ментором; беспутным человеком среди беспутных забулдыг – а в этом нет ничего хорошего, когда у тебя нет денег – или же ментором Эв[ербек], Б[ернай]са и компании. [...] Если бы у меня было 5000 фр. ренты, я бы только работал и весело проводил время с женщинами, пока не наступил бы мой конец. Если бы не было француженок, то вообще не стоило бы жить. Но, пока есть на свете гризетки, это другое дело! При этом не мешает время от времени побеседовать о чем-либо стоящем или наслаждаться жизнью с некоторой изысканностью; но ни то ни другое невозможно с этим сбродом – моими знакомыми. Ты должен приехать сюда» (Т. 27. С. 80)²⁴.

Между тем реконструированный выше пиндаровский сюжет в письмах Энгельса не только пропитан политической злобой дня (сравнение романтического ментора с «рenegатом» Кинкелем), но и насквозь идеологичен. За циничной шутовщиной корреспондента Маркса стоит декларируемое еще в «Манифесте Коммунистической партии» (1848) отношение к буржуазному браку как скрытой форме проституции:

«Наши буржуа, не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери их рабочих, не говоря уже об официальной проституции, видят особое наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга. Буржуазный брак является в действительности общностью жен» (цитируем наизусть по памяти. – И. В.).

Беда беспутного ментора Пиндара в том, что он ничего не понял в «Манифесте»²⁵. И вообще – как сотканный из противоречий сентиментальный русский славянин – он ничего не

24 Август Людвиг Эвербек – глава парижских общин Союза справедливых, затем член Союза коммунистов. Карл Людвиг Бернайс – немецкий радикальный журналист, входивший в 1844 году в редакцию парижской газеты «Vorwärts!», издававшейся при участии Маркса.

25 Впоследствии свои взгляды на семейные отношения при капитализме Энгельс сформулировал в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1887): муж «в семье – буржуа, жена представляет пролетариат» (Т. 16. Ч. 1. С. 55).

3

Вернемся к слову *krasnávitza*, использованному Энгельсом в английской транслитерации и с «ученическим» указанием русского ударения. В письме оно относится к «идеальной» шведской (или финской) жене Пиндара, которую Энгельс вначале принял за русскую. Эту даму, названную в другом послании Марксу «гусыней», «мещанкой в высшей степени» и «ведьмочкой с рыбьей кровью», Пиндар меняет на парижскую проститутку (по словам его матери), бывшую любовницей «какого-то английского сочинителя комедий по имени Тейлор». Речь идет о любовнице известного адресату Энгельса популярного драматурга и сотрудника сатирического журнала «Punch» Тома Тейлора (1817–1880), славившегося переделками французских комедий в манере Скриба и относившегося к буржуазно-консервативному (в понимании автора письма) лагерю. Смешной Пиндар типологически включается автором письма в число комических персонажей этого викторианского сочинителя, представившего осенью того же года написанную им совместно с Чарльзом Ридом комедию «Masks and Faces», основанную, как говорили, на реальной амурной истории одного из соавторов. Герой пьесы, провинциальный джентльмен, бросает жену ради знаменитой столичной актрисы с крайне сомнительной репутацией. В буржуазном финале эта актриса жалеет супругу любовника и благородно возвращает его в семью²⁶.

Попутно заметим, что юмористически пересказанная Энгельсом история о «тихом кандидате» Пиндаре как страстном учителе, по всей видимости, представляет собой паттерн поведения этого странного и, как оказалось, весьма талантливого человека (с середины 1850-х Пиндар считался одним из лучших шахматистов Англии, выигрывавшим у самого Пола Морфи; его шахматной карьере посвящена небольшая монография²⁷). Много лет спустя Эдвард Пиндар окажется героем шумного скандала, широко освещавшегося в английской и американской прессе. В припадке страсти этот скромный пятидесятилетней «русский профессор иностранных языков» набросился с ножом на свою сорокалетнюю ученицу (по классу то ли французского, то ли русского языка), которая отвергла его предложение о браке

26 ELTIS S. *Women and Sex on Stage 1800–1930*. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 93–94. Жанр буржуазной комедии был излюбленным объектом сатиры и историко-моралистического анализа писателей-социалистов второй половины XIX века (Герцен, Салтыков-Щедрин).

27 HINDLE O. *Op. cit.*

(или бегстве?). Он нанес ей несколько ранений, попытался вы-
давить глаз, поранил собственную руку и, придя в себя, явил-
ся в полицию с повинной. Пиндара приговорили к пяти годам
заключения. В тюрьме он пытался совершить самоубийство.
Впоследствии продолжил участвовать в шахматных турнирах
(и преподавать языки?), умер в 1892 году, возможно, в Ревеле.

Итак, как мы видели и как хорошо понимала Серебрякова,
очаровательное слово «краснавица», запомнившееся нежной
Лауре Маркс, было употреблено Энгельсом по отношению к ры-
бообразной скандинавской мещанке, похожей на русскую, от
которой русский учитель-буржуа, известный страстным отно-
шением к ученицам, сбежал с французской лореткой. *Naughty*
«*Uncle Fred*»!

Зачем же понадобилось Серебряковой вырванное из контек-
ста искаженное русское слово в романе о Марксе?²⁸ Какую
роль играет тема русского языка в частности и России в целом
в замысле этого амбициозного произведения? Наконец, какова
функция русской героини романа, посетившей милое немец-
кое семейство Марксов в английской столице?

Часть 2. Идеальная революционерка

1

«Русификация» семейства Маркса в романе Серебряковой свя-
зана не только с желанием дочки философа сказать компли-
мент гостю на ее родном языке, который знает «дядя Энгельс»,
читавший юным дочерям друга свой перевод первой главы
пушкинского романа, начинавшийся с образа дяди «самых
честных правил» (странный, надо сказать, выбор сочинения
для девочек). Русская тема, пробивающаяся наружу в приве-
денной сцене, вписывается в общий замысел романа, сформировавшийся в сложном контексте оттепели, когда образы создателей марксизма оказались в центре идеологической борьбы в СССР и за его пределами. Одной из причин реанимации интереса к Марксу и Энгельсу, к их российским связям в стране победившего социализма стала хрущевская десталинизация и декларативное возвращение к гуманистическим основам коммунистического учения в ожидании полной реализации мечты прогрессивного человечества. (На XXII съезде КПСС в 1961 году Никита Хрущев пообещал современному ему поколению советских людей жизнь при коммунизме.)

28 Заметим, что писательница немного подправила заимствованную из письма Энгельса цитату, заменив французский перевод слова «краснавица» на английское «Бьюти», более соответствующее лексикону дочки Маркса, живущей в Лондоне.

В 1950–1960-е одна за другой выходили документальные и беллетризированные книги о личной жизни основоположников научного коммунизма, инициированные политическим отделом ЦК и Институтом марксизма-ленинизма (приведем лишь несколько названий: «Воспоминания о Марксе и Энгельсе» [1956]; второе, дополненное, издание книги Елены Степановой «Фридрих Энгельс» [1956], «Рассказы о Марксе и Энгельсе» [Детгиз, 1956, 1960]; пьеса Дмитрия Щеглова «Набат» («Гражданин мира») [1956] и его сценарии к документальному фильму и радиопьесе [1958]; «Воспоминания о Марксе жены, дочери и внука» [1958]; «Женни Маркс» Луизы Дорнеман [1962], «Их простота и человечность. [Письма и документы К. Маркса и Ф. Энгельса и воспоминания о них]» в составлении Святослава Виноградова [1966]; «Семья Маркса в письмах» [1968]; «Ничего, кроме всей жизни. (Страницы жизни Карла Маркса и Фридриха Энгельса)» Владимира Бушина [1971]). В мае 1962 года в Москве открылся созданный по решению ЦК КПСС Музей Маркса и Энгельса, воссоздавший домашнюю обстановку семейства основоположника.

Одной из причин реанимации интереса к Марксу и Энгельсу, к их российским связям в стране победившего социализма стала хрущевская десталинизация и декларативное возвращение к гуманистическим основам коммунистического учения в ожидании полной реализации мечты прогрессивного человечества.

Наконец, апофеозом материализации теней Маркса и Энгельса в советском общественном воображении стал двухсерийный фильм Григория Рошала «Год как жизнь» (1965–1966) по сценарию Галины Серебряковой, основанный на ее романе «Похищение огня». Маркса в фильме играет рефлексирующий Игорь Кваша, Энгельса – жовиальный Андрей Миронов (ключевая реплика: «И вообще улыбка никогда не мешала Революции!»), напоминающий «заговорщика» Остапа Бендера в «Тайном союзе меча и орала» и как будто исповедующий жизненный принцип своего будущего героя из мультфильма о «голубом щенке»²⁹. Музыка к фильму написал Дмитрий Шостакович.

Всплеск интереса к коммунистическим демиургам в Советском Союзе был еще и реакцией на развернувшуюся критику

29 «Надо жить умеючи, / Надо жить играючи! / В общем, надо, братцы, жить / Припеваючи».

советского извода марксизма на Западе и Востоке. В 1953 году в Лондоне вышел сборник работ основоположников научного коммунизма под красноречивым названием «The Russian Menace to Europe». В 1960-м в Западной Германии напечатан сборник статей Маркса и Энгельса 1850-х с прямолинейным заголовком «Marx contra Rußland. Der russische Expansionsdrang und die Politik der Westmächte». В 1962-м эта книга вышла в английском переводе под названием «Marx vs Russia». Одновременно в маоистском Китае распространялись письма и статьи Маркса и Энгельса, представлявшие Россию (прошлую и *by extension* советскую) «тюрьмой народов» и колониальной державой. В антисоветской прессе разных идеологических трендов основоположники интерпретировались как идеологические русофобы, резко критиковавшие «варварский» народ на востоке Европы, намеренный захватить мир³⁰. В ответ советские пропагандисты обрушились на критиков слева и справа и провозгласили курс на изображение основоположников марксизма как больших ценителей России и русской культуры, внимательных читателей и даже переводчиков русских классиков, предсказывавших России великое революционное будущее.

В трилогии Серебряковой борьба за прорусский марксизм разворачивается на разных уровнях, в том числе лингвистическом. Писательница явно была знакома с упомянутой выше филолого-политической статьей Алексеева о том, как Энгельс пронзительно интерпретировал текст пушкинского романа в стихах. Так, согласно Алексееву, философ в своей записи, относящейся к шестому стиху «Посвящения» к роману, отметил три возможных немецких значения слова «мечта», использованного Пушкиным: «*Pfantasie* (фантазия), *Trug* (обман, призрак), *Einbildung* (воображение, представление)». «Легко видеть, – заключал Алексеев, – что ни одно из этих иностранных значений не могло передать пушкинское слово в указанном контексте»³¹. В итоге Энгельс выбрал единственно правильный с филологической точки зрения «обобщающий» перевод сложного места.

В романе Серебряковой Энгельс переводит на немецкий не «Посвящение», но романтическую (и политическую) строфу из второй главы о Ленском, привезшем из туманной Германии «вольнолюбивые мечты»: «Не поняв “мечты”, он взял словарь и стал отыскивать значение этого слова, чтобы затем выписать его в особую тетрадь». Процесс перевода представляется писательницей как научно-творческий. Ее герой хочет во всем

ИЛЬЯ ВИННИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

30 Этому вопросу посвящена наша статья о державинской цитате в статьях Энгельса «Державный мем. Призрак Росса в политической историософии Фридриха Энгельса» (в печати).

31 АЛЕКСЕЕВ М. П. *Указ. соч.* С. 54.

дойти до самой сути – здесь сложного русского языка, красотой и богатством которого он восхищается:

«“Евгений Онегин” пленил его. Хотя он слышал немало о поразительном богатстве современной русской литературы, о гении Пушкина, но был еще больше поражен, когда смог черпать из самого родника, не нуждаясь отныне в нередко умерщвляющих оригинал переводах. “Как в гербарии растение не может дать подлинного представления о прелести и аромате живого цветка, так только в подлиннике можно насладиться поэзией и прозой незнакомого народа”, – думал Энгельс. С увлечением и редким прилежанием изучал он русский язык, откладывая грамматику для того, чтобы прочитать неповторимые строки пушкинского романа»³².

Интересно, что бы ему понравилось больше – если бы открылась возможность сравнения: играющий стилистическими оттенками и аллюзиями, самоиронический, веселый и печальный роман Пушкина или подобная серебряковской идеологически правильная, резонерски-серьезная и сентиментально-пафосная проза, представляющая исторический процесс нескончаемым беллетризированным конспектом из имен, событий, политических оценок и показательных цитат? *Wer zum Teufel weiß das, Gospodin (Herr) Engels?*

2

Профессиональная историческая романистка Серебрякова выхватывает из наследия Энгельса актуальные для ее замысла факты и складывает из них свой (санкционированный свыше) миф, полностью отсекая (так сказать, депиндаризируя) циническую шутку основоположника учения. Будучи возвышенно-сентиментальной писательницей³³, она не проходит мимо ми-

32 Этот фрагмент в несколько отредактированном виде Серебрякова включила в свою «китоговую» книгу о Марксе («первую научно-художественную биографию» основоположников научного коммунизма), напечатанную в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 1966. С. 2. С. 396). В трилогии Серебрякова неизменно подчеркивает значимость русского языка и русской литературы не только для основоположников учения, но и для их домочадцев: «Жена Маркса настойчиво изучала в это время русскую литературу и даже писала о ней во “Франкфуртской газете”» (СЕРЕБЯКОВА Г.И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 408). Об этой стороне деятельности любимой героини писали, со ссылкой на Маркса, Полина Виноградская в книге «Женни Маркс (фон Вестфален)» (М.; Л.: Соцэкгиз, 1933. С. 184) и Луиза Дорнеман в книге «Женни Маркс» (М.: Госполитиздат, 1962. С. 103). Виноградская установила, что речь идет о статье Женни Маркс о лондонском театре, опубликованной в мае 1877 года во «Frankfurter Zeitung und Handelsblatt», в которой упоминался роман Чернышевского «Что делать?», обойденный вниманием в напечатанном ранее очерке русской революционной литературы XIX века (Виноградская П.С. *Из литературного наследия Женни Маркс* // Новый мир. 1968. № 4. С. 226).

33 Приведем в пример образец слога, которым написана марксистская писательница: «Широкая складка легла на неровном лбу Карла. Подбородок его дрожал. Женни знала этот симптом накапливающегося гнева» (СЕРЕБЯКОВА Г. *Карл Маркс*. М., 1962. С. 133). Тут не Мавр изображен (прозвище Маркса), а какой-то колдун из «Страшной мести» Гоголя.

лого окказионализма «краснавица», острающего и незаметно идеологизирующего обычное русское слово (от «красная») и добавляющего какую-то интимную домашность изображению радушной семьи Маркса, соответствующую оттепельной политике гуманизации основоположников. Это слово (существующее в других славянских языках – например, в белорусском) сближает героиню романа Лизу с будущей Лаурой Лафарг и служит своего рода эстетическим маркером характерного для советской литературной мифологии эталонного образа жертвенной революционной девушки.

Наконец, слово «краснавица», связывающее вымышленную героиню с семейством Маркса, отсылает к личной истории Серебряковой – одной из революционных красавиц-валькирий, ставшей, по собственному признанию, членом партии в неполных пятнадцать лет³⁴ и участвовавшей в гражданской войне. Серебрякова вошла в советскую литературу книгой эссе о трагических судьбах «женщин эпохи Французской революции» (1929), была активной привилегированной деятельницей советской культурной жизни первой половины 1930-х, пережила «репрессии культа личности» и восприняла выпавшие на ее долю страдания («20-летние мытарства по тюрьмам, “психушкам”, карцерам, допросам, ссылкам»³⁵) как испытание веры в марксистскую революцию. Эта позиция Серебряковой, выраженная в самой радикальной форме в полемике с «отцом» оттепели Ильей Эренбургом и в публичных выступлениях с демонстрацией следов пыток на собственном теле, представляла для литературной общественности 1960-х какую-то болезненную загадку, а для партийных пропагандистов – настоящую политическую находку: именно так должна писать и выступать не сломленная в период культа личности красная дева революции.

Вообще образ Лизы Мосоловой и связанная с ней сюжетная линия (разочарование во фразере-эгоисте Бакуanine, завидующем Марксу³⁶, полное и безоговорочное принятие марксизма как спасительного и верного учения) является завуалированным *alter ego* автора в романе. Серебрякова – дочь фанатичных революционеров – сознательно вписывает себя в историческое повествование и пытается дать марксистский (в ее понимании) анализ собственных поступков. Показательно, что героиня ее

34 Она же. *Странствия по минувшим годам*. М.: Советский писатель, 1965. С. 170.

35 *Прямухинские чтения*. М.: Футурис, 2012. С. 83.

36 Антибакунинский пласт романа Серебряковой вызвал возмущение современников, написавших «Открытое письмо в защиту памяти М.А. Бакунина» (1963), в котором утверждалось, что Серебрякова пытается внушить отвращение читателя к революционеру даже «искаженным внешним портретом». Письмо завершалось просьбой «восстановить подлинный облик М. Бакунина как революционера, имя которого принадлежит истории» и «не допустить в готовящемся фильме трактовку М. Бакунина, сделанную Г. Серебряковой, ибо «у советского народа, у народов всего мира должно быть правильное, а не искаженное представление о выдающихся борцах за свободу» (*Прямухинские чтения*. С. 188).

трилогии, осознав ложь Бакунина (в характере которого угадываются черты Льва Троцкого и, кажется, его последователей – двух первых мужей писательницы Леонида Серебрякова и Григория Сокольникова), выходит замуж за польского профессионального революционера Сигизмунда Красоцкого – почти полного однофамильца деда писательницы, люблинского фабриканта Сигмунда Красуцкого. Этот дед лишил мать Серебряковой Брониславу наследства после того, как та сбежала с будущим отцом писательницы, еврейским революционером Бык-Бек, «который хотел осчастливить все человечество». Впрочем, Бык-Бек вскоре бросил нелюбимую жену, ставшую впоследствии сотрудницей разведуправления на Лубянке и «неистой советской патриоткой и коммунистом-ленинцем до последнего вздоха»³⁷. Знаменательно, что сама Серебрякова до первого брака носила фамилию Красуцкая. Каким образом дед-капиталист, сгоравший, как она потом вспоминала, «от ненасытной жажды все новых и новых плотских утех»³⁸, оказался связан в ее восприятии с несуществующим польским революционером, мы не знаем (возможно, что здесь произошла контаминация с образом отца писательницы, в прямом смысле слова отдавшего революции жизнь).

Через восприятие Лизы Масоловой-Красоцкой (подчеркнем «эстетический» корень в фамилии замужней героини) автор романа принимает воображаемое участие в главных революционных событиях пролетарского движения начиная с революции 1848 года до конца XIX века. Образ русской красавицы-революционерки Лизы был, несомненно, важен для его создательницы. Ключом к ее героической эстетике, как мы полагаем, является мемуарный очерк Серебряковой, посвященный Александре Коллонтай, который вошел в книгу новелл «Странствия по минувшим годам». Писательница признается, что ей не было еще 14 лет, когда она поместила Коллонтай «среди своих божков» после того, как увидела ее на одном из митингов в Киеве³⁹. «В моем воображении, – писала она, – Коллонтай представлялась то валькирией, то красной Жанной Д'Арк – отважной воительницей революции»⁴⁰. На встрече Коллонтай с комсомолками Серебрякова впервые в жизни услышала о героинях Французской революции, Коммуны «и многих других женщинах, имена которых вошли в историю борьбы человечества за свободу»⁴¹. Показательно, что мемуаристка особо выделяет в этой новелле физическую красоту истинной революционерки,

37 СЕРЕБРЯКОВА Г. И. *Странствия по минувшим годам*. С. 182.

38 Там же. С. 188.

39 Там же. С. 64.

40 Там же. С. 66.

41 Там же. С. 66–67.

думавшей не только о радикальной политической деятельности, но и «о красе ногтей»: «всегда в ее внешности было что-то праздничное, продуманно красивое»⁴².

Обратим внимание на то, что в одной из парижских сцен упомянутого выше фильма Рошаля, снятого по сценарию Серебряковой, появляется вымышленная русская красавица-революционерка Даша (актриса Ольга Гобзева), соответствующая Лизе в романе, – фанатичная сторонница анархиста Бакунина (актер Лев Золотухин). Даша патетически заявляет, что готова погибнуть на баррикадах, на что мудрый Маркс отвечает: ради чего? (илл. 1). Примечательно, что красавица-актриса Гобзева, игравшая в фильме фанатичную русскую революционерку, внешне напоминает молодую Серебрякову (илл. 2, 3).

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ

КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Илл. 1. «Нет, Маркс, вы не правы! Только баррикады и смерть, если надо, наполняют жизнь смыслом!»

Илл. 2. Галина Серебрякова, писательница-марксистка.

Илл. 3. Актриса Ольга Гобзева (с 1993 года монахиня).

В центре внимания автора трилогии о Марксе и его семье постоянно находится женский активизм прекрасной героини, символически ассоциирующейся в романе с образом француз-

42 Там же. С. 69.

ской Девы-освободительницы. Во время Коммуны Лиза участвует в открытии женских клубов и женских союзов; создает «наблюдательные комитеты», благотворительные общества помощи детям, старцам, больным, а также преследует «подозрительных граждан, тунеядцев и хулиганов»; ведет в качестве члена комитета «наступление на уличную проституцию и монахинь, которые, как саранча, расплозились по столице»⁴³, злобно агитировавших против Коммуны; редактирует статьи в газете «Коммуна» и оказывает медицинскую помощь раненым бойцам (сама Серебрякова получила медицинское образование). Своими двойниками Лизы здесь являются ее легендарные тезки-коммунарки, изображенные в романе: Елизавета Дмитриева (Томановская), одна из участниц русской секции I Коминтерна⁴⁴, и Луиза Мишель («бой-девка, ничего не боится»⁴⁵). Вообще в политизированной житейной эстетике исторических романов Серебряковой внешняя красота отважных революционерок является отражением их внутренней силы и гармонии. Так, особенным успехом у коммунаров, по словам писательницы, пользовалась песенка о девушках-бойцах:

Так изящны и столько в них склада,
Что любая годна для парада.
Это лучший во Франции полк,
Пусть возьмут это тьеровцы в толк.
Ну и храбры же наши девчонки!
Носят все, как одна, амазонки.
На версальцев, сплотясь в батальон,
Льют свинцовый горячий бульон⁴⁶.

Наконец, в роли жены революционера Лиза неизменно подражает верной Женни Маркс, представленной в романе как *mater familia* святого коммунистического семейства⁴⁷. Героиня самоотверженно поддерживает мужа, а после его смерти в бою выполняет завет похоронить его сердце на родине («Сердце Сигизмунда, как он завещал, Лиза сберегла в особом сосуде, чтобы закопать впоследствии в родной люблинской земле»⁴⁸). Еще раз подчеркнем, что деда Серебряковой звали Сигизмундом Красуцким и он был владельцем табачной фабрики в Люблине. Вероятно тут можно говорить о сознательном семейном

43 Она же. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 329.

44 В 1965 году под явным влиянием Серебряковой вышла повесть Петра Чередниченко «Дочь России. О Елизавете Дмитриевой-Томановской».

45 Там же. С. 220.

46 Там же. С. 250. Перевод взят из: Данилин Ю. *Поэты Парижской коммуны*. М., 1947. Т. 1. С. 258–259. Песня коммунара Клемана «Ну и девочки в баре Дюваль».

47 Серебрякова в целом воспроизводит житейный миф жены Маркса, созданный Полиной Виноградской в книге «Женни Маркс (фон Вестфален)».

48 СЕРЕБРЯКОВА Г.И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 216.

мифотворчестве и своего рода панреволюционной экзальтации Серебряковой, включающей польскую тему («бунтарские строки Мицкевича»⁴⁹, судьбы польских революционеров, деятелей Интернационала и, конечно, рыцарей октябрьской революции вроде «железного» Феликса Дзержинского – начальника матери писательницы) в свою ностальгическую коммунистическую сюиту.

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

3

Серебрякова пишет о катастрофическом конце Коммуны, который увидела ее героиня:

«Нет в истории более величественных, трагических, кровавых страниц, нежели поражение революции. Тогда кровоточит душа народа, растаптывается его извечная мечта и стремление к добру, справедливости и счастью. [...] Если раньше она еще верила в гуманность господствующих классов в более развитых странах, то отныне поняла, как они страшны и бесчеловечны, когда мстят за свою собственность и привилегии. Они перестали быть людьми. В огне Коммуны Лиза сожгла все сомнения. *Она поняла и приняла головой и сердцем все, чему учил Маркс*»⁵⁰.

В одной из последующих сцен Лиза слушает чтение изможденным старцем Эженом Потье «Интернационала» (стихи даются в каноническом русском переводе Аркадия Коца) и пророчествует:

«Мне кажется, этому творению жить и жить. Множество поколений, как я, отныне будут носить его в сердце и повторять в минуты борьбы, радости и печали. Спасибо, дорогой друг, за этот дар человечеству».

При этих словах «сомневающийся в себе, как всякий истинный создатель», Эжен Потье привлекает «огрубевшими от труда, сморщенными руками голову Лизы» и благодарно целует ее в лоб⁵¹.

В финале сюжетной линии Лизы, пародирующем, как мы полагаем, последнюю встречу Онегина с Татьяной (и, возможно, сцену разрыва Натальи Ласунской с Рудиным, которого современники считали карикатурой на Бакунина), замужняя героиня окончательно порывает с идолом своей юности, назвавшим превращение истинно русской женщины в искреннюю «марксидку» чудовищным (любопытно, что писательни-

49 Она же. *Странствия по минувшим годам*. С. 182.

50 Там же. С. 307–308.

51 Там же. С. 310.

ца вкладывает в уста Бакунину феминитив слова, использовавшегося Александром Герценом⁵²), а саму Краснолицкую, изменившую его индивидуалистическим убеждениям, «мерзкой и подлой старухой»: «Так низко, как ты, не падала еще ни одна русская дворянка. Объединилась с немцами, предала великое доблестное славянское племя. Презренная».

Лиза оставляет Мишеля в минуту, злую для него, показав, что навек отдана Марксу, пролетарской революции и семейно-пролетарскому Интернационалу, который она ставит неизменно выше эгоистического бакунинского русского славянства. Между тем разрыв с прежним возлюбленным она переносит тяжело и умирает после сердечной болезни. Итоговым открытием героини является осознание ею жизненной правоты Женни Маркс (которая также умирает в конце романа), считавшей «неблагодарность по отношению к человечеству и природе» худшей чертой в человеке. Лиза принимает трагическую жизнь революционерки как награду:

«Жизнь – свет во тьме, и благо нам, узревшим его, – записывает она в дневнике. – Будем же благодарны за то, что имеем. Цветок или дерево, птица или бабочка наслаждаются бытием, отдают все, что имеют, и исчезают. Они ценят каплю влаги, луч света и тишину ночного неба. Человек – самое недовольное из всех существ на земле. А вместе с тем он получил от природы больше всех. Будем же признательны, недаром неблагодарность называют черной. Она звено в дьявольской цепи зла, такое же опасное, как зависть и лживость. Как много дурного было бы предотвращено, если бы люди изгоняли прочь неблагодарность”. [...]

[До последнего дня Лиза стремится] отплатить сторицей жизни за то, что познала ее всю: веселую и горестную, тусклую и яркую, сложную и простую, легкую и трудную – всегда многообразную, неожиданную, несущую в себе неисчерпаемый кладезь познания, мыслей и чувств, стремлений и свершений, а значит, и счастья⁵³.

Некрологическую благодарность самой героине в романе выражает спасенный ею от смерти старый пролетарский поэт Эжен Потье, узнавший о ее кончине от друга:

«– Как она умерла?

– Без всяких страданий, внезапно, каждый хотел бы такого конца. Две маленькие девочки, ученицы, сидели с ней рядом у рояля. Она играла, но вдруг музыка оборвалась, голова старушки коснулась клавишей. Мы похоронили ее без всякого ритуала, на кладбище для бедных, как она того хотела.

52 В «Былом и думах»: «От серной шайки [*Schwefelbande*], как сами немцы называют марксидов, естественно и недалеко перейти к последним подонкам, к мутной гуще, которая оседает от континентальных толчков и потрясений на британских берегах и пуще всего в Лондоне» (Герцен А. И. *Полное собрание сочинений: В 30 т.* М.: АН СССР, 1957. Т. 11. С. 150–160). Об антимарксистской позиции Герцена см. в: Дрыжак-ова Е. Н. *Герцен на Западе: в лабиринте надежд, славы и отречений.* СПб., 1999. С. 104.

53 СЕРЕБРЯКОВА Г. И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 422, 423.

– Это была праведная женщина. Иные пыжались и воображают всю жизнь, что многого стоят, а другой цены себе не знает, как это было с Красноцкой»⁵⁴.

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Принцип исторической благодарности, по всей видимости, является центральной этической категорией не только Серебряковой, но и всей ее революционной семьи. Так, исследовательница воспоминаний узников советских лагерей Нэнси Адлер приводит поразившие ее слова дочери писательницы Зори. Зоря негодовала по поводу взаимодействия между бывшими заключенными ГУЛАГа и советским государством, причем негодование «было направлено не на безразличное поведение представителей власти, а на неблагодарность вернувшихся»⁵⁵.

4

Прочитанная под этим углом зрения трилогия оказывается не столько романтически пропагандистской книгой о «живом» Марксе и революционном движении в Европе второй половины XIX века (великой эпохи, заветные мечты которой, согласно постановлению XXII съезда, приближались к полной реализации в современном СССР), сколько идейной автобиографией или соцреалистическим феминистским *Bildungsroman* славившейся своей красотой русской писательницы-марксистки.

Эта трилогия также может быть прочитана как имплицитный ответ красной девы революции, мечтавшей вписать себя в пантеон героических женщин прошлого, многочисленным критикам 1960–1970-х, считавшим ее своего рода фанатичной *femme fatal* или даже ведьмой (недоброжелатели писательницы использовали и менее романтические термины), оправдывавшей сталинские репрессии как испытания веры и обрушивавшейся, на радость партийным пропагандистам, на противников «жесткой линии». Например, ей приписываются такие слова на обсуждении в 1958 году романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»: «Я просидела в лагерях и ссылке 18 лет. Но, если будут появляться такие произведения, я согласна снова сесть в тюрьму, в лагерь, чтобы не дать затоптать достижения нашей революции»⁵⁶.

Публикация в Польше лагерной автобиографии Серебряковой «Смерч» вызвала бурную полемику среди узников лагерей. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» обратился к писательнице

⁵⁴ Там же. С. 432.

⁵⁵ ADLER N. *Keeping Faith with the Party Communist Believers Return from the Gulag*. Bloomington: Indiana University Press, 2012. P. XIII.

⁵⁶ АУЗРОВСКАЯ Т. *Судьба романа «Не хлебом единым» // СССР, внутренние противоречия*. 1986. № 16. С. 236–237.

с издевательским вопросом: «Галина Иосифовна Серебрякова! [...] Отчего ваши герои, сидя в лагере, ничего не делают, нигде не работают, а только разговаривают о Ленине и Сталине?» – и намекнул на свидетельства о ее сотрудничестве с лагерным начальством⁵⁷. Варлам Шаламов в письме к Солженицыну включил ее в число лгунов и бездарностей, пишущих об опыте ГУЛАГа⁵⁸. В главе о Бутырской тюрьме в «Вишере» писатель признавался:

«Когда через двадцать лет я прочел стихи Ручьева и послушал речи Серебряковой о том, что их окружали в тюрьме только враги народа, а они, верные сыны партии Ручьев и Серебрякова, вытерпели все, веря в правду партии, – у меня опустились руки. Хуже, подлее такого растрения не бывает. Вот здесь разница между порядочным человеком и подлецом» (1961)⁵⁹.

Прозу Серебряковой высмеял Венедикт Ерофеев, выбравший в качестве одного из двух «вполне пристойных дамских» эпиграфов к «Моей маленькой Лениниане» (1988) пародически отредактированную выписку из книги о Марксе и Энгельсе в серии «Жизнь замечательных людей»:

«Галина Серебрякова о ночах Карла Маркса и Женни фон Вестфален:

Окружив его заботой, Женни терпеливо писала под диктовку Карла. А Карл с сыновней доверчивостью отдавал ей свои мысли. Это были счастливые минуты полного единения. Случалось, до рассвета они работали вместе. Но только люди, жившие за стеной, жаловались на то, что у них ночами “не прекращаются разговоры и скрип ломких перьев”»⁶⁰.

В оригинальном тексте говорится не о людях за стеной, жаловавшихся на ночной шум в комнате Карла и Женни, а о «решительном окрике» верной домработницы и няни в семействе Маркса – Елене Демут (она же Ленхен). Причем последняя была, как Ерофеев скорее всего знал, матерью незаконнорожденного сына Маркса, Фридриха, которого признал своим ребенком и отдал кормилице всепонимающий неженатый Энгельс. Подозреваем, что сама Серебрякова очень осторожно намекает на

57 Солженицын А. И. *Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956*. Paris: YMCA-Press, 1974. Ч. 3-4. С. 414.

58 Шаламовский сборник. Выпуск 1. / Сост. В. В. Есипов. Вологда, 1994. С. 89.

59 Шаламов В. *Собрание сочинений: В 6 т.* М.: Терра, 2005. Т. 4. С. 285.

60 Ерофеев В. *Оставьте мою душу в покое (почти все)* / Сост. А. Костанян. М.: Х.Г.С. 1995. С. 167. Вот этот отрывок в жезеловской книге Серебряковой (1962), заимствованный из ее первого романа «Юность Маркса» (1934): «Иногда Женни писала под диктовку мужа или терпеливо разбирала черновые записи. Это были счастливые минуты полного единения. Женни, как мать, окружала его заботой; Карл с сыновней доверчивостью отдавал ей свои мысли. Случалось, до рассвета они работали вместе. Елена ворчала за стеной и, потеряв терпение, требовала, чтоб Женни позаботилась если не о себе, то хоть о будущем ребенке. Карл шутиливо хватался за голову, гнал жену в постель, гасил лампу, осуждал себя за невнимание, забывчивость. Но в следующую ночь повторялось то же, покуда решительный окрик Елены опять не прекращал разговоров и скрипа ломких перьев» (СЕРЕБЯКОВА Г. И. *Маркс и Энгельс*. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 164).

эту табуированную в советской коммунистической агиографии историю в лирическом описании последнего убежища Маркса и его близких в финале своего последнего романа о великом революционере «Предшествование» (1965):

ИЛЬЯ ВИНИЦКИЙ
КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

«Через три дня раскрылась могила, в которой лежал прах Карла, Женни и их маленького внука. Раскрылась, чтобы принять еще один гроб, как того хотела жена Маркса. Тело Елены Демут погребли рядом с наиболее дорогими ей людьми.

На кладбище Хайгейт в сырой, унылый полдень собрались друзья и близкие усопшей. Пришел Лесснер. *Из Манчестера приехал сын Елены Демут, Фридрих, которого Тусси [Элеонора Маркс. – И. В.], считавшая Ленхен своей второй матерью, звала братом*»⁶¹.

Тема прекрасной домоправительницы Марксов Елены Демут («Лицо ее поражало свежестью, светлые глаза – чистотой. Такому румянцу и алым губам могла позавидовать любая парижанка»⁶²) детально разработана в трилогии Серебряковой. «Елена и Женни, – утверждала писательница, – горячо любили друг друга» и Карла Маркса (Т. 3. С. 320). В итоге все трое романтически соединились в хайгейтской могиле, подобно идеальной семье легендарного германского рыцаря, графа фон Глейхена, запечатленной на знаменитой в свое время могильной плите (она была воспроизведена на гравюре в книге Генриха Деринга «Der Graf von Gleichen. Romantische Volkssage», илл. 4)⁶³.

В сущности, семейный образ жизни Маркса был совершенно буржуазным и викториански камуфляжным, особенно на фоне семейных экспериментов радикалов предшествующей и современной им эпох (от Жорж Санд до Герцена и Огарева). Традиционность семейного уклада революционеров парадоксальным образом делала их образы привлекательными для советских консерваторов, пропагандировавших традиционные ценности в массах. В свою очередь «двойная жизнь» Маркса и Энгельса представляли и представляют определенную проблему. Она решалась (и решается) обычно тремя способами: замалчиванием

61 Она же. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 756–757. Слухи о незаконном ребенке Маркса ходили с конца XIX века. В 1962 году Вернер Блюменберг обнаружил письмо, подтверждающее этот факт биографии Маркса. См. обзор дискуссии о возможной сексуальной эксплуатации Марксом няни его детей Елены (Хелены) Демут и ее сводной сестры Марианны Кройц в: BALTES-LÖNNER C. *Powerful Women Around Karl Marx – Examined Using the Figure of the Continuum* // *Sociology Study*. 2011. Vol. 11. № 1. P. 22–28. Автор статьи считает, что обвинения Маркса справа и слева несправедливы, потому что к великому революционеру и его верным домохозяйкам неприменимы однозначные оценки: «Дженни Маркс, Хелена Демут и Марианна Кройц должны рассматриваться как люди, разделявшие свою жизнь с Карлом Марксом и/или Фридрихом Энгельсом. Они не являются “второстепенными персонажами” или подчиненными, а должны восприниматься как независимые, уверенные в себе и самодостаточные личности, которые – при условии достаточно непредвзятого подхода со стороны современных исследователей – могут способствовать получению новых знаний» (*Ibid.* P. 31).

62 СЕРЕБРЯКОВА Г. И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 88.

63 См. историю этой поэтической мифологемы, характерной для буржуазных нравов тех времен, в: ВИНЦКИЙ И. *Переводные картинки*. М.: Рутения, 2022.

ИЛЬЯ ВИНЦКИЙ

КРАСНАВИЦА
И ЧУДОВИЩЕ...

Илл. 4. Граф Глейхен со своими двумя женами, аристократкой и наложницей (Gotha, Erfurt, 1836).

(не надо лить воду на мельницу идеологических врагов!); привлечением социо-исторического контекста того времени (такими были нормы того общества, которое Маркс и Энгельс стремились разрушить, зная на своем опыте, как оно лживо) – и даже идеологическим оправданием (расширенная семья как модель социалистического уклада, в которой потребности одних добровольно удовлетворяются способностями других членов ячейки).

Наконец, в связи с автореферентным, как мы полагаем, образом революционной «красавицы» из трилогии Серебряковой следует вспомнить сохранившуюся в памяти современников историю, нашедшую отражение в анекдоте Сергея Довлатова, соединяющем тему верности марксистским идеалам с мотивом утраченной красоты, которая, разумеется, дорого стоит:

«Это было после разоблачения культа личности. Из лагерей вернулось множество писателей. В том числе уже немолодая Галина Серебрякова. Ей довелось выступать на одной литературной конференции. По ходу выступления она расстегнула кофту, демонстрируя следы тюремных истязаний. В ответ на что циничный Симон заметил:

– Вот если бы это проделала Ахмадулина...

Впоследствии Серебрякова написала толстую книгу про Маркса. Осталась верна коммунистическим идеалам.

С Ахмадулиной все не так просто»⁶⁴.

В этом контексте привлекает к себе внимание мотив старости революционерки, представленный в романе в грубой реплике взбешенного Бакунина и в рассуждении Серебряковой о потере красоты пятидесятилетней Красоцкой:

«Голова Лизы стала седой, и морщины густой сеткой легли на поседевших веках и лбу. Тяжелые, скорбные линии соединили крылья носа с подбородком. И, как увядший стебель, высохла тонкая шея.

64 Довлатов С. *Записные книжки*. New York: Слово – Word, 1990. С. 53.

С недоумением разглядывала себя в зеркале Лиза. Непоправимое произошло. Так дерево, еще недавно покрывавшееся листвой, стоит оголенное, почерневшее, как бы сожженное временем. Лизе стало не по себе. Она всегда так любила все прекрасное на свете. Собственная старость показалась ей уродливой, отталкивающей. Нелегко принять ее покорно, разумно.

Но перед Лизой чередой прошли воспоминания недавнего прошлого: простреленная голова Варлена с седыми, слипшимися от крови волосами, мертвое сердце Красноцкого, похожее на увядшие бурные листья клена, дроги с гробами коммунаров.

Лизе показалось святотатством, позором огорчаться оттого, что щеки ее стали дряблыми, а глаза запали. Она осталась жива. Для чего? Какую миссию надлежало ей выполнить?

[...] И Лиза почувствовала, что дух ее не сломлен. Ей нечего было бояться того, что так пугает в преклонном возрасте, – одиночества и бесполезного существования. Она была нужна людям и сохранила в огне нетронутой душу. Уверенно и спокойно пошла Лиза дальше по тернистым дорогам жизни, зная, куда и зачем»⁶⁵.

5

Ответом на сакраментальный для поколения Серебряковой вопрос «для чего?» является, как мы полагаем, вся ее трилогия, удачно вписавшаяся в официальный культ русофильствовавших германских отцов коммунистического учения в нормативную хрущевскую политическую этику рубежа 1950-х – начала 1960-х. Миссия русской *femme communiste* заключается в экстагическом отстаивании идеалов единственно верного учения, активной вовлеченности – несмотря ни на что! – в исторический процесс и отказе от ложных романтических эмоций (мечтаный). Ведь, если верить прогнозу нового лидера, выжившие и сохранившие идеалы бойцы (или их дети) доживут до воплощения великой мечты о счастливой бесклассовой семье народов.

Впрочем, можно предложить и иной, более скептический, ответ, близкий к концепции «стокгольмского синдрома», который лег в основу книги Нэнси Адлер о мемуарах узников ГУЛАГа⁶⁶. Беллетризованная биография Маркса, созданная Серебряковой по заказу партии и зову собственного сердца, оказывается, в конечном счете, житием и попыткой самооправдания пламенной русской *красавицы*, принявшей полностью и безоговорочно революционное учение, которое пожирает своих наивных экзальтированных детей⁶⁷, мечтающих о спасении угнетенных

65 СЕРЕБРЯКОВА Г.И. *Собрание сочинений...* Т. 4. С. 311–312.

66 ADLER N. *Keeping Faith with the Party Communist Believers Return from the Gulag*. Bloomington: Indiana University Press, 2012.

67 В книге «Смерч» Серебрякова отталкивается от этой цитаты в одном из рассуждений: «“Революция, как бог времени Сатурн, пожирает своих детей”, – вспомнились мне слова Бюхнера о Дантоне. Я была одной из дочерей революции. И мне хотелось отныне только одного – открытого суда. Я ловила себя на том, что,

всего мира с помощью теоретически оправданного и садомазохистски привлекательного классового насилия.

В книге воспоминаний «Смерч» Серебрякова приводит сочиненную арестантами в ее честь тюремную песню на корявом, штампованном, но выразительном русском языке, возникшем после революции и едва ли предвиденном «дядей честных правил» Энгельсом:

Была я стройная, веселая, красивая.
Попалась в руки опасному врагу;
Женой я стала наркома всем известного,
А за него я в тюрьме теперь сижу.
В семье партийной я девочкой родилась.
Отец партийный, партийная и мать,
А мне судьбою так, видно, предназначено,
Чтоб на тюремной постели погибать⁶⁸.

К счастью, в итоге судьба смиростивилась и вернувшаяся из лагеря Серебрякова, купив на гонорары за книги о «живом» Марксе дом в Перedelкинe, на улице Лермонтова⁶⁹, продолжила служить партии и советскому обществу своими эстетически консервативными и политически запрограммированными сочинениями, эхо которых докатилось до автора настоящей статьи на заре его безмятежной юности, совпавшей с закатом большого советского семейного мифа.

Илл. 5. Галина Серебрякова в своем доме.

21 августа 2025 года

подобно французкам, героиням моей книги, мысленно готовила речь перед трибуналом. Но что если меня тоже увезут из башни в “черном вороне” и казнят тайно? И я снова жадно перечитывала прощание Андромахи с Гектором, плач Кассандры, сцену смерти Гектора. Эти когда-то казавшиеся мне скучными страницы, которые я произносила теперь по-польски, приобрели для меня новый, героический смысл и вселяли спокойствие» (цит. по: https://memorial.krsk.ru/memuar/S/Serebryakova_G0.htm).

68 Там же.

69 См. историю ее дома – единственного «женского музея» в дачном поселке элитных советских писателей: <https://godliterary.ru/articles/2025/07/10/kak-zhivet-edinstvennyj-zhenskij-muzej-v-peredelkino>.

Сталин: о происхождении и смыслах псевдонима

ПАВЕЛ
ГЛУШАКОВ

Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Он наклонился, как отец,
Над раненым бойцом.
Поцеловал его в глаза
И наградил Звездой.

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ

Как грозный дух он был над нами –
Иных не знали мы имен.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Объясняя происхождение псевдонима Иосифа Джугашвили – Сталин (так впервые была подписана его статья «Марксизм и национальный вопрос» в журнале «Просвещение» за 1913 год, вышедшая в номерах 3, 4 и 5), – Вильям Похлебкин поясняет этот выбор следующим образом:

«Когда осенью 1912 г. Коба приехал в Краков, а затем в Вену и стал работать в местных библиотеках... ему попался на глаза листок “Социалист-революционер” № 4 за 1912, издаваемый в Париже правыми эсерами. Там он с удивлением обнаружил статью С. Евгеньева, представляющую собой обзор истории революционного движения на Кавказе... И его память сразу “выдала” автора этой статейки –

Павел Сергеевич Глушаков (р. 1976) – историк литературы (Рига, Латвия). Автор книг «Шукшин и другие» (2018), «Мотив – структура – сюжет» (2020), «Текст – смысл – диалог» (2023), «Фрагменты» (2023).

CASE
STUDY

Евгений Сталинский! Ба! Вот это находка! Вот счастливый случай! Коба не был чужд мистике чисел, как и всякий восточный человек. Он сразу же сопоставил: 1879–1889–1912 гг.¹ – какое совпадение юбилейных дат! Ведь это же буквально “перст божий” указывает ему, как решить вопрос со своим будущим псевдонимом! Его острый взор сразу же отсекает ненужное и опошленное бундовцами окончание “ский”, засек двуслоговость оставшегося корня “Сталин” и с удовлетворением отметил, что его смысл, строгая форма и русское обличье вполне отвечают тому, что он ищет»².

Это не лишенное изобретательности, но, кажется, слишком сложное и экзотическое предположение имеет свой резон: псевдоним носит именно литературно-публицистический характер, и даже источник, откуда почерпнута информация – газета «Социалист-революционер», – назван определенно. Только статья, как представляется, иная – ленинская.

В 26-м номере «Социалиста-революционера» (от 8 мая 1912 года) напечатана работа Ленина «Памяти Герцена», в которой есть обширная цитата из сочинения Александра Герцена «Концы и начала» (1862):

«Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Биронов и Аракчевых, бесчисленное количество “пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников”, да прекраснородушных Маниловых. “И между ними, – писал Герцен, – развились люди 14 декабря³, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованые из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия”»⁴.

Характеристики, данные Герценом «фаланге героев», в высшей степени торжественны⁵, судьбоносны и заманчивы, особенно для молодого революционера, который еще присматривается к своему жизненному идеалу и прислушивается к суждению та-

1 1879 год – рождение Джугашвили, 1889-й и 1912-й – юбилеи поэмы «Витязь в тигровой шкуре», написанной между 1189-м и 1212 годами.

2 Похлебкин В.В. *Великий псевдоним*. М.: Юдит, 1996. С. 88–89; см. также размышление об истоках происхождения псевдонима из комплекса мотивов кавказской мифологии: Вайскопф М. *Писатель Сталин*. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 193–198.

3 Близость этой даты ко дню рождению самого Сталина могла иметь для него символическое значение.

4 Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. М.: Издательство политической литературы, 1968. Т. 21. С. 255.

5 «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; – учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; – учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*» (Там же. С. 262).

кого авторитета, как Ленин. Образ одного из *богатырей, воина-сподвижника* своего старшего товарища, человека из *чистой стали* не мог не тронуть сердца Иосифа, ставшего именоваться теперь Сталиным. Любопытно, что Роберт Такер в своей работе вплотную подошел к тому же объяснению происхождения псевдонима будущего вождя, который, с его точки зрения, явился символом инициации грузинского революционера в русскую нацию:

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

«Вслед за осознанием самого себя как революционера, сторонника Ленина и члена “истинно русской” фракции, пришло ощущение принадлежности к русской нации. Возможно, поэтому он избрал партийной кличкой фамилию Иванович, под которой участвовал в партийных съездах в Стокгольме (1906) и Лондоне (1907). Выбирая в качестве псевдонима фамилию Сталин (под которой он приобрел широкую известность), Джугашвили, несомненно, понимал, что она не только ассоциировалась с представлением о человеке из стали и напоминала фамилию Ленин, но и звучала совсем по-русски»⁶.

К этому можно добавить, что сочетание *Сталин*, очевидно, ориентировано на аналогичное *Ленин*: три звука из шести пришли из фонетики ленинского псевдонима. Но тут же, кажется, заложена – осознанно или нет – некоторая «модельность»: псевдоним Ульянова в звуковом своем оформлении несомненно «мягкий», «женский»⁷ (от женского ли имени, названия ли реки – все равно), псевдоним, выбранный Иосифом Джугашвили, чуть тверже (что объяснимо чисто орфоэпическими особенностями грузинской речи), но в опорном звуке – [л] – так же мягок.

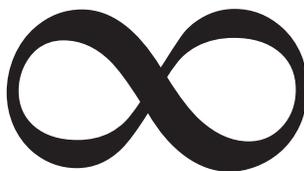
В отличие от Ульянова-Ленина, Сталин никогда не удваивал свою фамилию: Джугашвили-Сталин – невозможное сочетание. Это объяснимо как идеологически (уже отмеченный полный переход к «нации большинства»), так и эстетически: химери-

6 ТАКЕР Р. *Сталин: путь к власти. 1879–1929. История и личность*. М.: Прогресс, 1990. С. 135.

7 Даже в палиндромическом своем варианте «Ленин» дает женское имя – Нинел(ь). Развитие (безусловно, ненамеренное) этой линии размывания гендерных основ Ленина в связи этого имени с именем Сталина находим в тексте, рекомендованном для детского заучивания – «Два сокола» (стихотворение обозначено как «народная украинская песня», – что, видимо, должно было снять возникающие в сознании читателей вопросы; между тем слова этой «песни» принадлежат Михаилу Исаковскому, цит. по: ПЕРЛИН Г., ГРОЗДОВА Е. *Сборник стихов для детей дошкольного возраста*. М.: Учпедгиз, 1940. С. 56). Здесь мы уже видим семейную пару соколов и их детей-соколят:

На дубу зеленом
Да над тем простором
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол – Ленин,
Второй сокол – Сталин,
Первый сокол – Ленин,
Второй сокол – Сталин,

Возле них кружились
Соколята стаей.
Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом
К другу обращался:
– Сокол ты мой сизый,
Час пришел расстаться, –
Все труды-заботы
На тебя ложатся.

ческое сочетание грузинского и русского в двойной фамилии рождало бы нежелательный комический эффект (который преодолевается в фамилии Ульянова-Ленина фактически двойным русским: от Ульяны и Лены, а также все тем же мягким [л], придающим сочетанию эффект фонетического эха и ритма).

При этом вождь не отказывался от своей настоящей фамилии там, где вступал в «диалогические отношения» с другим носителем псевдонима. Так, при встрече с таджикско-узбекским писателем Садриддином Айни тот представился своим настоящим именем, и Сталин тотчас ответил: «Будем знакомы, Джугашвили»⁸. Эта сценка не только показывает сталинский юмор, но и подвижность прагматических установок Сталина, довольно эластично относившегося к употреблению псевдонима и отказу от него в – так сказать – частных условиях неформального общения с теми, кого он так или иначе считал достойными такого собеседования. В данном случае Сталин принимал «национального классика», который был в чем-то похож на него своим *вхождением* в большую советскую среду и потому вызывал сочувствие и симпатию.

В иных, теперь уже официальных, условиях Сталина раздражала даже попытка раскрытия творческого псевдонима там, где сам автор не хотел бы этого делать. Даже во времена «борьбы с безродным космополитизмом» (когда раскрытие псевдонима стало орудием в борьбе с «засильем» еврейских авторов) Сталин недвусмысленно протестовал против этого:

«Когда начали обсуждать роман Ореста Мальцева “Югославская трагедия”, Сталин задал вопрос:

– Почему Мальцев, а в скобках стоит Ровинский? В чем дело? До каких пор это будет продолжаться? В прошлом году уже говорили на эту тему, запретили представлять на премию, указывая двойные фамилии. Зачем это делается? Зачем пишется двойная фамилия? Если человек избрал себе литературный псевдоним – это его право, не будем уже говорить ни о чем другом, просто об элементарном приличии. Человек имеет право писать под тем псевдонимом, который он себе избрал. Но, видимо, кому-то приятно подчеркнуть, что у этого человека двойная фамилия, подчеркнуть, что это еврей. Зачем это подчеркивать? Зачем это делать? Зачем насаждать антисемитизм? Кому это надо? Человека надо писать под той фамилией, под которой он себя пишет сам. Человек хочет иметь псевдоним. Он себя ощущает так, как это для него самого естественно. Зачем же его тянуть, тащить назад?»⁹

Думается, раздражение вождя вызвало еще и другое обстоятельство: раскрытие псевдонима было неприятно ему самому из-за уже отмеченного его перехода в особый национальный

8 Сарнов Б. *Сталин и писатели: книга третья*. М.: Эксмо, 2009. С. 243.

9 Симонов К.М. *Глазами человека моего поколения: размышления о И.В. Сталине*. М.: Книга, 1990. С. 188.

статус. Кроме того, развернутая кампания была неприятна и ему лично из-за тех обобщений, которые делались в выступлениях наиболее активных погромщиков. Так, в споре Михаила Бубенного и Константина Симонова вождь поддержал второго, поскольку в установочной статье Бубенного, в частности, говорилось:

«Употребление псевдонимов, то есть вымышленных имен, как явление общественного порядка имеет довольно большую историю. В царской России это явление вызывалось главным образом условиями общественного строя, основанного на насилии и унижении. Очень многие революционеры, общественные деятели, писатели и журналисты демократического направления, боровшиеся против царизма, зачастую работавшие в подполье, были вынуждены самой жизнью, всей обстановкой своей деятельности скрываться за псевдонимами и кличками. У некоторых писателей и деятелей искусства псевдонимы служили или маскировкой от “светского” общества, пренебрегавшего их “недостойной” деятельностью, или выражением их идейной сущности и политической направленности, или несли в себе своеобразный протест против существовавшего строя, а иногда – и мечту о будущем. Наконец, псевдонимами были вынуждены пользоваться представители угнетенных национальностей, которые нередко могли выступать только на русском языке и поэтому брали для себя русские имена и фамилии»¹⁰.

Здесь Сталину могли быть неприятны пассажи об унижении, о приравнивании псевдонима к кличке (животного) и, конечно, акцент на угнетенных национальностях. Когда в завершение своей статьи Бубеннов призвал «навсегда покончить с псевдонимами», Сталин дал санкцию на окончание этой «псевдонимной» дискуссии.

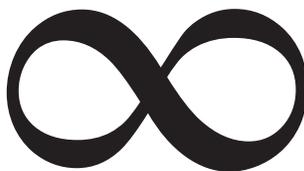
Далее: в прагматике революционной действительности псевдоним был нужен еще и в конспиративных целях¹¹: он замещал собой истинное лицо с его реальными приметам, будучи одновременно кратким, четким, запоминающимся. Псевдоним должен был уберечь от двусмысленности, «ослышек» и ошибок: в этих новых фамилиях вождей невозможно сделать грамматических ошибок (все «политические анекдоты» о фатальных опечатках в имени вождя так и остались «идеологическими байками»).

10 БУБЕННОВ М. *Нужны ли сейчас литературные псевдонимы?* // Комсомольская правда. 1951. 27 февраля.

11 Во время Великой Отечественной войны нужда в псевдонимах вернулась, и Сталин избрал себе нейтральную фамилию – Васильев. Однако сам вождь постоянно, как об этом свидетельствуют документы, расширял свой и чужие псевдонимы: «Товарищу Константинову (Г.К. Жукову) передаются Вам соображения Михайлова (А.М. Василевского). Сообщите Ваши мнения. Из телеграммы Михайлова не видна роль 57-й армии в общем наступлении для ликвидации окруженного противника. После разговора с Михайловым выяснилось, что 57-я армия будет действовать из района Ракитино, Кравцов и Цыбенко в общем направлении на совхоз Горная Поляна и Балка Песчаная... Васильев (Сталин)» (Волкогоннов Д.А. *Триумф и трагедия: политический портрет И.В. Сталина: В 2 кн. М.: Издательство АПН, 1989. Кн. II. Ч. 1. С. 290–291*). Эта телеграмма говорит о том, что, в конечном счете, основной псевдоним как бы вытеснял временный.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

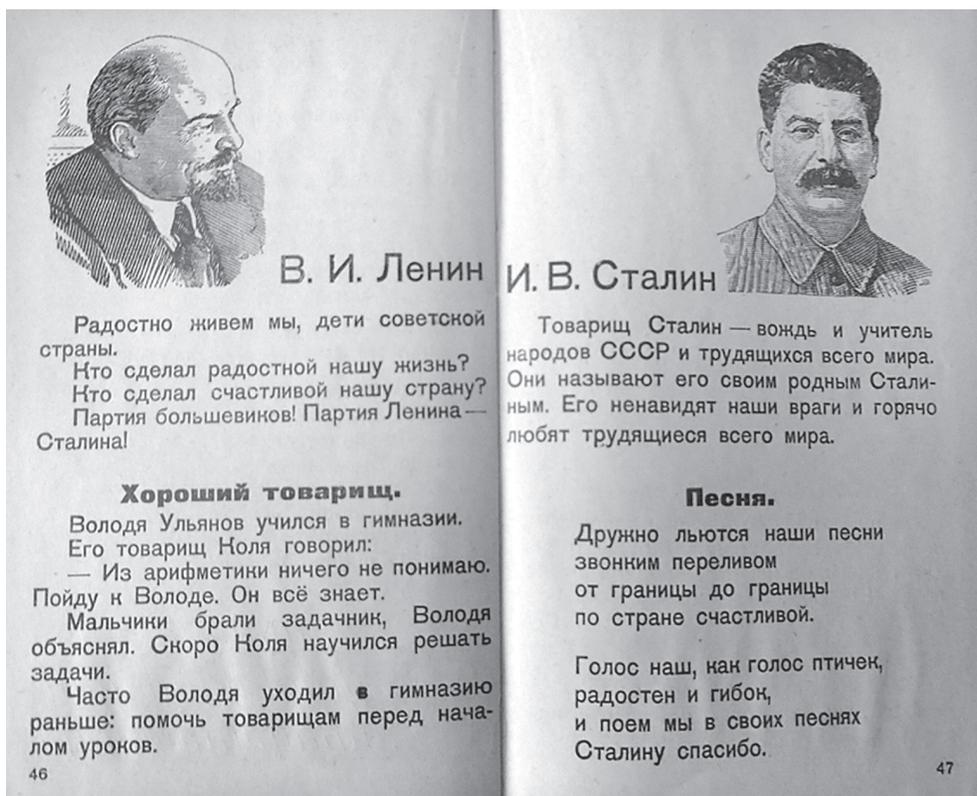
СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ
СТАЛИН: О ПРОИСХОЖ-
ДЕНИИ И СМЫСЛАХ
ПСЕВДОНИМА

Между тем в избранном Джугашвили псевдониме есть и некоторый контрапункт к псевдониму Ленин: если первый образован от сугубо антропологической основы (имени человека), то второй от искусственного сплава. Сталь не встречается в природе, она получается в процессе соединения железа и углерода. Сталь утилитарна, используется для создания конструкций и механизмов, и потому ценится ее прочность, несгибаемость.

Этот комплекс семиотических контрапунктов закладывался уже с первого класса школы¹². В букварях сталинского времени Ленин выступал в роли «добротого старичка», тогда как Сталин – несгибаемый и прямой вождь. Достигалось это как вербально (прямой номинацией), так и визуально. На развороте букваря 1937 года¹³ мы видим двух вождей (илл. 1).

Илл. 1. Разворот букваря 1937 года с портретами Ленина и Сталина.

Однако фигура Ленина повернута к располагающейся на другой странице фигуре Сталина так, что создается впечатление, что первый смотрит на второго, тогда как Сталин непо-

12 Рисунки на детских кубиках, из которых малыши учатся составлять первые слова, конечно же, учитывали политический климат своего времени. Так, на кубиках предвоенного времени на рисунке к букве «л» изображалась лампочка («лампочка Ильича»), а на рисунке к букве «с» — силач или слон. Однако уже в 1955 году комплект кубиков предлагал детям ассоциировать букву «с» с *собакой*.

13 Головин Н. М. *Букварь*. М.: Учпедгиз, 1937. С. 46–47.

средственно взирает на читателей букваря. О Ленине, собственно, почти ничего не сообщается, он упомянут исключительно в связке со Сталиным¹⁴. История «Хороший товарищ» подхвачена началом текста на второй странице: «Товарищ Сталин...» – тем самым читатели букваря уже заранее проникаются симпатией к «хорошему товарищу Сталину».

Наконец, псевдоним Сталина с течением времени стал так привычен, что окончательно вытеснил настоящую фамилию и при этом прочно объединил новые имена Ульянова и Джугашвили: теперь *Ленин* и *Сталин* сами уже стали как бы псевдонимом в третьей степени. Даже надпись над входом в мавзолей была недолгое время двойной: Ленин и ниже Сталин, что могло быть прочитано уже как общее имя двух вождей. Такое объединение было подготовляемо лозунгами и призывами; например, пионерский призыв: «К борьбе за дело Ленина–Сталина будь готов!». Эту новую химеру увековечил в стихах Демьян Бедный:

Ленин – Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог.

Путь грядущих поколений
Этим словом освещен.
Всенародный мудрый гений
В этом слове воплощен.

С ним, прославленным всесветно,
Трудовой и боевой
Мы – отважно, беззаветно! –
Совершаем подвиг свой.

Это слово всюду с нами,
Вдохновитель всех побед.
Это слово – наше знамя,
Клятва наша и обет!

Ленин – Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья родины залог!¹⁵

Демьян Бедный предлагает свой новый термин – *двуединое слово* – для обозначения нового феномена: «воплощения» Ле-

14 Нельзя представить себе такого непосредственного упоминания Сталина, какое широко практиковалось по отношению к Ленину, – «маленький Володя». Выражение «маленький Йося» было бы неуместным, если не опасным.

15 *Стихи о Вожде*. М.: Правда, 1949. С. 4.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

нина и Сталина в сплаве нового *общего* вождя. Как мы стремились показать, это не было лишь фантазией официозного стихотворца, а явилось реализацией тех смыслов, которые были заложены в псевдонимах вождей. *Неслиянность* и *нераздельность* Ленина и Сталина, правда, не прижилась, уступив место другому двуединому сочетанию¹⁶, построенному по такому же структурному принципу: *марксизм-ленинизм* стал основой всей идеологической жизни страны в течение многих еще десятилетий. Против такого двуединства в поэме «По праву памяти» протестовал Александр Твардовский:

И, грубо сдвоив имена,
Мы как одно их возглашали
И заносили на скрижали.
Как будто суть была одна¹⁷.

Поэт усматривал в этом подчинении одну основу – страх, который внушался со школьных лет: неслучайно в номинации «учитель» адепты вождя отдельно выделяли именно категории «дисциплинированности» всех одному.

Имя Сталина часто писалось так, чтобы каждая буква была прописной – СТАЛИН. Это не только бросается в глаза, выделяет его из текста, но и придает псевдониму статус конституционного юридического понятия, которое родственно названию страны – СССР. В бюллетенях для голосования фамилия кандидата в депутаты также вписывалась подобным образом, а отражение этого можно видеть, например, в стихотворении Исаковского:

И потому я с радостью большою,
друзья мои, заветной даты жду.
И потому всем сердцем и душою
голосовать за СТАЛИНА пойду¹⁸.

Эта особенность присутствует и в официальных указах о награждении; например, когда к 70-летию вождь был удостоен высшего советского ордена, то текст указа выглядел так: «В связи с семидесятилетием со дня рождения [...] товарища И.В. СТАЛИНА [...] наградить товарища Иосифа Виссарионовича СТАЛИНА орденом ЛЕНИНА»¹⁹.

Псевдоним отделен здесь от «обычных» имени и отчества; к тому же в официальных документах такого рода указывались

16 Правда, в советской практике *двуединство* могло получать и негативные коннотации: «вейсманнизм-морганизм» и другие.

17 Твардовский А.Т. *Поэмы*. М.: Книжная палата, 1987. С. 330.

18 Исаковский М. *Избранное*. М.: ГИХЛ, 1950. С. 23.

19 Литературная газета. 1949. 21 декабря. № 102(2589). С. 1. Интересен некоторый сдвиг смысла этой формулировки: получается, что человек по фамилии Сталин награждается орденом в честь семидесятилетия И.В. Сталина. Да еще и награждается орденом Ленина, то есть орденом, принадлежащим Ленину.

венное поясняется через глагольную форму, через семантику действия. Полученный эффект непривычен, рождает ощущение грамматической неправильности, однако, думается, именно это и было необходимо поэту, по чьей мысли Сталин стал уже не именем, а явлением, которое должно описываться новыми языковыми способами, «новой грамматикой»²².

Последней и высшей формой «псевдонимирования»²³ Сталина можно считать замену его имени на предикаты типа *Вождь* и *Учитель*²⁴, которые также обладают приметами антропонимики. Они пишутся непременно с заглавной буквы, за ними закрепляется только одно имя – Сталина.

- 22 Ср. сходный прием, примененный Сергеем Есениным в «Анне Снегиной»:

Скажи,
Кто такое Ленин?
Я тихо ответил:
«Он – вы».

- 23 Частным случаем такого явления можно назвать метонимическое выражение, в котором собственно имя Сталина отсутствует, но благодаря устойчивым знакам имени возникает в сознании читателя (АХМАТОВА А.А. *Собрание сочинений: В 6 т.* М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2. Кн. 1. С. 105):

Нам есть, чем гордиться, и есть, что беречь,
И хартия прав, и родимая речь,
И мир, охраняемый нами.
И доблесть народа, и доблесть того,
Кто нам и родней, и дороже всего,
Кто – наше победное знамя!

Если в этом ахматовском тексте имя Сталина «проступает» сквозь выражение «победное знамя», то в стихотворении Самуила Маршак «Давно стихами говорит Нева» (1945) имя Ленина «восстанавливается» на еще более изощренном текстовом материале: не названный ленинградский вокзал обретает название в связке с «финляндскими скалами» – и только затем собирает воедино эту шараду (цит. по: МАРШАК С.Я. *Стихотворения и поэмы.* Л.: Советский писатель, 1973. С. 47):

Сегодня старый маленький вокзал,
Откуда путь идет к финляндским скалам,
Мне в сотый раз подробно рассказал
О том, кто речь держал перед вокзалом.

И хотя все подобные ухищрения далеки от намеренной «религиозной» сути («Не произноси имени Господа, Бога твоего, всуе»), однако в общем потоке славословий такого рода «нулевые названия» работали и на укрепление псевдорелигиозной мифологии советских вождей. См. также выделение местоимений, связанных с именем Сталина, сходное с таким же сакральным написанием имени Божьего (Софронов А. *Слово Вождя* // Известия. 1945. 11 мая):

В июльское утро здесь зноем дышали
Бетон и железо на желтом вокзале;
В теплушке мы голос ЕГО услышали,
Тревожно-спокойный, с раскатами стали, –
Он к нам обращался и – слушал народ.

- 24 Предложенное Ахматовой альтернативное сочетание не прижилось (стихотворение «21 декабря 1949 года»):

В день новолетия учителя и друга
Песнь светлой благодарности поют –
Пускай вокруг неистовствует вьюга
Или фиалки горные цветут.

Мне большего счастья не знать вовек –
Я голос ему отдам!
Я судьбы Карелии дорогой
Вверю его рукам.

Везде – на озерах земли родной,
В дремучей чаще лесной –
Нам имя его, словно луч зари,
Рассеявший мрак ночной.

То – имя Учителя и Вождя,
Чей взор проникает вдаль,
Чей разум-надежда людей труда,
А воля тверда, как сталь.

То – имя того, кем прекрасный путь
В грядущее озарен,
Кто мудрую книгу народу дал,
Кто дал Основной Закон!²⁵

В этом стихотворении Тобиаса Гуттари Сталин становится чуть ли не новым Моисеем, дарующим людям Тору. Происходит размывание личностной модели человека, перевод его в религиозные координаты – равные замене имени Иисуса на Господь и Спаситель. Эта тенденция уловлена даже Хрущевым в его речи на XX съезде партии:

«После смерти Сталина Центральный Комитет партии стал строго и последовательно проводить курс на разъяснение недопустимости чуждого духу марксизма-ленинизма возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека, обладающего сверхъестественными качествами, наподобие бога. Этот человек будто бы все знает, все видит, за всех думает, все может сделать; он непогрешим в своих поступках.

Такое понятие о человеке, и, говоря конкретно, о Сталине, культивировалось у нас много лет»²⁶.

Псевдоним *Сталин* был выбран весьма удачно: это слово включает целый пучок потенциальных смыслов, которые так или иначе раскрывались мастерами этого дела на протяжении жизни его обладателя. И все же высшим проявлением изобретательности нужно признать стихотворную речь, зачитанную Александром Твардовским в Большом театре на 70-летнем юбилее вождя. «Слово советских писателей к товарищу Сталину» было сочинено Твардовским, Исаковским, Сурковым и Грибачевым – то есть перед нами итог коллективного творчества (поз-

25 Стихи о Вожде. С. 13.

26 Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС «О культе личности и его последствиях». М.: Госполитиздат, 1959. С. 3.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

же Твардовский в составе той же «бригады поэтов» пытался сочинять слова нового гимна СССР). Вот один только фрагмент этого «Слова»:

Спасибо Вам, что Вы нас привели
Из тьмы глухой туда, где свет и счастье,
Что в самый трудный час родной земли
Спасли ее от гибельной напасти,

Что и теперь, когда опять война
Готовится во вражьем злобном стане,
На мир надежда в мире есть одна:
Ей имя – Сталин, Вы, товарищ Сталин²⁷.

Остранение имени от своего носителя достигает здесь апогея. Сталин окончательно отделяется от своей реальной сущности: ему как бы *предъявляют* его же имя как *инобытийное* явление. А отделив, продемонстрировав, тут же торжественно возвращают обратно, соединяют две половинки воедино. Этот магический процесс должен был, видимо, подчеркнуть бессмертие одной из частей (оболочек) имени – той, которая и *после* не прекратит своего существования. Подобный мистический процесс описан Алексеем Лосевым:

«Сущность и ее имя диалектически необходимы и тождественны, и различны – сразу, одновременно и притом *в одном и том же отношении*.

Как вообще “бытие” и “небытие” синтезируются в *становление*, где есть и то, что становится, и это “что” все время есть иное и иное, то есть все время отталкивается от себя и становится небытием, так, в частности, *тождество* сущности с именем синтезируется с их *различием* так, что получается некое новое специфическое *становление*, которое мы называем *энергией сущности*. Энергия сущности есть, таким образом, диалектический синтез тождества и различия между сущностью и именем»²⁸.

Эта «энергия имени», прошедшая путь от сплава железа с углеродом до богоцентризма позднейших «имясловий», и лежит, видимо, в основе порожденных им трагедий: ведь перед нами не имя человека, не его очередная маска и даже не псевдоним – а новая шизоидная сущность, которая иногда пытается даже стать самостоятельной величиной, жить собственной, отличной от реального человека жизнью.

Миф о *таком* Сталине поддерживался и после его смерти. В киноэпопее «Битва за Москву» (1985) во время угрозы взятия Москвы в октябре 1941 года руководители СССР обсуждают

27 Песня о Сталине. М.: Государственное издательство детской литературы, 1950. С. 179.

28 Лосев А. Миф – развернутое магическое имя // Символ. 1992. № XXVIII. С. 223.

эвакуацию из города. На взволнованное предложение Калинина об эвакуации Сталина вождь и учитель многозначительно отвечает: «Я посоветуюсь с товарищем Сталиным» и удаляется прочь, видимо, проводить совещание с самими собой.

Подобные мифы имеют основание в самом сталинском псевдониме: основа данного имени в неэластичности, несгибаемости материала – стали. Этот сплав сугубо земной, даже в каком-то роде хтонический (его элементы добываются в шахтах, под землей), – и в этом смысле он противоположен ленинскому «легкому» имени, которое связывалось с «духом», «полетом», «парением мысли» и прочими метафорами ленинского культа.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

СТАЛИН: О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СМЫСЛАХ ПСЕВДОНИМА

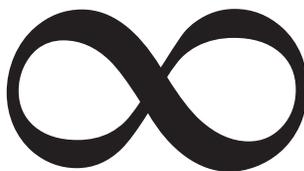
Перед нами не имя человека, не его очередная маска и даже не псевдоним – а новая шизоидная сущность, которая иногда пытается даже стать самостоятельной величиной, жить собственной, отличной от реального человека жизнью.

Когда на XXII съезде партии была инспирирована кампания по выносу тела Сталина из мавзолея, то «подготовленные» выступающие упирали как раз на земную сторону почившего, противопоставляя ему Ленина как «вечно живого». К примеру, выступавший от лица грузинской делегации Гиви Джавахишвили предложил «перенести прах» Сталина в «другое место». То есть делегат уже превратил *тело* бывшего вождя в *пыль*, в *ничто*. Поднявшаяся за ним на трибуну старая большевичка Дора Лазуркина приняла роль коммунистической юродивой. Она поведала, что после встреч с Лениным у нее «вырастали крылья», а вот от Сталина оставалась тяжесть, которая совсем не соответствовала «духу Ленина»: «Она была диссонансом духу Ленина», – дважды повторила Лазуркина и далее резюмировала:

«И я считаю, что нашему прекрасному Владимиру Ильичу, самому человеческому человеку, нельзя быть рядом с тем, кто хотя и имел заслуги в прошлом, до 1934 года, но рядом с Лениным быть не может. [...]

Я всегда в сердце ношу Ильича и всегда, товарищи, в самые трудные минуты, только потому и выжила, что у меня в сердце был Ильич и я с ним советовалась, как быть. (*Аплодисменты*). Вчера я советовалась с Ильичом, будто бы он передо мной как живой стоял и сказал: мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принес партии»²⁹.

29 XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. III. М.: ГИПЛ, 1962. С. 121.

Здесь Сталин поставлен в оппозицию не Ленину, а «Ильичу» (трижды употреблено именно это слово) как нечеловек – человеку. Неформальное отчество (также иногда использовавшееся в качестве псевдонима) должно было подкрепить близость главного вождя людям и намекнуть на самозванческую природу скомпрометировавшего себя второго вождя.

После XX съезда имя Сталина приобретает завуалированные значения: оно (в отсутствие официальной реабилитации вождя) вынуждено постоянно мимикрировать, а его сторонники иногда прячут Сталина под изображением фигуры иного государственного деятеля, как это, к примеру, случилось в истории с памятником Петру Великому («В ознаменование 300-летия российского флота», 1997) работы Зураба Церетели (илл. 2). Тут сталинский образ, будучи «мерцающим знаком», просвечивает сквозь внешнюю оболочку чужой сущности. Петр изображен стоящим у рулевого колеса со свитком плана преобразований в руке – а ведь это важнейшие элементы сталинской иконографии (илл. 3, 4).

Илл. 2. Памятник Петру Великому работы Зураба Церетели (1997).

Илл. 3, 4. Плакаты со Сталиным.

Протесты против этой скульптуры в конце 1990-х и даже призывы к ее демонтажу были спровоцированы скорее всего не только неприятием эстетических принципов Церетели, но и глубинными причинами, которые проявляются только при перемещении этого памятника в совершенно иной исторический контекст.

Образ Горбачева в общественном мнении страны

ГОРБАЧЕВ И ВЦИОМ

Эти заметки посвящены образу Михаила Горбачева в общественном мнении, представление о котором составлено на основе опросов, проводившихся сначала агентством ВЦИОМ, а затем «Левада-центром»¹. Сама возможность проведения таких опросов, как и возникновение ВЦИОМ – прародителя подобных агентств по всему СССР, – появилась благодаря Горбачеву.

Незадолго до революции в России начала зарождаться опросная социология, но большевики почуяли в ней конкурента на выражение чаяний народа и запретили – сперва совсем и всякую, позднее именно ту, которая

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА**

претендовала на отражение мнений (всего) народа. Запрет этот пытались преодолеть появившиеся в оттепельное время энтузиасты, самый активный из них – профессор Борис Грушин. Они учились, как проводить такие опросы, по книгам, на опыте зарубежных коллег и ждали своего часа. Он настал, когда новый руководитель страны Горбачев понял, что нужны не «ускорение» и не борьба с «отдельными недостатками», а то, что социологи называли бы сменой институциональной структуры общества. Горбачев и его соратники начали это делать, а трансформации/реформы получили местные имена: «перестройка», «гласность», «демократизация».

Для функционирования демократии, говорил мировой опыт, нужно многое, но в том числе три института: свободные выборы власти, свободная пресса и служба по изучению общественного мнения. Свободная пресса родилась. (Ставить ли в заслугу Горбачеву, что он ее не запретил, не репрессировал, не давил цензурой, как большинство российских правителей? Наверное, ставить.) Свободные выборы на Съезд народных депутатов – наш протопарламент – при Горбачеве состоялись. И под его эгидой было создано третье звено в этой связке – агентство по изучению общественного мнения.

Однако – и это настоящая трагедия лидера-реформатора – очень скоро все три демократических инструмента так или иначе стали действовать против него. Его критиковала, ему оппонирова-

ла «межрегиональная группа» на заседаниях Съезда, эта критика отражалась в прессе, и – что важно для нашего рассказа – критический настрой по отношению к Горбачеву отражали опросы общественного мнения.

Горбачева не приняли многие. Ему ставили в укор все – и его политику, и то, что у него родимое пятно на голове². Помимо неприятия, в обществе была и сильнейшая оппозиция со стороны бюрократии всех уровней. В этой (во многом коррумпированной) среде ходили слухи, что Горбачев «куплен» Западом и выполняет его задание заморить две трети населения страны. Для чего, мол, и затеяна вся эта перестройка.

Были у Горбачева и сторонники, горячие энтузиасты преобразований. Например, директор ВЦИОМ академик Татьяна Заславская была одной из тех, кого называли «прорабами перестройки». Но еще одна драма реформатора Горбачева состояла в том, что часть его сторонников, людей, поднятых призывом перестраивать жизнь в стране, логика запущенных им социальных трансформаций понесла вперед быстрее, чем двигался он сам. Горбачев был, как позднее скажут про Ельцина, «президентом всех россиян», в том числе и консервативно настроенных, а потому – сознательно или нет – не мог полностью игнорировать позиции последних. Решительные же «демократы» не имели этого ограничения, и Ельцин для них был более прогрессивным реформатором, нежели Горбачев³.

- 2 Критики не принимали ни его реформы, ни, например, то, что он не стеснялся показывать, что уважает свою жену, ценит ее мнение. За признание Горбачевым субъектности Раисы Максимовны злящаяся публика лишила субъектности его самого. Про отвергаемые публикой идеи и инициативы Горбачева стали говорить: «Это Райка его накрутила».
- 3 Они не знали, что Ельцин довольно скоро сам утратит свой реформаторский потенциал, более того, будет искать в преемники не того, кто продолжит реформы, а того, кто сохранит, законсервирует достигнутые на полпути к капитализму результаты. Для окруживших Ельцина кандидатов в капиталисты недоразрушенный социализм / недопостроенный капитализм оказались идеальной средой для сверхбыстрого получения первоначального капитала.

В период наивысшей популярности Горбачева, когда перестройка и гласность воодушевляли большинство, опросной социологии еще не было. Но следы этого взлета популярности первые опросы зафиксировали. Вот что пишет об этом нынешний директор «Левада-центра» Денис Волков:

«Первые регулярные опросы общественного мнения начали проводиться в конце 1988-го – начале 1989 года. Они показали, что на тот момент Михаил Горбачев был самым популярным политиком Советского Союза (правомерно предположить, что в первые годы его правления – когда опросы еще не проводились – общественная поддержка советского лидера была еще выше). Так, в одном из первых опросов имя Горбачева упоминается респондентами в числе “самых выдающихся людей всех времен и народов”. Он единственный из живших на тот момент современников набрал сколько-нибудь значимый процент ответов – 17%. Более того, половина опрошенных в РСФСР назвали Михаила Горбачева “человеком 1988 года”. Ближайшими “конкурентами” генсека в этом рейтинге стали председатель Совета министров Николай Рыжков и американский президент Рональд Рейган (12–13%); у Бориса Ельцина, на тот момент уже снятого с руководства МГК КПСС, – только 4%, у Андрея Сахарова – 2%»⁴.

Архивы ВЦИОМ/«Левада-центра» в изобилии хранят свидетельства борьбы мнений о Горбачеве в массовом сознании. Согласно опросу 1996 года, где спрашивали о том, какими качествами обладал или не обладал Горбачев, он отличался прежде всего «уравновешенностью», «умом, интеллектом», «личным обаянием», а вот «решительности» ему не хватало.

В 1995 году люди еще считали, что Горбачев оказал значительное влияние

на ход мировой политики. В вопросе «Если говорить о последних 50 годах, какой человек, по вашему мнению, оказал в этот период наибольшее влияние на мировую политику?» респондентам предлагался список из десятка имен, среди которых были Рузвельт, Мао Цзэдун, а также Сталин, Брежнев, Хрущев, Андропов и Ельцин – на тот момент президент России. Никто из них не набрал и десятой доли от результата Горбачева.

Отдавая должное заслугам Горбачева в мировой политике (хотя, полагаем, далеко не в той мере, в какой он заслуживал), соотечественники вымещали на нем и Ельцине злость за цену, которую им пришлось заплатить за годы перестройки и продолжавшихся после нее реформ. Отвечая в 1994 году на вопрос «Кто, по вашему мнению, навязал стране нынешний путь развития?», 50% респондентов возложили ответственность на Горбачева. Далее, по убыванию, перечень выглядел так: «Ельцин и его окружение» (24%), «мафия» (17%), «враждебные силы из-за рубежа» (16%), «продажные чиновники» (8%), «демократы» (7%), «Гайдар/реформаторы» (6%), «все мы / наши действия» (5%), «коммерсанты и бизнесмены» (5%), «евреи/инородцы» (1%), «сепаратисты из других республик бывшего Союза» (менее 1%) (можно было выбрать несколько ответов).

С начала 2000-х опросы показывают примерно одинаковое распределение мнений: времена Горбачева и Ельцина признаются худшими, а времена Брежнева и Путина – лучшими в истории нашей страны за последние сто лет. Попробуем объяснить эти массовые представления.

⁴ См.: www.levada.ru/2025/05/30/perestrojka-nadezhdy-i-razocharovaniya/.

ФОРМАЛЬНОЕ И НЕФОРМАЛЬНОЕ

Государство и то, что называлось словосочетанием «советская власть», – это формальная структура, за десятилетия сложившаяся стараниями начальников, бюрократов, технократов, ими же обжитая, превращенная в часть их жизненного ландшафта, предмет забот, источник доходов и так далее. Но эта формальная система вмещает в себя и всех остальных жителей страны.

Образуют ли они общество – непростой вопрос. По социологическим меркам, у них маловато внутренних связей, структур взаимодействия. Но похоже, что Россия (как, может, и несколько других стран в мире) – это случай, когда единый социум создается за счет структур и связей государства, которое его объемлет. И раз некоторые считают, что есть «государствообразующий народ», то мы ведем речь, если угодно, о «народообразующем государстве».

Советское государство, сложившееся в ходе гражданской и других войн, в ходе волн насилия над различными общественными группами, государство, нормирующее и регулирующее потребление населения, его жизненные ритмы, нормы поведения, – среда для людей сложная и тяжелая. Эту среду советская публика разными способами обживала десятилетиями, пытаясь сделать существование в ней более терпимым.

Первой назовем такую форму адаптации общества, как коррупция при взаимодействии с бюрократической системой, чаще – в форме взятки. С социологической точки зрения, главное здесь – не сам факт незаконного взаимодействия, а необходимая для этого неформальная человеческая связь участников трансак-

ции. Чтобы дать взятку, надо знать, кому ее дать. Нужны неформальные отношения: знакомства, дружба, родство.

Другая форма адаптации – «блат», или, как теперь говорят, «связи». Наши исследования показывали, что, по мнению людей, «связи» – важнейший элемент трудовых отношений, без них устроиться на «хорошую работу» просто невозможно.

Еще способ обживания системы – «незаконное предпринимательство», как оно тогда называлось. Это «фарцовщики», «спекулянты» – от мелких, вроде частных зубных кабинетов, до подпольных цехов.

Нельзя не назвать еще один вид личных стратегий – массовое и систематическое употребление алкоголя, поскольку невыносимые отношения с реальностью становятся выносимы, если выпить. Ситуация с созданием хронического фонового опьянения, алкогольного смягчения остроты переживания социальных проблем особо интересна тем, что государство принимало участие в ее создании, продавая, так сказать, лекарство от самого себя⁵.

Еще способ, особенно в молодежной среде: включение в неформальные структуры, например, фанатов того или иного музыкального направления, – «неформальные молодежные объединения», они же «неформалы». Милиция разносила по школам и ПТУ инструкции: какие музыкальные группы запрещены формальными структурами, занимающимися управлением культурой и идеологией.

Широко распространено мнение о дисфункциональности форм обживания советским обществом формальных структур: принося пользу/выгоду частным лицам, они вредили народному хо-

5 Вообще говоря, притупление остроты индивидуальных и социальных реакций на происходящее в советском обществе могло быть даже более весомой целью постоянного вливания в социум химических агентов, нежели стремление наполнить казну.

зайтству и общественному благу в целом. И лишь немногие полагали, что без этой неформальной компоненты (пусть местами и криминальной) государственная, формальная система функционировать не могла.

Другой путь

Юрий Андропов, получив высшую власть в стране, решил искоренить перечисленные злоупотребления и восстановить формальный порядок. Он мало что успел, поэтому чаемый эффект, равно как и разочарование в самой затее, не наступили. А представление, что он «хотел как лучше», «был за честность», у публики осталось⁶. В 1991 году ответы на вопрос «Кого из государственных, общественных и культурных деятелей России и СССР люди будут вспоминать через десятки лет?» распределились следующим образом: Юрий Андропов (32%), Михаил Булгаков (15%), Владимир Ленин (11%), Михаил Горбачев (9%), Борис Ельцин (7%), Андрей Сахаров (6%), Максим Горький (5%), Леонид Брежнев (3%), Николай II (1%), Петр Столыпин (1%), Александр Солженицын (0,4%), Иосиф Сталин (0,2%), Никита Хрущев (0,1%). Мнения, что «никого из этих людей к тому времени не будут вспоминать с благодарностью», придерживались 3%, а затруднились с ответом 7%.

Пришедший к власти Горбачев располагал информацией о том, сколь плачевно состояние социалистической экономики. Поначалу он присоединился

к мнению многих руководителей и экспертов: с хозяйством плохо потому, что люди плохо работают. А работают плохо потому, что много пьют, в чем виновато государство, широко торгующее алкоголем. Была запущена антиалкогольная кампания, которая не была совсем уж безрезультатной: специалисты отмечали резкое снижение мужской смертности от «неестественных причин» и другие позитивные демографические эффекты. Но серьезного прогресса в народном хозяйстве не случилось, зато Горбачев серьезно и, как увидим, надолго подорвал репутацию руководителя, понимающего, что нужно руководимому им народу.

Горбачев начал догадываться, что дело в политической системе, которой была подчинена экономика. Он не был готов отменять социализм, но пришел к мысли, что всевластие (коррупцированной) бюрократии (командно-административной системы, по определению Юрия Афанасьева) – это «не тот» социализм. Плохой социализм надо заменить хорошим, гуманным – эту идею выдвигали чехословацкие коммунисты в 1968 году, ее придерживались и крупнейшие компартии Западной Европы. Горбачев пришел к убеждению: советский социализм надо перестраивать, и с идеей такой перестройки он обратился к широким массам, но трудно было ожидать от них поддержки – с существующей системой они кое-как сжились⁷.

Не было поддержки и внутри ЦК: хотя у Горбачева там были отдельные союзники, но, не прибегая к репрессив-

6 Интересно, что Владимир Путин, в образе которого, согласно опросам 2000-х, публика находила сходства с Андроповым, когда освоился с должностью первого лица, как никакой другой руководитель нашей страны – деталями своего поведения и репликами, – дал широкой публике понять, что ставит неформальные отношения выше формальных. В этом залог его неизменной поддержки со стороны двух третей взрослого населения России.

7 Показательны полученные в 1990-м ответы на вопрос «Если бы вы в 1985 году знали, к чему приведут начавшиеся в стране перемены, поддержали бы вы их или нет?»: поддержали бы 25%, не поддержали – 38%, не смогли сказать определенно – 37%.

ным методам Сталина, подавить сопротивление аппарата было невозможно. Сталинским путем Горбачев не пошел, не стал он опираться и на отдельные бюрократические группы, но сделал выход в совершенно другую, противоположную по ценностям и интересам среде – либеральной («демократической», как говорили тогда) интеллигенции.

Эта среда тоже практиковала разные виды приспособления к жизни в жестких условиях советского государства. Среди них были мягкие формы, как самодеятельный туризм – физический уход из-под разнообразных форм госконтроля и связанная с туризмом культура самодеятельной (то есть нецензурируемой) авторской песни. Более рискованной и политически острой была система массовой коммуникации внутри этой среды – самиздат. Здесь были распространены далекие от официального марксизма-ленинизма взгляды и большим авторитетом пользовался Андрей Сахаров. Вернув академика из ссылки, Горбачев дал сигнал именно этой части общества. Она же наиболее активно восприняла и другой его сигнал – гласность.

Общество признавало роль Горбачева в демократизации страны. В 1990 году распределение ответов на вопрос «Кто, по вашему мнению, положил начало нынешнему процессу демократических преобразований в стране?» было следующим (можно было выбрать несколько вариантов): «Михаил Горбачев» – 55%, «прогрессивные силы в партии» – 17%, «Андрей Сахаров и другие правозащитники» – 11%, «КПСС в целом» – 6%, «Никита Хрущев в докладе на XX съезде» – 5%, «ученые и хозяйственники – инициаторы экономической реформы» – 3%, «движения национального возрождения в республиках» – 1%, «другие силы» – 1%. Стоит

отметить, что вариант «Я не считаю, что в стране идет процесс демократизации» набрал 10%, и столько же затруднились с ответом.

БЕЗ БЛАГОДАРНОСТИ

Горбачев, как и все, кто руководил нашей страной в последние столетия, был на свой лад имперцем. Ранние большевики редко сознавали, что, заменяя Российскую империю – «тюрьму народов» – на союз социалистических республик, в котором все равно доминировала Россия, они сохраняют империю. Горбачев, предлагая заменить СССР на новый союз государств, подписавших соответствующий договор, не думал об империи как таковой. Но он и не намеревался, как это ему приписывает нынешнее общественное мнение, «развалить Союз» – как раз наоборот. Видя, что СССР разваливается, он верил, что на новой договорной основе он его сохранит.

В лагере «демократической интеллигенции» были разные взгляды на этот счет. Многие пошли за Ельциным, который реальную власть над Россией предпochел власти над (почти) всей бывшей российской/советской империей. В ходе путча Горбачев оказался между ультраконсерваторами из ГКЧП и ультралибералами Ельцина. В этом вакууме и закончилась его политическая карьера.

Российская публика не вникала глубоко в эти политические расклады. В современном общественном мнении политические противники Михаил Горбачев и Борис Ельцин воспринимаются заодно, и главное, что им припоминают, это «развал Союза» и связанные с этим трудности. Отвечая на вопрос «Как вы считаете, на ком лежит основная ответственность за трудности, переживаемые сейчас Россией», на Горбачева

и его окружение в 1999 году возлагали ответственность 22%, а в 2000-м – 33%. На Ельцина с его окружением – 43% в 1999-м и 25% – в 2000-м.

Говорить о «благодарности поколений» не приходится. На вопрос «Согласны ли вы с тем, что было бы лучше, если

бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года?» (то есть до перестройки), ответ «Согласен» в основном преобладал. Но когда следом спрашивали, хотел бы респондент вернуться в ту, доперестроечную, жизнь, – ответ большинства был все-таки «нет».

Согласны ли вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 года?

	1991	1992	1996	2000	2003	2008	2011	2015	2020	2024
Согласен, %	44	42	51	50	55	34	42	41	47	32
Не согласен, %	33	46	41	40	38	46	36	33	39	51

МУХАММАД
НАДЖАТИ
СИДКИ

Воспоминания¹

ИММИГРАЦИЯ И ИМПОРТ ПРИНЦИПОВ

Еврейская иммиграция в Палестину принесла с собой обычаи, идеи и социальные нормы, чуждые палестинскому арабскому обществу. Тогда, то есть в начале 1920-х, мы услышали о большевизме, анархизме, Марксе, Ленине, Троцком и Герцле². Мы стали узнавать о рабочих движениях, действовавших среди еврейских иммигрантов. Это были организации вроде «Гистадрута»³, «Фракции», которая являлась левой оппозицией в «Гистадруте», и партии «Поалей Цион»⁴ («Рабочие Сиона»). Мы также узнали о киббуцах – кооперативных полусоциалистических лагерях для еврейских трудящихся, недавно прибывших в страну.

Рабочие-евреи, склонявшиеся влево, стали вести пропаганду среди арабов. Первой акцией, которую они провели на улицах Яффы⁵, была первомайская демонстрация 1921 года. Тогда

- 1 Перевод фрагментов книги выполнен по: Sīdāī M. N. *Mudhakkirāt Najātī Sidqī*. Beirut, 2001. P. 16–22, 25–26, 29–30, 38–39, 46–47, 83–90, 154–157, 164–165. Здесь и далее – примечания переводчика.
- 2 Теодор Герцль (1860–1904) – австро-венгерский журналист, один из основателей и идеологов сионистского движения.
- 3 «Гистадрут» – федерация еврейских профсоюзов, основанная в 1920 году.
- 4 «Поалей Цион» – сионистская партия с марксистским уклоном, действовавшая в 1900–1928 годах в Восточной Европе и Палестине.
- 5 Ныне Яффо – часть муниципалитета Тель-Авив – Яффо в Израиле.

АРХИВ «НЗ»

они подняли красные флаги в районе аль-Маншие⁶ и выкрикивали лозунги на иврите и арабском. Арабские жители молча смотрели на них в изумлении, не понимая ни слова, не зная, чего хотят эти демонстранты.

Некоторые сознательные арабы говорили: «Это большевики из России. На них повлияла большевистская революция, и они хотят распространить ее среди арабов». Другие говорили: «Это красные сионисты, они объявили революцию против арабов, и мы должны ответить контрреволюцией». И первое арабское восстание в Палестине случилось в Яфе в 1921 году.

В среде еврейских мигрантов левое рабочее движение представляла партия «Поалей Цион», призывавшая основать еврейское социалистическое государство в Палестине, не признавая при этом арабов. Ведь с их точки зрения, арабы – народ социально отсталый – дальше других народов от принятия социалистического учения. Партия полагала, что решение арабской проблемы в Палестине возможно лишь путем ассимиляции, через унификацию и межнациональное смешивание... и пройдет немного времени, как арабы растворятся в горниле еврейского социалистического государства.

В партии появилось оппозиционное течение – зародыш коммунистического движения в Палестине. Они хотели основать социалистическое государство в Палестине на обломках английского империализма и сионистской буржуазии. Кормило в этом государстве должно было быть в руках рабочих-евреев, поскольку они лучше осознают классовую борьбу. Что же до арабов, то они продолжают свое отдельное существование и нет нужды сливать их с еврейским народом. [Пускай лучше] рабочие этого [арабского] народа и его крестьяне работают над освобождением от класса «эфендии»⁷ при поддержке своих еврейских коллег, пропитанных революционными социалистическими идеями, которые они привезли с собой из России и Восточной Европы.

В то время русские большевики считали, что идеи этой оппозиции в значительной степени совпадали с их собственной программой, и поддержали ее деньгами и наставлениями... В 1923 году оппозиция попросила принять ее в Коммунистический Интернационал. [...]

6 Район на северной окраине Яфы, ближайший к Тель-Авиву. Аль-Маншие сильно пострадал в ходе столкновений, которые начались после принятия резолюции ООН о разделе Палестины (1947). К концу апреля 1948 года большинство жителей Яфы покинули город. Район аль-Маншие был снесен в 1948-м, впоследствии на его месте разбили парк и променады; сохранилась лишь мечеть Хасан-бек (RADAI I. *Palestinians in Jerusalem and Jaffa, 1948*. London; New York, 2016).

7 В данном случае имеется в виду городская верхушка палестинского общества тех лет. Слово «эфендия» образовано от турецкого обращения *efendi* (господин). Однако в странах вроде Ирака и Египта этим словом тогда обозначали представителей средних слоев городского населения, получивших западное образование (EPPEL M. *Note about the Term Effendiyya in the History of the Middle East* // *International Journal of Middle Eastern Studies*. 2009. № 41. P. 525–539).

МУХАММАД НАДЖАТИ
СИДКИ

ВОСПОМИНАНИЯ

Мухаммад Наджати Сидки (1905–1979) – палестинский писатель, журналист и переводчик. На рубеже 1920–1930-х входил в состав ЦК Палестинской коммунистической партии. В 1931–1932 годах был в заключении, а после освобождения по линии Коминтерна работал в СССР, Франции, Испании (во время гражданской войны), а также в Алжире, Сирии и Ливане. В конце 1930-х исключен из партии. После создания Израиля жил в иорданском Восточном Иерусалиме, впоследствии переехал в Бейрут. Последние годы жизни провел в Афинах.

Я тогда был юношей, работавшим в управлении почты и телеграфа в Иерусалиме. Оно находилось в старом здании итальянского консульства, напротив сегодняшнего банка «Barclays», то возле черты, разделявшей арабские и еврейские районы за стенами [Старого города].

В управлении почты работали и арабы, и евреи, там встречались представители и других национальностей и конфессий. [...] Можно было услышать все языки, увидеть людей в самой разной и причудливо перемешанной одежде. Например, порой доводилось встретить еврейскую девушку в гетрах и с арабской куфией на голове, или еврейского парня в одежде из бараньей кожи,.. или же англичанина в огромном шлеме, призванном вселять ужас в души населения,.. или крестьянина в абае и сапогах, оставленных британской армией...

Мы облюбовали небольшое кафе, расположенное за нынешним «Barclays». Заведением владел русский еврей, грузный и высокий. Он носил белые штаны и черную рубашку с разрезом и пуговицами у левого плеча. Летом он брился налысо, чтобы спастись от жары. У него была округлая борода и усы, завитые на русский манер... У него работала симпатичная молодая полька со светлыми волосами, бледно-розовой кожей и голубыми глазами... В этом кафе мы собирались каждый день после обеда и знакомились со вновь прибывшими иностранцами. Среди них можно было встретить и белобородого монархиста, рассказывавшего, что он был капитаном русского военного корабля, позже конфискованного большевиками в Одессе, и молодого человека, работавшего в муниципалитете [Иерусалима], чей отец был русским, а мать – арабкой, и художника, рисовавшего людей за гроши, и элегантную госпожу, которая рассказывала о своих имениях на Украине.

В этой среде велись разговоры на всевозможные темы, связанные с еврейской иммиграцией и борьбой арабов. Обсуждали бунт Жаботинского⁸, сражение при Тель-Хай на севере Палестины и гибель в нем еврейского офицера Иосифа Трумпельдора⁹, восстание в Яфе¹⁰, вооруженные столкновения между евреями и арабами в Иерусалиме после того, как Жаботинский посетил Стену плача в Старом городе Иерусалима... Эти беседы часто

8 Владимир (Зеев) Жаботинский (1880–1940) – идеолог «ревизионистского» сионизма. Был в оппозиции к левым сионистам, которые в середине XX века доминировали в сионистском движении. Идеологически наследниками Жаботинского является израильская партия Ликуд.

9 Бой при Тель-Хай произошел в 1920 году. Ветеран Первой мировой войны Иосиф Трумпельдор (1880–1920) погиб, защищая Тель-Хай от нападения арабов; посмертно он стал героем для сионистского движения. В честь него названа молодежная правосионистская организация «Бейтар» (Союз Иосифа Трумпельдора), которую основал Жаботинский.

10 Столкновения 1920 года между арабами и евреями в Яфе продолжались с 1-го по 7 мая. В них погибли 47 евреев и 48 арабов. Причиной послужило недовольство палестинцев еврейской иммиграцией и британским правлением.

касались идеологических вопросов. Нам их переводили некоторые иммигранты, владевшие разговорным арабским. Так мы узнали, что социализм стремится к власти, опирающейся на советы представителей, а анархизм не признает никаких форм власти и стремится к самоуправлению через профсоюзы. Также выяснилось, что большевизм (арабы тогда еще не использовали термина «коммунизм») установил в России социалистическое правление с помощью переворота¹¹ и Красной армии.

Нам все эти разговоры были мало понятны. Они были далеки от наших местных проблем. По-настоящему нас интересовали и волновали неясное пугающее будущее [нашего региона], английская оккупация, «декларация Бальфура»¹². От наших отцов мы слышали, что англичане и французы пришли как освободители, что Лоуренс [Аравийский]¹³ – друг арабов, что восстание Хусейна ибн Али стремилось объединить арабов и создать для них государство¹⁴... Нас привлекали лозунги, написанные на уличных стенах, вроде «Да здравствует независимость!», «Долой колониализм!», «Долой декларацию Бальфура!», «Полная независимость или смерть!».

В такой атмосфере мы и росли... Полчища колониалистов и сионистов вторглись в Палестину, иностранные идеи проникали в наши нежные умы. Мы были готовы слушать что угодно и принять любое предложение, способное положить конец кошмару новой оккупации, следовавшей за турецким правлением.

В кафе «аль-Буста» [«Почта»] я познакомился с группой молодых иммигрантов, прибывших из России. Они принадлежали к «Фракции» и Партии рабочих Палестины¹⁵ и принялись вести пропаганду среди нас. В ней было несколько лейтмотивов.

Во-первых, английский колониализм является врагом как арабов, так и евреев, а его политика строится на принципе «разделяй и властвуй».

Во-вторых, еврейская иммиграция состоит из богатых буржуа и нищих рабочих... А сионизм – это буржуазное движение, пользу из которого извлекают лишь богатые евреи. Что

11 Возможен перевод «революция».

12 Декларация главы британского МИД Артура Бальфура, обещавшая евреям «национальный очаг» в Палестине (1917).

13 Томас Эдвард Лоуренс (1888–1935) – британский востоковед и разведчик. В годы Первой мировой сыграл большую роль в организации арабского восстания (с 1916 года) против Османской империи.

14 В 1916 году правитель Мекки Хусейн ибн Али при поддержке Антанты восстал против Османской империи. Великобритания обещала ему независимое арабское государство в Леванте и Ираке. После войны Лондон и Париж поделили эти территории между собой. В июле 1920 года французская армия уничтожила Сирийское королевство, которое пытался создать в Леванте один из сыновей Хусейна, Фейсал. В 1921 году британцы предложили Фейсалу трон мандатного Ирака.

15 «Фракция» хотела сотрудничать с арабами на основе классовой солидарности. Партия рабочих Палестины – одно из ранних названий Палестинской компартии; его использовали в 1924 году (ЮСАЧ Г.Г. *Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20-30-е годы*. М., 2001. С. 189–190).

же до еврейских рабочих, то их интерес заключается в построении социалистического государства, так что рано или поздно они начнут избавляться от своих господ.

В-третьих, арабская «эфендия» – это оппортунисты, которые сотрудничают с колониализмом, и хорошего от них не дождешься.

В-четвертых, Партия рабочих основана для всех жителей Палестины и сможет примирить интересы рабочих масс обоих народов и полностью решить палестинскую проблему.

Это были новые и удивительные идеи, требовавшие глубокого осмысления... Пропаганда иммигрантов привела нас в их клуб, расположенный за Германским госпиталем в Иерусалиме. Там нам рассказывали об аресте их коллег в Египте и смерти одного из них, ливанского араба, в тюрьме от голодовки. Они также раздавали газету «аль-Инсанийя»¹⁶ [«Гуманизм»], которую издавал в Бейруте Юсеф Язбек¹⁷. [...] Они же вручили нам небольшую брошюру на арабском об анархизме за авторством князя Кропоткина.

Встречи проходили то в клубе, то в лесу Шиллера, то среди скал ар-Ратзбун... И однажды, в конце 1924 года, когда мне было 19 лет, я услышал: «А не хочешь ли ты поехать в Москву, чтобы учиться там в университете? Платить за дорогу, образование и проживание не нужно».

Я тотчас без колебаний принял предложение. Мне сказали, что я должен быть готовым к путешествию в течение шести месяцев. Я принялся учить основы русского языка. Молодой парень, арабизированный русский, обучил меня русскому алфавиту и начальной лексике. В это время проходила [коммунистическая] молодежная конференция в Хайфе. Меня пригласили туда и избрали членом центрального комитета молодежи... Это было моим официальным вступлением в пробольшевицкое движение. После этого я стал посещать все секретные встречи и участвовал в пропаганде и распространении листовок.

Путь в Москву

Наступила дата моего отъезда в северную страну. Опасная авантюра, на которую решился молодой араб, бросавший свою родину, семью и работу ради учебы в незнакомой стране, о которой он ничего не знает. [...]

16 Первое печатное издание ливанских коммунистов выходило в 1925 году. Было закрыто французскими властями из-за того, что газета поддержала восстание в Сирии, начавшееся тогда же.

17 Один из основателей Ливанской компартии (в конце 1924 года), в 1925-м издавал ее газету «аль-Инсанийя». Вскоре покинул партию, но продолжил сотрудничать с коммунистами и в 1930-х публиковался в их изданиях.

Я тайно сделал себе загранпаспорт и попросил отца позволить мне провести неделю у родственников в Яфе во время празднования праздника пророка Рубена¹⁸. Я поехал в Яфу, где в порту стоял пароход «Чичерин». Там меня встретил один из членов партии, раздобывший мне разрешение на въезд в Турцию. Он отвел меня к пароходу со словами:

«Садись и сделай вид, что плывешь в Стамбул. Оказавшись на борту, спроси “товарища Орлова”. Он глава партийной ячейки на пароходе. Он ждет тебя и знает, куда ты направляешься. Счастливого пути».

Перед посадкой я вытащил записку отцу и попросил бросить ее в почтовый ящик через три дня. Товарищ пообещал сделать это. Послание было следующего содержания:

«Яфа, 16 сентября 1925 года,

Дорогой отец, когда ты получишь мое письмо, я буду в Средиземном море на пути в Москву, чтобы учиться там в университете.

Не волнуйся и не грусти... Путешествие проходит комфортно, со мной хорошо обращаются. Я три года буду жить в русской столице, а потом вернусь к тебе с огромными познаниями в науке и искусстве.

Не думай, что я уехал на Северный полюс... Нас разделяет лишь десятидневная дорога... Что же до холода, который может быть там, то я в качестве предосторожности взял твою плотную шинель.

Прошу тебя о прощении... Я буду непрерывно писать тебе из Москвы.

Передавай привет своему послушному сыну.
Наджати».

[...] В Одессе я провел четыре дня, ожидая указаний из Москвы. Так вышло, что в Одессе я оказался на народных гуляниях. Погода была холодная, и я надел шинель, которую привез из Иерусалима. На ней были погоны со знаком различия и звездами. Публика в театре смотрел на меня с изумлением. Когда я спросил, в чем дело, мне сказали:

«Ты парень молодой, а одет, как офицер!.. А русская революция упразднила погоны на военной форме, потому что их носили царские силы, и это отличало “белых” от “красных”... А тут появился ты в погонах! Так что народ интересуется и удивляется».

После вечеринки я вернулся в «Болгарский дом», одолжил ножницы и навсегда срезал погоны [...]

18 Один из важнейших народных праздников в Палестине до появления Дня Накбы. Отмечался летом в прибрежной долине, в области между Яфой и Рамлой.

Сталинский КУТВ

В те дни университет восточных народов в Москве назывался КУТВ, то есть Коммунистический университет трудящихся Востока. [...] Понятие «трудящийся» включало в себя и рабочего, и служащего, и [любого другого] наемного работника, и крестьянина, и учителя, и всякого, кто работал в свободных профессиях.

Этот университет был основан в 1921 году, чтобы обучать студентов из числа жителей Узбекистана, Туркменистана, Кавказа, Армении, Таджикистана, Грузии и Монголии. А также восточных студентов из стран, которые сотрудничают с капиталистическим миром: жителей Китая, Японии, Индонезии, Индии, Индокитая, Турции, Ирана, Афганистана и различных арабских стран.

В университете была одна программа для советских студентов и другая – для студентов из тех восточных стран, которые оказались под иностранной властью или сотрудничали с [империалистами]. [...]

КУТВ состоял из одного факультета. Там изучали только темы, связанные с политикой, экономикой и обществом. То есть это был институт политических наук. Выпускник считался партийным либо профсоюзным лидером или администратором, чтобы он мог стать президентом страны, депутатом или министром либо в советских восточных республиках, либо в странах, борющихся за независимость. [...]

Помню, как на завтрак мы вставали в длинную очередь со стаканом в одной руке и куском черного хлеба в другой, а молодая русская девушка клала в стакан две ложки сахара и намазывала немного сливочного масла на хлеб... При этом администрация университета предоставляла нам питание лучше, чем в других русских институтах.

Завтрак обычно состоял из хлеба, масла, чая и кефира – это была народная пища из доступных продуктов. Обед состоял из супа, известного как «борщ». Это смесь капусты, свеклы, кусочка мяса и сметаны... Затем – «каша», белая и черная. Это своего рода зерно, похожее на булгур, которое варят на маленьком огне, пока не разварится. Подавали это обычно с подливкой, ломтиком несколько черствого мяса и стаканом «киселя», то есть фруктового пюре. Ужин состоял из стакана простокваши с ложкой сахара и русским салатом из нарезанных вареной картошки, вареного яйца, небольшого количества лука и петрушки с добавлением стакана чая (лучше нескольких стаканов).

Что касается одежды, то она походила на военную форму. [...]

У арабской секции был политический комитет, который наблюдал за общественными и личными делами студентов. Он следил за их убеждениями, политическими взглядами и поведением... Был также комитет искусства, созданный для демонст-

рации арабской культуры – песен и танцев на праздниках, в клубах, на университетских и публичных мероприятиях.

Политкомитет выделял день в конце года, известный как «день подведения итогов». Это такой день, принятый в советских институтах, когда студенты принимаются раскрывать недостатки друг друга и хвалят достоинства. Например:

«Азиз – хороший парень. Он любит своих товарищей – при всем своем эгоизме... Однако в своем общественном поведении он проявляет мелкобуржуазные наклонности... Вообразите себе: он стоит перед зеркалом полчаса и причесывается, пользуется одеколоном... много времени проводит, заигрывая с девушками... Подобное поведение Азиза не может не отражаться на его убеждениях, ведь капризы, унаследованные от буржуазного общества, помешают исполнять ему свои политические обязанности».

[...] В течение года студент также должен был заниматься «самокритикой». На каждой встрече секции или курса в университете студент вставал и критиковал себя или отвечал на критику, походившую на допрос, с готовностью признавал свои ошибки и капризы, обещал полностью придерживаться этических и моральных норм, которые проповедует новое общество.

Например, один палестинский студент из Яфы догадался взять с собой коврик для молитвы... Его поймали «на месте преступления» и выставили на суд «самокритики». Он долго спорил и доказывал, что ислам – это религия социализма, что молитва – это духовное упражнение, которое не мешает сбросить оков и избавиться от капиталистов и колониалистов... Поскольку он был первокурсником, с ним обошлись не сурово. Одному из профессоров поручили прочитать ему лекцию об истории возникновения религий. [...]

ДИЛЕММЫ, СТОЯВШИЕ ПЕРЕД ПАРТИЕЙ

Во время моей ответственной работы в партии, с 1929 года и до ареста в 1931-м, партия столкнулась с пятью ключевыми вопросами. Это были: арабизация партии, восстание 1929 года, еврейская иммиграция, земельный вопрос и отношение к арабскому национальному движению.

Арабизация

Решение об арабизации пришло непосредственно из Коминтерна. Оно значило, что партия должна дать дорогу арабским членам и назначать их на чувствительные посты – начиная

с центрального комитета и далее до местных. При этом не требовалось, чтобы арабов в партии было большинство, а евреев меньшинство, лишь чтобы в руководстве баланс несколько сместился в пользу арабов... Дело в том, что еврейские сторонники партии исчислялись десятками тысячами, а арабов едва ли насчитывалась тысяча.

Дело арабизации было непростым. Еврейские коммунисты отнеслись к этой идее крайне настороженно, ведь они были убеждены, что еврейский коммунист сознательнее арабского в идеологических и организационных вопросах. [...]

Еврейское руководство партии пребывало в замешательстве из-за курса на арабизацию и не находило в себе достаточной смелости, чтобы открыть двери для арабских лидеров. Оно решило направить в Москву максимальное количество арабских членов партии и даже некоторых сторонников, чтобы они получили образование, вернулись в Палестину и занимали ключевые посты в партии – уже после того, как Коминтерн познакомится с ними, оценит их способности и внесет свой вклад в их подготовку. В соответствии с этим партия стала посылать студенческие делегации [в СССР], составленные из представителей всех групп и слоев общества. Среди делегатов встречались и кузнец, и каменщик, и крестьянин, и служащий, и журналист, и коммивояжер.

У партии было устоявшееся руководство, состоящее из известных людей, таких как [Элияху] Тэпер¹⁹, [Иосиф] Барзилай²⁰... и [Давид] Лихтинский²¹. Они приняли надежные меры против ареста. Сменяемое руководство на уровне местных комитетов состояло из лиц, которые заняли важные посты вследствие вакуума, возникшего после ареста их предшественников. Аресты были следствием их работы и постоянного взаимодействия с массами в профсоюзах, руководства забастовками и демонстрациями. Из-за этого образовался «кризис руководства». Его обостряло то, что британские власти высылали в СССР многих еврейских коммунистов, у которых было советское гражданство или русские свидетельства о рождении²². [...]

Несмотря на это, вопрос арабизации всерьез занимал партию. В 1931 году Коминтерн прислал комиссара по имени Мюль-

19 Элияху Тэпер – уроженец Вильнюса, один из основателей ПКП, в описываемый период был генеральным секретарем. В 1936 году его вызвали в Москву для разбирательства. По словам Сидки, товарищи считали, что Тэпера расстреляли, однако он выжил, но отошел от политики.

20 Иосиф Бергер-Барзилай (1904–1978) – родился в Кракове, журналист, которого Наджати Сидки описывал как «правую руку» Тэпера, ответственного за международные связи ПКП. В 1936 году его вызвали в Москву, обвинили в сотрудничестве с нацистами и отправили в концлагерь. В 1950-х был реабилитирован и покинул СССР.

21 Давид Лихтинский в 1930-х был членом ЦК ПКП, отвечал за Тель-Авив и Яфу.

22 Имеются в виду свидетельства о рождении, выданные государственными органами Российской империи до начала февраля 1917-го – и, по инерции, чуть позже.

лер, чтобы он проинспектировал, как идет арабизация... Я сказал ему в шутку: «В Москве имя партии сокращается до букв ВКП, то есть Всесоюзная коммунистическая партия, и к ним добавляется “б” в значении “большевистская”». Он сказал: «Да... И что?» Я ответил: «Мы сокращаем имя Палестинской коммунистической партии до букв ПКП... Как думаете, что если мы добавим “а”, то есть “арабизированная”?» Смеясь, он покачал головой: «А ведь буква “а” может значить “антисемитская”!».

В связи с этим я помню, как Мюллер чуть не попал в руки полиции в районе реки аль-Ауджа [Яркон] поблизости от Яфы. Мы с ним проводили встречу в безопасном уединенном месте и затем вместе пошли в сторону Яфы. Было нас порядка восьми человек. Мы шли по улице, пока к нам не приблизился водитель-еврей, узнавший некоторых наших спутников из числа еврейских коммунистов. Он сказал: «Не идите по этой дороге. Там отряд полиции, они сидят в засаде и наверняка хотят задержать вас».

Мы поблагодарили его и разошлись в разных направлениях, спасшись от поставленных на нас силков. Однако мы были в недоумении: кто же известил полицию об этой тайной встрече?! Был ли осведомитель среди нас?.. Подозрение пало на журналиста-араба из Иерусалима по имени Д.Ш., который присутствовал на встрече. Хотя нам не хватало доказательств, мы решили не доверять ему партийной работы.

Арабизация была ключевым вопросом, стоявшим перед партией на всех этапах и конференциях. В результате еврейские коммунисты признали товарищей-арабов на руководящих позициях. [...] Шла работа по созданию «федерации» в рамках одной партии, позволившая как реализовалась идею арабизации, так и сохранить партийный аппарат под руководством еврейских лидеров.

Восстание 1929 года

Восстание 24 августа 1929 года²³ глубоко потрясло партию и привело еврейских коммунистов в полное смятение. Среди них были те, кто защищал в спорах своих одноплеменников, были

23 Крупнейшая на тот момент вспышка насилия между арабами и евреями. Беспорядки начались в Иерусалиме 23 августа 1929 года; поводом послужил конфликт из-за святынь в Старом городе, длившийся много месяцев. В течение недели кровавые столкновения произошли также в Яфе и Тель-Авиве, Хевроне и на севере страны. Жертвами стали многие евреи, не связанные с сионистским движением, а также арабы. Для палестинцев это первое большое восстание против британцев и сионизма, в израильской исторической памяти отпечатались в первую очередь расправы над иудеями, в особенности хевронский погром 24 августа. Поскольку еврейское ополчение «Хагана» (*ивр.* «Оборона») сумело защитить сионистские поселения, многих евреев в Палестине события августа 1929 года убедили, что только военная сила гарантирует им безопасность (СОНЕН Н. *Year Zero of the Arab-Israeli Conflict 1929*. Waltham, 2015).

такие, что предпочитали сохранять нейтралитет и держать дистанцию... Однако это привело к проблемам в партии между еврейскими и арабскими товарищами. Проходили шумные встречи, на которых обсуждались восстание и его последствия. Споры велись по поводу того, как определять сущность произошедшего: было ли это национальное восстание или же резня по конфессиональному признаку?..

В рядах партии произошел раскол. Некоторые еврейские коммунисты называли это резней. Были среди них и те, кто поддержал позицию ЦК, который описал это как национальное восстание, причиной которого были тираническое британское правление, а также приобретение земель [сионистским движением] и [намеренное] обеднение крестьян-арабов.

После ожесточенных споров было решено, что это национальное восстание и потому вспышки межконфессионального насилия вроде убийства шейха мечети в Яфе и его семьи или резня в школе Талмуда в Хевроне и иные эксцессы не столь важны, ведь без них не обходится ни одна революция. Часть еврейских членов подчинились этому решению, в то время как другие противились ему, покинули партию или были исключены до тех пор, пока не изменят своего мнения.

В то время я отвечал за работу партии в Хайфе и имел тесные связи с [местной] федерацией рабочих профсоюзов. Ею руководил ливанец из семьи Кулейлат – чиновник на железной дороге. Он открыл школу для борьбы с безграмотностью. В этом ему помогал молодой ливанец из семьи Фатхулла.

В Хайфе я тайно связался с шейхом мечети [аль-Истикляль] Изз ад-Дином аль-Кассамом²⁴. [...] Он рассказал мне о своей борьбе в Сирии против французов в 1920 году, как он с тех пор был в бегах в Хайфе и боролся с англичанами в стране [Палестине], как его преследовали британские власти... В 1935 году, находясь в Париже, я узнал, что аль-Кассам с четырьмя спутниками был убит поблизости от Дженина.

Я был в Хайфе, когда началось восстание. Так случилось, что я отравился едой, которую съел на Рыбной площади, началась диарея, и меня отправили в правительственный госпиталь. Там я провел десять дней, пока не выздоровел. Стоило мне покинуть больницу, как от меня потребовали приехать в Иерусалим, чтобы присоединиться к ЦК. Я надел шляпу для конспирации и занял место в полупустом вагоне. Когда поезд остановился на станции Лод, я выглянул из окна и увидел, как к месту, где я сидел, приближаются два молодых араба с ножами. Они ждали

24 Изз ад-Дин аль-Кассам (ум. 1935) – радикальный проповедник, уроженец Сирии. В 1930-х стал заметной фигурой в Хайфе, призывая к джихаду против британцев и сионистов. Убит британцами в 1935 году. В Хайфе вдохновил радикалов, убивавших палестинцев, которые сотрудничали с Лондоном и сионистским движением. В честь аль-Кассам названо вооруженное крыло ХАМАС.

отправления поезда, чтобы напасть на меня. Я рассмеялся и сказал им: «Я араб, как и вы». Они убрали ножи в карманы и сказали мне: «Снимай эту шляпу с головы и убирайся».

Поезд прибыл в Иерусалим в девять вечера. Станция тонула во мраке, на улицах не было людей. То здесь то там раздавались выстрелы. Я взял единственную машину, стоявшую на площади, чтобы меня отвезли в дом коллеги по работе на почте (до моего путешествия в Москву в 1925 году) по имени Кустанди Руфа. Он проживал в Греческой колонии, недалеко от вокзала. Я постучался. Он с большой настороженностью выглянул из окошка, увидел меня на свету и скрылся. После продолжительного времени он вновь объявился и поприветствовал меня. Я оставался у него в гостях три дня. За это время я сумел связаться с товарищами в Иерусалиме и присоединиться к ним.

ЦК поручил Иосифу Барзилаю арендовать на свое имя дом в Бейт-Сафафа, принадлежащий арабскому земледельцу. Я переехал туда. Поселившись там, я помог составить доклад Коминтерну о восстании 1929 года и сформулировать позицию партии по этому вопросу.

Однако случилось так, что владелец дома посоветовал Барзилаю выехать, чтобы ни у самого хозяина, ни у гостей не было неприятностей. Он помог Барзилаю погрузить мебель и на грузовике сопроводил его с пистолетом в руке в еврейский район Тель-Буют, расположенный к востоку от района Верхняя Бакъя, после чего заявил ему: «Я выполнил свои обязательства по отношению к тебе [как своему гостю]. Ступай своей дорогой, и если я еще раз тебя увижу, то убью!»

Восстание 1929 года поставило партию перед очевидными фактами и открыло двери для новых поколений арабов как в партии, так и сочувствующих. Коммунисты проявили себя как организованная и эффективная сила, обладавшая влиянием и позициями как среди арабов, так и среди евреев.

Что касается нового штаба партии, то он переехал в дом, утопающий в соснах, в западной части Верхней Бакъя. Он принадлежал Джамилю Шакеру аль-Хусейни, который сдавал его Иосифу Барзилаю как журналисту.

Еврейская иммиграция

Проблема еврейской иммиграции занимал партию. Не раз партии приходилось обсуждать ее и высказываться о ней в печати... Но какую же позицию надлежало занять по этому вопросу? Существовало несколько точек зрения по поводу дальнейшего курса.

Во-первых, прекратить еврейскую иммиграцию, поскольку экономическое положение страны не позволяет принимать новых жителей. Прибывающие конкурируют с еврейскими рабочими в промышленности и сельском хозяйстве. Вдобавок они вызывают неприязнь арабского населения, и это усиливает вражду к евреям в целом.

Во-вторых, поскольку остановить еврейскую иммиграцию, пока она остается опорой сионистского движения, невозможно, предпочтительнее требовать запрета нелегальной иммиграции. Также следовало требовать ограничения еврейской иммиграции самой по себе, поскольку этого требуют арабы – и таким образом соотнести позицию партии с позицией арабского национального движения [в Палестине] и добиться сотрудничества с этими силами по данному крайне важному политическому вопросу.

В-третьих, требование остановить еврейскую «буржуазную иммиграцию» и поощрять «рабочую иммиграцию» евреев, поскольку рабочие – это нерв социалистического движения. Их (рабочих-евреев) присутствие есть условие формирования сознательного пролетарского движения, которое гарантирует социальные изменения в Палестине.

Последняя точка зрения была близка к теории партии «По-алей Цион», которая призывала сосредоточить как можно большее число еврейских рабочих в Палестине, потому что они являются наиболее сознательным авангардом научного социализма. Что же до арабов, то их можно интегрировать в еврейское социалистическое общество путем смешения и браков.

Партия же в итоге решила требовать остановки иммиграции в качестве «принципиального лозунга». В то же время ПКП выступала за введение ежегодной квоты до тех пор, пока не представится возможным прекратить ее, в качестве «практического лозунга». Это двойственная позиция позволяла удовлетворить арабов и успокоить евреев.

Земельный вопрос

В Палестине земельный вопрос не упирался в проблему феодализма, когда крупные землевладельцы владеют обширными участками, где работают крестьяне, подобные рабам, как было в России, Египте и Ираке.

Земельный вопрос в Палестине был связан с ограниченностью (пригодной к ведению сельского хозяйства) площади. Она делилась на три категории: участки немногочисленных землевладельцев (они разбивали там апельсиновые сады); земля

«мушаа», которой деревенские жители сообща пользовались на примитивно-кооперативной основе, и «эмирские» земли, часть из которых использовались для сельского хозяйства, а часть была под паром. Основная часть земли была поделена между мелкими собственниками из числа фермеров.

Когда евреи готовились к основанию собственного государства при поддержке [британского] мандата, для этого государства требовалась земля. Их лидеры решили основать два еврейских фонда для реализации планов по колонизации Палестины: Национальный фонд (Keren Kayemet), задачей которого был сбор еврейских средств, [...] и Фонд основания (Keren Hayesod), который скупал землю в Палестине и занимался развитием новых территорий. Эту землю нельзя было перепродать, поскольку она стала национальной собственностью еврейского народа. Это также предполагало, что на этой земле использовался труд исключительно евреев²⁵.

Фонд основания занимался скупкой земли с помощью брокеров, евреев и арабов. Зачастую этот процесс принимал трагический оборот, и тогда привлекались мандатные власти, включая суды. Из-за этого центральная тюрьма в Иерусалиме, лагерь в Атлите неподалеку от Хайфы и крепость Акко наполнились множеством «бунташных» крестьян. Приговоры им выносили от десятилетнего заключения до пожизненного – и даже смертной казни.

Партия заняла единую позицию в земельном вопросе, призывая к работе против политики британских властей, которая делала ставку на обеднение арабских земледельцев, чтобы принудить их продать свою землю. Партия также призывала к борьбе с «коллораборантами» и землевладельцами из числа богатых крестьян и городского среднего класса, которые продавали землю еврейским фондам. [...]

Следствием такой позиции по земельному вопросу стало усиление сотрудничества партии с арабским национальным движением. В то же время партия воспользовалась этим, чтобы ускорить социальную и идеологическую борьбу.

Арабское национальное движение

Партия выработала определенную позицию по арабскому национальному движению. Она делила националистов на тех, кто борется с колониализмом и сионизмом, и на оппортунистов, готовых сотрудничать с оккупантами.

25 Национальный фонд также активно скупал землю как у мелких собственников, так и у крупных землевладельцев. Обычно крестьян, живших на этой земле, вынуждали уехать. О работе этих фондов см.: СОНЕН Н. *Shadow Army: Palestinian Collaboration with Zionism, 1917–1948*. Berkeley, 2008.

Те, кто боролся, делились на две части. Во-первых, Исполнительный комитет, избранный на седьмом палестинском конгрессе 1928 года²⁶. Основу комитета составляли критически настроенные выходцы из буржуазии, носители арабской культуры, делавшие особый упор на исламскую взаимопомощь. Во-вторых, существовало левое национальное движение, тоже представлявшее средний класс, мелкую буржуазию, вставшую на путь борьбы; это тоже были носители арабской культуры, но скорее интернационалисты.

Партия сотрудничала с Исполнительным комитетом и поддерживала его в политических кампаниях против британского мандата и сионизма – и тесно сотрудничала с левыми борцами за независимость. [...] Дело в том, что последние тогда так и не объединились в какую-либо организацию. Что касается остальных арабских политических партий, которые существовали в Палестине, то у них не было народной поддержки. Это были оппортунисты, не заслуживающие внимания.

Хамди аль-Хусейни

Этот национальный лидер все больше интересовался партией, ведь он был выходцем из верхов, который присоединился к всемирному пролетарскому освободительному движению и выступал против нацизма и фашизма.

Хамди (Абу Фейсал) аль-Хусейни²⁷ принадлежал к семье, известной в Газе. Ее члены были политическими лидерами, журналистами, судьями и муниципальными администраторами... Одним из выдающихся членов семьи был мученик шейх Мухи ад-Дин аль-Хусейни, которого турки казнили в годы Первой мировой войны.

Хамди родился в Газе в 1897 году. С молодости он был предан национальному делу Палестины. Турецкие власти арестовали его в 1917-м и отправили в ссылку в Конью, в Анатолии... После войны он вернулся в Газу, чтобы продолжить борьбу за независимость против новых правителей. К 1930 году, когда мы с ним познакомились, он рассматривал Коммунистическую партию как силу, на которую могло опереться его течение в национальном движении. Партия же видела в его демокра-

26 Палестинские конгрессы начали собираться вскоре после распада Османской империи (1918). Сначала они требовали независимости в составе Сирии, а в 1920-х стали требовать независимости Палестины в границах британского мандата. При этом часть палестинской интеллигенции считала, что и от границ, проведенных европейцами, следует отказаться в пользу арабского единства (хотя бы с Сирией, Ливаном и Иорданией).

27 Хамди аль-Хусейни (1897–1988) – палестинский журналист и писатель из Газы. В годы Первой мировой был близок к арабской оппозиции, за что был сослан; впоследствии критиковал британское, а затем и израильское правление.

тическом движении отличную возможность установить связи с палестинскими националистическими кругами.

В 1931 году Хамди аль-Хусейни основал Антиколониальную лигу. Это была первая националистическая группа, у которой были реформистские взгляды на общество, основанные на теоретической базе, какой не было у других течений национального движения в то время.

Тогда же Хамди аль-Хусейни был приглашен участвовать в антиколониальной конференции, проходившей в Париже. Затем он отправился в Москву, где его принимал Сталин в Кремле. Советский вождь хотел проверить Хамди и, приглашая его сесть, сказал: «До тебя в этом кресле сидел король Афганистана Аманулла-хан!». Хамди немедленно ответил: «То, что в этом кресле сидел король Афганистана, не делает мне никакой чести». Сталин понял левый настрой Хамди и начал обсуждать проблемы Востока и колониализма. Он сосредоточился на «подкупе», говоря, что это опаснейшее явление в национальном движении, имея в виду методы, коими колонизаторы покупали совесть политических лидеров, чтобы использовать их в своих интересах.

Хамди вернулся из Москвы и приложил руку к основанию палестинской Арабской партии независимости в 1932-м... В том году Аджадж Нувэйхид начал издавать журнал «Арабы» в Иерусалиме – печатный орган Партии независимости. Хамди публиковал там патриотические статьи, подписываясь «арабский исследователь». Он также побудил меня опубликоваться в этом журнале. Темой моей статьи была классовая борьба в сионистских и несионистских партиях. Когда в 1948 года разразилась Накба, Хамди проживал в Газе, находившейся под властью египетской военной администрации²⁸. Затем он с семьей переехал в Каир, где оставался продолжительное время, после чего вернулся в Газу после войны 1967 года и жил там при израильском правлении... В 1973-м ему представилась возможность провести лето в Ливане в сопровождении дочери.

Хамди аль-Хусейни последовательно придерживался ясной патриотической линии, не вел переговоров, не заключал перемирий, не сходил с этого пути и не соглашался ни на какие официальные должности ни при британском правлении, ни при египетской военной администрации, ни при израильской власти.

Среди того, что он сказал тогда летом в Ливане, было: «Мы продолжим бороться за независимость Палестины, какой бы ни была цена и какими бы ни были результаты». [...]

28 После первой арабо-израильской войны (1948–1949) появился сектор Газы. Им управляла египетская военная администрация, не выдвигая претензий Каира на эту территорию. В 1967 году Израиль захватил сектор в ходе Шестидневной войны. До соглашений в Осло (1993) и создания Палестинской национальной администрации (1994) территория находилась под контролем израильской военной администрации.

Конечный итог

Работа в Дамаске

[...По распоряжению партии] я отправился в Дамаск. Там я временно поселился в доме Халеда Багдаша²⁹ в курдском районе, а затем арендовал на улице аль-Хальбуни меблированную комнату, принадлежавшую овдовевшей армянке. Она была известна как мадам Зохраб и жила за счет аренды жилья приезжим студентам. Что касается отделения партии, то оно первоначально располагалось в ветхом доме в одном из районов старого Дамаска. Неподалеку протекала вода из источника аль-Фиджа, а в центре двора был фонтан. Дом служил своего рода клубом для товарищей, куда они приходили после работы или учебы.

Затем штаб-квартира переехала в дом современной постройки, около парламента в Салихии. Это было под стать публичному статусу Сирийской компартии в период [правительства] Народного фронта во Франции. В Сирии тогда правило национальное правительство – в соответствии с сирийско-французским соглашением октября 1936 года³⁰.

Когда я обустроился в Дамаске, первым делом Халед повел меня в [правительственный] дворец для встречи с Шукри аль-Куватли³¹, лидером «Национального блока» и министром финансов. Халед подал меня так: «Я хотел бы представить вам нашего товарища Наджати Сидки, он же товарищ Саади. Писатель, журналист, недавно побывавший в Мадриде в самом пекле гражданской войны. И вот теперь он в Дамаске, чтобы мы вместе работали на благо родины». Аль-Куватли ответил: «Добро пожаловать. Надеюсь, ваш опыт будет нам полезен. А ты, Халед, должен позаботиться о нем».

В тот же день Халед отвел меня к министру экономики Фаизу аль-Хури и, представляя меня, сказал: «Представляю вам, го-

29 Халед Багдаш (1912–1995) – сирийский политик курдского происхождения, вступивший в Сиро-ливанскую компартию в 1930 году. В 1932-м он обвинил (вероятно, ложно) лидера партии в работе на французов и добился его исключения. В 1932–1936 годах Халед Багдаш учился в Москве и работал в аппарате Коминтерна. После возвращения возглавил Сиро-ливанскую компартию. Багдаш считался сталинистом, жестко контролировал партию и был лоялен Москве. Из-за всего этого многие покинули партию в 1940-х, особенно после того, как партия вслед за Москвой поддержала план ООН по разделу Палестины (1947). На самых демократических выборах в истории Сирии (1954) Багдаш стал первым коммунистом, избравшимся в арабский парламент (от Дамаска). Ливанские коммунисты добились независимости от Багдаша в середине 1960-х. В Сирийской компартии также последовали расколы, но при режиме Хафеза Асада Халед Багдаш был депутатом парламента.

30 В 1936 году Франция на фоне массовых протестов и забастовок в Сирии согласилась на переговоры о независимости. Хотя соглашение было подписано, французский Сенат его так и не ратифицировал. Тем не менее лидеры движения за независимость сформировали правительство, а один из них, Хашем аль-Атаси, стал президентом. В 1939 году аль-Атаси ушел в отставку из-за отказа Парижа ратифицировать и исполнить договор. «Национальный блок» – коалиция политиков во главе движения за независимость.

31 Один из лидеров движения за независимость Сирии (1946), затем – президент в 1943–1949 и 1955–1958 годах.

сподин министр, нашего товарища Наджати Сидки, выпускника московского университета. Он редактировал газету “аш-Шарк аль-Араби” [“Арабский Восток”] в Париже, а теперь вернулся из охваченной гражданской войной Испании, чтобы посвятить себя сирийскому движению за независимость». Фаиз аль-Хури посмотрел на меня, и на его лице проступило изумление. Затем он обратился к Халеду: «Приветствую твоего товарища... даже если ему с нами будет тесновато... Мы работаем над простыми вопросами... Где мы, а где гражданская война в Испании!»

Затем мы навестили Люффи аль-Хаффара, владельца газеты «аль-Иншаа» – печатного органа «Национального блока». Ее главным редактором был Рашид аль-Малюхи. После этого я познакомился с большинством людей, активных в политических, литературных и журналистских кругах Дамаска. Мы посещали их в их кабинетах или встречались в дамасских кафе. Мы обменивались мнениями о сирийско-французском договоре, сроках его действия и правительстве Народного фронта во Франции, его влиянии на арабский Восток и сражениях против британцев и сионистов в Палестине. Обсуждали и вторжение итальянских фашистов в Эфиопию, немецкий нацизм и вероятность новой мировой войны, чей огонь разжигали Гитлер и Муссолини, а также борьбу Сталина против оппозиции в Советском Союзе. По этим актуальным вопросам мнения разнились... Едины все были в поддержке независимости и освобождения от французского правления любыми возможными способами. Однако были и те, кто хотел такого избавления в результате мировой войны и нацистско-фашистского захвата арабского региона... «Арабский клуб» в Дамаске, большинство членов которого учились в Германии, проявляли заметный интерес к нацизму³². Сирийская националистическая партия видела в союзе с Италией Муссолини единственный путь к свободе и независимости³³.

Были и другие течения, призывавшие к панарабизму, панисламизму, арабскому социализму и арабскому коммунизму. Их последователи выражали свои принципы и чувства двумя разными жестами в подражание двум всемирным движениям. Крайние правые вытягивали выпрямленную руку и поднима-ли ее на римский манер. Среди них были те, кто носил «Желез-

32 В «Арабском клубе», открывшемся в 1937 году, собирались панарабские националисты, которые симпатизировали нацистам (NORDBRUCH G. *Nazism in Syria and Lebanon. The Ambivalence of the German Option, 1933–1945*. London; New York, 2006. P. 64).

33 Сирийская националистическая партия появилась в 1932 году в Бейруте. Эта светская организация выступала за единство Леванта, ее члены использовали фашистскую символику. Пользовалась поддержкой в Ливане и Сирии (в меньшей степени – в Палестине и Иордании). В 1930-х партию обвиняли в работе на Рим, однако однозначных доказательств не нашли. В 1938 году основатель партии Антун Сааде посетил Рим и Берлин, но, по всей видимости, значительной поддержки не получил (YONKER C. *The Rise and Fall of Greater Syria. A Political History of the Syrian Social Nationalist Party*. Berlin; Boston, 2021. P. 99).

ные рубашки»³⁴, произведенные из местной ткани свинцового цвета, которая используется для пошивки народных кафтанов. Левые же сжимали кулак и поднимали руку вверх. Это символизировало единство – и [пролетарский] молот.

Спустя неделю моего пребывания в Дамаске Халед Багдаш известил меня, что ЦК партии решил поручить мне партийную организацию в Дамаске – под личным наблюдением Халеда. Дамаск был его политической базой, ведь для него это родной город, где он вырос. [...]

Партийная работа

Моя партийная деятельность в Дамаске была сосредоточена в сферах воспитания и печатной пропаганды. Что же до ответственной организационной работы, ее полностью сосредоточил в своих руках Халед. Руководство партией было полностью завязано на Халеде, которому было очень важно оставаться единоличным вождем в сталинском стиле. Это вполне соответствовало типичным для Востока любви к власти и вождизму...

Халед Багдаш внес «восточные коррективы» в некоторые партийные понятия. Во-первых, он заменил выражение «генеральный секретарь партии» на «глава партии», потому что это наименование было понятнее людям из народных слоев и вызвало больший отклик в душах. Во-вторых, он потребовал от членов партии вставать смиренно, с почтением и уважением при его появлении в штаб-квартире, поскольку араб должен следовать патриархальным обычаям, то есть подчинению отцам и старейшинам. В-третьих, он потребовал от курдских членов держаться за свою национальность, учить курдский язык и разговаривать на нем в партии. Всякий раз, встречая их, он говорил им «Шаве»... то бишь «браво» на курдском.

Отношение Халеда ко мне колебалось между доверием и завистью. Доверие базировалось на моем большом научном и практическом опыте, а зависть – это инстинкт, над которым не властно ничего, кроме культуры в широчайшем понимании. Так что, например, если он раздражался на какой-то деловой встрече, а я был в другой комнате, он сердито кричал громким голосом: «Где ты Саади... товарищ Саади, иди сюда сейчас же!».

Так что товарищи понимали, что он высший руководитель, а я всего лишь его помощник. [...]

34 «Железные рубашки» – молодежная организация, появившаяся в 1936 году. Она использовала многие элементы фашистской эстетики, включая похожие на муссолиниевские марши и «римский салют». «Железные рубашки» были близки к «Национальному блоку» и охраняли его съезды (WATENPAUGH K. *Being Modern in the Middle East. Revolution, Nationalism, Colonialism, and the Arab Middle Class*. Princeton; Oxford, 2006. P. 256).

Постоянный ЦК партии, состоявший из Халеда Бакдаша, Фараджаллы аль-Хелу и Николя Шауи, сместил центр деятельности партии в Бейрут. Этот город больше подходил для политической работы после начала волнений в Сирии, которые были вызваны французским нежеланием ратифицировать договор³⁵. Штаб-квартира газеты «Саут аш-Шааб» [«Глас народа»] разместилась через дорогу от здания Большого театра, в начале улицы аль-Маарад, где сейчас расположен Большой отель.

Что же касается меня, то я арендовал комнату у армянского товарища-цирюльника на одном из перекрестков улицы аль-Маарад. По утрам я появлялся в офисе партии, после полудня помогал редактировать ежедневный политико-критический раздел «Саут аш-Шааб», а также участвовал в работе ЦК партии. В этот период я познакомился с Раифом Хури – после его возвращения из Палестины, где он преподавал арабскую литературу в школе Сахйюн в Иерусалиме, а также с Омаром Фахури, директором управления по регистрации недвижимости в Бейруте; Кадри Кальаджи, Юсефом Язбеком и другими писателями из числа сторонников партии. Частенько мы также встречались в редакции еженедельной газеты «аль-Макшув», принадлежавшей шейху Фуаду Хбейшу. Она располагалась на первом этаже того же здания, где находились бюро партии и администрация газеты «Саут аш-Шааб».

В мае 1938 года ЦК собрался в Бейруте и постановил направить благодарственную телеграмму ЦК Французской коммунистической партии. Послание содержало горячее приветствие по случаю праздника трудящихся, благодарность и признательность за то, что партия не жалеет благородных усилий, дабы добиться ратификации договоров с Сирией и Ливаном, а также иные выражения солидарности между братскими партиями... В телеграмме стояли следующие подписи: Халед Бакдаш, Фараджалла аль-Хелу, Николя Шауи и Саади, то есть я.

Как только товарищи в Париже получили эту телеграмму и заметили мое имя, они немедленно отправили послание товарищам в Бейруте с выражением негодования из-за моей работы в партии³⁶. Они потребовали «заморозить» мое членство – то есть не исключать, но и не разрешать ничего делать.

Бакдаш подчинился французским коммунистам, и ко мне начали относиться враждебно. У меня начались финансовые трудности из-за того, что я лишился работы в «Саут аш-Шааб». Я пытался уйти на вольные хлеба в ливанской прессе и не сталкиваться с «товарищами».

35 См. сн. 30.

36 Из-за противоречий, которые возникли у Сидки с французскими коммунистами во время работы в Париже.

Как-то раз мне повстречался писатель и романист Тауфик Юсеф Авад, который тогда был главным редактором газеты «Ан-Нахар»³⁷. Я встретил его на Рыбной площади (сегодня это Площадь Рияда эс-Сольха), и он принялся хвалить мой взгляд на арабское национальное движение. Он сказал: «Ты объяснил корни арабских проблем, сорвал покровы с материальных факторов этого вопроса и осветил аспекты, остававшиеся неясными... – Затем он добавил: – А чем ты занимаешься теперь?» Я ответил: «Ищу работу в сфере журналистики». Он сказал: «Ты аналитик-материалист – почему бы тебе не взять на себя экономический раздел в газете “Ан-Нахар”?».

Так и случилось... Я присоединился к семье «Ан-Нахар», принадлежавшей Джебрану Туэйни. Ее редакция располагалась тогда над рестораном «аль-Аджами», у входа на рынок Фахрибея. Там были такие коллеги, как главный редактор Тауфик Юсеф Авад, редактор-секретарь Луи аль-Хадж, редактор отдела внешней политики Камель Мурувва, отвечавший за внутреннюю политику редактор Ханна Госн и я, редактор еженедельной экономической страницы. Затем я также стал выпускающим редактором журнала «аль-Джумхур», тогда располагавшегося в здании гостиницы «Савой» на Башенной площади³⁸. Издание принадлежало Мишелю Аби Шахла³⁹. [...]

Перевод с арабского и комментарии Максима Жабко

37 Одна из старейших и наиболее авторитетных газета Ливана, выходит с 1933 года.

38 Ныне Площадь мучеников – крупнейшая площадь в Бейруте.

39 Аби Шахла – влиятельная христианская семья банкиров и политиков.

Гармония распада: ранние записи «Коммунизма» в междисциплинарном ракурсе

САРА
МАНЦИ

ВВЕДЕНИЕ: В ПОИСКАХ МЕТОДА

Задуманный в 1988 году Егором Летовым, Константином Рябиновым (Кузя Уо) и Олегом «Манатером» Судаковым альбом «На советской скорости» является первым (и, пожалуй, одним из самых знаковых) творческим продуктом концептуального проекта «Коммунизм». Работа основана на принципе радикального коллажа: тексты целиком взяты из советского песенника хрущевского периода, а музыкальная основа представляет собой семплы западных эстрадных исполнителей – таких, как Франсис Гойя и Поль Мориа, – или оригинальные композиции в стиле гаражного панка¹. Этот разрыв между лирическим оптимизмом официальной советской оттепельной поэзии и специфическим саундом, где лаунж периодически сменяется жестким абразивным звучанием, порождает мощный эффект остранения и провоцирует ожидаемую, учитывая перестроечный культурный фон, интерпретацию этого альбо-

Сара Манци (р. 1994) – филолог, специалист по российской рок-поэзии, независимый исследователь.

¹ См.: https://grob-hroniki.org/music/evolution/alb_k_nss.html.

ПРИЗРАКИ «КОММУНИЗМА»

ма в качестве акта антисоветской сатиры². Разумеется, такое толкование слишком многое упускает. Скорее мы имеем дело с произведением концептуального искусства, которое использует манипуляцию контекстом не столько для критики Советского Союза, сколько для переосмысления советского опыта в частном пространстве артистического сообщества.

Для дальнейшего анализа этой концептуальной работы будут применены несколько взаимодополняющих теоретических подходов. Во-первых, предложенная здесь трактовка опирается на тезис Дэвида Бирна, сформулированный в первой главе книги «Как работает музыка», согласно которому, значение музыки в большей степени определяется контекстом ее восприятия и создания, а не ее внутренними качествами³. Во-вторых, используется подход антрополога и археолога Льва Клейна, который утверждает, что музыкальные и гармонические структуры того или иного исторического периода отражают социальную психологию и культурные напряжения породившей их эпохи⁴. В этой методологической оптике альбом предстает не как подборка сатирических кавер-версий, а как утонченная культурная критика, опосредующая восприятие слушателя и деконструирующая основополагающие мифы советской идеологии. Важная для последующих размышлений о «Коммунизме» брехтовская идея остранения намеренно использовалась в качестве приема и самим коллективом, о чем свидетельствуют интервью Олега Судакова⁵. Кроме того, важнейшими аналитическими инструментами послужили для нас теория игры Йохана Хейзинги и исследования ранней – российской и советской – звукозаписи, проведенные Валерием Золотухиным⁶.

В статье выдвигается следующий тезис: альбом «На советской скорости» – это не просто пародия, а перформативная реализация авангардно-коммунистической утопии внутри «магического круга» студии звукозаписи⁷. Также утверждается, что сама материальность записи, с ее шумами и искажениями, не выступает вторичным артефактом по отношению к перформансу, а является элементом, повышающим документально-художественную ценность произведения.

- 2 Поскольку альбом не содержит оригинальных произведений, это затрудняет филологический анализ и, следовательно, требует междисциплинарного подхода, который будет применен в соответствии с излагаемой теоретической базой.
- 3 BYRNE D. *How Music Works*. San Francisco: McSweeney's, 2012; рус. перев.: БИРН Д. *Как работает музыка*. М.: Альпина Диджитал, 2017.
- 4 Клейн Л. *Гармонии эпох. Антропология музыки*. СПб.: Евразия, 2012. С. 8–24. Клейн отчасти предвосхищает концепцию, изложенную в книге Бирна.
- 5 Корчинский А., Манци С. *Интервью с Манеджером. 20 ноября 2024 года*. РГУ (Москва) (архив авторов).
- 6 Золотухин В. *Голос и воск. Звучащая художественная речь в России в 1900–1930-е годы: поэзия, звукозапись, перформанс*. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
- 7 Первые наброски этих размышления были представлены автором на съезде молодых славистов (Collettivo Giovani Slavisti) в Неаполе 19 июня 2025 года.

жественную ценность записи, превращая ее в материальный след этой исполненной утопии. Исследование всех вышеуказанных элементов в их совокупности позволяет частично соотносить творческий метод проекта «Коммунизм» с концепцией *bricoleur*, разработанной Клодом Леви-Строссом.

САРА МАНЦИ
ГАРМОНИЯ РАСПАДА...

КОНТЕКСТ И ДИССОНАНС: КОНЦЕПЦИИ БИРНА, ЮРЧАКА И КЛЕЙНА

Дэвид Бирн утверждает, что творческий процесс невозможно представить без адаптации к существующим форматам и контекстам: «все мы, пусть и неосознанно, инстинктивно, стремимся к тому, чтобы соответствовать уже существующим форматам»⁸. Этот тезис автор доказывает в главе «Творчество задом наперед». «На советской скорости» – пример, особенно хорошо вписывающийся в предложенную Бирном перспективу⁹: значение альбома заключается не в текстах или музыке, взятых по отдельности, оно возникает из их несочетаемого союза, в конкретном историческом контексте конца 1980-х. Проект работает через монтаж несовместимых дискурсов, помещая официальную советскую риторику в звуковую оболочку, вызывающую ассоциации с западным потребительством или панковским нигилизмом. Такой акт деконтекстуализации и реконтекстуализации порождает новое, критическое значение. На первый взгляд этот процесс идеально вписывается в модель антрополога Алексея Юрчака¹⁰. Альбом не противопоставляет официальному дискурсу контрдискурс, а лишь перформативно воспроизводит его, опустошая изнутри.

Участие в ритуалах и повторение формул, утверждает Юрчак, стало настолько «гипернормализованным», что утратило свое мобилизующее значение, открывая пространство для альтернативных интерпретаций и ведения «нормальной жизни» внутри системы¹¹. Артисты «Коммунизма» действуют как «свои», то есть как люди, которые понимают ритуальную природу идеологического языка и эксплуатируют его как сырье. Использование же западной музыки напрямую отсылает к тому «воображаемому Западу», который, по мнению Юрчака, мирно

8 Бирн Д. *Указ. соч.* С. 11.

9 Правда, говоря о форматах, Бирн имеет в виду прежде всего места исполнения – клубы, концертные площадки и так далее. «Коммунизм» же был чисто студийным проектом. О студийном пространстве как о «магическом круге» см. ниже.

10 Теория Юрчака была использована автором этой статьи и для анализа поэтики Егора Летова. См.: MANZI S. «*Il reparto non si accorse del soldato caduto*»: *memoria, guerra e decostruzione nell'opera di Egor Letov* // ROVAI F., SAVVATINI M. (Curatore). *Fenomenologie della memoria*. Pisa: Pisa University Press, 2025. P. 307–322.

11 Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 555.

сосуществовал с символами советской власти, образуя «иные», параллельные советскому, миры в одном с ним культурном пространстве¹².

Лев Клейн в книге, написанной из археологической перспективы (причем не только с профессионально-дисциплинарной точки зрения, но в том смысле, который придал «археологии» Мишель Фуко, о чем Клейн сам говорит в начале книги), отмечает, что у каждого исторического периода есть своя «гармония», отражающая его напряжения и устремления. Эта «гармония» образуется наложением своего рода слоев. Здесь нет линейного развития, речь идет о скачках вперед и назад. Метафора слоев чрезвычайно полезна и для понимания специфики проекта «Коммунизм». Так, «На советской скорости» создает фундаментальную дисгармонию, сталкивая два социальных контекста. Во-первых, пласт, или слой, текстов (сопровожаемый западной музыкой) (1950–1960-е) функционирует как воплощение официальной психологии хрущевской оттепели, основанной на принудительном оптимизме и коллективной мобилизации для построения коммунизма. Во-вторых, культурный слой эпохи создания альбома (1988) – психология перестройки, эпохи глубокого цинизма, разочарования и пересмотра прошлого.

Получилась не советская музыка и не западная, а само трение между ними. Этот диссонанс и есть истинная «гармония» эпохи застоя и распада, эпохи, определяемой непреодолимым разрывом между идеологическим представлением и проживаемой реальностью. Работа «Коммунизма» – это археологические раскопки, «археология музыки» (Лев Клейн), когда раскапывается предыдущий культурный слой, чтобы показать его неадекватность настоящему. Как будет показано далее, проект не ограничивается созданием пространства «вненаходимости» (Алексей Юрчак), но пытается его преодолеть, воплощая в себе идеал рухнувшей советской мечты.

ПРОЕКТ КАК *НОМО ЛУДЕНС*: УТОПИЯ В «МАГИЧЕСКОМ КРУГЕ» ГРОб-СТУДИИ

Элементом, который придает consistency применяемой здесь аналитической стратегии и позволяет понять программное значение названия «Коммунизм», является теория игры Йохана Хейзинги¹³. Для этого исследователя игра, являющаяся основополагающей культурной деятельностью, – это свободная деятельность, отделенная от бытовой жизни и проис-

12 Там же. С. 312. В реальности такие миры, несмотря на радикальную разность, все же каким-то образом взаимодействуют друг с другом.

13 См.: Хейзинга Й. *Homo Ludens. Человек играющий*. М.: Азбука, 2024.

ходящая в определенных границах времени и пространства («магический круг») по установленным правилам. Согласно Зиммерману и Текинбас¹⁴, «магический круг» – это граница, которая отделяет игры от повседневной жизни, создавая особое пространство со своими правилами и значениями. Артист больше не творец *ex nihilo*, а куратор, сборщик, игрок¹⁵. Внутри этого пространства правила внешнего мира и официального дискурса приостанавливаются. Студия звукозаписи Егора Летова («ГрОб-рекордс») и становится таким «магическим кругом». Артисты не создают музыку о коммунизме или против Советского Союза; они играют с материалами и готовыми клише. Эту игру можно описать через три фундаментальных фактора, выделенных Хейзингой¹⁶.

Правила: проект устанавливает для себя четкие установки: использовать только тексты из определенного источника (песенника) и только музыку из другого контекста (западного) или создавать намеренно диссонирующие оригинальные партитуры. Голос Летова должен быть безличным медиумом для «чужой речи».

Свобода: действие является добровольным и происходит вне всякого официального заказа, представляя собой пространство абсолютной творческой автономии.

Отделенность: то, что происходит в студии, – это нечто «иное», чем реальная жизнь. Оптимизм текстов нереален, как нереально и расслабление от музыки. Это третья реальность, созданная самой игрой¹⁷.

Коммунистическая утопия в ее авангардном изводе (Пролеткульт, ЛЕФ) стремилась уничтожить различие между искусством и жизнью, превратить жизнь в коллективный творческий акт (понятие «жизнетворчество»). Этот проект провалился, новое революционное искусство окаменело в каноне социалистического реализма, который вновь ввел жесткую иерархию в отношении художника-демиурга и массы. Проект «Коммунизм» возобновляет авангардную утопию и реализует ее, но в игровой форме. В пространстве студии границы между искусством и жизнью отменяются: «жизнь» (тексты пропаганды, потребительская музыка) становится непосредственно материалом «искусства» без традиционного авторского посредничества. В этой перспективе важно помнить, что, по мнению Хейзинги, игра не должна иметь экономической цели (предположение, за которое ученого много критиковали, поскольку произведения искусства

14 ТЕКИНБАŞ K., ZIMMERMAN E. *Rules of Play: Game Design Fundamentals*. Cambridge: MIT Press, 2003. P. 93–95.

15 Такая черта типична для концептуализма в широком понимании этого термина.

16 У Хейзинги нет прямого использования понятия «магический круг», но вся его работа это понятие предвосхищает.

17 Хотя парадоксальным образом, проект использует материал из жизни (манифест «Концептуализм внутри»).

часто связаны с прибылью), и «Коммунизм» соответствует этой характеристике. Это акт интерпретации эстетики коммунизма: интеллектуальная собственность отменяется, материалы «коллективизируются» и собираются в новое произведение. Таким образом, название проекта – это не просто провокация. Утопия реализуется единственно возможным способом и в единственно возможном месте – как серьезная и культурно продуктивная игра внутри «магического круга».

Проект «Коммунизм» возобновляет авангардную утопию и реализует ее, но в игровой форме. В пространстве студии границы между искусством и жизнью отменяются: «жизнь» (тексты пропаганды, потребительская музыка) становится непосредственно материалом «искусства» без традиционного авторского посредничества.

«МОЗАИЧНАЯ КУЛЬТУРА» И КРИЗИС БОЛЬШОЙ ГАРМОНИИ

Некоторые ключевые треки альбома позволяют увидеть эту динамику в действии.

«Америку догоним на советской скорости»: текст – это гимн грядущей победе над США в технологическом и экономическом соревновании, причем победе на их же поле – кукурузном (центральная тема хрущевской пропаганды). Слова вызывают образ стремительного движения, неудержимой гонки в будущее. Однако музыкальная основа – композиция «Porscop» в версии оркестра Тома Спенсера, повторяющаяся электронная мелодия без героического развития. Это столкновение усиливается немusicalным контекстом: на обложке альбома изображена неподвижная очередь людей на холоде¹⁸ – само олицетворение застоя. «Советская скорость», таким образом, раскрывается как оксюморон: скорость, почти равная нулю. Монотонное и лишённое пафоса вокальное исполнение Летова превращает триумфальный гимн в механическую издевательскую литанию, обнажая разрыв между проецируемой идеологией и проживаемой реальностью.

«Это счастье для тебя, человек!»: текст призывает к жертвенности и приятию трудного пути во имя будущего коллек-

18 Работа художника Владимира Любаварова «Очередь».

тивного счастья: «Ты однажды шагнешь за порог / И поверишь в друзей своих. / Не ищи ты легких дорог, / Потому что не будет их». Музыка – оригинальная композиция Егора Летова, исполненная с сырым панковским звуком, полным фидбэка и дисторшна. Сопоставление производит гротескный эффект: счастье предстает не как спонтанная эмоция, а как приказ, отданный с натянутой улыбкой. Героический пафос текста аннулируется разочарованной брутальностью музыки, раскрывая предписывающий и принудительный характер идеологии, которая навязывает счастье как долг.

Для углубленного анализа методологии проекта можно рассмотреть еще два трека, иллюстрирующие разные грани той же игровой концептуальной стратегии.

«Здравствуй, труд!»: этот трек – пример остраивающего сопоставления, характерного для альбома. Текст, перевод с туркменского, – ода труду как источнику радости и коллективного свершения, столпу советской этики. В качестве музыкальной основы выбрана «Sleepy Shores» («Сонные берега») в исполнении оркестра Франсиса Гойи, чрезвычайно томная, мечтательная и меланхоличная инструментальная мелодия, архетип музыки для залов ожидания. Смысл заключается не в восхвалении труда и не в расслабляющей музыке, а в их столкновении. «Здравствуй, труд!» рядом с «Сонными берегами» становится ироничным комментарием к застою. Призыв к действию нейтрализуется атмосферой апатии и оцепенения. Трек сталкивает официальную психологию мобилизации с реальной психологией усталости и разочарования позднесоветской эпохи. Игра здесь заключается в ассоциировании двух противоположных понятий. Возникающий диссонанс – нарушенная гармония целой эпохи. Это игровой акт, который вскрывает перформативную абсурдность дискурса о труде, лишая его всякой серьезности и превращая в сюрреалистическую мантру, произносимую под звуковое сопровождение, отрицающее все его предпосылки.

«Марш энтузиастов»: в отличие от предыдущего трека, здесь «Коммунизм» не использует западный семпл, а создает собственную музыкальную основу авторства Летова и Кузи Уо. Текст же – одна из самых известных песен сталинского кинематографа, гимн индустриальному оптимизму из фильма «Светлый путь» (1940). Оригинальная музыка Исаака Дунаевского – пример советского *grandeur*, созданный для вдохновения масс. Версия «Коммунизма», напротив, хаотичный, грязный и намеренный *lo-fi*. Это уже не простое сопоставление, а акт перепиывания и профанации. Перепевая «Марш энтузиастов» в панковской манере, то есть радикально «неавторитетным» образом, «Коммунизм» обнажает его опустошенную форму и разрушает остатки сакральной ауры.

Два последних примера демонстрируют универсальность стратегии «Коммунизма»: будь то коллаж из разнородных материалов или пародийное переписывание канона, цель остается той же – использовать формы официального дискурса как игровое поле для выявления противоречий этого дискурса и в то же время антропологической реализации художественной утопии, основанной на коллективизации и деконструкции культурного материала.

Художественный механизм, делающий эту деконструкцию эффективной, – брехтовское остранение, упомянутое Олегом Судаковым в качестве руководящего принципа проекта. Извлекая текст из первоначального идеологического контекста и «прививая» его к несочетаемому звуковому телу, артисты заставляют слушателя воспринимать высказывание не как лозунг, а как новый и проблематичный объект. Этот процесс не просто вписывается в упомянутую выше модель «гипернормализации» (Алексей Юрчак), но радикализует ее. «Коммунизм» не только перформативно использует официальный язык – он переплавляет его через призму остранения. Деятельность проекта воплощает двойное движение: с одной стороны, деконструкция советского языка и воображаемого мира через игровые стратегии; с другой – построение альтернативного утопического пространства через создание лаборатории коллективного эксперимента. Это не только критический, но и *учреждающий* акт, обретающий бытие в собственной антропологии искусства.

Возникающий диссонанс – это не только столкновение двух социальных психологий, но и результат намеренного художественного жеста, который, как утверждает в манифесте Летова и Рябинова, стремится выразить «абсурдность, кошмарность и игривость»¹⁹ реальности, поскольку ни один художник не смог бы сделать это эффективнее, чем сама реальность. Можно сомневаться в искренности авторов, когда они утверждают, что все тексты были подобраны случайным образом, однако если допустить, что это правда, то, возможно, творческому процессу здесь будет соответствовать не коллаж, а бриколаж.

Привлекая концепцию Клода Леви-Стросса, можно выдвинуть аргумент, что творческий метод «Коммунизма» пытается отобразить – вольно или невольно – некое «первобытное мышление» и что их художественно-антропологический проект завершается созданием мифа. Метод, основанный на случайном отборе и коллаже существующих текстов и звуков, является прекрасным примером того, что Леви-Стросс называет *bricolage*²⁰. В отличие от инженера, который создает свои ин-

19 Летов Е., Уо К. *Концептуализм внутри* // Контр Культ Ур'а. 1989. № 1 (https://grob-hroniki.org/article/1989/art_1989-07-25a.html).

20 Леви-Строс К. *Первобытное мышление*. М.: Республика, 1994. С. 126–130.

струменты и материалы с нуля, *bricoleur* работает с конечным набором существующих элементов, собирая их в новые конфигурации²¹.

Леви-Стросс отмечает, что мифологическое мышление возникает «из обломков [*en bribes et en morceaux*], остатков психологических или исторических процессов, которые в качестве таковых лишены необходимости»²². Точно так же «Коммунизм» не создает новых текстов, а повторно использует фрагменты советской культуры и идеологии, обращаясь с ними как с найденными артефактами. Этот процесс является проявлением «науки конкретного»²³, которая организует мир не через абстрактные концепты, а через манипуляцию чувственными объектами, уже наполненными историей.

Этот акт бриколажа неразрывно связан с созданием мифов. Для Леви-Стросса миф – это не дологическое объяснение, а логическая система, которая служит для урегулирования противоречий. Миф «использует структуру, чтобы создать некий абсолютный объект, выглядящий как совокупность событий (поскольку во всяком мифе рассказывается какая-то история)»²⁴. Проект «Коммунизм» следует той же схеме: беря случайные элементы советского мира, он навязывает им новую структуру (песню, альбом). Эта сборка, однажды структурированная, создает неожиданный нарратив: миф позднего советского периода. Это не официальный миф государства, а контрмиф, раскрывающий напряженность и скрытую логику коллективного сознания. Случайно выбирая тексты из верхних (пропаганда) и нижних слоев (детский фольклор) советской культуры, «Коммунизм» демонстрирует неявные бинарные противопоставления (официальное/частное, серьезное/абсурдное, взрослое/детское), которые были истинными координатами советской жизни. В этом смысле такой антропологический проект не ограничивается документированием, но создает новый миф. Он превращает обломки рушащейся идеологии в связный рассказ, раскрывающий ее внутреннюю структуру, показывая, что «дикое мышление» является универсальным человеческим механизмом придания смысла миру²⁵.

Опираясь на идеи Валерия Золотухина, мы можем также поставить под вопрос расхожее представление о том, что низкое качество записей «ГрОб-рекордс» является техническим ограничением. Напротив, запись следует понимать как культурный артефакт, как самостоятельную форму перформанса.

21 Там же. С. 127.

22 Там же. С. 140.

23 Там же. С. 12.

24 Там же. С. 134.

25 То, что Летов стремится к поиску примитивного, базового мышления подтверждается еще в: ТЕМИРШИНА О. *Язык и мир Егора Летова*. СПб.: Скифия, 2024.

Золотухин утверждает, что шумы, шипение и искажения не уменьшают, а наоборот, усиливают эффект аутентичности, действуя, как воск, запечатлевающий материальный отпечаток живого выступления. Если принять эту позицию, то для «Коммунизма», шум – это не дефект, а звуковое свидетельство игры, происходящей в «магическом круге». *Lo-fi* звук, искажения и несовершенства становятся осязаемым доказательством подлинности творческого акта, происходящего вне официальных и профессиональных кругов. Таким образом, запись не просто документирует исполненную утопию – она и есть утопия, превращенная в звуковой объект.

«Коммунизм» превращает обломки рушащейся идеологии в связный рассказ, раскрывающий ее внутреннюю структуру, показывая, что «дикое мышление» является универсальным человеческим механизмом придания смысла миру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«На советской скорости» – это произведение, которое выходит за рамки сатиры, становясь сложным перформативным актом, обретающем собственную специфику именно в художественном действии. Сквозь призму исследований Бирна и Юрчак мы замечаем, как альбом становится шедевром контекстуальной манипуляции, где смысл возникает из трения между разнородными дискурсами, музыкальными и культурными кодами. С помощью «археологических» инструментов Клейна мы раскрываем другой слой и видим, что альбом может быть понят как комментарий к столкновению между предписанной социальной психологией утопии и разочарованной реальностью ее терминальной фазы. Но ко всему прочему альбом предстает не только как шедевр контекстуального переосмысления (Бирн, Юрчак) или сейсмограф социальной психологии (Клейн), но и как сложный перформативный акт, реализующий эстетическую утопию через игру (Хёйзинга).

Именно теория Хёйзинги раскрывает глубокий смысл проекта. «Коммунизм» осуществляет операцию «музыкальной археологии», которая одновременно является игрой: внутри «магического круга» студии обломки советской идеологии становятся кирпичиками для нового художественного строения. В этом игровом акте парадоксальным образом реализуется сущность коммунистической/авангардной утопии: унич-

тожение дистанции между искусством и жизнью. Альбом не просто критикует коммунизм – он воплощает его эстетические принципы в форме игры, доказывая, что утопия, потерпев неудачу как политический проект, может выжить как радикальная художественная практика. В этом смысле «На советской скорости» остается важнейшим документом для понимания не только конца Советского Союза, но и силы музыки и игры в художественно-антропологическом измерении, способном создавать смысл через деконструкцию и рекомпозицию разных миров.

Привлекая теорию бриколажа Леви-Стросса, мы можем уточнить специфику «коммунистического» концептуализма: через игру участники проекта прикасаются к «первобытному мышлению», использующему готовые элементы вместо создания новых, работают с обломками советской культуры как артефактами «науки конкретного». Бриколаж создает мифы для разрешения противоречий, а «Коммунизм» формирует новый миф из элементов советского и западного миров. Начиная с бинарных оппозиций (официальное/частное, серьезное/абсурдное) проект раскрывает истинные координаты советской реальности, демонстрируя «дикое мышление» как метод осмысления и создания. Наконец, теория звукозаписи, предложенная Золотухиным, дала нам ключ к пониманию значения *lo-fi* эстетики: шум и искажения – это не дефекты, а печать подлинности, которая превращает саму пленку в осязаемый артефакт реализованной утопии.

САРА МАНЦИ

ГАРМОНИЯ РАСПАДА...

Сайд-проекты сибирского панка как антиэстетические высказывания: «Цыганята и я с Ильича»

САЙД-ПРОЕКТЫ СИБИРСКОГО ПАНКА

Сибирский панк-рок известен достаточно ограниченным количеством проектов. Прежде всего это, конечно, «Гражданская оборона» и главным образом фронтмен коллектива Егор Летов, который часто ассоциируется с группой в целом и – будет небольшим преувеличением сказать – со всей западносибирской контркультурой (термин Аркадия Кузнецова¹). Также достаточно широкую известность получила группа «Инструкция по выживанию» Романа Неумоева², сольное творчество Вадима Кузьмина³ («Черного Лукича», «Лукича») и некоторых других. При этом нужно помнить, что важной составляющей этой (контр)культуры являются «сторонние» проекты и вышеупомянутых музыкантов, и других, входивших в тот же круг, – «Коммунизм», «Psychedelia Today», «Христосы на паперти», «Спинки мента» и прочие. Можно предположить, что само появление множества сайд-проектов явилось результатом не только декларируемого и практикуемого коллективного творчества, но и особого экспериментального характера того культурного сообщества, о котором идет речь. Динамизм, отрицание застывших форм, новаторство, подхлестываемое в том числе и интересом к новым музыкальным (и не только) направлениям, технологиям, художественным методам, – все это позволяет говорить о сибирском панке как самостоятельной эстетической формации.

Перечисленные качества демонстрируют, насколько глубоко в сайд-проектах сибирского панка отразилась эпоха, также пытающаяся перестроить отношения между разными элементами позднесоветской политической системы. По всей видимости,

Денис Львович Карпов (р. 1982) – литературовед, доцент кафедры общей и прикладной филологии Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова.

- 1 Кузнецов А.В. *Западносибирская контркультура 1980–1990-х годов как социокультурный феномен*. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023.
- 2 Роман Неумоев (р. 1963) – российский рок-музыкант и поэт, лидер группы «Инструкция по выживанию», в конце 1980-х соредатор тюменских самиздатовских журналов «Анархия» и «Сибирская язва». – *Примеч. ред.*
- 3 Вадим Кузьмин (1964–2012) – российский рок-музыкант, активный деятель западносибирской контркультуры, лидер группы «Черный Лукич». – *Примеч. ред.*

можно обнаружить определенную корреляцию между отказом от ведущей роли лидера группы, коллективным авторством и импровизационностью, с одной (локально-музыкальной) стороны, и активизацией общества, уходом от политики жесткого диктата, развитием альтернативных официальному советскому форм хозяйствования (кооперация и прочие), с другой (полит-экономической) стороны. Оба эксперимента – и музыкальный, и общественный – сопровождались глобальным пересмотром советского прошлого. И в этом новом взгляде были не только враждебность и нигилистическое отрицание (как может слишком поспешно заключить иной наблюдатель), но и интерес (пусть и критический) к идеалам так и не построенной, но казавшейся все еще актуальной утопии.

Самым известным сайд-проектом сибирского панка, благодаря популярности его центральной фигуры, Егора Летова, стал «Коммунизм», который исследователи – в целом справедливо, но, на наш взгляд слишком безоговорочно – вписывают в традицию отечественного концептуализма, прежде всего московского. Такой подход несколько упрощает проблему генезиса этого арт-явления. Егор Летов испытал непосредственное влияние московских (и не только) концептуалистов⁴, и это влияние в «Коммунизме» более чем заметно. Но он был не единственным автором проекта, и, занимаясь аналитической реконструкцией эстетико-идеологических оснований последнего, следует учитывать художественные и метафизические поиски других участников, которые не сводятся к концептуалистским практикам. Специфика культурного производства художников «летовского круга» такова, что все выпущенные ими проекты имеют много общего (в том числе и в буквальном смысле: все принимают участие в записи альбомов друг друга), но в то же время каждый из проектов имеет своего как минимум номинального руководителя.

Одним из таких проектов является группа «Цыганята и я с Ильича», руководил которой Олег «Манагер» Судаков⁵. При этом его авторское лидерство парадоксальным образом привело к подлинной коллективности творческого процесса, растворившего отдельные авторские индивидуальности. Летов, также задействованный в записях «Цыганят...», позже вспоминал: «Я с превеликим удовольствием принимал участие в работе и был столь увлечен, что напрочь позабыл о своих обязанностях звукотехника и т.п.»⁶. Исследование сайд-проектов вооб-

ДЕНИС КАРПОВ

САЙД-ПРОЕКТЫ
СИБИРСКОГО ПАНКА...

4 См., например, статью Кирилла Корчагина «“Коммунизм” vs “Коллективные действия”: концептуализм как освобождение» в этом номере «НЗ».

5 Олег «Манагер» Судаков (р. 1962) – российский рок-музыкант, поэт, художник, участник «Гражданской обороны» и проекта «Коммунизм», лидер группы «Манагер и Родина». – *Примеч. ред.*

6 Цит. по: www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056981293.html.

ще и «Цыганят...» в частности позволяет занять дистанцию по отношению к центральной фигуре сибирского панка (да и по отношению к авторской «культуности» в целом), по-иному взглянуть на природу эксперимента, который не обязательно подчинялся яркой и директивной авторской интенции.

Вторая причина обращения к «Цыганятам» заключается в уходе от текстоцентризма, характерного для почти любого разговора о русском роке. При этом современный подход, движущийся от статичной структуры к динамической, от значения к аффекту, способен поставить под вопрос устоявшиеся представления филологии о художественном тексте как застывшей форме и позволяет рассмотреть этот текст как лишенный финальной точки процесс, то есть как своего рода бесконечное становление. Для такого подхода сайд-проекты сибирского панка – очень подходящий материал, так как чаще всего говорить о вербальной основе в случае с ними оказывается крайне затруднительно, а иногда и совершенно невозможно.

Динамизм, отрицание застывших форм, новаторство, подхлестываемое в том числе и интересом к новым музыкальным (и не только) направлениям, технологиям, художественным методам, – все это позволяет говорить о сибирском панке как самостоятельной эстетической формации.

В долгосрочной перспективе это может послужить корректировке привычной методологии работы со звучащим текстом, а потребность в такой корректировке возрастает, как только ученый начинает отходить от привычных способов анализа материала рок-культуры. Можно предположить, что это будет шаг и от строгой классической семиотики, так как тексты, подвергающиеся анализу, сложно заподозрить в отчетливости отношений между означаемым и означающим. Ставка на случайность, спонтанность, аффект, импровизацию, характерная для «Цыганят...» и других – схожих с ними – проектов, расшатывает жесткую сцепку означаемого и означающего, в результате чего между ними образуются «фигуры», «складки», «сети». Эта промежуточная, «складчатая» зона ослабленной связи семиотических элементов и является главным предметом исследовательского интереса. Хотя навигация здесь затруднена и творческий метод плохо рационализируется (как «изнутри», так и «снаружи»), сама попытка аналитического описания этой зоны представляется чрезвычайно важной, поскольку именно

здесь располагается исток определенной традиции, столь притягательной для многих современных российских авторов.

ДЕНИС КАРПОВ

САЙД-ПРОЕКТЫ
СИБИРСКОГО ПАНКА...

ИСТОРИЯ ПРОЕКТА «ЦЫГАНЯТА И Я С ИЛЬИЧА»

Как представляется, проект Олега Судакова имеет важное историческое значение для сайд-проектов всех троих участников этой записи. Ко времени его создания претерпевает изменения концепция «Коммунизма». Последний появился в 1988 году – из одной советской песни, перепетой на концерте «Гражданской обороны», как свидетельствует сам Менеджер:

«Такая советская народная песня – “Радостно на душе” называлась. Она была исполнена мной и Егором в одном из концертов “Г.О.”, а когда мы вернулись в Омск, мы решили как бы ее записать таким хором с Летовым, с притопами и присвистами, а когда мы записали, то хотели ее выпустить как отдельный “сингл” (смеется), и тут я вспомнил, что есть уникальная мелодия “Воздушная кукуруза”, которая вот раньше игралась в заставке к передаче “Спортлото”. Так она себе существовала, пока “Спортлото” не пришел ...ц. А я вспомнил, что у меня есть сборник стихов 1960-х годов и там была песня про кукурузу... Хм, хрущевская кукуруза... Вот. Тут же достали пластинку Поля Мориа, где была эта мелодия в оркестровом исполнении, и как бы сложили стихи и музыку, записав это дело под названием “Воздушная кукуруза”. И тут же мы с Егором переглянулись и вдруг ощутили, что это такой “Клондайк”, т.е. такой простор для людей, которые смогли увидеть в этом какой-то отблеск чуда, т.е. могли копать и жить»⁷.

«Коммунизм» появляется как проект концептуалистских «каверов» на советскую песню. Как убедительно доказывает Юлия Морева в докладах, прочитанных на Летовских семинарах в 2023-м и 2025 годах, концепция раннего «Коммунизма» строилась вокруг переосмысления советской повседневности, которую утопически представляла эстрадная песня и которую подвергали деконструкции авторы проекта. Позже рождается иная концепция: в 1989 году появляется запись «Веселящий газ», которую делают персонажи по имени Егор (Егор Летов) и Кузьма (Константин Рябинов – Кузя Уо). Эта запись отличается от предыдущих тем, что на ней авторами текстов являются не советские поэты, а Летов и Рябинов. «Коммунизм» из кавер-коллектива превращается в оригинальную концептуалистскую группу, которую необходимо рассматривать в одном ряду с «ДК», очень ценимой Егором Летовым, а также с «Мухоморами», «Среднерусской возвышенностью», проектами Сер-

7 Аксютин О. Пунк-вирус в России. М.: ЛЕАН, 1999. С. 283–284.

гея Курехина (а с ним фронтмена «Гражданской обороны» сблизит не только музыка, но и политическая деятельность в качестве соратника Эдуарда Лимонова).

В 1989 году трое участников «Коммунизма» записывают альбом группы «Цыганята и я с Ильича» под названием «Гаубицы лейтенанта Гурубы». Альбом состоит преимущественно из песен Олега Судакова, кроме трех треков: «Парики, шиньоны, косы» и «На острове Пасхи» написаны совместно Летовым и Судаковым, а «Стачка шахтеров в Кузбассе» – продукт сотрудничества Егора Летова и Константина Рябинова. Правда, включение этих треков было вызвано скорее технической, нежели концептуально-художественной необходимостью. Летов комментирует их появление в альбоме так:

«Во время записи “Цыганят” метраж менеджерского материала с точки зрения тогдашнего ленточно-кассетного распространения получился крайне неудачным, ни туда ни сюда. Для одинарного альбома слишком большим, для двойника очень маленьким. По этой причине были добавлены “Два Письма”, записанные для “Коммунизма” (то ли “Чудо-Музыки”, то ли “Народоведения”), а также “Стачка шахтеров”, то есть то, что, по мнению самого Менеджера, соответствовало понятию “мелодичное мышление”, как Менеджер именовал свой стиль. Получился полноценный двойник»⁸.

КОНЦЕПЦИЯ МЕЛОДИЧНОГО МЫШЛЕНИЯ ОЛЕГА СУДАКОВА

Возникает новая концепция творчества, которая строится на коллективности и аффективности:

«Это циничнейшая, обидная, безобразная, злостная, идиотская и издевательская работа. Стиль, в котором она выполнена, именуется и подается Менеджером как “мелодичное мышление” и воспринимается им самим не иначе, как исключительно свой собственный: аналогов и конкурентов на мировой арене по силе самовыражения и по глубине патологического погружения в “веселье бытия” не имеющий»⁹.

Концептуально это был не просто альбом наподобие «Мухомора». Судаков настаивает на том, что избрал свое понимание музыки – «мелодичное мышление»:

«Русская народная ирония на предмет мелодичности предполагает, что если в первом приближении композиция должна звучать аккуратно, гармонично и красиво, то во втором приближении –

⁸ Летов И. Ф. *Офлайн*. М.: Выргород, 2018. С. 242–243.

⁹ Цит. по: www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056981293.html.

вульгарно, зверски и необычно. [...] Это и есть настоящий план гармонии, мелодики и красоты, который не просматривается первоначально»¹⁰.

ДЕНИС КАРПОВ
САЙД-ПРОЕКТЫ
СИБИРСКОГО ПАНКА...

Александр Кушнир¹¹ так описывает результат воплощения концепции: «Огненное отражение реальности в преломленном восприятии Манагера в один чудесный миг воплотилось в неотшлифованный набор титанических образов, смыслов и символов – огромных, тяжелых и утрашающих, как некая абстрактная гаубица»¹². Если говорить о содержательности этих образов, то нужно заметить, что единственной песней с более-менее внятным текстом была «На блаженном острове коммунизма», ставшая в итоге довольно популярной (она часто исполнялась и вне проекта; позже Судаков сделает ее заглавной на альбоме другой своей группы «Родина»). В остальных номерах сложно однозначно рационализировать содержание, можно лишь пускаться в бесконечные интерпретации. Впрочем, Кушнир пишет, что слушателей у данного проекта и не предполагается – возможно, именно по причине предпринятого автором путешествия на окраину, а то и за границу смысла:

«Подобную антимузыку могли осилить лишь эстеты-мазохисты или прошедшие огонь и воду ветераны меломанского движения. Глазами сегодняшнего дня и “Гаубицы лейтенанта Гурубы”, и “Арджуна-драйв” напоминают интенсивный артобстрел массового сознания»¹³.

Олег Судаков также склонен давать не логические интерпретации им сделанного, а эмоциональные: «Вплоть до 25 лет во мне копилось отчаяние, и я не знал, как с ним справиться. [...] Мир раскалывался на две части, и мне казалось, что я вижу в лицо смерть»¹⁴. В его понимании, сделанная запись – результат сильнейшего эмоционального потрясения, специфического аффективного состояния, в котором он пребывал на закате советской эпохи. Это высказывание, осуществленное в ситуации *невозможности языка*, что отмечает и сам музыкант, вспоминая появление одного из центральных номеров альбома – «Песни гвоздя»:

10 Цит. по: Кушнир А.И. *100 магнитоальбомов советского рока. Избранные страницы истории отечественного рока. 1977–1991: 15 лет подпольной звукозаписи*. М.: ЛЕАН; АГРАФ; КРАФТ+, 1999. С. 351.

11 Александр Кушнир (р. 1964) – журналист, музыкальный продюсер, автор книг о советской и российской рок-музыке «100 магнитоальбомов советского рока. 1977–1991: 15 лет подпольной звукозаписи» (1999, 2025), «Сергей Курехин. Безумная механика русского рока» (2013, 2024), «Майк Науменко. Бегство из зоопарка» (2020, 2024) и других. – *Примеч. ред.*

12 Там же.

13 Там же. С. 353.

14 Там же. С. 351.

«Помогая родственникам строить дачу, Манагер стелил полы и вбивал огромные гвозди в дубовые доски. С ненавистью воплощая в жизнь идеалы материального благополучия, Манагер изо всех сил колотил по гвоздям и в какой-то момент неожиданно слился с образом. “Внезапно я начал понимать, что общаюсь с мертвым лесом и трупами деревьев, – вспоминает он. – Гвозди, входя в дерево, превращались из железной руды в часть земли, никак не протестуя против этого... Когда я дотронулся до гвоздя, он весь пылал, и мне показалось, что гвоздь разрывается на части от невозможности изменить свое состояние”»¹⁵.

Во время сессии Манагер предложил Егору и Кузе Уо напевать в монотонной манере слова «Это песня гвоздя», сопровождая хоровое пение ударами молотка по железу. Сам Манагер прочувствованно нашептывал в микрофон: «Холодно... Никак... Жарко... Больно... Жарко... Больно... Больно! Больно!!», постепенно переходя на душераздирающий крик. «Это было непрерывное полуактерство, записанное с одного дубля, – вспоминает Манагер. – Я настолько плотно вошел в роль, что начал ощущать, как по мне бьет кувалда»¹⁶. Автор описывает, по сути, состояние транса, в которое входит, делая запись. В это же состояние должен погрузиться и слушатель – выйти за границы всех измерений. Музыка, которую предлагает Манагер, должна не столько действовать на рассудок, оказывающийся перед ней бессильным, сколько вовлекать в аффективное состояние, трансформирующее саму субъективность и автора, и реципиента.

Видимо, наиболее полно реализовать авторскую концепцию была призвана последняя композиция «Гаубиц лейтенанта Гурубы», имеющая манифестное название «От реальной жизни к мелодичному мышлению». Заголовок делает песню программной, но, противореча ожиданиям слушателя, она представляет собой совершенно нечленораздельное бормотание, которое позиционируется как альтернатива той материальной, мещанской, гражданской, «совковой» жизни, которая воплощается в строительстве дач (см. «Песню гвоздя»). Отказ от человеческого, шаманское слияние с миром окружающих человека – когда-то живых (дерево, железо и прочее) – объектов есть выход за пределы стереотипизированной обыденности, к более непосредственному восприятию действительности. Искусство здесь перестает быть эстетической практикой и становится обнажением связи человека с миром. Можно предположить, что на ранних этапах основным предметом артистического интереса Олега Судакова было именно то, что лежит за пределами рационально постижимого и лингвистически выразимого,

15 Там же. С. 351–352.

16 Там же. С. 352.

принципиально разложимого на калькулируемые элементы. Речь идет об магически заряженной и эмоционально насыщенной повседневной предметности, аффективно затрагивающей нас, но всякий раз ускользающей от понятийной сети человеческого рассудка.

Можно говорить, что некоторые тексты строятся по концептуалистским правилам, как, например, написанные совместно с Егором Летовым «Парики, шиньоны, косы», представляющие собой феноменологическое выхватывание элементов окружающего мира, их фиксацию и остранение. Об этом говорит и примитивная мелодия, лежащая в основе музыкальной композиции, и интонация явно дурачащихся исполнителей, а также многоголосие и паронимическая аттракция, появляющиеся к финалу и подчеркивающие иллюзорность действительности. К подобным песням можно еще отнести «Русских» и «Новый год». Но следует подчеркнуть, что здесь авторы не ориентируются (как можно было бы предположить) на художественную стратегию соцарта, играющего с политическим (и деконструирующего его), а пытаются напрямую воссоздать тот социальный опыт, что отчуждает человека от мира. Это тоже критический метод осмысления действительности, но все же подход к работе с социальным несколько отличается от концептуалистского и, в частности, соцартового.

ДЕНИС КАРПОВ

САЙД-ПРОЕКТЫ
СИБИРСКОГО ПАНКА...

**Отказ от человеческого, шаманское слияние с миром
окружающих человека объектов есть выход за
пределы стереотипизированной обыденности, к более
непосредственному восприятию действительности.
Искусство здесь перестает быть эстетической практикой
и становится обнажением связи человека с миром.**

Автоматическое говорение у Манагера – фиксация субъекта внутри дискурса при попытке сделать этот дискурс прозрачным, свободным от тех искажений, что затрудняют доступ к непосредственному бытию, не позволяют его узнать. И если принять эту точку зрения на содержание проекта, то следует отметить, что сам механизм, работающий здесь, несколько отличается от той мерцательности, о которой писал Пригов¹⁷. Это скорее что-то более близкое к поэтическому субъекту Игоря Холина, к наблюдателю из окна барака¹⁸. Мерцание подразу-

¹⁷ *Словарь терминов московской концептуальной школы*. М.: Ad Marginem, 1999. С. 58–59.

¹⁸ БОКАРЕВ А.С. *Поэтическая стратегия миромоделирования в «Жителях барака» И. Холина и «Эдеме» А. Цветкова // Лианозовская школа: между барачной поэзией и русским конкретизмом*. М.: Новое литературное обозрение, 2021 (<https://books.yandex.ru/books/jobucntn>).

меваает некоторую дистанцию между автором и его текстом, которая заполняется различными метапозициями субъекта, при этом не столь важно, на какой дистанции субъект находится от того мира, который он наблюдает или с которым взаимодействует. Одним словом, Пригов всегда следит за Дмитрием Александровичем. А в случае Манагера такая дистанция с помощью трансового, почти религиозного постижения мира минимизируется, а может быть, и вовсе преодолевается. Пред нами речевой жанр «крик души», который активно используется в художественной практике.

Нужно учесть и собственно материальную сторону: для Летова, увлеченного техническим аспектом студийной работы, участие в проекте было еще и экспериментом с оборудованием, испытанием его возможностей. Но, зная, как «магически»¹⁹ (то есть далеко не всегда рационально) Летов обращается с подручными инструментами, техническая интерпретация музыки сайд-проектов не противоречит пафосу «мелодичного мышления» Манагера.

АНТИЭСТЕТИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ СИБИРСКОГО ПАНКА

Ряд попыток, предпринятых Летовым и его соратниками в попытках создать новую музыку, новое звучание, музыку не для слушателя, а для себя, в полной мере может быть понят в русле идей Джорджо Агамбена об антиэстетическом высказывании²⁰. В одном из интервью Летов так формулирует свой антиэстетизм:

«– Читала ваши слова, что “ГО” – это выстаивание против натиска системы европейской цивилизации”. А что конкретно вас в ней не устраивает, в ее музыке, литературе?

– Да меня все не устраивает. Сама структура цивилизации, искусства – она паникийная. Меня гораздо больше интересуют какие-то животные, настоящие, естественные вещи. Вот у меня дома три кота, я считаю, это гораздо важнее всевозможных изысков искусства.

– Но вы тем не менее занимаетесь музыкой...

– “ГО” – это не музыка, это определенное действие, деяние из области детской наивной культуры. Четыре аккорда плюс максимальное приближение к очень детским образам, что-то типа дадаизма»²¹.

Такое отрицание эстетического как автономной сферы, оторванной от непосредственной действительности материально-

19 Летов И.Ф. *Указ. соч.* С. 123.

20 См.: АГАМБЕН Дж. *Человек без содержания*. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

21 КОШКАРЕВА С. *Панк-рок похоронен в «ГрОбу»* // Курган и курганцы. 2000. № 66 (https://vk.com/wall-189962422_2519).

го мира, может пониматься в качестве возвращения к изначальному восприятию искусства-аффекта, которое требует в качестве идеального реципиента не арткритика, а погруженного в процесс рецепции-транса слушателя. Это творение мифа в самом прямом значении: мифа как знания о мире, мифа как мира. С этой точки зрения, альбом «Гаубицы лейтенанта Гурубы» могут быть соотнесены с концептуалистскими практиками, но этого будет недостаточно. Скорее речь должна идти не просто о мифологизации или демифологизации, как это понималось в соцарте и концептуализме, а о попытке прорыва за границы художественного как такового – чтобы погрузиться в окружающий мир и не столько отразить его миметически, сколько напрямую ухватить непосредственно данное, попасть в состояние соответствия миру, даже если этот мир оказывается дисгармоничным. *Преодоление отчужденности и трагедия его невозможности* – так, может быть, следует описать пафос альбома.

Семантизирующая структура для описания такого проекта окажется бессильной, так как, будучи машиной, раскалывающей единство бытия, она и есть отчуждение. В итоге важным окажется не слово, а ритм – *ῥυθμός* – уклад и гармония, обнаруживаемая по ту сторону рационального в языке, в онтологическом пространстве экзистенции, у которой художник вопрошает непосредственно.

Тут невозможно не вспомнить концепцию Алексея Юрчака об отношениях гражданина и государства в позднесоветскую эпоху, которые выходили за жесткие рамки дихотомии «подавление–противостояние». С этой точки зрения проект «Цыганята и я с Ильича» также является амбивалентным. Сфера политического (в его конкретно совеском, (псевдо)коммунистическом варианте) здесь далеко не самая главная мишень: цель Манагера куда более радикальна – прорыв не только за пределы, очерченные советской идеологической системой и политической практикой, но и за пределы социального/рационального/дискурсивно-языкового вообще. Но поскольку советское во всех его инкарнациях является главным бастионом на пути к запредельному, то и экзистенциальная арт-борьба за это запредельное часто выглядит как типичный образчик перестроечного «антисоветского» искусства, хотя таковым не является²².

Искусство, понимаемое как инструмент борьбы – политической и/или экзистенциальной, – перестает рассматриваться как сугубо эстетический феномен. Джорджо Агамбен писал: «В ситуации, когда искусство отдано на откуп эстетическому удо-

22 Крен в сторону политического заметен у поздних «Цыганят...», альбомы 2020-х сделаны по лекалам политического панк-рока, и это нарушает, если не разрушает, оригинальную авторскую концепцию, превращая проект в набор контркультурных клише.

вольствию, а его формальная сторона – оценке и анализу, мы остаемся вдали от доступа к сущностной структуре произведения»²³. Попытка вырваться из эстетического, кажется, в целом характеризует позднеперестроечную эпоху, породившую утопический проект того, что потом назовут «русским роком». Но в случае с сибирским панком этот антиэстетизм носил наиболее принципиальный характер. «Гаубицы...», равно как некоторые альбомы «Коммунизма», вели борьбу на два фронта: с предполагаемой некоторыми авангардистскими программами тотальной эстетизацией действительности (и даже там, где авангард стремился стать самой жизнью, заметна фетишизация артистического жеста) и с поп-музыкой, «попсом», сохранившими – пусть и в сниженном, почти пародийном варианте – многие ключевые ценности классической эстетики («мелодизм», «красота», «профессионализм», «исполнительская техничность» и так далее).

Если авангард хочет сделать мир искусством, то антиэстетический проект пытается сделать искусство миром, точнее – вернуть ему сущностные, онтологические основания. «Воспринимать произведение искусства означает быть выброшенным в более изначальное время, экстаз в эпохальном открытии дарующего и удерживающего ритма»²⁴, пишет Джорджо Агамбен.

Что же касается «попса», то Летов, вероятно, понимал, что несмотря на *lo-fi*, нецензурную лексику, радикализм, музыка «Гражданской обороны» вполне приемлема для поп-культуры, – это красноречиво показывает фильм, сделанный в 2025 году каналом «Муз-ТВ» (режиссер В. Ракитянский)²⁵. И сколько бы группа ни манифестировала презрение к «попсу», она оставалась частью российской рок-сцены, то есть и поп-культуры в целом. А вот сайд-проекты сибирских панков оказались слишком радикальны эстетически, слишком «анти» для массовой культуры.

Таким образом, Егор Летов и его соратники, находясь в составе «Гражданской обороны», приобретали статус рок-звезд, которые функционируют в сфере поп-культуры, а в составе радикальных сайд-проектов они создавали пространства вне ее. Следует отметить, что подобную позицию занимал, например, и Мирослав Немиров²⁶, работавший в более консервативном поле поэзии: желая оставаться признанным поэтом, он экстремально раздвигал ее стилистические и тематические рамки. Приведенные и подобные примеры показывают слож-

23 АГАМБЕН Дж. *Указ. соч.* С. 137.

24 Там же.

25 Егор Летов. *Жизнь и смерть короля панк-рока* (https://vk.com/video-221709794_456239083).

26 Мирослав Немиров (1961–2016) – один из главных (и наиболее энергичных) деятелей русской контркультуры 1980–2000-х, поэт, писатель, критик, организатор художественного процесса. – *Примеч. ред.*

ность отношений суб- и контркультуры с высокой и массовой культурами, эти отношения не строятся по принципу бинарных оппозиций и требуют дополнительного исследования и осмысления.

ДЕНИС КАРПОВ
САЙД-ПРОЕКТЫ
СИБИРСКОГО ПАНКА...

Если авангард хочет сделать мир искусством, то антиэстетический проект пытается сделать искусство миром, точнее – вернуть ему сущностные, онтологические основания.

Еще одна важная идея в связи с антиэстетизмом обсуждаемых проектов – внутренняя неиерархичность творческой системы, заметная в том числе и в альбоме «Гаубицы лейтенанта Гурубы». Там, где рациональное ставится под вопрос, под вопрос ставятся и иерархические различия между заглавным и эпизодическим, между продюсером и музыкантом, между музыкантом и инструментом. Слово, звук, техника, человек являются равнозначными элементами произведения. Все, включающееся в запись, оказывается в равной степени необходимым и случайным. Так Егор Летов вспоминает, что для проекта Манангера были использованы уже существующие записи инструментов, которые не предназначались для «Гаубиц»: «Барабанные партии – исполненные Аркашей Климкиным в другом месте и по другому поводу – брались с магнитофонной пленки»²⁷. Музыкальный строй композиций также подвергался значительной корректировке, противоречащей типичным музыкальным установкам того времени и того круга (сложные хард- и арт-рок с их культом виртуозного владения инструментом): «Короткие, но энергичные опусы типа “Опоздавшей молодежи” вообще были сыграны исключительно на одной ноте»²⁸. Неиерархичностью характеризуются и отношения между участниками проекта, несмотря на устоявшееся мнение, что основная работа лежала на Егоре и Кузьме. В то же время у Кушнира можно прочитать:

«Несмотря на то, что Егор Летов и Кузя Уо относились к своему соратнику как к “экспонату творчества”, Манангер самозабвенно и доходчиво объяснял им свои требования к звуку. Для этого он не ленился рисовать сотни графических эскизов будущих инструментальных партий. Гитарные соло изображались им в виде движения ломаной вверх – с последующей закольцовкой на самой вершине».

Сайд-проекты сибирского панка являлись важной частью западносибирской контркультуры, где воплотились многие радикальные теоретические взгляды ее героев на творчество.

27 Кушнир А. И. *Указ. соч.* С. 351.

28 Там же. С. 352.

Порожденный многими общими социокультурными процессами позднего СССР в перестройку сибирский панк подпитывал именно региональную контркультуру, которая в свою очередь, несмотря на локальное звучание, приобрела универсальный характер – особенно в период, непосредственно предшествующий распаду страны, эту контркультуру породившей. Погребенные в «примечаниях к сибирскому панку»²⁹ «Коммунизм», «Цыганята и я с Ильича» и прочие сайд-проекты деятелей радикальной сибирской музыкальной сцены не только являются ценным источником по истории позднесоветской и ранней постсоветской русской культуры, но и намекают на нереализованные возможности развития того, что сегодня называют «русским роком».

29 Цитата из выступления Петра Кириллова на заключительном съезде Поволжского рок-самиздата 23 августа 1993 года: Кириллов П. *There was a light...* // За Рок! 1994. № 1. С. 17.

«Коммунизм» vs «Коллективные действия»: концептуализм как освобождение

КИРИЛЛ
КОРЧАГИН

Вопрос о Егоре Летове и концептуализме отнюдь не нов. Собственно, сам Летов запустил эту полемику в 1989 году, когда на страницах самиздатовского журнала «Контр Культ Ур'а» появился манифест «Концептуализм внутри», написанный в соавторстве с Константином Рябиновым, известным также под абсурдистским псевдонимом Кузя Уо¹. С тех пор попытки говорить о Летове в связи с концептуалистским движением не прекращались, однако в них нельзя не заметить некоторой однобокости: в этих работах – как правило, написанных исследователями рок-поэзии, а то и вовсе поклонниками Летова – концептуализм воспринимался как монолитная система, каковой тот никогда не был, а сам Летов, направив своих поклонников по этому следу, в дальнейшем от концептуализма дистанцировался – возможно, в силу того, что это слово превратилось в бренд, используемый московскими литераторами и художниками, которые в первые постсоветские годы стремительно превращались в новый истеблишмент².

Хотя в воспоминаниях друзей и товарищей Летова нередко звучит утверждение, что он считал себя в первую очередь поэтом, а не музыкантом³ и еще при жизни вышли несколько сборников его стихов, от литературного мира он держался в стороне, если не принимать в расчет мимолетного «романа» с Эдуардом Лимоновым и его партией, где литература, кажется, не играла особой роли. Самому Летову современный литературный мир был почти незнаком, хотя в литературе модернизма и авангарда он ориентировался свободно и его песни

Кирилл Корчагин
(р. 1986) – филолог,
переводчик, ведущий
научный сотрудник
Института русского
языка имени В.В. Вино-
градова РАН.

1 Летов Е., Уо К. *Концептуализм внутри* // Контр Культ Ур'а. 1989. № 1. С. 31–35.

2 Это вызвало негативную реакцию и внутри концептуалистского круга – у Всеволода Некрасова: Кукулин И., Липовецкий М. *Партизанский логос. Проект Дмитрия Александровича Пригова*. М.: Новое литературное обозрение, 2022. С. 316–359; Павловец М.Г. *Неоавангард в русскоязычной поэзии: вторая половина XX – начало XXI века*. М.: ВШЭ, 2025. С. 388–398.

3 Вдова Летова – Наталья Чумакова – вспоминала, что тот считал себя именно поэтом, а не музыкантом (Костылева Е. *Сияние обрушится вниз* // Сеанс. 2011. № 45-46). О поэтических источниках творчества Летова см.: Янкелевич М. «Среди зараженного логики мира»: *Егор Летов и Александр Введенский* // *Поэт Александр Введенский: сборник материалов* / Под ред. С. Кудрявцева, К. Ичин. М.; Белград: Гиляя, 2006. С. 238–259; Давыдов Д. *Дадаизм внутри: смыслы Егора Летова* // Арион. 2014. № 4. С. 41–77.

наполнены отсылками к ней⁴. Несмотря на это, для молодых поэтов Летов стал во многом образцовой фигурой, вызвав на рубеже 1990–2000-х шквал подражаний, однако возможны они были именно потому, что он игнорировал конвенции литературного сообщества, вдохновляя молодых поэтов сделать первый шаг, не оглядываясь на старших.

Однако одно из ранних поэтических впечатлений Летова, еще до Александра Введенского и обэриутов, которыми он сильно увлекался, было связано как раз с продукцией концептуалистского круга, а именно – с творчеством Андрея Монастырского. В литературе о Монастырском, количество которой увеличивается с каждым годом в геометрической прогрессии, существует странный перекосяк: если его творчество в рамках группы «Коллективные действия» исследовано очень детально, то довольно большой корпус литературных текстов, включающий 400-страничную поэму «Поэтический мир», несколько сборников стихов и автофикциональную повесть «Каширское шоссе», привлекает внимание только от случая к случаю. Помимо того, что без этих текстов сложно составить объемное представление о «Коллективных действиях» и в целом о деятельности концептуалистов, они оказываются важны и для нашей темы – по всей видимости, именно тексты Монастырского оказались источником вдохновения для Летова, проживавшего за две с половиной тысячи километров от концептуалистской Москвы. С их помощью он смог переосмыслить вполне традиционную практику радиоколлажа, центральную для проекта «Коммунизм», как часть общеконцептуалистского художественного языка.

Чтение ранних стихов Летова, собранных и опубликованных⁵, наводит на мысли о множестве внешних источников для его формирующейся манеры, еще не совсем такой, какой она предстает в позднейших песнях. В бедной фактами книге о Летова, написанной музыкальным журналистом Максимом Семеляком, встречается важное для нашей темы упоминание

- 4 Ср. список любимых авторов, которых Летов привел в ответ на вопрос посетителя сайта «Гражданской обороны»: «Генри Миллер, Андрей Платонов, Оскар Уайлд, Гофман, Кэндзабуро Оэ, Ганс Эрих Носсак, Голдинг (“Наследники”), Маркес-Борхес-Кортасар, Б. Савинков, Варлам Шаламов, Федор Сологуб (“Мелкий бес”), А. Скардин (“Странствия и приключения Никодима Старшего”!!!), Юрий Олеша, О’Брайен во всех его ипостасях, Касарес, Виан, Кобо Абэ, Мирча Элиаде, Даниэль Пеннак, Кундера, Рей Бредбери, Акутагава, Дилан Томас, Георг Траэль, Станислав Лем, Ирвин Уэлш, Блейк, Джон Фанте, Селинджер, Пристли, Герберт Уэллс, Ежи Жулавски, Хантер Томпсон, Керуак, Бруно Шульц, Борис Акунин, Мураками Рю и Харуки, Достоевский, Стругацкий, Гоголь, Эдгар По, Дёблин (“Берлин, Александерплац”), Хармс, Введенский, Ильф и Петров, Леонид Андреев, Тадеуш Ружевиц, Андрей Битов, Зданевич, Терентьев, Крученых, Тимур Зулфикаров, Шекли, Саймак, Хайнлайн (“Чужак в чужой стране”), Пол Андерсон, Генри Каттнер, Кафка» (https://grob-hroniki.org/article/2005/art_2005-06-26a.html).
- 5 Основные издания: Летова Е. *Стихи*. М.: Хор, 2003; Он же. *Автографы. Черновые и беловые рукописи. Т. 1. 2002–2007*. М.: Культурное наследие, 2009; Он же. *Автографы. Черновые и беловые рукописи. Т. 2. 1990–1993*. М.: Сияние, 2011; Он же. *Автографы. Черновые и беловые рукописи. Т. 3. 1993–1997*. М.: Сияние, 2014; Он же. *Стихи*. М.: Выргород, 2011 (вышло три издания).

о знакомстве Летова с ранними поэтическими текстами Монастырского⁶. Никакими документированными высказываниями оно, правда, не подтверждается, но можно думать, что нечто подобное Летов мог произносить в частных беседах. К Монастырскому был близок старший брат Егора, Сергей – авангардный саксофонист, постоянный участник «Коллективных действий» и автор сайта, где документировались акции группы: известно, что для младшего брата он был основным источником информации о неофициальном искусстве. Как бы то ни было, стихи Монастырского и Летова довольно близки и по манере, и по особой меланхолической интонации, и по обращению к опыту сюрреалистической поэзии.

КИРИЛЛ КОРЧАГИН
«КОММУНИЗМ» VS «КОЛ-
ЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»:
КОНЦЕПТУАЛИЗМ КАК
ОСВОБОЖДЕНИЕ

В работах, написанных исследователями рок-поэзии, концептуализм воспринимался как монолитная система, каковой тот никогда не был, а сам Летов от концептуализма дистанцировался – возможно, в силу того, что это слово превратилось в бренд, используемый московскими литераторами и художниками, которые в первые постсоветские годы стремительно превращались в новый истеблишмент.

Если обозревать поэтическое творчество Летова в целом, то можно условно разделить его на две половины, причем более заметно это будет в тех текстах, которые оставались стихами, не превращаясь в песни. Первую половину составляют тексты 1980-х, переполненные сюрреалистическими мотивами, туманными описаниями сновидений, словно бы врывающимися в реальность, подчиняя ее собственной логике; сюрреалистическую лирику они напоминают и по форме – чаще всего в них отсутствуют рифмы и традиционные размеры, а язык приближен к разговорному, хотя и без того нагнетания общенной лексики, которым известно песенное творчество Летова второй половины 1980-х. Такие тексты напоминают то, что можно было увидеть в советских антологиях «прогрессивной» западноевропейской литературы – вроде «Новых голосов» (1981), представлявших послевоенную французскую лирику; среди советских поэтов близок к такой манере письма, помимо Монастырского, был ленинградский автор Геннадий Алексеев, сборники которого время от времени появлялись

6 Семеляк М. *Значит, ураган. Егор Летов: опыт лирического исследования*. М.: Individuum, 2024. С. 229.

и в официальной печати. В этих стихах «я» представлено как наблюдатель, смотрящий со стороны на причудливый и странный мир собственных сновидений:

Фонари освещали отекие липкие листья
И тихонько звенели как птицы во сне
Слетались немые стада насекомых
Влекомые призрачным светом дождя
Я тихо пошел, облаченный в одежды
Прозрачные черные горькие злые
Касаясь деревьев ошметками рук
Надежно укрытый покровом луны.
Я пел, как в тумане,
Бежал наугад,
И все бездорожья вели меня дальше
И я спотыкался, хрипел и стонал
И в ужасе слушал в лесу голоса...⁷

1985

В очень похожей манере написан самиздатский сборник Монастырского «Для двугого друга» (1972), относящийся к тому времени, когда до «Коллективных действий» и изобретения концептуализма было еще несколько лет:

Желтый пес,
где твой мертвый хозяин
Там, на пне,
где сидел он
схватив за ошейник тебя
чтобы я проходил...
Ибо осень кончалась
И надо спешить
бормотал я
и надо спешить⁸

Помимо тематического сходства, эти два текста близки в языковом отношении. Монастырский, как затем и Летов, подбирает прилагательные, плохо согласующиеся по смыслу с определяемым существительным, разбивая тем самым инерцию восприятия и остраивая изображаемую сцену: «желтый пес» у Монастырского и «отекие липкие листья» у Летова (ср. в другом стихотворении Монастырского еще более показательное: «Так и заснул на снегу / с глупою трубкой в руках»⁹). Совпадают они и в активном использовании местоимения «я» и большого количества глаголов (*бежал, сидел, бормотал* и так далее), а также

7 Летов Е. *Стихи* [2003]. С. 114.

8 Монастырский А. *Поэтический сборник*. Вологда: Библиотека московского концептуализма, 2010. С. 9.

9 Там же. С. 19.

в общем ощущении приближения чего-то ужасного и, вероятно, смертоносного – словно герои текстов застряли в непрекращающемся саспенсе, который никак не может разрешиться.

Во втором периоде Летов осваивает новую и более оригинальную поэтическую форму, внешне напоминающую сказ¹⁰, которая на первый взгляд повествует о некоем забавном происшествии, на поверку представляющем описанием внутренней, сугубо экзистенциальной коллизии. Но и в подобных текстах можно заметить отдаленное эхо тех языковых приемов, которые Монастырский использует в своих ранних стихах. Поместим слева стихотворение Монастырского, а справа – Летова; обратите особое внимание на изобилие неожиданных прилагательных и в первом, и во втором тексте – *пышный, продажный мальчик vs драгоценный сапог* и так далее:

Натертый яблоком ветер
за руку с нищим у двери
прикинулся мальчиком
пышным, продажным,
и так вот под ветром
проходят последние дни
1972

Да, много воды утекло
Всеми соками радуги
А та, что осталась – так, не вода –
Демисезонное оледенение –
Даже не скрипнет под колесом
Не говоря уже о драгоценном моем
сапоге с каблучищем
А в небе алеет плывет раздается
Пятно неудачи доселе неслыханной
Дюже позорной
Нежданной
Негаданной¹¹
1995

В песнях с регулярных альбомов «Гражданской обороны» как будто можно видеть контраст с этой несколько отрешенной манерой. В них «я» чаще всего имеет взрывной характер – оно переживается как непрерывная истерика, внутри которой только и может быть обретена полнота присутствия. Такое «я» наделено мощной центробежной силой: взрываясь, оно разносит свои частицы по всему миру. К взрыву нередко ведет избыточность характеристик, которыми наделяется «я» – они многообразны и взаимоисключающи, причем визуальная метафора для этих процессов была разработана самим Летовым

10 Не вдаваясь в довольно обширную полемику о том, что понимать под сказом в русской литературе, отошли к соответствующему разделу в «Нарратологии» Вольфа Шмида, где различаются «характерный» и «орнаментальный» сказ, причем тексты Летова подходят под определение второго: «Орнаментальный сказ – это гибридное явление, основывающееся на парадоксальном совмещении исключаящих друг друга принципов характерности и поэтичности. От собственно сказа сохраняются устное начало, следы разговорности и жесты личного рассказчика, но все эти характерологические черты отсылают не к единому образу нарратора, а к целой гамме разнородных голосов, не совмещающихся в единство личности и психологии» (Шмид В. *Нарратология*. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 179–188).

11 Летов Е. *Стихи* [2003]. С. 4.

КИРИЛЛ КОРЧАГИН

«КОММУНИЗМ» VS «КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»:
КОНЦЕПТУАЛИЗМ КАК
ОСВОБОЖДЕНИЕ

в коллажных обложках альбомов начала 1990-х – «Прыг-скок», «Сто лет одиночества» и «Хроника пикирующего бомбардировщика», – где флора и фауна, фрагменты пейзажа и даже космические тела, вырезанные из глянцевого журналов, собраны в чрезмерно детализированное полотно, поглощающее внимание обилием разнообразных деталей и в то же время не поддающееся расшифровке, пуская воображение зрителя по кругу свободных ассоциаций. При этом, несмотря на плотность коллажей, сквозь них проглядывает черный фон, который, видимо, нужно ассоциировать с «пустым центром» «я» – идеей, получившей большое распространение у Монастырского уже в тот период, когда он был занят акциями «Коллективных действий»¹². «Пустотное» «я» обречено каждый раз заново переживать собственное самоисчерпание, если не самоуничтожение, а избыточность его характеристик оказывается знаком его же опустошенности.

Этому тоже можно найти параллель у Монастырского, но в более поздней поэме «Поэтический мир», написанной в основном во второй половине 1970-х: в ней знаком пустотной природы мира оказывается многообразие его атрибутов¹³. Апофатическое исчисление того, чем мир не является, в этой огромной поэме направлено на то, чтобы «расколдовать» природу, выявить ее внутреннюю пустоту, а следовательно, и несоизмеримость с отдельным человеческим опытом и сознанием:

В тебе нет ничего
ни от сна, ни от действительности
в тебе нет ничего
бушующего или спокойного
в тебе нет ничего
блуждающего вместе со мной¹⁴

Вернемся к манифесту «Концептуализм внутри» (1989) и проекту «Коммунизм», которые в свете всего сказанного лучше поддаются интерпретации, – как следующий шаг, напоминающий тот, что был сделан Монастырским от ранних поэтических текстов в сторону перформативного искусства. Манифест Летова и Рябинова состоит из трех частей, в первой из которых характеризуется общее положение дел в рок-музыке (оно оценивается как ужасающее), во второй предлагается альтернатива такому положению дел, а в третьей дается аннотация для

12 Собственно буддийские мотивы у Летова тоже встречаются, например, в стихотворении «Будда» (1984): «Я упал с высокого дерева / И вот теперь / Весь поломанный / Валяюсь на травке / Смеюсь» (Там же. С. 487).

13 Подробнее об этой поэме и в целом о связи поэтического и перформативного у Монастырского см.: Корчагин К. *Между дзэном и концептуализмом. «Коллективные действия» на рубеже 1970–1980-х годов* // Искусствознание. 2022. № 3. С. 62–91.

14 Монастырский А. *Поэтический мир*. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 228.

всех вышедших на тот момент альбомов проекта «Коммунизм». Этот текст не отличается теоретической внятностью, и основное внимание в нем направлено на рекламу нового проекта и попытку привлечения к нему тех слушателей, которым уже хорошо знакома «Гражданская оборона». Здесь же перечисляются и музыкальные предшественники «Коммунизма»: помимо большого числа зарубежных гаражных групп, это «Мухомор» и «ДК» (сюда можно было бы добавить «Среднерусскую возвышенность», основанную, как и «Мухомор», Свенном Гундлахом, но в манифесте она не упоминается)¹⁵. Все это были московские проекты, во многом элитарные и далекие от того относительно широкого слушателя, которого уже в конце 1980-х начинает обретать «Гражданская оборона». Один из нервов манифеста – расхождение между исконным авангардно-поисковым импульсом летовских проектов и широким восприятием их как, напротив, хулиганского *low-brow* творчества.

Концептуализм в этом тексте понимается двояко: и как более или менее автоматическое соединение несовместимых контекстов или дискурсов (например официальной советской риторики и суггестивной магической речи, советских дембельских песен и авангардной музыки и тому подобного)¹⁶ и – более утилитарно – как призыв воспринимать *идею* или *концепцию* музыки вопреки несовершенству звукозаписывающей аппаратуры¹⁷. Первый пункт можно считать вольным изложением концепции *мерцания*, которая имела хождение в концептуалистской среде: в составленном Андреем Монастырским «Словаре терминов московской концептуальной школы» (1999), одном из ключевых документов концептуалистской поэтологии, достаточно развернутую характеристику мерцания можно встретить в вокабуле «Незалипание»:

«НЕЗАЛИПАНИЕ – двойственное отношение к своему “Я”, своему месту в мире, своему занятию, которое лучше всего определить как своеобразное “мерцание”: то ты попеременно находишься

КИРИЛЛ КОРЧАГИН
«КОММУНИЗМ» VS «КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»:
КОНЦЕПТУАЛИЗМ КАК
ОСВОБОЖДЕНИЕ

- 15** Ср.: «Сказать, что “Коммунизм” возник под влиянием последних экспериментов Сергея Жарикова [т.е. основателя группы “ДК”. – К.К.] – значит погрешить против истины, ибо, хотя Жариков и был, по-видимому, первым деятелем, начавшим использовать конкретные поэзию и музыку в нашей стране в области рока (за исключением “Мухоморов” [sic]) – однако он является в подобной области далеко не новатором в мировом масштабе. Есть смысл говорить о параллельной разработке общего изначального материала. Формально “Коммунизм” имеет общие точки с ранними и наиболее поздними (минуя средний период) продуктами творчества “ДК”, однако в области содержания имеет явные и принципиальные расхождения, что наглядно следует из вышесказанного, а также – из самой продукции “Коммунизма”» (Летов Е., Уо К. Указ. соч. С. 33).
- 16** Ср.: «Мы пришли к емкому и слоистому выводу, что невозможно выразить абсурдность, кошмарность и игривость (неизменно сопровождающую первые два компонента) окружающей нас действительности ни одному художнику (даже такому, как, допустим, Достоевский) адекватней, баше и пуще, чем САМА реальность» (Там же. С. 33).
- 17** Ср.: «Единственным, похоже, оплотом живого рока [...] являются гаражные доморощенные команды. [...] Их материал отличают НАРОЧИТЫЙ музыкально-технический дилетантизм, издевательское наплевательство к качеству записи – т.е. краеугольным камнем является КОНЦЕПТ в чистом виде» (Там же. С. 32).

внутри всего этого, то снаружи. Это “мерцание” происходит постоянно, в одном и том же ритме – то ты сохраняешь свой “идентитет”, то теряешь его; то совмещаешь себя со своей профессией или делом, то – в следующее мгновение – оставляешь их»¹⁸.

В «дополнительном» словаре Дмитрия Александровича Пригова слово «мерцание» встречается еще один раз уже в другой, правда, однокоренной вокабуле:

«ВЛИПАНИЕ – погружение в определенный стиль или дискурс до полной идентификации с ними (как раньше говорили: автор умирает в тексте), в отличие от стратегии мерцания»¹⁹.

Таким образом, мерцание оказывается среди фундаментальных концептуалистских понятий: оно не определяется через другие понятия и выступает в «Словаре» как базовое. Действительно, структуру субъекта в концептуалистской поэзии, и особенно у Пригова, достаточно удобно описывать через мерцание: его субъект на протяжении одного текста, как правило, несколько раз переключается между различными модулями речи, различными дискурсами, «влипая» (погружаясь) в каждый из них. Такое «влипание», однако, никогда не бывает достаточно продолжительным – довольно скоро он переходит к следующему дискурсу, в силу чего создается впечатление, что речь не принадлежит субъекту, представляет некую внешнюю по отношению к нему инстанцию²⁰. Более всего с этой логикой соотносятся ранние альбомы «Коммунизма» – «На советской скорости», где тексты советских песен исполнены в привычной для «Гражданской обороны» гаражной манере, и «Сулейман Стальский», где той же операции подвергаются стихи лезгинского поэта. Цель этих упражнений – подчеркнуть диссонанс между до предела «залакированной» официальной поэзией и нонконформистской музыкой, обнажив разрыв между тем, как реальность переживается, и тем, какой она представляется в официальном искусстве. В дальнейшем эта картина усложнилась: с каждым новым альбомом (а всего их было полтора десятка) позиция авторов проекта по отношению к своему материалу становилась все более нюансированной: в третьем альбоме, «Веселящий газ» (1988), появляются авторские песни Летова, а последний альбом – «Коммунизма» «Хроника пикирующего бомбардировщика» (1990) – и вовсе

18 *Словарь терминов московской концептуальной школы* / Сост. и автор пред. А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999. С. 62–63.

19 Там же. С. 192.

20 О мерцании см. подробнее: Липовецкий М. *Практическая «монадология» Пригова* // Пригов Д.А. *Монады*. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 10–45; LEIDERMAN D. *The Strategy of Shimmering in Moscow Conceptualism* // *Russian Literature*. 2018. Vol. 96–98. P. 51–76.

представляет собой полифоническое авангардистское полотно, далекое от радиоколлажей в духе «ДК» и «Мухомора».

Как бы то ни было, в текстах Монастырского никакие монтажные стратегии не используются, а чужая речь, так обильно представленная у Пригова, отсутствует. Хотя некоторые параллели тут все-таки можно обнаружить: например, известна машинописная коллажная книга Монастырского под названием «Николай Семенович Панитков. К 32-летию со дня смерти», датированная 1984 годом и показывающая пример концептуалистского коллажа, крайне близкий к позднейшей деятельности «Коммунизма», разве что выполненный в текстовом виде²¹. Тем не менее эта книга находилась на периферии деятельности Монастырского и не могла тиражироваться, существуя в единственном экземпляре.

Когда же Монастырский пишет о мерцании для концептуалистского «Словаря», речь идет скорее об онтологической двойственности человеческого бытия, которое оказывается одновременно и коллективным, и персональным: в этом зазоре между разными «идентитетами», как это называет Монастырский, кроется возможность свободы, ускользания от любых четких дефиниций. Отсюда рождается и понятие «пустого действия», которое было впервые зафиксировано в 1979 году на материале ранних акций «Коллективных действий» в предисловии к первому тому «Поездок за город» (1980)²². В определениях «пустого действия» фигурируют разные объяснительные схемы, но у всех них есть общая черта – речь идет о ситуации, вызывающей поломку в механизме интерпретации: зрители акции находятся в непрерывном поиске смысла происходящего, но в какой-то момент выясняется, что они «напряженно не понимают» или «неправильно понимают», что происходит²³. Понятие «пустого действия» имеет смысл, если мир понимается как сверхнасыщенная семиотическая система, переполненная различного рода знаками и связывающими их отношениями – система, которая за счет смыслового богатства становится репрессивной: в ней наперед «записаны все ходы», и единственный способ в такой ситуации создать новаторский

КИРИЛЛ КОРЧАГИН

«КОММУНИЗМ» VS «КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»: КОНЦЕПТУАЛИЗМ КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ

21 См. оцифрованную версию: <https://conceptualism.letov.ru/NSP-pdf-small.pdf>.

22 Ср.: «Именно в годы строительства этого колодца мы ездили за город на Киевогорское поле и делали там акции с выкапыванием ям, [...] и где-то в [19]79 году, после акции “Место действия” – как раз ко времени окончания строительства новой ассенизационной системы и началу работ по ликвидации колодца, – я сформулировал теорию “пустого действия” как внедемонстрационный этап протекания акции на демонстрационном поле» (МОНАСТЫРСКИЙ А. *Эстетические исследования. Тексты, акционные объекты, инсталляции*. М., 2009. С. 161). Практически так же, но еще более лаконично «пустое действие» определяется в: GERBER M. *Empty Action. Labour and Free Time in the Art of Collective Actions*. Bielefeld: transcript Verlag, 2018; а также в конспективной, но важной статье: АТК А. *Empty Action for the Anonymous Viewer // Это не московский концептуализм / Под ред. К. Ичин. Белград, 2021. С. 194–200.*

23 МОНАСТЫРСКИЙ А. *Эстетические исследования...* С. 35.

артефакт – вызвать в механизме этой системы поломку. Поэтому художник-концептуалист, стремящийся вырваться за пределы знаков и отношений, должен стремиться к краху семиотики, то есть к «пустому действию», которое именно в силу своей пустотности оказывается освобождающим.

Но и эволюцию «Коммунизма» можно рассматривать в том же ключе: весь проект строится как ускользание от любой определенной концепции музыкального творчества, он отвергает частные жанровые определения (поп, рок, авторская песня, панк, радиоколлаж и так далее) ради желания обрести свободу. Отсюда и бриколажная D.Y.-эстетика, которая неожиданно роднит «Коммунизм» с «Коллективными действиями» и несколько отдаляет его от прочих концептуалистов: достаточно увидеть графические работы Пригова, Ильи Кабакова или Виктора Пивоварова, чтобы заметить, что они чаще всего остаются в рамках профессиональной живописи и рутинного художественного инструментария, в то время как акции «Коллективных действий» создаются из подручных материалов, отличаются подчеркнутой скудостью материального воплощения. Даже выступления «Среднерусской возвышенности», наиболее близкого к московским концептуалистам музыкального проекта, демонстрировали вполне профессиональный музыкальный уровень, не говоря уже об эстетских опытах «ДК» с фри-джазом, в которых непосредственное участие принимал старший брат Егора Летова, Сергей. «Кустарность», которая, собственно, и является главной чертой бриколажа²⁴, заметна во всех работах проекта «Коммунизм» – настолько, что нередко они кажутся сборниками «отходов» музыкального производства (в этом смысле столь же кустарный «Мухомор» довольно близок здесь по эстетике). Но многообразие подобных «отходов» позволяет каждый раз по-новому организовывать «пустое действие»: избыточность коллажируемых источников, подлинно концептуалистская, провоцирует кризис семиотической системы, ее поломку, благодаря которой обнажается лежащая за семиозисом пустота²⁵.

Все произведения, текстовые и музыкальные, которые коллажно использовались в альбомах «Коммунизма», переосмысля-

24 Не вдаваясь в полемику о бриколаже, отошлем к: Леви-Стросс К. *Неприрученная мысль* // Он же. *Первобытное мышление* / Перев., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. С. 137–138.

25 Коллаж в неофициальном искусстве середины 1980-х в целом становится популярной темой. За пределами московского концептуалистского круга похожие поиски в Ленинграде ведет Тимур Новиков, который в 1986 году напишет небольшую заметку «Коллаж в новом искусстве» под псевдонимом Игорь Потапов. Показательно, что она начинается с раздела о коллаже в музыке: «Несомненно здесь влияние радио и телевидения, приучивших сразу после Бетховена слушать новости. Постоянная смена характера информации. Длительность однообразия стала утомлять. В то же время – явные преимущества комбинирования готовыми формами» (Потапов И. [Новиков Т.]. *Коллаж в новом искусстве* [1986] // *Новые художники 1982–1987*. СПб., 1996. С. 87).

лись и переозначивались, встраиваясь в ту систему, где существовали собственные песни Летова – в этом принципиальное отличие «Коммунизма» от коллажных альбомов «ДК» и «Золотого диска» «Мухомора», которые двигались в обратном направлении, растворяя собственное творчество в «белом шуме» официальной советской культуры²⁶. В этом контексте «Коммунизм» можно рассматривать как этап на пути к более позднему творчеству Летова, где оказался возможен такой альбом, как «Звездопад» (2002): популярные советские песни в нем зазвучали уже без натужной иронии ранних записей «Коммунизма». Если в ранних записях чужое слово Сулеймана Стальского и других советских поэтов представало как намеренно оstraненное, подчеркнуто неуместное, то в «Звездопаде» оно было полностью присвоено и встроено в героически-милитантную эстетику «Гражданской обороны» тех лет. Важный шаг в этом направлении был сделан уже в последнем альбоме «Коммунизма» «Хроника пикирующего бомбардировщика», проникнутом меланхолическим чувством прощания с ушедшими друзьями Дмитрием Селивановым и Евгением Лищенко. Фронтальная лирика «Тумана» и жутковатая скороговорка «Про покупку» становились здесь частью той же художественной реальности, что и экзистенциальная драма «Мясной избушки», сочиненной самим Летоным.

КИРИЛЛ КОРЧАГИН
«КОММУНИЗМ» VS «КОЛ-
ЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ»:
КОНЦЕПТУАЛИЗМ КАК
ОСВОБОЖДЕНИЕ

Художник-концептуалист, стремящийся вырваться за пределы знаков и отношений, должен стремиться к краху семиотики, то есть к «пустому действию», которое именно в силу своей пустотности оказывается освобождающим.

В «Хронике пикирующего бомбардировщика», а затем в «Звездопаде» советские песни выводятся далеко за рамки концептуалистской иронии, воспринимаясь скорее как коллективный голос, своего рода партия хора, на фоне которой должны восприниматься собственные произведения Летова. Здесь можно вспомнить созвучные нашему сюжету размышления молодого Бахтина о хоровой природе лирики; если под лирикой – как в греческой античности – иметь в виду прежде всего песенное творчество, то эта цитата, спроецированная на наше время, звучит прямым комментарием к эволюции проекта «Коммунизм»:

26 О «Дембельском альбоме», «Неприступной забывчивости» группы «ДК» и «Золотом диске» «Мухомора», наиболее близких к «Коммунизму» записях см., в частности: Кушнир А.И. *100 магнитоальбомов советского рока. Избранные страницы истории отечественного рока. 1977–1991: 15 лет подпольной звукозаписи*. М.: ЛЕАН; АГРАФ; КРАФТ+, 1999. С. 105–107, 190–192; о «Коммунизме»: С. 353–355.

«Авторитет автора есть авторитет хора. Лирическая одержимость в основе своей – хоровая одержимость. [...] Лирика – это видение и слышание себя изнутри эмоциональными глазами и в эмоциональном голосе другого: я слышу себя в другом, с другим и для других. Лирическая самообъективация – это одержимость духом музыки, пропитанность и просквоженность им. Дух музыки, возможный хор – вот твердая и авторитетная позиция внутреннего – вне себя, авторства своей внутренней жизни. Я нахожу себя в эмоционально-взволнованном чужом голосе, воплощаю себя в чужой воспевающий голос, нахожу в нем авторитетный подход к своему собственному внутреннему волнению»²⁷.

Настойчивый интерес Летова к советским песням может быть объяснен и биографически: его отец принадлежал к младшему фронтовому поколению (был на два года младше Булата Окуджавы), имел образцовую биографию советского военного и, по всей видимости, воспринимал себя как типичного человека своего времени, а весь набор расхожих советских песен – как рутинный фон собственной повседневности²⁸. Перманентное присутствие такого «хора» советского песенного бессознательного и породило специфическое скольжение между своим и чужим словом в «Коммунизме», а затем и в творчестве Летова в целом: то, что начиналось как хулиганская игра с советским наследием, превратилось в своего рода постконцептуалистский ревайвализм – попытку (частичного) возрождения и переозначивания советской песенной культуры, при которой граница между собственным творчеством и используемым чужим словом истончается до почти полного исчезновения. Импульс этому движению или по крайней мере его аналог можно найти в деятельности Монастырского и круга «Коллективных действий», создавших для Летова и его сподвижников образ того, каким может быть концептуальное искусство.

27 Бахтин М.М. *Автор и герой в эстетической деятельности* // Он же. *Собрание сочинений: В 7 т.* М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. Т. 1. С. 249–250. Ср.: «Если в М[осковском] К[онцептуализме] автор – персонаж создаваемого им текста (в случае Д.А. Пригова), либо режиссер, организующий готовые стилистические блоки (в творчестве В. Сорокина и Л. Рубинштейна), то Летов разрабатывает авторскую стратегию, в которой безличный текст (а у советских песен так же, как и у народных, и у дворовых, по сути дела нет автора в строгом смысле слова [...]) обретает своего автора в исполнителе» (Жогов С.С. *Концептуализм в русском роке («Гражданская оборона» Егора Летова и Московская концептуальная школа)* // *Русская рок-поэзия: текст и контекст.* 2001. № 5. С. 199).

28 Ср. фрагмент из интервью отца Летова, которое он дал уже после смерти младшего сына: «Я служил в радиотехническом полку. Должность моя – пропагандист политического дела. Это слово само за себя говорит. Я не только проводил политзанятия, но и занимался психологической подготовкой, рассказывал, что из себя представляют враждебные армии, какое у них оружие, какая тактика, как они воспитываются» (цит. по: Федор Летова. *О сыновьях, гражданской обороне и недовольных соседях* (https://grob-hroniki.org/article/2015/art_2015-06-22a.html)).

Призраки «Коммунизма»: «сжатие» времени и «состояние истории»

АНАТОЛИЙ
КОРЧИНСКИЙ

Х удожественные практики 1980-х – в частности, экспериментальная рок-культура – нередко включали в себя работу с коллективной памятью и историческими представлениями позднего СССР. Специфический интерес к советскому историческому воображению проявляли участники сибирского рок-андерграунда. Об этом свидетельствуют уже названия некоторых проектов и групп: «Великие Октябри», «Культурная революция», «Родина», «Враг народа», «Армия Власова», «Коммунизм». В перестроечном контексте такого рода творческие усилия были связаны преимущественно с ревизией и критическим переосмыслением различных феноменов советского (а во многом и досоветского) прошлого. Но по прошествии лет все важнее и интереснее становятся нюансы самих оптик, задействованных культурными героями тех лет. Какого рода демонтаж советских исторических мифов они осуществляли? Какая прагматика стояла за деконструкцией, архивацией, а где-то – и фетишизацией советского наследия, даже если эта прагматика на тот момент не осознавалась самими акторами?

Это большой разговор, который требует (если говорить именно о роке) детального анализа исторического воображения представителей различных сцен перестроечного рок-движения. В предлагаемом вниманию читателя эссе я намечу лишь некоторые тенденции, касающиеся одного из самых ярких художественных проектов перестройки, прямо ориентированных на работу с советским архивом, а именно – «Коммунизм» (1988–1990) Егора Летова, Константина Рябинова и Олега Судакова. Несмотря на исходную посылку, казалось бы, привязывающую «Коммунизм» исключительно к (поздне)советскому материалу, я попробую поразмышлять о том, как интуитивно найденная коллективом модель истории соотносится с актуальными подходами к пониманию исторических коллизий конца XX века в целом, и особенно – с эсхатологической проблематикой, ассоциируемой не только с последовавшим вскоре крахом советской системы, но и с коммунистической идеей как таковой.

Анатолий Викторович Корчинский (р. 1980) – филолог, заведующий кафедрой теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

АНТИНОСТАЛЬГИЯ: ОТ ДЕКОНСТРУКЦИИ ПАМЯТИ К ПЕРЕСБОРКЕ ИСТОРИИ

С одной стороны, «Коммунизм» рассматривался его создателями как проект коллективный: в гетерогенную структуру «хепенингов», подобно тому, как это было в курехинской «Поп-механике» (только в миниатюре), могли внести свой вклад самые разные участники – от более или менее профессиональных музыкантов до случайных людей. Кроме того, часто в пространство «Коммунизма» инсталлировались произведения, созданные их авторами в иных контекстах, либо, наоборот, отдельные номера изымались из контекста «коммунистического» творчества и транспонировались (как правило, кардинально меняя формальные и содержательные черты) в тот или иной сайд-проект.

При этом, с другой стороны, у проекта имелся лидер, определявший (порой в форме одобрения чужих идей или несогласия с ними) стратегию его развития. Им был Егор Летов. И, несмотря на то, что сама идея «Коммунизма» была предложена Олегом Судаковым, впоследствии первоначальная концепция неоднократно менялась. Вскоре это привело к значительным разногласиям и, в конечном счете, к уходу Судакова из проекта¹. Исходя из этого, полагаю, уместно сравнить некоторые фундаментальные установки «Коммунизма» с «Гражданской обороной» – главным детищем Летова, – оставив в стороне персональные проекты Рябинова и Судакова.

В контексте нашей темы можно отметить различие подходов именно к проблематике коллективно проживаемого времени – памяти и истории: если несколько схематизировать, то «Гражданская оборона» сосредоточена на работе с *памятью*, а в центре внимания проекта «Коммунизм» находится *история*. Но сперва нужно условиться о том, как будут использоваться эти термины. Мне не хотелось бы вдаваться в изложение нюансированной полемики о соотношении памяти и истории, идущей от Шарля Пеги, Мориса Хальбвакса и других. Я останавлиюсь лишь на аспекте, важном для рассматриваемого сюжета. Разница между памятью и историей в данном случае состоит в следующем. Память подразумевает взгляд на прошлое из настоящего и в интересах настоящего. То есть актуальный момент не рассматривается как принадлежащий истории, поэтому все процессы прошлого так или иначе подвергаются селекции и интерпретации в свете повестки сегодняшнего дня. Историческая же оптика подразумевает, что прошедшее, настоящее и будущее (кстати, не обязательно именно в такой, ли-

1 Корчинский А., Манци С. *Интервью с Манеджером*. 20 ноября 2024 года. РГУ (Москва) (архив авторов).

нейной, последовательности) осмысляются как равноправные элементы общего движения, увиденного как некоторое целое, впрочем, не обязательно – с гипотетической позиции «извне» или с эпистемологически проработанной историографической дистанции. То есть субъект вполне может быть вовлечен в процесс развертывания истории, но при этом компетентен судить о нем исторически.

«Гражданская оборона» – проект, чрезвычайно актуальный и злободневный (а временами даже активистский) для своего времени. Ранее мне уже приходилось писать о том, что Летов, которому принадлежит подавляющее большинство текстов группы, работает с образами исторических событий на манер концептуалистов: он воспроизводит и деконструирует топосы советской культурной и политической памяти, связанной прежде всего с двумя событиями, лежащими в основании государственной мифологии СССР: гражданской и Великой Отечественной войнами². На протяжении всей истории «Обороны» Летов последовательно выявляет в этой мифологии (особенно связанной с ВОВ) милитарное начало, разоблачая ее бравурно-триумфальную риторику, но взамен выдвигая не просто травматический нарратив, сопряженный в том числе с памятью о государственном терроре, хотя этот слой у него тоже есть. Он предлагает оригинальный мифопоэтический конструкт, в котором трагизм «обязательной войны» и – шире – эскалация радикальной негативности оказываются неотъемлемой частью освободительного жизненного порыва (в том числе в политическом смысле). Амбивалентность этого метамемориального (поскольку он строится на уже готовой советской идеологической продукции) военного мифа позволяет Летову в разные годы по-разному расставлять аксиологические, политические и прочие акценты внутри базового нарратива памяти, что извне порой выглядит как метания и противоречия, но по сути является внутренне логичной имажинативной целостностью, весьма продуктивной и жизнеспособной. Не случайно «Оборона» претерпела как минимум два крупных кризиса и дважды возрождалась с новой силой. А вот «Коммунизм», как и некоторые другие проекты Летова, так и остался явлением, сугубо исторически контекстуальным³ – отнесенным к эпохе перестройки.

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ

ПРИЗРАКИ «КОММУНИЗМА»: «СЖАТИЕ» ВРЕМЕНИ И «СОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ»

- 2 Корчинский А. «Обязательная война» Егора Летова: историческая память, идеология, миф // *Русский авангард и война. Сборник научных трудов*. Белград, 2014. С. 304–323.
- 3 Олег Судаков, который в 2010 году вместе с Константином Рябиновым возродил «Коммунизм» в основном в качестве концертной группы, отмечал, что незадолго до смерти Летов поддержал идею концертов (Корчинский А., Манци С. *Указ. соч.*). Но это начинание в целом стоит рассматривать скорее как ностальгический ревайвл, нежели как настоящую перезагрузку проекта с выпуском новых, оригинальных произведений (полагаю, альбом «Границы счастья», выпущенный Судаковым в 2020 году, уже после смерти Рябинова, едва ли можно считать качественно новым этапом в истории «Коммунизма»).

Я далек от того, чтобы объяснять этот феномен исключительно перестроечным подходом к советской истории. В то же время, возможно, сам импульс к осмыслению этой истории как целостной, хотя и не завершенной⁴ эпохи, а также к пересмотру ее имажинативно-концептуальных оснований объясняется именно теми процессами, которые были подготовлены еще во времена застоя, но в контексте рок-андерграунда сыграли свою роль в перестройку. Так или иначе, на мой взгляд, «Коммунизм» отличается от «Гражданской обороны» именно концентрацией не на памяти, а на истории. С одной стороны, это связано с охватом исторического материала, с другой, с тем, как авторы проекта добывают, располагают и истолковывают этот материал в своих произведениях.

Отбор материала с самого первого альбома позволяет говорить о том, что «коммунисты» стремятся постичь культуру СССР как нечто объемлющее если не все, то основные события, процессы и аспекты жизни советского человека – от политики и искусства до повседневного быта с его самыми неприглядными и даже непристойными сторонами. Их привлекают не только те явления прошлого, которые актуальны сегодня, но и те, что давно вытеснены из памяти современников. В альбомах «Коммунизма» на равных присутствуют и хорошо известные артефакты советского (детские песенки, пословицы, штампы официальной пропаганды, эстрадные песни, шедевры западной и отечественной поп-музыки и так далее) и – в то же время – «чуждести» из разных эпох советского времени, которые если и представляют какой-то интерес в текущий момент, то лишь потому, что кажутся пережитками или историческими диковинками (дворовые и армейские песни, анекдоты и апокрифы из жизни Ленина, цитаты из газет, мемуаров и бытовых речей, тексты уже подзабытых поэтов вроде Сулеймана Стальского и прочее).

Уже альбом «На советской скорости» предъявляет «коммунизм»⁵ в его крайних темпоральных координатах от 1917 года до конца 1980-х: на нем Летов, Судаков и Рябинов поют песни преимущественно оттепельной эпохи, бо́льшая часть которых отсылает к октябрьской революции и «ленинским нормам», при этом чаяния героев этих песен направлены в будущее – в то время, когда предполагалось наступление собственно коммунистической эры, в 1980-е.

4 Вполне справедливая в целом концепция Алексея Юрчака (Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014) в фиксируемом им парадоксе конца советского проекта («это было навсегда, пока не кончилось») кажется мне все-таки во многом продиктованной ретроактивным привнесением в эпоху проблематики ее завершения, возможно, навеянным идеологией «конца истории», о чем еще будет сказано ниже.

5 Здесь и далее я закавычиваю это слово там, где речь идет именно о советском строе, отождествление которого с коммунистической идеей, я, как и участники группы, считаю сомнительным, хотя в сегодняшнем разговорном, а отчасти и научном языке такое словоупотребление можно встретить довольно часто.

Сталинская эпоха представлена в альбоме «Сулейман Стальский». Культ личности Сталина подан с несколько смещенной точки зрения (глазами лезгинского поэта). При этом демонстрируется еще бóльшая гротескность пропагандистской риторики сталинизма, нежели это известно по официальной словесности, создававшейся на русском языке.

Альбомы «Родина слышит» и «Чудо-музыка» очерчивают пространственно-географические рамки «советской цивилизации», включая в нее, например, не только Тюмень или Армению, но и Вьетнам, Монголию и Кубу. А в песне «Кто в России не бывал» явлен экспортно-туристический взгляд на родную страну. Впрочем, эта внешняя перспектива (так сказать, взгляд Запада как взгляд другого) присутствует во многих альбомах, когда советские песни совмещаются с западной поп-музыкой, что фиксирует структурную черту «коммунистического» исторического воображения, обретающего себя не только в ситуации столкновения систем, но и в ситуации внутреннего разлома, когда внешнее инкорпорируется вовнутрь.

В альбоме «Народоведение» появляется еще один важный исторический другой – дореволюционная Россия: цитаты из Леонида Андреева и Василия Розанова (и даже «чудесное» стихотворение Василия Тредиаковского «Весна»), рассуждение Солженицына «Куда бы пошли чеховские интеллигенты», с одной стороны, звучат как типично перестроечная критика «совка» и его базовых ценностей, с другой стороны, вводят тему контингентности истории («коммунизм» не был неизбежен и исторически необходим) и вне- и досоветского генезиса коммунистической идеи.

«Свое другое» режима, его изнанка обнаруживает себя в альбоме «Игра в самолетики под кроватью», где появляется тема Большого террора и ГУЛАГа. Название альбома обыгрывает, во-первых, ограниченность и несвободу тоталитарного мира, во-вторых, подспудный, подавленный, репрессированный характер лагерного прошлого как части советской истории. Тема репрессий предъясняется в альбоме не столь плакатно, как у «Гражданской обороны» (ср., например, «лишним телом заложили котлован» из песни «Солдатами не рождаются» 1987 года), а – как бы объективно-исторически – через цитаты из Шаламова, рассуждающего о концлагерном принципе советской власти как таковой, или выдержки из газеты, отсылающей к сюжету о случайном обнаружении колпашевского расстрельного полигона («История одного захоронения»).

Альбомы «Солдатский сон» и «Лет ит би» представляют собой большие кейсы, углубляющие тему антропологии советской повседневности, которой пронизан весь проект. Также сквозная тема ленинского мифа, представляющая собой лейт-

мотив всей серии в целом, более внимательно разрабатывается в «Лениниане». В «тринадцатом» альбоме архивируется сама история проекта «Коммунизм», а в финальном «Хроника пикирующего бомбардировщика» теплая лирическая интонация, ранее уже присутствовавшая в ряде отдельных номеров и в некоторых жанровых формах (например солдатских или дворовых любовных песнях с «Солдатского сна» и «Лет ит би»), как бы распространяется на весь материал «Коммунизма», сменяя стихию гротескного «издевательского» смеха, доминирующую в большинстве альбомов.

Даже из этого краткого описания видно, что тематика проекта далеко не ограничивается «горячими» темами актуальной памяти вроде гражданской или Великой Отечественной войн как учредительных событий в самообосновании СССР, причем ставших таковыми уже довольно поздно – в брежневскую эпоху. Альбомы представляют собой серию коллекций или архивов, метонимически отсылающих к возможному глобальному архиву советской эпохи. Этот архивно-коллекционерский подход не имеет ничего общего с оптикой историка, работающего с источниками. Но, говоря о построении воображаемой истории советского «коммунизма», предпринятой нашими героями, мы говорим не о профессиональном историзме, а об осмыслении этого исторического опыта с точки зрения перестроечного обывателя, каковыми себя манифестируют художники. При всей смехотворности сравнения исторического воображения «коммунистов» с работой настоящего историка интересно и важно отметить одно сущностное отличие: «Коммунизм» создается не как «энциклопедия советской жизни» и даже, например, не как набор «идеально-типичных» исторических кейсов, сколько-нибудь ценный для будущего историка. Используя тезаурус Вальтера Беньямина⁶ и Джорджо Агамбена⁷, можно сказать, что проект представляет собой «констелляцию» образов прошлого, «резюмирующих»⁸ эпоху советского «коммунизма» как единственную в мире масштабную попытку построения утопии – идеального общества. Тем самым опыт сибирских художников являет собой «аббревиатуру» не только локальной истории определенного времени, но и целой формации мышления об истории вообще, ее сущности и смысле, об ее телеологии, структурных моделях и движущих силах (включая историзм профессиональных историков). «Коммунизм» – это проект не метамемориальный, как «Оборо-

6 Беньямин В. *О понятии истории* // Он же. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. М.: РГГУ, 2012.

7 АГАМБЕН ДЖ. *Оставшееся время. Комментарий к Посланию к Римлянам*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 82–146, 177–186.

8 Беньямин В. *Указ. соч.* С. 249.

на», а метаисторический. Он не просто фиксирует феномены советского прошлого или советского сознания, но пересобирает историю «коммунизма» как фигуры современного исторического воображения.

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ
ПРИЗРАКИ «КОММУНИЗМА»:
«СЖАТИЕ» ВРЕМЕНИ
И «СОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ»

Опыт сибирских художников являет собой «аббревиатуру» не только локальной истории определенного времени, но и целой формации мышления об истории вообще, ее сущности и смысле, об ее телеологии, структурных моделях и движущих силах.

Завершая разговор о памяти и истории, нужно сказать о специфическом варианте хонтологии (темпорально-исторической онтологии призраков), образчик которой демонстрирует проект Летова и его друзей. С помощью этого понятия (в версии Саймона Рейнольдса, Марка Фишера и других) сегодня принято объяснять феномены памяти, наводнившие культуру конца XX – начала XXI века, которую в свою очередь можно охарактеризовать как презентистскую и ностальгическую, уклоняющуюся от тех или иных форм современного историзма и редуцирующую прошлое и будущее, подвергая их презентификации. Но если вспомнить автора этого понятия Жака Деррида, то в своей книге «Призраки Маркса» он рассуждал не о ностальгии, а о том, что именно в связи с образом и концептом коммунизма в историческом воображении западного модерна появляется фигура призрака, выступающая не только критической фигурой, характеризующей капиталистическую социальность модерна (деньги, товарный фетишизм), и не только фигурой, настоятельно взывающей к исторической ответственности перед проигравшими и угнетенными, чья история вытеснена из официальных нарративов и должна быть рассказана (здесь появляется «исторический материализм», то есть революционно-мессианский историзм того же Бенямина)⁹. У Деррида хонтология, коммуникация с призраками, выступает, по сути, залогом странной, неочевидной связи времен и поколений, образующей самую ткань исторического времени¹⁰. И это понимание, имеющее прямое отношение к призракам коммунизма как символу этического подхода к истории, противопоставляется пост-исторической ситуации ностальгии как одного из режимов коллективной памяти.

9 ДЕРРИДА Ж. *Призраки Маркса. Государства долга, работа скорби и новый интернационал*. М.: Logos-altera, 2006. С. 110–111.

10 МЕДВЕДЕВ А. *Разговоры с призраками* // *Художественный журнал*. 1995. № 7 (<https://moscowartmagazine.com/issue/73/article/1596>).

В этом смысле интересно, что, несмотря на позднейшие попытки увидеть в проекте «Коммунизм» ностальгическое начало, сам его художественный материал явно сопротивляется такой трактовке. Слушатель ощущает, как работает темпоральность альбомов (важно, что авторы практикуют именно аудиальный, то есть темпоральный, тип «хеппинга»: и текст, и визуальные образы предстают исключительно в звучащем потоке, хотя Летов утверждал, что в проекте предполагалась еще кино съемка, так и оставшаяся неосуществленной). В каждый момент мы не знаем, что ждет нас в следующую минуту, в следующем треке или фрагменте аудиомонтажа. Нерегулярное, нестабильное чередование комических и страшных, лирических и агрессивных отрезков создает эффект тревожного ожидания, который и сопровождает темпоральность явления призрака, по Деррида.

В образной системе «Коммунизма» призраков как таковых нет. Однако хонтологический метод присутствует на уровне приемов: многие реалии в треках приобретают статус призрачной неопределенности. Например, центральный герой проекта – Ленин – на протяжении одного альбома («Чудо-музыка») оказывается и мертвым, и не мертвым (ср. треки «Ленин не умер» и «Ленин умер»; причем важно, что ни в том ни в другом случае он не является собственно «живым», что указывает на его призрачный статус). В одном из текстов, по всей видимости, представляющем собой пародию на Сулеймана Стальского, указанного в качестве автора, призрак (душа) Ленина вселяется в сердце Сталина, что буквально становится гротескным образом темпорально-исторической преемственности. В «Лениниане» за счет плотной, крайне противоречивой и почти абсурдной в смысловом и темпоральном отношении монтажной нарезки фрагментов (рядом, без всякой связи присутствуют фрагменты из фильмов и радиопередач о жизни Ленина времен революции, события из времен Второй мировой войны, из документальных и легендарных источников, просто противоречащие друг другу отрывки) создается эффект крайней дереализации происходящего.

Вообще многие феномены советской и западной культуры «воскрешаются» участниками проекта в крайне странной форме: артикулируются с неадекватной интонацией, соседствуют с музыкальными подложками из совсем иных временных и культурных контекстов, сопровождаются нойзовым саундом и так далее, что создает атмосферу призрачных схождений и соответствий. В треке «Минута поэзии» с альбома «Народоведение» голоса читают три стихотворения сразу (одно из них на английском языке), так что внимание смещается со смысла произносимого на звучание голоса, оторванного от всякого –

телесного, смыслового, исторического – истока. В целом хонтологический режим слушания треков может многое открыть в восприятии «Коммунизма» как сложной полифонии призраков из разных эпох, являя нам не только призраки коммунизма (и «коммунизма»), но и коммунизм призраков.

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ
ПРИЗРАКИ «КОММУНИЗМА»:
«СЖАТИЕ» ВРЕМЕНИ
И «СОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ»

«СОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ»: ОТ КОНЦА ВРЕМЕН К «ВРЕМЕНИ КОНЦА»

Почти все, что написано на сегодняшний день о «Коммунизме», связано с истолкованием метода, положенного в его основание, как концептуалистского¹¹. Так считали и сами участники¹². Для нашей темы эта характеристика также важна, но в особом, не искусствоведческом, смысле. Концептуалистский подход аналитичен. Он связан не с изображением какой-то реальности, а с исследованием тех или иных представлений о ней и прежде всего – самого художника. Но этот подход также (мета)историчен, поскольку всегда стремится поместить искомые представления в контекст тех или иных социальных и культурных практик, институций, идеологий и так далее.

В этом смысле метод «коммунистов», безусловно, близок концептуализму. И все, что мы сказали выше о предпринимаемой ими распаковке и переупаковке советского «коммунизма», вполне укладывается в концептуалистские построения. Но есть одно отличие, которое важно не только (и, может быть, не столько) для общей квалификации «коммунизм-арта» как сибирской разновидности концептуального искусства, но и для понимания специфики того исторического воображения, которое, с одной стороны, исследуют, а с другой, воплощают «коммунисты».

На мой взгляд, это незначительное (на первый взгляд) отличие чувствовали и артикулировали сами участники проекта. В манифесте 1989 года они именуют свой «коммунизм-арт» «концептуализм внутри», соотнося его с уже весьма авторитетной на тот момент традицией, имеющей аналоги в том числе в музыке (они называют «Мухомор» и «ДК»). Думается, здесь важны обе новых и как будто довольно странных характеристики этого концептуализма – мягкий знак после буквы «з» и наречие «внутри». Мягкий знак, видимо, приходит сюда из

11 См.: Жогов С.С. *Концептуализм в русском роке («Гражданская оборона» Егора Летова и Московская концептуальная школа)* // *Русская рок-поэзия. Текст и контекст. Сборник научных трудов. Выпуск 5*. Тверь, 2001. С. 190–201; Кукулин И. *Как использовать шаровую молнию в психоанализе* // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 217–221; Давыдов Д. *Панк-памятник* // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 313–316; Иванов В. *Смерть или больше* [Рец. на кн.: Летов Е. *Стихи. М.: Выргород, 2011*] // Новое литературное обозрение. 2012. № 115. С. 311–316.

12 Летов Е., Уо К. *Концептуализм внутри* // *Контр Культ Ур'а*. 1989. № 1. С. 31–35.

устаревшей речевой нормы, ярче всего представленной в манере произнесения слова «коммунизм», где в позиции перед переднеязычным гласным происходит регрессивная ассимиляция и наряду с «м» смягчается также звук «з» (например «при коммунизме»). В именительном падеже ни «коммунизм», ни «концептуализм» так произнести нельзя, но авторов это не смущает, и они ставят в один ряд «коммунизм» как концепт позднего СССР и «концептуализм» как художественный метод, исследующий такого рода концепты. При этом статус концепта присваивается и самому методу, на него направляется критическая оптика концептуального искусства, чем, впрочем, концептуалистов нельзя было удивить, так как любой концептуализм – с самого начала и по определению – это метаискусство, в том числе метаконцептуализм.

Почему же «концептуализм внутри»? Название манифеста – это отсылка к одноименному тексту Рябинова, вошедшему в качестве трека на музыку Летова в альбом «Веселящий газ» (1988). Обстоятельство «внутри» может объясняться нахождением искомого «концептуализма» внутри текста (песни/альбома или манифеста), что в тексте Рябинова мотивируется призывом: «открой и посмотри». Призыв в тексте относится не столько к нему самому, сколько к его причудливому содержанию, описывающему комическую историю советского «коммунизма» как череду сменяющих друг друга плачущих вождей («Ленин плачет инвалидом / Сталин плачет палачом»). Но история эта рассказывается с нарушением хронологии (после Сталина «геноцидом» плачет Брежнев, а не Маленков или Хрущев). Что бы ни значил этот плач вождей, сам сюжет представляет комический вариант той самой «сборки» советской истории, о которой говорилось выше. Именно «внутри» этой истории и предлагается взглянуть, именно она именуется «концептуализмом» (мы видим, что «коммунизм» и «концептуализм» систематически используются как взаимозаменяемые понятия). С одной стороны, это понятно, поскольку тут возникает контекстуальная синонимия между самим методом и полученным с его помощью результатом (концептуалистской версией истории советского «коммунизма»). С другой стороны, в манифесте говорится, что внутри этой истории «коммунисты» помещают и собственное творчество: то есть позиция художника-концептуалиста оказывается захвачена той реальностью (сознанием советского человека), которую оно изображает.

Концептуальное искусство изображает не объект, а концепт, то есть конструкт некоторого сознания, взятого в контексте практики, составляющей условие его возможности. Например, Дмитрий Пригов не просто фиксирует факты советской действительности, но и фиксирующее их сознание типичного (с точ-

ки зрения официальной советской критики и литературоведения) «великого русского поэта»; Андрей Монастырский в своих поэтических текстах исследует сознание поэта-визионера и так далее. Тем самым позиция художника, с одной стороны, оказывается имманентной самому советскому миру, но, с другой стороны, сам акт концептуального изображения этой позиции освобождается от «влипания» (термин Пригова), создает различие и возможность ускользнуть от захваченности советской идеологией или какой-либо иной когнитивной машиной. Сама позиция художника остается до известной степени неуязвимой, хотя и не является метапозицией в чистом виде.

«Коммунисты» поступают вроде бы схоже, в «Веселящем газе» или в «Игре в самолетики под кроватью», помещая собственное, авангардно-экспериментальное, творчество в пространство концепта. Однако этот ход в какой-то мере сохраняет наивность, потому что сама концепция творчества здесь остается не нейтрально-концептуалистской, документирующей и архивирующей, не стилизаторской, а пародийной в тыняновском смысле¹³. Хотя бы потому, что эти же произведения издаются в сайд-проектах участников не в качестве концептуалистских арт-объектов, а собственно произведений оригинального творчества (например песни Летова «Бери шинель (Like a Rolling Stone)» или «Самоотвод»). Кроме того, в развитии группы видно движение. В составе альбома «На советской скорости», где оригинальная музыка используется лишь в некоторых треках, преобладают «ремейки» советских песен, положенные на музыку иностранных эстрадных оркестров. На альбоме «Веселящий газ» все песни написаны самими авторами. Таким образом, пласты авторского и чужого дискурса довольно строго разведены. Но уже на альбомах «Жизнь что сказка», где выстроено строгое чередование реди-мейдов и оригинальных произведений, или «Игра в самолетики под кроватью» мы видим все большую диффузию и растворение одного в другом. То есть здесь мы имеем дело не с чем-то вроде «новой искренности» Пригова, когда поэт искренен лишь как герой собственных произведений, а не как действительный социальный актер. В работах «Коммунизма» «внеаходимость» (по Юрчаку) оказывается поглощенной тем же жизненным миром, от которого предлагает отстраниться концептуальное искусство. Этот гибрид («концептуализм внутри»), собственно, можно парадоксально назвать «внеаходимостью внутри».

Из этого следуют некоторые эстетические и иные следствия. Голоса музыкантов (в ряде случаев поставленные рядом со звуковыми реди-мейдами либо голосами «простых» людей, не му-

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ

ПРИЗРАКИ «КОММУНИЗМА»:

«СЖАТИЕ» ВРЕМЕНИ

И «СОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ»

13 Тынянов Ю. Н. *О пародии* // Он же. *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. С. 284–309.

зыкантиков, приглашенных к участию в «хеппенингах») то и дело тонут и растворяются в повседневности, что на уровне саунда оформляется бытовыми шумами (звон бутылок, чирканье спичек, технические звуки, скрипы, фоновые покашливания, смех и прочее). Художник принципиально неотличим от обывателя, который и пропускает через себя разыгрывающуюся в этом самодельном звуковом театре «коммунистическую» историю. Ее пристрастный и экспрессивно окрашенный характер и объясняется тем, что это не объективная, а лично переживаемая история (что не противоречит вышеприведенному различию между историей и памятью), локальная историческая сборка. Можно добавить, что «Коммунизм» отличает от концептуалистских проектов, как правило, вполне элитарно-профессиональных, подчеркнутые кустарность и демократизм (что строго соответствует и панковскому принципу DIY). Как следствие, предлагаемая «коммунистами» теория искусства (коммунизм-арт) носит подчеркнута низовой, индигенный характер. Как отмечал антрополог Дэвид Гребер, ссылаясь на опыт раннего советского авангарда (на который ориентируются и наши герои как в «коммунистическом» творчестве, так и в других проектах): «Коммунизм – это общество, в котором каждый человек – свободный художник»¹⁴.

Поэтому «Коммунизм» не столько искусство, сколько антропологический опыт. Причем выполненный в духе той антропологии, которая с самого начала «внутри», она индигенна и не стремится к трансценденции. «Коммунизму» неведомы тонкие, скользящие, как по ленте Мёбиуса, переходы между иронией и постиронией, свойственные многим образцам современного искусства. Творения «коммунистов» – это, как правило, грубая, витальная комическая стихия тотальной профанации (в агамбеновском¹⁵ смысле). Чередование, карнавальное переворачивание высокого и низкого, смешного и страшного, подчас странного (*weird*) или жуткого (*das Unheimliche*), великого и ничтожного, трагедии и комедии абсурда, истинного чувства и фальшивой сентиментальности, торжественного и обценного происходит настолько быстро и контрастно, что слушатель не успевает занять какую-то взвешенную интеллектуальную и эмоциональную позицию. «Коммунизм» как будто работает не с «мерцающим» субъектом концептуалистов, а с досубъектными ритмами аффективных пароксизмов.

И вот, наконец, тезис, который мы должны вывести из этого затянувшегося пассажа про эстетику «Коммунизма» (ибо эстетика здесь не наша забота): современный профессиональный

14 ГРЭБЕР Д., ДУБРОВСКАЯ Н. *Арт-коммунизм и искусственный дефицит* // Художественный журнал. 2020. № 112 (<https://moscowartmagazine.com/issue/99/article/2190>).

15 АГАМБЕН ДЖ. *Похвала профанации* // Он же. *Профанации*. М.: Гилея, 2014. С. 78–101.

художник (как и профессиональный историк) находится на эстетической (исторической) дистанции по отношению к своему объекту. Он ведет себя так, будто превращение объекта реальности в арт-объект лишает его жизни, позволяет взглянуть на него из «посмертного» пространства трансценденции, извне его истории¹⁶. Диалектика эстетической дистанции («влипание» у концептуалистов есть проблема, поэтому они предлагают не полную и абсолютную отстраненность, а мерцание как основную стратегию творчества) в нашем контексте структурно подобна диалектике «конца истории». Концептуалист, как, возможно, и вообще художник (пост)модерна, постоянно устремлен к этому диалектическому горизонту, он должен быть извне, находясь внутри, однако, подразумевая, что сам этот взгляд на историю извне в принципе возможен.

АНАТОЛИЙ КОРЧИНСКИЙ
ПРИЗРАКИ «КОММУНИЗМА»:
«СЖАТИЕ» ВРЕМЕНИ
И «СОСТОЯНИЕ ИСТОРИИ»

Современный профессиональный художник находится на эстетической дистанции по отношению к своему объекту. Он ведет себя так, будто превращение объекта реальности в арт-объект лишает его жизни, позволяет взглянуть на него из «посмертного» пространства трансценденции, извне его истории.

На мой взгляд, «Коммунизм» не знает темы «конца истории». Вернее, так: эта тема имманентна самой исторической концепции коммунизма, во многом оформившейся под влиянием Гегеля (что в марксистской, что в анархистской версии). Сам коммунизм мыслится двояко: либо это состояние общества после конца истории, либо это конец предьистории человечества и начало его подлинной истории. Так или иначе, история модерна как эпохи, тесно связанной с призраком коммунизма, который, будучи исторической и критической оптикой, в качестве призрака видит капитализм и подчас сам модерн, есть в значительной мере история коммунизма. Но «Коммунизм», который обременен не только этой двойственностью изначального общемодерного понятия коммунизма с его прозрачным бытием, но еще и опытом советского «коммунизма», который «коммунисты» не могут считать ни несостоявшейся утопией, ни завершенным и изжившим себя проектом, как это порой может казаться при прослушивании их «издевательских» опусов, существует не в хронотопе «конца времени», а

16 Сошлюсь здесь на Мориса Бланшо, который, в свою очередь ссылаясь на Гегеля, точнее других формулирует эту мысль: Бланшо М. *Литература и право на смерть* // Он же. *От Кафки к Кафке*. М.: Логос, 1998. С. 36.

в ситуации «времени конца»¹⁷. Перед нами исторический мир советского человека эпохи перестройки, в котором происходит своего рода имплозия (обрушение внутрь, в план исторической имманенции) трансцендентного, метафизического большого пути истории, ее большого нарратива. Это имплозивное настоящее может производить впечатление презентистского включения гетерогенного, хаотизированного прошлого в горизонт текущего, но здесь прошлое (а равно и будущее) скорее призрачно возвращается в качестве незавершенных начинаний и потенциалов, уникальных чудовищно-гротескных или трогательных «диковин».

Однако не исторические обстоятельства надвигающегося заката СССР (о которых наши герои не могли знать и, по воспоминаниям Олега Судачкова, считали себя «настоящими коммунистами»¹⁸), а изначально эсхатологический характер коммунизма потенцирует в их индигенной художественно-антропологической практике стратегию, которую Агамбен и называет «временем конца». Проекту свойственна глубинная двойственность. «Внутренний» (имманентный истории советского «коммунизма» и коммунизма вообще) концептуализм постигает и завершает историческую темпоральность не извне, а изнутри. «Время конца» – это мессианское, оперативное время, зарождающееся внутри эсхатологического времени современной истории, время, в котором происходит «сжатие» и «аббревиация» всей истории человечества. По слову Бенъямина, развивающего здесь высказывание апостола Павла, главная процедура тех, кому сообщена «слабая мессианская сила», – это анахроничное «цитирование» истории, работа в хронотопе «диалектического образа» как встречи и соприсутствия настоящего и прошлого в общей перспективе избавления, разрешения и успокоения всех исторических призраков. Агамбен, ссылаясь на Кафку, чьими цитатами полнятся альбомы проекта «Коммунизм», называет подобный момент «резюмирования» исторического времени парадоксальным термином «состояние истории»¹⁹. Это не конец истории в ее хронологическом развертывании, не «большое настоящее» презентизма, поглощающее в своей неразличимости прошлое и будущее. Наоборот, это время, медирующее между различными временными планами в их историческом своеобразии, обнаруживая конец времен не в хронологическом «последнем дне» (а в «самом последнем», в соответствии с шуткой Кафки²⁰), но в каждом моменте текущего. Это состояние не движения и не неподвиж-

17 АГАМБЕН ДЖ. *Оставшееся время...* С. 86.

18 Корчинский А., Манци С. *Указ. соч.*

19 АГАМБЕН ДЖ. *Человек без содержания*. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 151.

20 Он же. *Оставшееся время*. С. 96.

ности, напоминающее «остановку времени» Введенского и Хармса, хорошо знакомо участникам «Коммунизма»: это пауза внутри времени, которая длится. Это мир, где можно надеяться не только на лучшее будущее, но и на лучшее, преображенное прошлое:

Подвязать штаны продолговатым ремешком
И ступить вперед, надеясь
Что была и у тебя
Когда-то
Жизнь как сметана
Жизнь как перина
Жизнь как сметана
Жизнь как перина²¹.

Что это как не мессианское исправление мира, избавление прошедшего, «искупление всего, что было»?²²

«Перенарезка времени»²³ находит буквальное соответствие в техниках исторического монтажа и коллажирования, практикуемых «коммунистами». В различных альбомах мы можем найти самые разные сценарии «аббревиации» истории. Текущее настоящее то находит себя, например, в оттепельном прошлом, в свою очередь конституирующемся по модели минувшей революции и предвосхищающем счастливое коммунистическое завтра («На советской скорости»). То в сегодняшнем дне вдруг актуализируется одновременно зловещая и нелепая энергия культа личности («Сулейман Стальский»). То в общем хронотопе моделируется пространственное столкновение различных социальных («Солдатский сон», «Лет ит би», «Игра в самолетики под кроватью»), культурно-географических («Родина слышит», «Чудо-музыка») и собственно темпоральных («Народоведение», «Жизнь что сказка», «Лениниана») планов. Интонация, с которой «коммунисты» поют про труд, классовую борьбу, прогресс человечества и мобилизацию масс, дезактивирует эти процессы не потому, что они неактуальны в историческом настоящем циничного разложения советской системы ценностей и рассыпания тоталитарного общества на атомы (хотя это и вполне соотносимо с «временем Армагеддона», в котором и живут, по их мнению, «коммунисты»), а потому, что такая дезактивация выявляет потенцию новой общности – совместной творческой работы, самоорганизации и взаимопомощи, изначально заложенных в коммунистическую «утопию».

21 ЛЕТОВ Е. *Жизнь как сметана* [декабрь 1988 года – 4 марта 1989 года] (https://grob-hroniki.org/texts/go/t_el_k/kak_smetana.html).

22 АГАМБЕН ДЖ. *Оставшееся время*. С. 61.

23 См.: РЕГЕВ Й. *Радикальный ти-джеинг*. Пермь: Hyle Press, 2021.

Это и многое другое, связывающее «самопальную» художественную стратегию «Коммунизма» со стратегией «слабой мессианской силы», характеризует этот проект как гораздо более человечный и «ламповый», чем та же «Гражданская оборона» с ее эскалацией творческой негативности и трагически-нищеванским переживанием жизни. Эгалитарная карнавалыно-комическая стихия всеобщей профанации дезактивирует любые тенденции к производству сакрального в историческом поле или созиданию каких бы то ни было иерархических порядков. Ни революция, ни «новый день», ни финальное освобождение всего человечества, ни добровольная жертва, дарующая бессмертие, не могут стать целью истории, поскольку ее финал одновременно уже достигнут и недостижим, подобно призрачной фигуре самого коммунизма, являющегося нам как горизонт истории не для того, чтобы однажды сбыться, а чтобы менять нас и наш исторический мир изнутри в каждый момент времени.

Модерность и деколониальность: взгляд с развалин государственного социализма¹

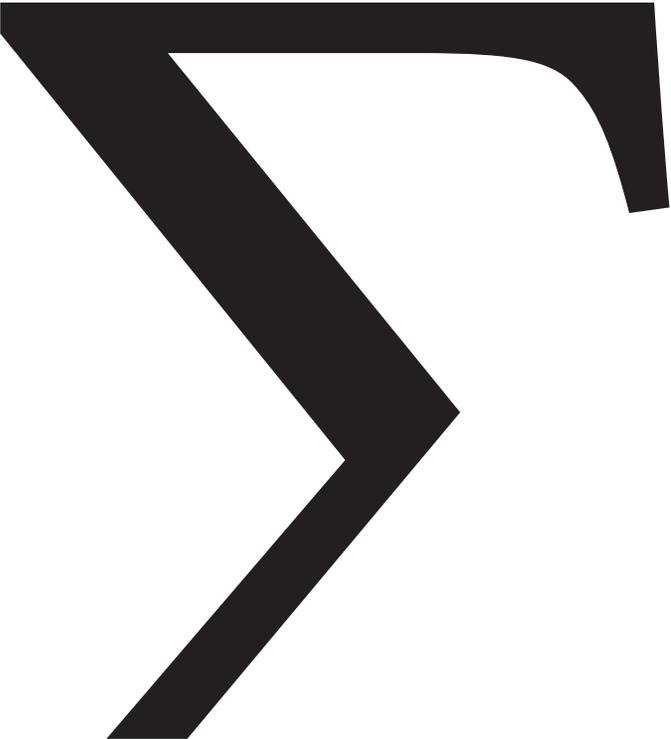
ТАНЯ
ПЕТРОВИЧ

ВВЕДЕНИЕ: ДРУГИЕ МОДЕРНОСТИ?

Деколониальный поворот в гуманитарных и социальных науках, который вдохновляется «деколониальной мыслью в том виде, в каком она формировалась с конца 1990-х учеными и активистами, представляющими общественные движения коренных народов в Латинской Америке (среди них Анибал Кихано, Энрике Дюссель, Рамон Гросфогуэль, Вальтер Миньоло, Артуро Эскобар)»², основывалась на критике всевозможных универсализмов и «превратной риторики, натурализующей “модерность” в качестве однородного и глобального процесса»³, вылился в жесткое постулирование внутренней связи между модерностью и ко-

- ¹ Статья подготовлена в рамках исследовательской программы «Historical Interpretations of the 20th Century» (P6-0347), профинансированной Словенским агентством исследований и инноваций.
- ² TODOROVA M. *Imperial Rule and Colonial Experience in Eastern Europe. A Talk Given at Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde, Jena, March 21–22, 2024* (https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/dgo2024_todorova?language=en).
- ³ MIGNOLO W. *Delinking: The Rhetoric of Modernity, the Logic of Coloniality and the Grammar of De-coloniality* // *Cultural Studies*. 2007. Vol. 21. № 2. P. 450.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МОДЕРНОСТИ

Таня Петровиц – сотрудница Института исследований культуры и памяти исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (ZRC SAZU, Любляна, Словения).

лониальностью. Тем самым довольно парадоксальным образом состоялась универсализация западного (капиталистического) понимания модерности и смежных понятий модернизации и модернизма. Указанная универсализация затушевывает или стирает другие генеалогии модерности и модернизации, представляемые в ином терминологическом обличье, нежели то, что было предзадано империализмом и колониализмом. Для нас эпистемологические и политические последствия этого поворота особенно важны в свете понимания и историзации проектов государственного социализма XX века, которые были отчетливо модернистскими, модернизирующими, интернационалистскими и антиколониальными. Новые поколения исследователей восточноевропейского социализма в значительной мере усвоили деколониальный подход – пусть даже и не без деликатной критики изгнания европейского социализма из общей картины и отнесения его к разряду «капиталистической современности»⁴. Впрочем, несмотря на такую критику, государственный социализм служит для упомянутых специалистов еще одним историческим основанием, на котором они снова, снова и снова пытаются подтвердить связь между модерностью и колониализмом.

В настоящей статье я намереваюсь критически проанализировать теорию, постулирующую наличие глубинной связи между модерностью и колониальностью, подчеркнув ее гегемонистскую сущность, вскрыв эпистемологические и политические механизмы ее функционирования и обозначив последствия ее применения. Затрагивая три концептуальные основы, которые важны для понимания природы этой связи в контексте (пост)социализма – темпоральность, направленность и субъектность, – мой текст описывает идеологические механизмы, позволяющие видеть в модернистских проектах социализма и интернационализма, реализуемых во второй половине XX века, разновидность, продолжение и способ переутверждения колониальных отношений. Эти тесно переплетенные концептуальные рамки и идеологические механизмы служат упорядочивающими принципами нижеследующих размышлений, базирующихся на анализе новейшего производства знаний о модернистских проектах второй половины XX века посредством академических и музейных нарративов. В свою очередь подобные нарративы, как и любые другие рассуждения о модерности, неизбежно наталкиваются на неразрешимое противоречие, которое проистекает из категорической невозможности отделить модерность от ее колониальных, империалистических, евроцентристских основ, причем при сохранении

4 См.: TODOROVA M. *Op. cit.*

необходимости осмыслять ее поверх и вне этих гегемонистских рамок. По этой причине меня интересуют не только те эпистемологические и политические возможности, которые пресекаются, замалчиваются и стираются псевдоуниверсалистской связью между модерностью и колониальностью, но и перспективы вызревания иной эпистемологии (социалистической) модерна, открывающиеся в нашем политическом настоящем.

ТАНЯ ПЕТРОВИЧ
МОДЕРНОСТЬ
И ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ...

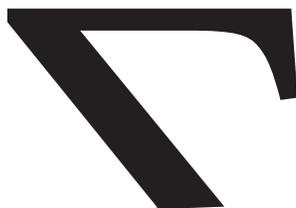
ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ: ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРОВАЛ

Крах проектов государственного социализма и связанное с ним ощущение провала, воспринимаемые в духе исторической фатальности, накладывают заметный отпечаток на наше ретроспективное восприятие социалистической модерна. Сомнения в их аутентичности и искренности, высмеивание органично встроенной в них веры в то, что альтернативные варианты модерна вообще возможны, а также сопутствующий всему сказанному цинизм – все это едва ли не автоматически задает рамку, в которой интересующие нас явления рассматриваются со стороны. Как пишет Дэвид Скотт, «укрепление нетолерантно-фундаменталистской версии либерализма сделало цинизм вполне приемлемым, а то и вовсе неизбежным атрибутом так называемых “транзитов” от нелиберального правления к иным политическим формам»⁵.

Движение неприсоединения, одной из основательниц которого выступила социалистическая Югославия, и альтернативные видения модерна, которые этим движением отставались и практиковались, зачастую оказываются объектами аналитических упражнений, пронизанных упомянутым цинизмом. В подобном ракурсе роль Югославии в Движении неприсоединения оценивали довольно многие ученые. Цинизм, о котором я говорю, проявляется в целом ряде семантических трюков: например, в превращении международной солидарности в «воображаемую» или «показную»⁶. Тем самым ключевые для югославского социализма понятия – такие, например, как братство и единство, – делаются условными, оказавшись в кавычках, а различия и многообразие, которые характеризовали взаимодействия неприсоединившихся стран между собой, трактуются в терминах расовых и постколониальных иерархий, выдаваемых за единственно возможную интерпретационную основу. Кстати, последний из этих подходов способствовал популяризации деколониального взгляда на восточноевропей-

5 Scott D. *Omens of Adversity: Tragedy, Time, Memory, Justice*. Durham; London: Duke University Press, 2014. P. 163.

6 См., например: Subotić J., Vučetić S. *Performing Solidarity: Whiteness and Status-Seeking in the Non-Aligned World* // *Journal of International Relations and Development*. 2019. Vol. 22. № 3. P. 722–743.

ский государственный социализм, сделав концепты «раса» и «расовые различия» важными аналитическими инструментами, применяемыми для изучения роли Югославии в Движении неприсоединения, визитов Тито в страны «третьего мира», а также его деятельности на международной арене в качестве главы одной из ведущих неприсоединившихся стран⁷.

Крах проектов государственного социализма и связанное с ним ощущение провала, воспринимаемые в духе исторической фатальности, накладывают заметный отпечаток на наше ретроспективное восприятие социалистической модерности.

В рамках исследуемой мною парадигмы «Движение неприсоединения зачастую сводят к нескольким фотографиям, запечатлевшим его харизматичных лидеров – таких, как Джавахарлал Неру, Гамаль Абдель Насер и Иосип Броз Тито»⁸, а сам Тито воспринимается как «белый человек в Африке»⁹; при этом отсылки к постановочности и перформансу предлагаются в качестве основных интерпретационных инструментов, применяемых для описания югославского интернационализма неприсоединения и его фотографической визуализации. Стоящие на этой платформе специалисты сосредотачиваются на том, в какой манере Югославия обыгрывала свое положение и свой статус при взаимодействии со странами, которые только что освободились от колониального господства – как правило, посредством публичных репрезентаций югославского президента Иосипа Броза Тито. Нередко они фокусируются на стиле Тито: насколько изысканно он, подобно Насеру и Неру, одевался, или же на том, что «белый льняной костюм, белые туфли и черный платок позволяли ему реинтерпретировать себя в качестве “постреволюционного денди от *Brioni*”»¹⁰. По утверждению автора, которому

- 7** См.: KILIBARDA K. *Non-Aligned Geographies in the Balkans: Space, Race and Image in the Construction of New 'European' Foreign Policies* // KUMAR A. (Ed.). *Security beyond the Discipline: Emerging Dialogues on Global Politics. Selected Proceedings of the 16th Annual Conference of the York Centre for International and Security Studies*. Maisonville: York Centre for International and Security Studies, 2010. P. 27–58; VUČETIĆ R. *Tito's Africa: Representation of Power during Tito's African Journeys* // VUČETIĆ R., BETTS P. (Eds.). *Tito in Africa: Picturing Solidarity*. Belgrade: Muzej Jugoslavije, 2017. P. 13–45; SUBOTIĆ J., VUČETIĆ S. *Op. cit.*; BAKER C. *Race and the Yugoslav Region*. Manchester: Manchester University Press, 2018; WRIGHT P. 'Are There Racists in Yugoslavia?' *Debating Racism and Anti-Blackness in Socialist Yugoslavia* // *Slavic Review*. 2022. Vol. 81. № 2. P. 418–441; BAKER C., IACOB B., IMRE A., MARK J. (Eds.). *Off White: Central and Eastern Europe and the Global History of Race*. Manchester: Manchester University Press, 2024.
- 8** SPASKOVSKA L., MARK J., VIEBER F. *Introduction: Internationalism in Times of Nationalism: Yugoslavia, Non-alignment, and the Cold War* // *Nationalities Papers*. 2021. Vol. 49. № 3. P. 409.
- 9** VUČETIĆ R. *Op. cit.*
- 10** KILIBARDA K. *Op. cit.* P. 28. Название модного бренда несет тут символическую нагрузку: фирма «Brioni» названа в честь хорватских островов Бриони, где Тито устроил свою летнюю резиденцию. – *Примеч. ред.*

принадлежит предыдущая цитата, «наряду с Бандунгом, Нью-Йорком и Белградом Бриони знаменуют собой одну из нескольких судьбоносных вех становления (выраженно маскулинного) постколониального видения “неприсоединения”»; появления же Тито на международной арене увязываются им с такими понятиями, как «симулякр постколониальной независимости», «зомбирование», «банальность постколонии»¹¹.

Перебирая способы, посредством которых Югославия якобы предпочитала изображать свой статус в сообществе стран, освободившихся от колониальной зависимости, исследователи фокусируются на самом непосредственном, стереотипном, с легкостью считываемом: Тито, заявляют они, воспринимался как «охотник, коллекционер, белый человек в Африке» или, хуже того, как «капиталистический турист»¹². Перформативность здесь рассматривается как неотъемлемый и необходимый элемент политики, причем сказанное распространяется и на политические события, связанные с зарождавшейся солидарностью стран «третьего мира» – например, на Бандунгскую конференцию 1955 года. В контексте «бандунгского мифа» Кристофер Ли, подхватывая идеи Наоко Симадзу, интерпретирует театрализацию в качестве важнейшей составляющей «радикального самоутверждения новоявленной философии “третьего мира”»¹³, видя в перформансе не только неотъемлемую черту «иконографии солидарности, спланированной “третий мир”»¹⁴, но и средство противодействия гегемонистским колониальным отношениям. Тем не менее вопреки только что обозначенным трендам югославские актеры, участвующие в этих «спектаклях», уличаются в поддержке старых гегемонистских диспозиций (вместо того, чтобы бросать им вызов), а их главными качествами изображаются расовая привилегированность и самодовольство¹⁵.

Таким образом, политическая перформативность оказывается не чем иным, как «просто набором постановочных действий», и этот семантический сдвиг делает практики социалистического интернационализма неаутентичными, фейковыми, сомнительными – и объяснимыми только с привлечением таких либеральных тропов, как интерес и статусность, конкуренция и нажива, подавление и угнетение. Участие Югославии в Движении неприсоединения часто изображается не как стандартный

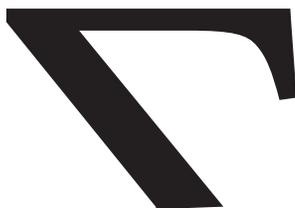
11 Ibid.

12 SRETENOVIĆ D. *Crno telo, bele maske*. Belgrade: Museum of African Art, 2004. P. 26; KRSTIĆ M. *Tito kao turista* // *Etnoantropološki problemi*. 2010. Т. 5. № 2. S. 141–164.

13 LEE C. *The Decolonising Camera: Street Photography and the Bandung Myth* // *Kronos*. 2020. Vol. 46. P. 205; см. также: SHIMAZU N. *Diplomacy as Theatre: Staging the Bandung Conference of 1955* // *Modern Asian Studies*. 2014. Vol. 48. № 1. P. 225–252.

14 LEE C. *Op. cit.* P. 202.

15 VUČEVIĆ S. *Global IR and Global White Ignorance* // *TRAF0 – Blog for Transregional Research*. 2017. June 1 (<https://trafo.hypotheses.org/6677>); SUBOVIĆ J., VUČEVIĆ S. *Op. cit.*

политический перформанс, но как перформанс, осуществляемый сугубо по корыстным и конъюнктурным соображениям. Например, Елена Суботиц и Срджан Вучетич утверждают, что югославские руководители и дипломаты «прекрасно понимали, что перформансы солидарности с постколониальными Африкой и Азией принесут Югославии статусные выгоды»¹⁶. Размышляя в том же ключе об освободительной войне в Алжире, Дора Тот видит в переходе от медицинского содействия алжирцам через Югославский Красный Крест во время войны к двусторонним соглашениям после ее завершения «сдвиг к коммерциализации внешней помощи, посредством которого Югославия попыталась не только монетизировать услуги своего медицинского персонала, но и получить прибыль, инвестируя значительные ресурсы в алжирскую борьбу за деколонизацию»¹⁷.

НАПРАВЛЕННОСТЬ: НЕИЗБЕЖНОСТЬ И ПАТЕРНАЛИЗМ

В обозначенных выше дискурсивных и семантических сдвигах следует видеть симптом того, что крах государственного социализма в Европе и иных местах серьезно изменил не только жизненные реалии людей, населяющих постсоциалистические географические пространства, но и их представления о том, что является политически возможным и воображимым. По утверждению Дэвида Скотта, окончание «холодной войны» в совокупности с «каталитическим разнообразием преобразований, произошедших к концу XX столетия в мире политики – среди них падение коммунизма и кризис социализма в “третьем мире”, крах военных диктатур, ликвидация апартеида и так далее, – повлек за собой перетасовку ограничений и возможностей, ценностей и ожиданий применительно к глобальному политическому ландшафту»¹⁸. На этом фоне «глобально обновляющийся либерализм впал в безудержное превозношение себя и воинственное отстаивание своего права на миссию общемирового масштаба»¹⁹. Эти сдвиги «не только подорвали легитимность нелиберальных демократических альтернатив – в особенности марксистских или вдохновленных марксизмом, – но и преобразили саму сферу социально-политического воображаемого, в терминах которого либеральная демократия всячески артику-

16 SUBOTIĆ J., VUČETIĆ S. *Op. cit.* P. 723.

17 См.: TOT D. *Translating Humanitarian Aid into Technical Cooperation: Yugoslavia's Medical Assistance to the Algerian National Liberation Movement (1958–1965)* // *The International History Review*. 2024. Vol. 46. № 6. P. 769–784.

18 SCOTT D. *Op. cit.* P. 128–129.

19 *Ibid.* P. 128.

лировала свои отличительные достоинства»²⁰. Тем самым формировались ощущение исторической неизбежности и чувство «конца истории»²¹, сквозь призму которых гибель государственного социализма и распад альтернативных модерностей «третьего мира» представлялся неизбежным возвращением к «естественному» положению вещей.

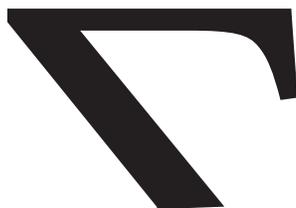
Образы же заброшенных модернистских руин и погребенных под ними лидеров модернизационных проектов призваны служить своеобразными материализованными напоминаниями о том, что провал альтернативных модернизаций был исторически предопределен. На выставке «Тропический модернизм: архитектура и независимость», открывшейся в Музее Виктории и Альберта весной 2024 года и показывавшей, как развивалась модернистская архитектура в Индии и Гане после их расставания с Британией, видное место отводилось расчлененной статуе первого ганского президента Кваме Нкрумы. Вероятно, учреждение и кураторы, подготовившие выставку, расценивают ее как важный шаг к деколонизации знаний о колониализме и его истории, причем реализуемый на специфической площадке – в институции, всегда специализировавшейся на искусстве [народов] империи. Как подчеркивает в предисловии к каталогу выставки директор Музея Виктории и Альберта, «основная часть музейной коллекции сложилась в колониальный период» и это делает наиважнейшим делом «осмысление оспариваемого наследия колониализма в свете мультикультурного настоящего»²².

Однако, хотя кураторы выставки и утверждают, что она «прославляет практиков модернизации и созданные ими альтернативные типы модернизма», создается впечатление, будто они воспринимают модернистские проекты в Гане, Индии и прочих государствах, освободившихся от колониального гнета и выработавших собственное видение модерности, а также ориентированной на него политики, в качестве явлений, неотделимых от колониализма и родившихся в ходе линейных и однонаправленных процессов передачи и апроприации. Развертыванию последних способствовали патерналистские и централизаторские склонности двух лидеров – ганского премьер-министра Кваме Нкрумы и индийского премьер-министра Джавахарлала Неру, – представленных в экспозиции как всемогущие и единоличные властители. В частности, на ознакомительной панели выставки посетителям сообщается следующее:

20 Ibid. P. 129.

21 FUKUYAMA F. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992. [Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, 2007.]

22 HUNT T. *Foreword* // TURNER C. *Tropical Modernism: Architecture and Independence*. London: Victoria & Albert Museum, 2024. P. 7.

«Тропический модернизм был архитектурным стилем, развившимся в странах Западной Африки во времена британского колониального правления. В 1940–1950-е британское правительство стремилось приглушить все более громкие призывы к независимости, щедро финансируя в колониях современные образовательные и инфраструктурные проекты. Британские архитекторы Джейн Дрю и Максвелл Фрай выступили ведущими практиками тропического модернизма. Поскольку в самой Британии модернизм не прижился, они воспользовались возможностью воплотить его принципы в западноафриканском и индийском контекстах. Именно там Дрю и Фрай разработали особую разновидность модернизма, адаптированную к жаркому и влажному климату. После обретения независимости к тропическому модернизму обратились премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и премьер-министр Ганы Кваме Нкрума. То, что прежде было элементом колониальной архитектуры, превратилось в символ прогрессивных политических устремлений возглавляемых ими стран. Эти лидеры выпестовали новое поколение местных архитекторов, более чутких к культурному контексту, и поставили перед ним задачу сконструировать архитектуру современной постколониальной нации»²³.

Линейное и однонаправленное понимание альтернативных модернизмов, которое вращивалось в рамках социалистических и постколониальных политических проектов, затушевывает наличие иных политических и транснациональных инициатив, которые тоже – в противовес примитивной апроприации колониальных моделей и практик – позволяли генерировать знания и ими обмениваться. К числу последних относится само Движение неприсоединения, среди учредителей которого были как Гана, так и Индия. На выставке «Тропический модернизм» Движение неприсоединения упоминалось лишь вскользь; оно описывалось как инициатива, направленная на «нейтралитет, отказ принять чью-либо сторону в “холодной войне” между США и СССР и поддержку освободительного порыва стран, борющихся против колониального господства»²⁴. Впрочем, кураторы выставки заметно урезали преобразовательный потенциал Движения неприсоединения, сводя его к деятельности ключевых фигур в лице Неру и Нкрумы. Например, представленная в экспозиции фотография этих деятелей с первого саммита неприсоединившихся стран, прошедшего в сентябре 1961 года (кстати, место его проведения обозначено как «Белград, Сербия», что способствует еще большей деисторизации, деконтекстуализации и деполитизации контекста неприсоединения и присущего ему модернистского импульса) снабжена следующей сопроводительной надписью: «Нкрума признавал, что он в долгу перед Ганди и Неру, чьи книги ему доводилось

23 TURNER C. *Op. cit.*

24 Ibid.

читать в студенческие годы. Он разделял убежденность Неру в том, что модернизация и индустриализация являются ключевыми факторами национальной самодостаточности»²⁵.

Представленный здесь редукционистский и деполитизированный взгляд на неприсоединение делает невидимыми преобразующие идеи, которые материализовались в общих архитектурных проектах. Подобные начинания, распространявшиеся по «каналам, определяемым солидарностью, а не зависимостью»²⁶, опровергали представления о том, что архитектурный модернизм в постколониальном мире лишь резюмирует передачу и адаптацию колониальных архитектурных практик. Например, в сопроводительных материалах выставки говорилось:

«Чтобы создать архитектуру, отвечающую его панафриканским идеалам, Нкрума должен был подготовить новое поколение африканских архитекторов. С этой целью в 1963 году Университет науки и технологии имени Кваме Нкрумы (KNUST) наладил партнерские отношения с Архитектурной ассоциацией Лондона. Джон Ллойд, как тьютор кафедры тропической архитектуры, был командирован в KNUST, чтобы возглавить там архитектурную школу»²⁷.

Здесь же упоминается, что первое поколение квалифицированных африканских архитекторов работало бок о бок не только с британскими, но и с восточноевропейскими коллегами, но при этом не объясняется, кем были эти восточноевропейцы и как они оказались в Гане. Между тем мы знаем, что представители Восточной Европы совместно с ганцами воплотили ряд больших архитектурных начинаний: среди них, например, были Зал единства в Университете науки и технологии имени Кваме Нкрумы, который спроектировали Джон Овусу Аддо и югослав Миро Марашович, а также Международный выставочный комплекс в Аккре, над которым работали поляки Яцек Чирош и Станислав Рымашевский. В лондонской экспозиции взаимосвязь между колониальным тропическим модернизмом и постколониальным альтернативным модернизмом ганского и индийского типа трактуется в духе линейной и непосредственной каузальности; при этом альтернативные политические рамки, генерирующие такие ориентированные в завтрашний день формы политического воображения, как неприсоединение или социалистический интернационализм, полностью игнорируются.

Авторы выставки «Изготавливая солидарность: Институт испытаний материалов Железя между Югославией, Кубой и Ан-

ТАНЯ ПЕТРОВИЧ

МОДЕРНОСТЬ
И ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ...

25 Ibid.

26 KULIĆ V. *Prefabricating Solidarity: IMS Žeželj between Yugoslavia, Cuba, and Angola // Prefabricating Solidarity: IMS Žeželj between Yugoslavia, Cuba, and Angola*. Belgrade: M + The Museum of African Art, 2025. P. 194.

27 TURNER C. *Op. cit.*

голой», которая открылась в Белградском музее африканского искусства летом 2025 года, использовали подход, радикально отличающийся от подхода их коллег из Музея Виктории и Альберта²⁸. Они прослеживают использование современной и сложной технологии модульного сборного строительства, изобретенной в 1957 году югославским инженером Бранко Жежелем в Институте испытаний материалов Сербии (IMS), в Югославии, Кубе и Анголе – «трех странах, связанных общим историческим опытом и политическими устремлениями»²⁹. Реализованная технологическая кооперация характеризовалась «множеством пересекающихся направлений обмена; технологии и экспертизы перемещались между всеми тремя сторонами, свободно трансформируясь в зависимости от местных условий и потребностей»³⁰.

Система модульной сборки, разработанная в ранний период социалистической Югославии, оказалась одним из передовых технологических решений, которые были разработаны «за многие годы до того, как появилась инфраструктура, позволявшая перейти к их масштабному внедрению»³¹. Эти изобретения требовали «особого, гибридного подхода к индустриализации», что выливалось в творческую адаптацию и «самобытно югославский синтез, превращавший материальные ограничения в катализатор инноваций»³². Реализуемые в указанном поле усилия ориентировались на достижение технологического суверенитета и, как отмечает Джелика Йованович, «соответствовали целенаправленной стратегии противодействия тому, что Андре Гундер Франк назвал “развитием недоразвитости” – увековечению структурно подчиненного положения в мировой капиталистической системе»³³. Соответственно, тот аспект

28 И само место проведения выставки, и содержимое хранящихся здесь коллекций отличаются от британских аналогов совершенно иной генеалогией: состоявшееся в 1977 году создание Музея африканского искусства было напрямую связано с югославскими антиколониальными дискурсами, политикой и практикой. Музей основывался для того, чтобы обеспечить хранение нескольких сотен предметов африканского традиционного искусства, подаренных Здравко и Ведой Печар Белграду в период с 1955-го по 1977 год (SLADOJEVIĆ A. *Muzej afričke umetnosti: Konteksti i reprezentacije*. Beograd: Muzej afričke umetnosti, 2014. S. 150). Хотя в самой практике частного коллекционирования и музейного представления африканских артефактов можно усмотреть преемственность с колониальными паттернами, контекст, в котором собиралась эта коллекция и рождался этот музей, не позволяет обнаружить и намек на колониализм. Супруги Печар были активными участниками народно-освободительной борьбы в годы Второй мировой войны, провели более двадцати лет в разных африканских странах и как представители югославского социалистического государства активно поддерживали их освобождение от колониального ига и последующую реконструкцию (Ibid. P. 150–151).

29 KULIĆ V. *Prefabricating Solidarity...* P. 194.

30 Ibid. P. 209.

31 JOVANOVIĆ J. *Building Housing Sovereignty: The IMS Žeželj System and Yugoslavia's Path to Technological Self-Reliance // Prefabricating Solidarity: IMS Žeželj between Yugoslavia, Cuba, and Angola*. P. 213.

32 Ibid.

33 Ibid. P. 214; см. также: GUNDER FRANK A. *The Development of Underdeveloped // Monthly Review*. 1966. Vol. 18. № 4. P. 17–31. [Гундер Франк А. *Развитие недоразвитости // Лефт.ру*. 2005. № 5 (<https://archive.left.ru/2005/9/frank126.html>).]

международного сотрудничества между Югославией, Кубой и Анголой, который базировался на изобретении Жежеля и воплощался в разнонаправленном обмене и совместном производстве знаний, тоже предполагал адаптацию и трансформацию посредством «местного опыта и местных условий, которые вместо импортируемых решений генерировали сообща вырабатываемые инновации»³⁴. Все это служило «инструментом преодоления колониального прошлого» и было составной частью «более широкого проекта взаимной поддержки и солидарного развития» в рамках Движения неприсоединения, к которому принадлежали эти три страны³⁵. Движение представляло политической платформой, создатели которой выходили далеко за рамки нейтралитета, предполагая, как подчеркивает Владимир Кулич, «радикальную реорганизацию мировой политики и экономики, позволяющую покончить с многовековой колониальной эксплуатацией и неравномерностью развития»³⁶.

Выставка «Изготавливая солидарность» показывает, что политическая и организационная основа, предоставленная Движением неприсоединения и опытом сотрудничества Югославии, Кубы и Анголы, не только обеспечивала инфраструктуру модернизации, но и помогала продвигать модернизационные проекты, подобные, например, массовому жилищному строительству. Опиравшиеся на технологию Жежеля инициативы служили инструментами, помогавшими странам, которые «долго оставались на задворках глобального технологического прогресса», прочертить собственные пути развития за рамками бинарного противостояния «холодной войны»³⁷. Они также были нацелены на реструктуризацию глобальных экономических отношений, поскольку демонстрировали, что «технический опыт может циркулировать между развивающимися странами, не порождая новых форм зависимости», подчиняясь принципам солидарности и не сковываясь «лимитированным доступом к технологическим знаниям, охраняемым патентами и лицензиями, и тем самым увековечивающим экономическую субординацию бывших колоний даже после обретения ими политической независимости»³⁸. Хотя технология модульной сборки была тесно связана с колониальной экспансией и экономической эксплуатацией колоний, в интеллектуальных обменах и совместных проектах, подобных тем, которые концентрировались вокруг Института испытаний материалов и Бранко Жежеля, следует видеть не преемственность колониальным паттернам, а радикальный разрыв

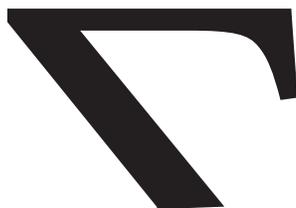
34 KULIĆ V. *Prefabricating Solidarity...* P. 194–195.

35 *Ibid.* P. 208.

36 *Ibid.* P. 194.

37 *Ibid.* P. 208.

38 *Ibid.* P. 200.

с ними и преобразование «исторических путей эксплуатации в новые каналы солидарности»³⁹. Не менее решительно создатели белградской экспозиции выступают против подхода, предполагающего анализ «треугольника солидарности» югославам, кубинцам и ангольцам исключительно в перспективе его последующего краха. Целью выставки, по их мнению, было «воссоздание альтернативной и преобразующей истории глобального технологического обмена с помощью бетонных конструкций, которые все еще стоят на трех континентах»⁴⁰.

СУБЪЕКТНОСТЬ: БЕЗГОЛОСИЕ И НАВЯЗЫВАНИЕ

Описанные выше научные дискурсы, цинично исходящие из предпосылки, что государственный социализм заведомо был обречен на провал, в значительной мере опираются на изучение фотодокументов, полученных на дипломатических встречах, саммитах и конференциях Движения неприсоединения, и фокусируются на его наиболее видных лидерах. Преобладание репрезентативности в прочтении и осмыслении изучаемого феномена заставляет нас поднять важный вопрос, касающийся голосов тех, кто пытался создать собственную версию современности, альтернативную той, которая была связана с глобальной и колониальной гегемонией Запада.

Так, создатели проекта «Тропический модернизм» подчеркивали, что их экспозиция была «призвана предоставить поколению архитекторов-новаторов из Ганы и Индии возможность высказаться, в которой ранее им отказывали»⁴¹. На эту вынужденную немоту обратила внимание и кинорежиссер Мила Турайлич, которая, занимаясь историей неприсоединения, была поражена тем, что образы саммитов и встреч неприсоединившихся стран, циркулировавшие в глобальных медиа, неизменно оказывались обособленными от голосов и нарративов людей, представленных на соответствующих снимках и кинолентах. Задумавшись об этом, она писала:

«В документальных киноматериалах, которые я находила во французских, кубинских, восточногерманских и американских архивах, использовались одни и те же изображения, снабженные разными озвучками. В политической перспективе, когда кадры немые, не совсем понятно, кто и что хочет сказать, создавая ту или иную киноленту. Мне это показалось в высшей степени интересным, поскольку лидеры Движения неприсоединения постоянно твердили о том, как им важно обрести свой политический голос, но при этом в кино-

39 Ibid. P. 206.

40 Ibid. P. 194.

41 См.: TURNER C. *Op. cit.*

хронике они этим богатством вообще не пользуются, ибо там за них говорит кто-то другой. Когда я зашла в архив Белградского радио и обнаружила целую полку с аудиозаписями [первого саммита неприсоединившихся стран 1961 года], меня поразила очевидная, в общем-то, мысль: ведь с этим редкостным собранием очень долго вообще никто не работал! На протяжении пяти лет я рассматривала это историческое событие как безмолвное, но потом, прослушав его озвучку без сопровождения фото- и кинообразов, восприняла его совершенно по-другому. Естественным следующим шагом стала попытка синхронизировать звук и изображение»⁴².

Эта безгласность коренным образом противоречит невероятным усилиям, которые прилагались членами Движения неприсоединения, чтобы сформировать особый имидж и самобытный нарратив, а также обеспечить себе глобальную узнаваемость и проложить альтернативные каналы распространения, обмена и совместного создания информации, противостоящие однонаправленным, гегемонистским и глобальным медиарежимам. Например, Пул информационных агентств неприсоединившихся стран (The Non-Aligned News Agencies Pool – NANAP) учреждался в 1975 году в качестве «наиболее значимой формы сотрудничества между неприсоединившимися медиа, а также ключевого проекта по укреплению “самодостаточности” всего неприсоединившегося мира»⁴³.

Документальные фильмы Милы Турайлич «Неприсоединившиеся» и «Синема-партизаны», объединенные в цикл «Сцены из фильмов Лабудовича» (2022), показывают, насколько важное место в антиколонIALной борьбе, а также в реструктурировании глобальных политических, экономических, культурных отношений и информационных потоков постколониального мира занимали визуальные образы и медийные нарративы. Отсечение изображения от звука выступает, как представляется, устойчивым способом нейтрализации этих антиколонIALных усилий; изолированные изображения легко выводятся из контекста и вырываются из политической, эмоциональной и социальной среды, в которой они возникли, делаясь в глазах западного человека «удобочитаемыми»⁴⁴.

Ана Сладович приводит наглядный пример того, как работает такой механизм деконтекстуализации: фотографии, на кото-

42 Цит. по: BIRDSALL C., DENIĆ N. *Voices from the Debris: An Interview with Mila Turajlić on Unearthing Anti-colonial Solidarities* // NECSUS. 2023. December 11 (<https://necsus-ejms.org/voices-from-the-debris-an-interview-with-mila-turajlic-on-unearting-anti-colonial-solidarities/>).

43 SLAČEK BRLEK S. *The Creation of the Non-Aligned News Agencies Pool* // *Prispevki za novejšo zgodovino*. 2022. T. LXII. № 1. P. 38; см. также: ТОМАНИЋ ТРИВУНДЖА I. *Enosmerni tok novic v vzratnem ogledalu: MacBridovo poročilo in reprezentacija držav v razvoju v treh jugoslovanskih časnikih* // *Javnost – The Public*. 2017. № 22. Sup. 1. P. 580.

44 Об «удобочитаемости» применительно к историческим событиям см.: GHAMARI-TABRIZI B. *Foucault in Iran: Islamic Revolution after the Enlightenment*. Minneapolis; London: University of Minnesota Press, 2016.

рых югославский президент Иосип Броз Тито позирует «в эфиопском головном уборе, со щитом и двумя копьями в руках», формируют образ, «вполне колониальный по духу» – но только в том случае, если зритель будет судить по «костюму, апроприации и сценографии». Однако, когда мы принимаем во внимание, что эти фотографии делались «в исторически значимой локации» – на поле «решающей битвы при Адуа, где в 1896 году эфиопы под предводительством императора Менелика II разгромили итальянцев», превратившемся в «один из символов африканского сопротивления колониализму», они раскрывают совершенно иную, «выраженно антиколониальную смысловую нагруженность»⁴⁵.

Югославские модернистские памятники, воздвигнутые «в честь важнейших событий или деятелей народно-освободительной борьбы, массового антифашистского партизанского движения, освободившего Югославию от нацистской оккупации и превратившего страну из капиталистической монархии в социалистическую республику»⁴⁶, показывают, насколько глубокими могут быть последствия деконтекстуализации. После многих лет забвения, разрушения и игнорирования они вдруг привлекли заметное внимание во всем мире и даже были представлены в Музее современного искусства в Нью-Йорке (Museum of Modern Art – MoMA) в 2018 году. Еще до этой выставки упомянутые артефакты были «обнаружены» и растиражированы социальными сетями. Объединенные собирательным термином *spomeniki*⁴⁷, они «обращали на себя внимание необычными формами, выполненными из железобетона и стали, – хотя зачастую их использовали в целях, которые не только не имели отношения к их коммеморативным функциям, но порой напрямую противоречащих таковым»⁴⁸. Среди прочего их привлекали для рекламной кампании солнцезащитных очков, создания декораций к научно-фантастическим фильмам, записи клипов поп-групп и так далее. Чтобы сделаться видимыми в глобальном масштабе – зачастую посредством злоупотреблений и коммерциализации, – памятникам социалистического модернизма пришлось сначала подчиниться логике исторической неизбежности: в 1990-е многие из них были снесены, а остальные в подавляющем большинстве приходили в упадок, пребывали

45 SLADOJEVIĆ A. *Beyond the Photographic Frame: Interpretation of Photographs from the Museum of Yugoslavia's Collection in a Contemporary Context* // Vučetić R., Betts P. (Eds.). *Op. cit.* P. 111–112.

46 SEKULIĆ D. *The Partisan Monuments of Socialist Yugoslavia* // Tribune. 2019. May 10 (<https://tribunemag.co.uk/2019/05/the-partisan-monuments-of-socialist-yugoslavia>).

47 Заметный вклад в их открытие и глобальную популяризацию внесли бельгийский фотограф Ян Кемпенерс и американский историк-любитель Дональд Нибыл. См. также: www.spomenikdatabase.org.

48 KULIĆ V. *Post-Socialist Orientalism: Yugoslav Monuments and Their Reception in the Media* // HORVATINČIĆ S., ŽEROVC B. (Eds.). *Shaping Revolutionary Memory: The Production of Monuments in Socialist Yugoslavia*. Ljubljana; Berlin: Igor Zabel Association for Culture and Theory; Archive Books, 2023. P. 358.

в небрежении или просто уродовались, превращаясь в дополнительное свидетельство провала социалистического проекта и его альтернативной модерности. Им пришлось обособиться не только от своей коммеморативной роли, но и от присущих ей политических, этических, эмоциональных смыслов. Владимир Кулич писал:

«Югославские памятники – порождения рассыпавшейся социалистической системы, которые, как считается, лишены всякого смысла. [...] Можно восхищаться их абстрактно-формальными качествами, но то, что они некогда символизировали, сегодня не имеет никакого значения; пустые оболочки – вот все, что от них осталось»⁴⁹.

Схожим образом Ана Милячки, обозревая экспозицию MoMA «На пути к бетонной утопии: архитектура Югославии 1948–1980 годов», отмечала:

«Эпическое дело спасения артефактов, составляющих социалистическое архитектурное наследие Югославии, от энтропийного воздействия стареющей коллективной памяти и забвения осложняется различными формами местных и сторонних усилий, нарочито направленных на стирание их изначальных смыслов»⁵⁰.

Само существование этих памятников объясняется узнаваемыми патерналистскими тропами, предполагающими, что альтернативная модерность может быть исключительно продуктом директивной, верхушечной субъектности, единолично воплощаемой авторитарными лидерами, подобными Тито (или Неру и Нкруме в случаях постколониальных Индии и Ганы). Их называют «памятниками Тито», «причудливыми архитектурными украшениями, разбросанными по сельской глубинке», «сооружениями, санкционированными Тито и воздвигнутыми по его указаниям в память о Второй мировой войне»⁵¹. Дело изображается так, «будто бы памятники были обязаны своим существованием исключительно личной воле президента Югославии», хотя «большая часть их возводилась по инициативе муниципальных властей, местных жителей, а также объединений бывших партизан»⁵². Более того, зачастую их описывают как «чужеродное искусство, объекты которого воздвигались

ТАНЯ ПЕТРОВИЧ
МОДЕРНОСТЬ
И ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ...

49 KULIĆ V. *Orientalizing Socialism: Architecture, Media, and the Representations of Eastern Europe* // *Architectural Histories*. 2018. Vol. 6. № 1. P. 7.

50 MILJAČKI A. *Once upon a Time in Yugoslavia* // *The Avery Review*. 2018. № 35 (www.averyreview.com/issues/35/once-upon-a-time).

51 SURTEES J. *Spomeniks: The Second World War Memorials that Look Like Alien Art* // *The Guardian*. 2013. June 18 (www.theguardian.com/artanddesign/photography-blog/2013/jun/18/spomeniks-war-monuments-former-yugoslavia-photography).

52 SEKULIĆ D. *Op. cit.*; см. также: HATHERLEY O. *Concrete Clickbait: Next Time You Share a Spomenik Photo, Think about What It Means* // *New East Digital Archive*. 2016. November 29 (www.new-east-archive.org/articles/show/7269/spomenik-yugoslav-monument-owen-hatherley).

в сонной глуши», или как «причудливые артефакты, которыми рациональный западный ум может восхищаться, но которых он не в состоянии постичь»⁵³.

Упоминание о «сонной глуши» призвано подчеркнуть не только изолированность памятников, находящихся вне социальных пространств, но и то, что любая связь с историческими событиями и личностями, к которым они ранее отсылали, ныне напрочь разорвана. Тем самым символически стирается сама история югославского народно-освободительного движения, а попутно уничтожается и история взаимодействия граждан Югославии с посвященными ему памятниками, в ходе которого поддерживался и утверждался их смысл. Одновременно игнорируется тот факт, что в Социалистической Федеративной Республике Югославия монументы старались органично вписывать в более широкие социальные пространства, учитывая всю полноту их социальных функций. Что же касается тезиса о (не)постижимости модернистских памятников сторонним умом, то он поднимает важные вопросы, касающиеся не только модернистского искусства, но и природы модернизации в целом. Речь идет об их субъектности, а также о том, кто может быть агентом модернизации и кто вообще способен воспринимать модернность и модернизм. Поднимая эту тему, мы выходим на толкование модернизма (и модерности) как радикального разрыва, раскритикованное французским философом Жаком Рансьером, предположившим, что оно используется для сокрытия реальной связи этих явлений с индивидуальным и коллективным опытом⁵⁴.

Между тем именно этот индивидуальный и коллективный опыт взаимодействия с памятниками югославского модерна занимает центральное место в многоканальной видео- и аудио-инсталляции «Паломничество / Pionirsko hodočašće», которую Ана Милячки создала в сотрудничестве с Лабораторией критического бродкастинга Массачусетского технологического института и представила сначала на Архитектурной биеннале 2023 года в Венеции, а потом в Музее Югославии в Белграде летом 2025-го. В центре экспозиции, как поясняют сопроводительные материалы, «воспоминания о коллективных школьных посещениях югославских исторических памятников, собранные из частных и исторических архивов»⁵⁵. Привлекая искусственный интеллект и машинное обучение, «Паломничество» «воспроизводит синтетическую память об этих визитах и предлагает пространство для переживания нового кол-

53 KULIĆ V. *Post-Socialist Orientalism...* P. 365.

54 RANCIÈRE J. *Rethinking Modernity* // *Diacritics*. 2014. Vol. 42. № 3. P. 6.

55 *The Pilgrimage in the Museum of Yugoslavia*. *Museum of Yugoslavia, 2025, June 24 – September 2* (<https://muzej-jugoslavije.org/en/exhibition/pionirsko-hodocasce-u-muzeju-jugoslavije/>).

лективного опыта, одновременно артикулируя актуальную политико-активистскую позицию, базирующуюся на ценностях антифашизма, единства и солидарности»⁵⁶. На странице проекта Лаборатории критического бродкастинга сообщается:

«Личные воспоминания о посещении памятных мест в контексте современного общества столь же анахроничны, как и украшающие эти места объекты. Тем не менее, если подобный анахронизм способен укреплять антифашистскую и интернационалистскую солидарность, его нужно защищать и поддерживать – или по крайней мере почаще напоминать о нем»⁵⁷.

Предполагаемый радикальный разрыв, якобы провоцируемый модернизмом и модернизацией, обуславливает их понимание как таких сущностей, которые перемещаются сверху вниз и, следовательно, являются навязанными, неестественными и неаутентичными. Более того, модернизационные инициативы непонятны и чужды людям, которые им подвергаются, что также, согласно разбираемой здесь трактовке, подтверждает историческую неизбежность краха альтернативных модерностей и моделей модернизации. Дополнительными нюансами эту логику обогащает идея о якобы элитистской природе социалистических памятников, неспособных заинтересовать «простого человека» и, соответственно, сеющих общественно-классовую рознь – то есть, по сути, оказывающихся несоциалистическими, а то и вовсе антисоциалистическими по своему духу⁵⁸. Следуя этой линии, нетрудно заключить, что если западный глаз готов восхищаться югославскими модернистскими экспериментами, но не способен постичь их подлинного смысла, то и те граждане, для которых эти памятники и монументы возводились, тоже не могли их понять – и потому, в конечном счете, с неизбежностью отвергли их вкуче со всем модернизационным проектом.

Выставка «Переведено на социалистический», которая освещает «малоизвестную историю тюркоязычной общины в Югославии, а именно – в Косово и Македонии, в период с 1920-го по 1980 год», напротив, опровергает восприятие модернизации как разрушительной, навязанной, неаутентичной и чуждой силы. По замыслу создателей экспозиции, она не была таковой ни для народа в целом, ни для тех общностей, в которых традиционно видят «мобилизованных современностью» – в частности, для мусульман и прочих меньшинств⁵⁹. Выставка,

ТАНЯ ПЕТРОВИЧ
МОДЕРНОСТЬ
И ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ...

56 Ibid.

57 Цит. по: <https://criticalbroadcast.net/projects/the-pilgrimage-pionirsko-hodocasce/>.

58 ŽEROVC B. *Can the High Modernism of Yugoslav Monuments Be Viewed as a Trojan Horse of Capitalism in Socialism?* // HORVATINČIĆ S., ŽEROVC B. (Eds.). *Op. cit.* P. 377.

59 См.: SCOTT D. *Op. cit.*

которую готовили Сезгин Бойник и Тевфик Рада, а курировал Мерве Элверен, открылась в июне 2025 года в Музее современного искусства Метелкова в Любляне. Она освещает формирование в Югославии турецкого национального самосознания, «базирующегося на интернационализме и солидарности»:

«Выставленные экспонаты раскрывают то, как историческая самобытность югославского социализма повлияла на самовосприятие тюркоязычного сообщества. Обозначая новые культурные формы, произраставшие из этой сложной динамики, они сплетают воедино малознакомую историю, которая по-прежнему остается уникальной и актуальной»⁶⁰.

Авторы инициативы показывают, как социалистические идеи, ценности и практики зарождались в традиционных пространствах общественной жизни, а затем развивались и расширялись посредством вовлечения их носителей в институциональные структуры социалистической Югославии. У создателей экспозиции нет ни малейшего сомнения в том, что югославский социализм и его модернизационный проект были неотъемлемыми составляющими турецкого национального самосознания и ничуть не противоречили ему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье я проанализировала академические, а также кураторские дискурсы и практики, которые по-разному интерпретируют социалистическую модернизацию и альтернативные модерности, изобретенные и бытовавшие после завершения Второй мировой войны и упразднения колониального господства. Гипотетическая универсальная связь между колониализмом и современностью, активно поддерживаемая исследователями деколонизации, породила ряд противоречий, парадоксов и дискурсивных подмен. В силу этого наследие, установки и принципы, присущие государственному социализму и международной солидарности, которыми была отмечена вторая половина XX века, начали исследовательски преломляться через универсализирующие и унифицирующие эпистемологические линзы деколонизации. В ходе этих упражнений альтернативные видения модерности и модернизационных практик, ориентированные на достижение технологического суверенитета, самодостаточности и солидарности, подверглись игнорированию, вытеснению и осмеянию. Соприкасаясь с социалистической модерностью и модернизмом, переосмысление деколониальных

60 *Translated to Socialism. An Exhibition by Sezgin Boynik, Tefvik Rada, Merve Elveren, Museum of Contemporary Art Metelkova, Ljubljana, 2025* (www.mg-lj.si/en/exhibitions/4189/exhibition-translated-into-socialism/).

конфигураций и исторических нарративов зачастую опиралось на узнаваемые тропы исторической неизбежности, линейности, однонаправленности, патернализма. Это в свою очередь генерировало представление о том, что модернизация – неизменно навязываемый процесс, прерывающий «естественные» траектории: граждане выступают в нем исключительно в роли статистов, а не субъектов. Подобные трактовки зачастую продвигают (и увековечивают) иерархические различия между центром и периферией, метрополией и провинциями, элитой и массами; они никогда не бросают вызов устоявшимся порядкам, но, напротив, увековечивают временные режимы, телеологии, гегемонии, основанные на идеях исторического фатализма, непоколебимой однолинейности и жесткой каузальности.

Неспособность всерьез признать и как следует рассмотреть возможность альтернативных образов модерности показывает, до какой степени границы политического настоящего могут задавать наши эпистемологические горизонты, делая легитимным, приемлемым, подходящим, искренним и релевантным только то, что подтверждает исключительно это настоящее и консервирует в неизменном виде отношения между прошлым, настоящим и будущим. Этим недостаткам и ограничениям сопутствует все большее число нарративов – некоторые из них были представлены в настоящей статье, – которые, по сути, рассматривают наследие альтернативных модерностей второй половины XX века как полезный анахронизм, помогающий поддерживать связь с тем, что было утрачено. Более того, такие нарративы способны расшатывать настоящее, при этом сохраняя в живых прошлое и противодействуя режимам исторической неизбежности, а не утверждая их. В рамках подобных нарративов происходит изучение различных вариантов прошлого и извлечение из него будущего⁶¹; причем делается это не только ради поддержания эпистемологического суверенитета, но и потому, что трудно – а то и вовсе невозможно – представить будущее без альтернативы тому типу капитализма, который сегодня формирует человеческую ситуацию в постсоциалистических странах, да и в других местах тоже.

Перевод с английского Андрея Захарова, доцента кафедры теоретической политологии РГГУ

ТАНЯ ПЕТРОВИЧ
МОДЕРНОСТЬ
И ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТЬ...

61 См.: KOSELLECK R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. New York: Columbia University Press, 2004. [Козеллек Р. *Можем ли мы распоряжаться историей?* (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // Отечественные записки. 2004. № 5. С. 226–241.]

АНДРЕЙ
ГЕЛИАНОВ

Шум & ярость, или Воображаемая история ментального вируса

*A Social History of Analytic Philosophy:
How Politics Has Shaped an Apolitical Philosophy*

CHRISTOPH SCHURINGA

London; New York: Verso 2025. – 336 p.

Теория, правда, изящная. Единственный ее изъян – вероятно, тот же, что и у всех философских теорий: она неверна.

Сол Крипке¹

*Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь
культуры.*

В своей дебютной книге² Кристоф Шуринга – гегельянец³ и профессор философии в Северо-Восточном университете Лондона⁴ – уже с порога ставит вопросы исторического масштаба. Что такое вообще аналитическая философия, как так вышло, что на Западе она заняла в академии безоговорочно доминирующую позицию (став просто «фило-

- 1** Сол Крипке (1940–2022) – один из ведущих американских аналитических философов. Контекст данного высказывания история, к сожалению, не сохранила.
- 2** Полагаем, ее уместно так называть – другая книга автора, «Karl Marx and the Actualization of Philosophy», вышла в 2025 году практически одновременно с этой.
- 3** На официальном сайте автора указано, что он редактор «Hegel Bulletin» – рецензируемого академического журнала Гегелевского общества Великобритании, выходящего с 1980 года.
- 4** Государственное учебное заведение, основанное в 2010 году философом Энтони Грейлингом (р. 1949) – одним из главных популяризаторов атеизма, гуманизма и секуляризма в Великобритании.

НОВЫЕ
КНИГИ

256

софией»), к каким последствиям на протяжении XX века это привело – и хорошо ли в итоге вообще получилось?

В качестве ответов автор отстаивает два тезиса (немного их утрируем для наглядности). Во-первых, аналитическая философия – в том виде, в котором принято считать и в котором ее представители хотели бы ее позиционировать, – не существует, или по крайней мере не существовала очень долго, вплоть до последней четверти XX века. Во-вторых, этот несуществующий как цельная система конструкт каким-то образом все же полностью подчинил англоязычный мир, а через капиталистический реализм⁵ – сформированный специфическим квантифицирующим майндсетом аналитиков – и весь мир вообще, и с этим нужно что-то делать. Можно сформулировать основной вопрос так: каким образом аналитическая философия стала правящим классом мысли?⁶

Справляется ли автор с решением этих очень амбициозных задач (шутка ли, бросить перчатку как минимум половине философского человечества)? Скорее нет, но это «нет» заслуживает более пространныго пояснения.

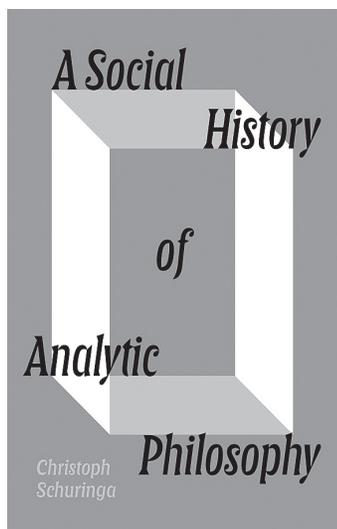
С КЕМ ВОЮЕМ?

Шуринга действительно объявляет полноценную войну аналитической философии, рассматривая ее как что-то вроде ментального вируса, который нацелен вовсе не на освобождение человека, а на насильственное зашоривание его мышления – к тому же основанное на заведомо ложных и подтасованных предпосылках.

«Так называемой “классической программы анализа” попросту никогда не существовало. В тот самый период, когда принято считать, что она зародилась – до Второй мировой войны, – мы видим лишь разрозненные и враждующие подходы, все до предела методологически самодовольные и непримиримые в основных вопросах. [...] Только после [Второй мировой] войны все эти противоречивые течения были насильственно склеены в то, что окрестили “аналитической философией”. Но и тут никакой подлинной программы не возникло: родился лишь хрупкий и неустойчивый сплав, обреченный на разложение едва ли не с момента, как он появился на свет» (р. 9).

- 5 Шуринга ни разу не использует этот термин, предпочитая ограничиваться расплывчатым «либеральным рынком» и тому подобным: видимо, подразумевается, что читатель уже прочел Марка Фишера и понимает «ситуацию» – в противном случае непонятно, из какой оптики следует читать последние «активистские» главы книги.
- 6 См. также выпуск подкаста «Acid Horizon» (июль 2025 года), в котором Шуринга объясняет основные идеи своей книги: www.youtube.com/watch?v=N20uTBFDSL4.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

«Это ощутимо и теперь так же, как и в 1972 году, когда Джонатан Ри⁷, тогда еще молодой аспирант Оксфордского университета, писал: “Люди, ничего не знающие о [аналитических] философских курсах, будут, вероятно, поражены и даже огорчены их воздействием. Прежде всего они заметят, что студент философии приобретает подчеркнута манерный способ речи и умение отмахиваться от серьезных идей с полусутошливыми придирками к тем словам, в которых эти идеи выражены”. Речь именно о тех привычках в языке, на которые указывает Ри, вместе с мелочным буквоедством. Сами аналитические философы склонны рассматривать это как проявление своей приверженности точности и “прямоте”» (р. 10).

Во второй половине книги автор и вовсе в какой-то момент называет аналитиков *дегенератами*:

«Опора [аналитиков] на интуиции – это симптом философской дегенерации. В худших проявлениях аналитическая философия мечется, словно шарик в пинболе, между беспочвенной верой в целевые свойства “стимулирования интуиции” [*intuition pumping*], грозящей породить чудовищные результаты, и вычислительными упражнениями утилитаристов, которые воображают, будто достаточно умны, чтобы вовсе игнорировать интуицию, – и чьи итоги, если уж на то пошло, оказываются еще более удручающими» (р. 236).

Упрекает их в нарциссизме и «белости» – и, нет, потом оказывается, что это вовсе не случайный выбор слова:

«[Аналитическая философия] совершает своеобразный акт двойного забвения. Она забывает, что сама является традицией среди других; и забывает, возможно, даже более примечательно, что она не ровесник “западной философии”. Тем самым она приравнивает деколонизацию к знакомству с “не-западной философией”, то есть с традициями, альтернативными традиции западной философии. В этом акте исчезновения, в котором она сама исчезает из поля зрения, она снова изолирует себя от критической силы деколонизальной мысли. Традицию, которая не существует, нельзя потрогать так же, как белизну, цвет, которого нет, невозможно увидеть» (р. 262).

И обвиняет их, помимо прочих удивительных вещей (о которых далее)... в колонизации деколонизального дискурса:

«Это явление достигает своей наиболее коварной и даже извращенной формы там, где аналитическая философия пытается колонизировать оппозиционные, антиугнетательские дискурсы феминизма и критической расовой теории: она колонизирует даже

7 Джонатан Ри (р. 1948) – британский философ, не аффилированный с академией. Автор десяти книг, в том числе «Witchcraft: The Invention of Philosophy in English» (London: Penguin, 2019).

антиколониальное. Более того, она оказывает свое колониальное воздействие даже на движение за деколонизацию учебной программы» (р. 283).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

Действительно, впечатляющий *vra*g (а автор рисует именно образ Врага с большой буквы), щупальца которого распространились далеко за пределы академии! Как же Шуринга намерен с ним сражаться? Он атакует одновременно и либерализм, и капитализм, и академию, обвиняя именно аналитиков в том, что мы до сих пор живем по логике XVIII века, игнорируя вызовы века XX, как будто ничего не случилось, мол, так и надо. Для дебюта «*A Social History of Analytic Philosophy*» – замах исключительно масштабный, и, к сожалению, нельзя сказать, что в итоге у автора получилось то, что он, как мы можем предположить, задумывал.

Оставим временно в стороне проблемы с конструированием соломенного чучела из оппонента, есть вопросы и посерьезнее: по структуре, стилю и подаче материала. Особенно по стилю. С и без того достаточно нервного академического слога Шуринга постоянно сбивается на анекдоты, злорадные (иначе их не назовешь) ремарки и уничижительные характеристики по отношению к своим оппонентам. Текст, имеющий все внешние признаки академического, на деле написан очень раздраженным, как сейчас принято выражаться, *токсичным*, языком. Авторские эмоции пропитывают даже гладко и правильно изложенные фрагменты книги, изрядно замутняя в итоге ее восприятие, – вот вроде все правильно сказано и предоставлены все доказательные цитаты со ссылками на источники, но зачем же брать *такой* тон?

«Лингвистическая философия, известная так же, как “философия обыденного языка”, ограничивала задачу философии банальной экспликацией повседневной речи – то есть языка, каким он звучит из уст носителей реально существующих языков вроде английского (в противовес искусственным системам, придуманным логиками и математиками). Все так называемые философские проблемы можно было смести одним высокомерным жестом. Их следовало не решать, а “растворять”, как любили выражаться оксфордские философы, избавляясь от самого труда размышлять над ними. Задача оказалась удивительно удобной для людей с классическим гуманитарным образованием: философия фактически выродилась в филологию – изучение не мира, а слов. Логика при этом становилась ненужной; напротив, ее следовало презрительно отвергать» (р. 111).

Из проблемы стиля и подачи почти сразу начинает прорастать и уже к середине становится в полный рост главная проблема «*A Social History of Analytic Philosophy*» – ее бесструк-

турность. Для памфлета вроде «Капиталистического реализма» книга слишком длинна и до сумбурности обстоятельна, а для академического исследования – слишком полемична, лоскутна и зациклена на негативном освещении своего предмета.

Шуринга активно использует для описания всех процессов, связанных с аналитической философией, милитаристскую лексику, в особенности отдавая предпочтение слову *takeover*. Вот один из многочисленных примеров: пять метафор битвы на три маленьких предложения (курсив мой):

«Представленную здесь историю следует понимать как серию *героических атак на крепость* экстенционализма, главными героями которых были Льюис, Пэрри, Маркус и Прайор. *Нападать* на экстенционализм означало фактически *наносить удар в самое сердце* аналитической идеологии. Те, кто *осуществлял эти атаки*, не были аутсайдерами, но, в некотором смысле, они были *иконоборцами*» (р. 200).

Текст, имеющий все внешние признаки академического, на деле написан очень раздраженным, как сейчас принято выражаться, *токсичным*, языком. Авторские эмоции пропитывают даже гладко и правильно изложенные фрагменты книги, изрядно замутняя в итоге ее восприятие.

БОГАТСТВО МЫСЛИ

Вопрос о привилегиях не только академических или расовых, но и аристократических автора категорически не отпускает. В процессе чтения вы узнаете, сколько у кого из персонажей начиная с Бертрана Рассела было слуг и имений, какие курьезы и сумасбродства сопровождали взросление будущих аналитиков. Авторский посыл здесь в том, что такая безумная идея, как логический, очищенный, *правильный* язык, могла возникнуть только в изнеженных головах состоятельных наследников, которые в жизни с *простым народом* не разговаривали и только фантазировали о том, как мыслит «средний человек» (здесь действительно приводится несколько остроумных примеров).

Самый исходно богатый из упоминаемых в книге персонажей – Людвиг Витгенштейн, – правда, резко выламывается из этого правила (он избегал любых аффилиаций и при жизни), но Шуринга, кажется, испытывает к нему какую-то особенную нежность и не устает напоминать, что тот неоднократно менял

свои взгляды и вообще оказался фатально *неправильно* понят своими последователями-аналитиками. Всплывают, впрочем, и интересные анекдоты: например, что тот же Витгенштейн, давно и, по-видимому, навсегда «угнанный» в свой стан аналитиками и левыми либералами, любил на досуге почитать таких (до сих пор) популярных у ультраправых авторов, как Освальд Шпенглер или Отто Вейнингер⁸.

Увы, все это теряется на фоне того, насколько Шуринга не в силах побороть стремление вновь и вновь повторять, как же аналитики беспощадно зациклены на себе и как они истребляют любое многообразие взглядов на философию всюду, куда добираются:

«Аналитическая философия просто не может не считать себя *философией* как таковой – подобно тому, как, как подчеркивал Чарльз Миллс, белые не могут не считать себя *просто человечеством* как таковым. Аналитические философы любят говорить, что существует только “хорошая” и “плохая” философия – и остается только самому сделать вывод, что “хорошая” философия – это та, которую одобряют аналитические философы. [Однако] “плохая” философия может стать “хорошей”, если она соответствует требованиям аналитического подхода» (р. 283).

В принципе, цитировать можно бесконечно. Язвительный факт или уничижительная характеристика в отношении аналитиков найдется почти на каждой странице труда Шуринги. Те во многом заслужили эти претензии. Вот, например, сэр Альфред Айер – один из самых титулованных аналитиков-предтеч – отказывает Хайдеггеру в наличии смысла в его сочинениях на следующем занимательном основании (курсив мой):

«Гегель по крайней мере “притязал на поддержку разума для своих фантазий”, но с Хайдеггером, “ведущим понтификом” того времени, мы попадаем “в край, из которого обычные логические процессы или даже рассуждение любого рода, по-видимому, были изгнаны”. Хайдеггер просто апеллировал, как проповедовал Айер, к опыту страдания⁹, “при условии, что это всегда страдание без какой-либо особой цели”. Это страдание и отвергает “Ничто”. Айер признавал, что у Хайдеггера, похоже, были аргументы в поддержку такой точки зрения, но, *поскольку он основывался “на элементарной ошибке трактовки «ничто» как имени, их вряд ли следует воспринимать всерьез”*» (р. 157).

- 8 Отто Вейнингер (1880–1903) – автор книги «Пол и характер», полной женоненавистнических и антисемитских рассуждений (при том, что автор был евреем из богатой семьи). После публикации 23-летний Вейнингер снял комнату в доме, где умер Бетховен, и застрелился. «Пол и характер» пользовался популярностью в первые годы «третьего рейха».
- 9 На английский язык ключевое понятие философии Хайдеггера, *Angst*, перевели как *anguish* (страдание, тоска, мука), что, вероятно, обеспечило специфическое восприятие его текстов. В русских переводах Владимира Библихина этот термин передается как «ужас», что ближе к оригинальному немецкому значению.

В этом абзаце происходит типичная ситуация, когда аналитическая философия (делает вид, что) пытается понять континентальную: определенные *состояния сознания* или ума, которые описывает оппонент, принимаются просто за *слова*, а так как эти слова *неправильные* (не имеющие денотата в «реальной действительности», под которой, как справедливо отмечает Шуринга, понимается, как правило, уютная кафедра, ведь это *armchair philosophy*), то их можно просто отбросить. Нет слов – нет проблемы.

Кстати, в университете Фрайбурга, некогда главной цитадели Хайдеггера, теперь на соответствующей кафедре изучают только аналитическую философию – порадуемся, что *неправильные слова* изгнаны и никто больше не будет испытывать фантазматический *Angst*.

К сожалению, «A Social History of Analytic Philosophy» изобилует ненужными и отвлекающими деталями – про каждого третьестепенного персонажа и каждую кафедру каждого университета вы обязательно узнаете все биографические вехи от рождения/основания и до нужной автору исторической точки. Чаще всего эти сведения не имеют никакой ценности для повествования, кроме косвенной, подтверждающей уже не раз и не два обозначенные Шурингой тезисы («вы видите, и этот был богатым сыном промышленника», «вы видите, и здесь до явления аналитической философии наблюдался благодатный философский плюрализм взглядов»).

К утилитарным иллюстрациям у Шуринги утилитарное же отношение. Как правило, скрупулезно биографизированные персонажи и кафедры вслед за описанием исчезают из повествования, чтобы никогда больше не появиться. Вставные истории про Венский кружок и Франкфуртскую школу никуда не ведут (так как сотрудничества с аналитиками у них в итоге не получилось) и ничего не добавляют к уже известным многочисленным работам о них – зато занимают довольно много места.

В попытках сымитировать добросовестный академизм, автор даже берет на себя труд составить подробные списки (начиная со страницы 95 и далее эпизодически по всей книге), кто из аналитиков-предтеч на каком фронте и в каких войсках служил во время мировых войн – чтобы потом между делом признать, что никакой значимой корреляции с их дальнейшей философской деятельностью не наблюдается.

Местами возникает ощущение, что у книги не было редактора. Автор описывает круги, передвигаясь между эпохами и персонажами, совершая резкие тематические переходы туда и обратно. Следить за этим непросто – тем более, что куски текста могут буквально повторяться с небольшими вариациями в пределах одной и той же (!) главы:

«Именно Дж.Л. Остин был тем человеком, который старался “улучшить” Витгенштейна, одновременно отрицая, что тот на него повлиял, и насмешливо зовя его “Виттерс”¹⁰» (р. 92).

Но [Дж.Л. Остин] стал презрительно называть его “Виттерсом” и вообще отрицать, что Витгенштейн на него повлиял» (р. 112).

Для большей иллюстративности образа врага Шуринга не стесняется бить ниже пояса и приводить совсем анекдотические истории. Например, автор (чувствуется, что с наслаждением) цитирует откровенно неудачное определение *высшего блага* Джорджем Муром – одним из аналитиков-патриархов, другом и коллегой Бертрана Рассела и Витгенштейна:

«Предельными благами [у Мура] оказываются “определенные состояния сознания, которые можно приблизительно описать как удовольствие от совокупления между людьми и наслаждение прекрасными предметами”» (р. 54).

При этом незадолго до этого Шуринга цитировал юношеское (21 год) письмо Мура, в котором тот утверждал:

«Увы, совокупление, подобно прочим низшим удовольствиям, имеет столь великую притягательность для большинства людей, что они предаются ему ради самого акта, забывая о наслаждении высшем – любви, одной лишь достойной искания и являющейся подлинным к нему проводником. Отсюда рождается чудовищное и противоестественное извращение – соитие с женщиною чаще, нежели требуется для зачатия потомства; отсюда же – содомия и сапфизм, удовлетворение коих исковеркивает или даже умерщвляет способность, врожденно вложенную в каждого человека: способность вкусить блаженство истинной любви» (р. 34).

Чтобы добить образ нелепого и лицемерного пуританина (хотя Мур с тех пор существенно поменял свои взгляды), автор приводит следующий отзыв на его сочинения:

«Книга Мура 1903 года [та самая, из которой приведена цитата о предельном благе] оказала куда более сильное воздействие на широкую интеллектуальную публику, нежели труды Рассела. Восторг, с которым была встречена “Principia Ethica”, достигал прямо-таки истерических высот в кругу, впоследствии ставшем известным как Блумсберийский кружок – туда, помимо прочего, входили две сестры, Ванесса Стивен (впоследствии Белл) и Вирджиния Стивен (впоследствии Вулф), примкнувшие к обществу кембриджских апостолов. Один из членов группы, Литтон Стрэчи, в письме к Муру писал: “Я полагаю, что Ваша книга... разрушила и разметала

10 Шутка, по-видимому, заключается в том, что немецкий корень *wits* (остроумие, интеллект) входит в состав слова *witters* (болтун, празднослов).

в прах все сочинения по этике – от Аристотеля и Христа до Герберта Спенсера и мистера Брэдли¹¹» (р. 54).

Картина складывается смешная. Вот только это намеренно *пропагандистский* образ, который должен выставить Мура глупцом и сформировать у читателя негативное к нему отношение.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

В аннотации и вступлении Шуринга обещает нам рассказать про политические импликации ситуации с аналитической философией – вернее, про декларативную аполитичность этой «просто философии», структурно и по смыслу аналогичную маскировке так называемого капиталистического реализма, который, по наблюдению Фредрика Джеймисона и Марка Фишера, будучи конкретным социально-экономическим явлением, склонен маскироваться под «естественное положение вещей» и «закон природы». Сам автор, правда, формулирует эту задачу довольно расплывчато:

«Большая часть этой книги посвящена критике идеологии, следуя марксистской традиции. Критика идеологии часто рассматривается как имеющая отношение к дебатам о психологизме на рубеже XX века – области, в которой этот подход особенно показателен, учитывая важность институциональных факторов для объяснения существенных философских разногласий в данном случае [...] никто не является просто рупором классовых интересов – даже философы.

[...] Как только мы осознаем, что аналитическая философия, как и родственные ей бихевиоризм и неоклассическая экономика, служит увековечению картины, которая является центральной для буржуазной либеральной идеологии, – картины инертной сферы “фактов”, просто данной субъекту для пассивного восприятия, на фоне которой этот субъект выступает как предположительно автономный и спонтанный, – мы увидим, что ни один отрывок в ее истории не [должен] избежать идеологически-критического рассмотрения» (р. 3–4).

Скажем сразу: это неправда. Большая часть книги посвящена не марксистской критике чего бы то ни было, а просто подробному, *ab ovo* перечислению претензий Шуринги к аналитической философии. Не считая, и то с оговорками, последней

11 Фрэнсис Герберт Брэдли (1846–1924) – британский философ-идеалист, его книга «Appearance and Reality» (1893) считалась в начале XX века классическим трудом по метафизике и активно обсуждалась в Кембридже и Оксфорде. Отцы-основатели аналитической философии Мур и Рассел в своих ранних работах во многом строили свою философскую идентичность на оппозиции к Брэдли и британскому идеализму.

главы, *идеологической критикой* в «A Social History of Analytic Philosophy» можно счесть разве что постоянные подмигивания автора по поводу происхождения упоминаемых персонажей, у которых не было нужды постигать реальность во всей ее полноте, как простым людям, и поэтому, мол, им было очень легко воспарить в эмпирии чистой логики и идеального языка имени неправильно понятого Витгенштейна.

Но все же: кто виноват в том, что экспансия аналитической философии приобрела ярко выраженное политическое измерение, раз уж Шуринга анонсирует разбор этого смысла? Виноват во всем, как часто бывает в таких случаях, Гитлер. И дело вот в чем. Вследствие его политики в философских кругах Англии и США, куда в 1930-е после прихода нацистов к власти эмигрировали все ключевые германские интеллектуалы, окрепло стойкое и довольно опасное предубеждение. Оно заключалось в том, что происходящая в Европе катастрофа – совершенно закономерное следствие вековой гегемонии в умах идей континентальных философов, которые заигрались с метафизикой и вызвали к жизни «регрессивные социальные силы, которые стремились облечь свои программы в метафизические понятия, такие как *Volk* (народ)» (р. 72):

«Оксфордский философ Генри Прайс заявил слушателям на публичной лекции в Институте философии в Лондоне 14 февраля 1939 года, когда над Европой нависла угроза войны, что “эмпиризм [т.е. ранняя версия аналитической философии] враждебен обману и неясности, догматическому и авторитарному настроению, любому виду *ipse dixit*¹²” и что “те же принципы «живи и дай жить другим», та же неприязнь к обману и авторитету типа *ipse dixit* характерны и для либерализма”. Для эмпиризма философия была “свободным и совместным исследованием, где каждый может выдвигать любую гипотезу, новую или старую, если она имеет смысл”.

Угроза, исходящая с континента, была страшным предостережением: его “тоталитарные политические системы” были “давно отложенным следствием философий Фихте, Гегеля и Маркса или по крайней мере психологических установок, лежащих в основе этих философий”. Но Прайс надеялся, что “если эмпирическая философия сильна сегодня”, то послезавтра может произойти “энергичное возрождение либерализма”. В своих надеждах на возрождение либерализма Прайс не будет разочарован. После войны Бертран Рассел в похожем ключе сказал другой лондонской аудитории, собравшейся 23 октября 1946 года на Четвертую лекцию Национальной книжной лиги в Доме Друзей: “Единственная философия, которая дает теоретическое обоснование демократии и согласуется с демократией по своему складу ума, – это эмпиризм”» (р. 16).

12 Латинское выражение, букв. «он сам это сказал», со времен Средневековья используется для обозначения утверждения, сделанного без доказательств, с отсылкой лишь на авторитет говорящего.

В общем, кто изучает аналитическую философию, будет хорошим демократическим гражданином и поможет строительству хорошего демократического общества, а кто изучает континентальную – станет в итоге фашистом (или того хуже, коммунистом) и построит Освенцим или ГУЛАГ. При всем удивительном примитивизме этой аргументации (даже со скидкой на исторический момент) именно она стала в итоге доминирующим мотивом прихода аналитиков к власти, и в каком-то виде – нередко даже не бессознательном, а артикулированном – сохраняется до сих пор.

Ситуации в 1940-х отнюдь не помогало то, что главный живой флагман континентальной философии того времени – Мартин Хайдеггер – еще в 1933 году занял должность ректора Фрайбургского университета и произнес пламенную речь о любви к НСДАП. В это же время его учитель еврейского происхождения, Эдмунд Гуссерль, был уволен со всех постов, запрещен в печати и, отказавшись эмигрировать, умер в 1938 году в одиночестве. Его печальная судьба, увы, совершенно не остановила аналитиков от критики и обвинения в криптофашизме всех представителей и приверженцев континентальной философии разом (примерно так же, впрочем, как Шуринга фактически обвиняет в буржуазной гегемонии скопом всех аналитиков).

ВАНДАЛИЗМ КАК ПОВЫШЕНИЕ ОСОЗНАННОСТИ

Главную и, кажется, единственную действительно интересную «бомбу» Шуринга взрывает лишь в середине: рациональное аналитическое мышление, подложка и питательная среда капитализма, которое нам кажется естественным законом жизни для разумного гражданина, было придумано конкретными людьми в конкретной организации¹³ в конкретный временной период для конкретных политических целей.

Интересна также теория автора о том, что во многом засилье аналитической философии сегодня – это долгосрочный результат прошедших семьдесят лет назад во времена маккартизма «чисток» кафедр от «подозрительных элементов». Правда, глава, этому посвященная, наверное, самая скучная во всей книге – монотонные подробности преследований, опять третьестепенные лица (с подробным изложением их биографий), богом забытые кафедры... Поток ненужных деталей немного расцветчивается большой вставной историей, как из амери-

13 Речь про основанную в 1948 году и существующую до сих пор некоммерческую исследовательскую корпорацию RAND, в которой работали (и получали зарплату) ряд ключевых для развития аналитической философии фигур.

канского университета увольняли Анжелу Дэвис. Да, отношение к предмету этот сюжет имеет достаточно опосредованное – зато колоритная фигура Дэвис хотя бы немного оживляет страницы.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

Рациональное аналитическое мышление, подложка и питательная среда капитализма, которое нам кажется *естественным законом жизни* для разумного гражданина, было придумано конкретными людьми в конкретной организации в конкретный временной период для конкретных политических целей.

Основные доводы Шуринга приберегает для последних пятидесяти страниц книги: политически заряженные заявления и совсем уже агрессивные нападки на *врага* идут непрерывным потоком, а стремительные перескоки повествования при этом только усиливаются. Так, ближе к концу есть глава «Ethics Against Intuition» (р. 247–251), где Шуринга гладко и без видимого перехода начинает рассуждать о движении эффективного альтруизма, которое он (довольно спекулятивно) выводит из аналитической философии – и отождествляет с ней. На читателя обрушивается ворох, мягко говоря, странно аргументированных обвинений аналитиков во всех проблемах мира. Поминаются мизогиния, харассмент на рабочем месте, педофилия, полиамория (именно в таком порядке) и даже Илон Маск, после чего белый мужчина-философ Кристоф Шуринга совершенно серьезно стыдит аналитиков / эффективных альтруистов в том, что абсолютное их большинство – белые мужчины, а затем благодарит различные феминистские организации за то, что те работают над исправлением данного прискорбного положения дел. Читателю предлагается в том числе следующий удивительный пассаж:

«Эффективный альтруизм имеет очевидные черты культа: помимо сексуального злоупотребления властью, вступающим в движение рекомендуется, согласно утилитаристской идеологии, оставить за дверью свои интуиции. [...]

Ср. высказывание предполагаемого Мессии, Иисуса из Назарета, которое христианские культы использовали в качестве оружия, чтобы контролировать своих жертв: “Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником” (Лука 14:26)» (р. 249; второй абзац является сноской к первому).

Далее идут главы про аналитический марксизм (он Шуринге тоже не нравится как невнятный и буржуазный) и аналитический феминизм, идея которого, напротив, нравится Шуринге настолько, что этот фрагмент пестрит восторженными сносками и заверениями автора в преданности данному движению.

Вообще феминизма в книге так много, и вся классовая критика (точнее, осколки и намеки на таковую) Шуринги так тесно с ним переплетена (женщина – угнетенный класс), что остается подивиться, как в издательстве «Verso» проглядели заведомо выгодную возможность соответствующего позиционирования, подав вместо этого книгу как то, чем она определенно *не* является – как «критику аналитической философии слева». Впрочем, практическая реализация феминизма в аналитическом изводе Шуринге тоже не по душе:

«Аналитический феминизм един в своем служении хабермасовскому проекту¹⁴ создания идеальных условий для функционирования либерального коммуникативного рынка. Обратной стороной этой обеспокоенности либеральным коммуникативным рынком является его [аналитического феминизма] неспособность охватить социальную реальность.

Иногда, имея дело с социальной реальностью, необходимо иметь дело с материальным жизненным опытом реальных людей. Показательным примером этого служит то, что происходит, когда аналитические философы пытаются разобраться со сложностями трансидентичности» (р. 277).

Очень сложно понять, что имеет в виду автор – ведь должна же быть в книге какая-то логика или, может, даже какие-то предложения по поводу того, что делать в данной безнадежной (по мнению Шуринги) глобальной ситуации? И, в конце-то концов, где же обещанная марксистская критика? Вместо нее (или в качестве эрзаца) далее рассказывается о социальной пользе движения *Black Lives Matter* и несчастья, приключившегося с Джорджем Флойдом, а также историю о сносе в ЮАР памятника колонизатору толпой студентов – в качестве примера повышения уровня «осознанности» в сфере высшего образования:

«В 2014 году Университетский колледж Лондона выпустил онлайн-видеоролик под названием “Почему моя учебная программа белая?”, в котором приняли участие студенты и преподаватели...

14 Юрген Хабермас (р. 1929) критиковал современный либеральный рынок за доминирование стратегической рациональности над коммуникативной (огрубляя – за капиталистическую ориентацию рынка на выгоду в ущерб действительным нуждам и проблемам людей). В каком смысле здесь его (единственный раз за книгу) упоминает Шуринга, ясно не до конца – судя по всему, автору не нравится, что все эти хорошие начинания продолжают все равно оставаться в рамках либерального капитализма (и, соответственно, аналитической философии).

В 2015 году студенты Кейптаунского университета инициировали кампанию “Роудс должен пасть”. Эти усилия способствовали повышению уровня осознания “белизны” учебной программы по философии, как и по другим дисциплинам» (р. 284).

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

Какое это имеет отношение к философии, аналитической или не очень, – кроме наглядной демонстрации, насколько резко снизились текущие академические стандарты в Европе, – не понятно.

Но что же, в конечном счете, автор предлагает? Может быть, возрождение континентальной философии (раз он гегельянец)? Увеличение доли женщин и представителей небелых рас в английской и американской академиях? Социалистическую революцию, наконец?

Читатель, который найдет в себе силы дочитать труд Шуринги до конца, не получит ответа на этот вопрос. После трехсот страниц книга просто обрывается следующим текстом, который, видимо, суммирует взгляды и предложения автора по поводу переустройства мира:

«Множество альтернативных традиций – африканская философия, китайская философия, коренные “американские” философии и прочие – сейчас втиснуты в [определенную] роль, которая вполне закономерна, если учесть общий способ функционирования аналитической философии как гегемонистской формы философии, обслуживающей либерально-колониальный капитал. Мы уже видели, что аналитики готовы допустить феминисток в либеральный “рынок идей”, нейтрализуя “феминистскую точку зрения” посредством растворения ее в аморфном витгенштейнианском “мы”¹⁵; что они умеют возвращать теоретиков критической философии расы обратно под “покров неведения” – теперь с учетом исторических несправедливостей, которые благополучно улаживаются в рамках тех же самых абстрактных расчетов.

Точно так же возможность деколониальных форм философии бросить вызов гегемону в его самом основании блокируется заранее – с помощью упреждающей колониальной позиции. “Западная философия” может фигурировать лишь как совокупность “альтернатив” гегемону, который, не без лукавства, сам себя теперь преподносит как “западную философию”. Можно даже искать связи между разными традициями. Но либеральное ядро при этом остается неприкосновенным.

Эта колоссальная хрупкость не должна быть поставлена под сомнение, иначе разоблачится ее фиктивная инклюзивность. Традиция эмпиризма-либерализма, берущая начало у Юма и продолженная аналитической философией, несмотря на ее самодовольно-невежественный образ самой себя как просто “философии вообще”,

15 Видимо, имеется в виду манера философов говорить за всех людей сразу, так, в «Логико-философском трактате»: «2.1. Мы создаем себе картину фактов» и далее.

по праву содрогается при мысли о гневе, который может обрушиться, если будут высвобождены подавленные ею критические силы» (р. 286).

Сложно понять, что же именно Шуринга хотел сказать и от каких именно «критических сил» аналитическая философия должна *содрогнуться* – явно не от этой книги, которая в тематических философских интернет-сообществах уже вызвала насмешки.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ МЫТАРСТВА

Для русскоязычного культурного мира положение дел, с которым воюет Шуринга, достаточно умозрительно. Россия, изначально почти не знавшая никакой философии, кроме религиозной (и вольных пересказов немецких мыслителей), затем на семьдесят лет увязшая во вполне континентальном марксизме-ленинизме¹⁶ и очаровавшаяся после распада СССР континентальными же французами, к аналитической философии всегда имела отношение скорее по касательной. Там, где на российском поле аналитическая философия все же проросла, она на первый взгляд как будто была воспринята¹⁷ в несколько странном виде, не слишком похожем на того голема ригидности, с которым воюет Шуринга:

«Аналитическая философия включает в себя спектр философских дисциплин. К сожалению, к настоящему моменту в России большинство исследований, ведущихся в парадигме аналитической философии, – это исследования в области философии языка или философии сознания. К метафизической проблематике отечественные философы обращаются прежде всего в связи с вопросами философии языка. Практически отсутствуют аналитические работы в области эпистемологии. Единичными являются исследования (преимущественно историко-философского характера), относящиеся к этике и политической философии».

О какой же метафизике идет речь применительно к традиции, которая, как настаивает Шуринга, изначально стремилась освободиться от всякой метафизики и вообще от всего неоднозначного, чтобы сосредоточиться на игре в слова? А вот, оказывается, есть аналитическая метафизика, о которой подробно писали¹⁸ еще десять лет назад:

16 Впрочем, Шуринга цитирует Ленина чуть ли не как одного из предтеч аналитической философии (р. 67, 82).

17 Иванов Д.В. *Рецепция аналитической философии в России* // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 106–117.

18 Лакс М.Д. *Метафизика в аналитической традиции* // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 2. С. 5–15.

«[Питер] Стросон был выходцем из традиции обыденного языка. И хотя он требовал обращать пристальное внимание на то, как наши концепции находят разное выражение в разных областях языка, он также настаивал, что нам необходимо выйти за рамки анализа обыденного языка и обратиться к общим концептуальным схемам. Согласно Стросону, данное мероприятие и есть занятие метафизикой. Стросон выделял два стиля метафизики: дескриптивная метафизика, задача которой состоит в описании используемой нами концептуальной схемы, и метафизика ревизирующая, задача которой – предлагать другие, новые концептуальные схемы».

И даже, оказывается, существуют полноценные исследования¹⁹ только по теме аналитической метафизики. Ситуация, по-видимому, несколько сложнее, чем черно-белая картина жесткого противопоставления метафизической континентальности и логической аналитики, которую рисует в первой половине книги Шуринга. Впрочем, во второй половине он все-таки признает метафизику в аналитической философии – но оставляет напоследок, чтобы разделаться с ней всерьез:

«Нет никаких сомнений, что с импульсом, заданным [Солом] Крипке и [Дэвидом] Льюисом в начале 1970-х, метафизика ныне является ядром аналитической философии. В каждой программе бакалавриата теперь имеется как минимум один курс под названием “Метафизика”, который, как утверждается, должен ознакомить студентов с “природой реальности”. Но как вообще могло случиться, что это повторное импортирование метафизики в философию было принято аналитическим истеблишментом? [...]»

Хотя Льюис, в особенности, возвышается над всей дисциплиной, само “льюисианство” как социальная формация печально лишено того философского пыла, который характеризовал его самого. Идея о том, что философские тезисы можно “взвешивать” посредством “анализа издержек и выгод”, словно бы профессия философа являлась разновидностью инженерии, составляет унылую основную массу его наследия. Более того, должно вызывать удивление то, что современные метафизики, заявляя о своей принадлежности к особой строгости [метода], якобы связанной с аналитической философией, в действительности строят свои аргументы на собственных интуициях, рожденных “в кресле”» (р. 200).

Рассказ про метафизику затем вдруг обрывается – и начинается описание (со множеством формул и спецсимволов) сложноватого для неподготовленного читателя спора нескольких философов о том, как правильно понимать модальную логику. Если это и была иллюстрация к проблеме метафизики в аналитической философии, то мы вновь вынуждены признать, что не понимаем, что именно Шуринга намеревался продемонстриро-

19 Кононов Е. *Аналитическая метафизика. Тематический обзор*. М., 2023; из европейских публикаций см. также: STROLLO A. *Between Science and Logic: Securing the Legitimacy of Analytic Metaphysics*. Trieste, 2024.

вать. Модальная логика предоставляет аналитикам инструменты для анализа метафизических понятий – например, необходимость, возможность, сущность и существование. И что дальше?

А дальше автор оказывается в ситуации, когда вынужден заявить: да, метафизика в аналитической философии есть, но это неправильная, ненастоящая метафизика:

«Современным аналитическим метафизикам, пожалуй, стоило бы помнить, что их герой [Уиллард] Куайн утверждал: правильность онтологической теории зиждется ни на чем ином, как на подражании естественным наукам» (р. 213).

«Современные аналитические метафизики привычно предают тому, что сами же зовут “кресельной”, “приорной” или даже “спекулятивной” метафизикой. Классический пример – монография “Four-Dimensionalism” (2001) Теодора Сайдера, где доказывается “онтология материального мира, согласно которой объекты имеют не только пространственные, но и временные части”, причем сам автор определяет ее как “работу по спекулятивной онтологии”» (р. 227).

«Сегодняшние аналитические метафизики любят повторять, что они “рассекают природу по суставам”. Но у них нет для этого никакого метода, кроме как пересказывать данные науки – пока не решат, что их следует “переопределить” в пользу здравого смысла или “обыденных” верований. Эта методологическая дряхлость не осталась незамеченной. “Кресельная” метафизика [Джонатана] Шаффера и Сайдера вызвала резкую критику даже внутри аналитической философии. Джеймс Лэйдиман и Дон Росс писали, что аналитическая метафизика “не заслуживает имени просвещенного поиска объективной истины и должна быть прекращена”. Джеймс Маклорин и Хизер Дайк задали уместный вопрос: “Зачем вообще нужна аналитическая метафизика?” Их ответ однозначен: она, похоже, ни для чего (хорошего) не нужна» (р. 228).

Непонятно, что же Шуринга хочет обсуждать относительно метафизики, если он в принципе отказывает своим оппонентам не то что в позиции – в *существовании* как философам, настаивая, что они всего лишь сборище шарлатанов, которые произвели рейдерский захват философии, превратив ее в слоблудие и карго-культ науки.

ЧТО БЫ СДЕЛАЛО ЭТУ КНИГУ ЛУЧШЕ

Мы столкнулись с достаточно уникальной ситуацией: не очень понятно, что именно в труде Шуринги следует рецензировать, поскольку фактическое содержание книги не соответствует ни издательской аннотации, ни интенциям и методам, которые сам автор анонсирует во введении. Более того, «A Social History of

Analytic Philosophy» с большим трудом соответствует академическим стандартам вообще, ценность проведенного исследования практически сводится на нет выбранным стилем подачи, а итоговый посыл автора остается по меньшей мере смутным.

Это печально, ибо феномен аналитической философии и то, как ее декларативная аполитичность и стремление к «чистоте разума» оказали беспрецедентное влияние на формирование текущего политэкономического *status quo*, – это очень интересная, серьезная и актуальная тема.

Можно было бы, например, задаться вопросом: а почему, собственно, аналитическая философия, которая всегда начинается за здравие, всегда заканчивается так, как описано в рецензируемой книге? Ответ мог выглядеть, к примеру, так: аналитическая философия – это буквально *дисциплина*, адепты которой учат людей, как им правильно говорить и как правильно думать. В силу этого она будет структурно склонна к тоталитаризму: кто-то же определяет нечто как «правильное», а итоговый переход в политически «правое» (каким бы бесконечно *формально* левым оно ни было) – уже вопрос одного ситуативного суффикса.

Аналитическая философия – это буквально дисциплина, адепты которой учат людей, как им правильно говорить и как правильно думать. В силу этого она будет структурно склонна к тоталитаризму: кто-то же определяет нечто как «правильное».

То, что автор «зарезал» прекрасную тему столь небрежным и эмоциональным исполнением, не значит, что следует махнуть рукой на поставленные выше вопросы. Вместо этого попытаемся еще раз проанализировать заявленную проблематику и даже предложить пути ее развития. Давайте помечтаем, какой эта книга *могла бы быть*, возьми автор на себя труд раскрыть практически любую из тех тем, которые он чуть-чуть намечает и бросает на полпути, увлекшись новой антианалитической инвективой.

Возьмем для примера три таких темы.

1. Аналитическая философия, проблема сознания и нейросети

Шуринга очень вскользь касается темы *квалиа* (само слово не упоминается в книге вообще) и физикалистской модели созна-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

ния, которой придерживаются аналитики, – хотя на странице 245 добросовестно целиком приводит описание мысленного эксперимента «Китайская комната»²⁰ Джона Сёрла²¹, рожденного в диалоге с философом-аналитиком Дэниэлом Деннетом²², а в другом месте в самом начале мельком упоминает то, что можно было бы рассмотреть гораздо детальней:

«Бихевиоризм был, пожалуй, самым выдающимся примером непреодолимой тяги [аналитиков] к копированию всех форм исследований по образцу естественных наук.

Программа быстро провалилась, не в последнюю очередь потому, что сама себя не оправдала. Животные, участвовавшие в экспериментах, вели себя не так, как предсказывали бихевиористы: они не просто не повторяли одни и те же реакции на стимулы, но, по видимому, страдали от “инстинктивного дрейфа”, кажущегося необъяснимым возврата к своим естественным склонностям. После 1959 года, когда разгромный обзор Ноама Хомского “Вербального поведения” Б.Ф. Скиннера вогнал длинные гвозди в гроб бихевиоризма, его основные импульсы были перенаправлены на озабоченность компьютерами, заменяющими сознательных агентов.

Сегодня эта тенденция находит свой аналог в одержимости аналитических философов “искусственным интеллектом”, якобы аналогичным сознанию. ИИ, которыми они одержимы, такой, как большие языковые модели²³, являются не чем иным, как очень сложными статистическими предикторами и, следовательно, совершенно отличаются от сознательного разума» (р. 14).

Отличная тема, развертывание которой само по себе могло бы занять большую главу, если не целую книгу – проследить, как именно благодаря аналитическому подходу, который гармонично транспонировался в техническое мировоззрение *специалистов*, у нас теперь и имеются нейросети, зачаровавшие большую часть человечества.

Начать можно было бы с того, что новости сегодня все чаще пестрят заголовками: такой-то совершил убийство или самоубийство после диалога с *ChatGPT* или в лучшем случае просто

20 Эксперимент «Китайская комната» заключается в следующем. Человек, не знающий китайского, сидит в комнате с инструкцией на английском и, следуя правилам составления иероглифов, выдает через щель в двери наружу ответы, которые для носителя языка выглядят осмысленными. Тезис Сёрла состоит в том, что компьютер, выполняющий программу (в том числе и современная нейросеть), лишь имитирует понимание, но в действительности его нет.

21 Джон Сёрл (р. 1932) – американский философ, профессор Калифорнийского университета в Беркли, теоретик искусственного интеллекта. По итогам дискуссии про возможность существования ИИ вполне в духе Шуринги обвинил своего оппонента Дэниэла Деннета в «умственной неполноценности».

22 Дэниэл Деннет (1942–2024) – американский философ и когнитивист, наиболее известный за свое отрицание квалиа и вообще существования сознания в классическом смысле. В понимании Деннета (курьезно близком к буддизму) сознание – это множество информационных потоков, которые конкурируют между собой за доступ к мозгу, а то, что мы принимаем за «себя», – это просто инфопоток, который активен в данный момент. Исходя из такого представления никаких проблем с созданием «ИИ» по аналогичной модели Деннет не видел.

23 *Large Language Model (LLM)*, самый известный пример – *ChatGPT*.

сошел с ума. Почему это происходит? Потому что аналитическая философия и физикалисты научили нас, что человеческая речь должна быть точна и строго функциональна, а любые сложные и мутные вопросы – от платоновского высшего блага до хайдеггеровского бытия (и, возможно, до классового сознания) – это просто языковые галлюцинации.

Надо «быть проще» и говорить лишь про те объекты и ощущения, что действительно существуют или из них выводятся. Строить правильную, гармоничную речь, всегда быть способным пояснить, что именно ты имеешь в виду. Сознания как чего-то сверх аналитического разума не существует, следовательно, философский зомби невозможен, потому что в рамках этой модели мира такой зомби – просто каждый из нас. Существует только речь – *правильная* или *неправильная*. Правильную речь надо слушать, неправильную корректировать.

Это и есть логика существования нейросетевых чат-ботов – правильная речь без субъекта, которую человеческое сознание (существует оно или нет) воспринимает как другое сознательное существо и реагирует поэтому на словесные комбинации робота как на серьезное высказывание собеседника. И если тот убедительно аргументирует, почему, например, заменить пищевую соль бромидом натрия безопасно, то к нему стоит прислушаться (и попасть²⁴ потом в неотложку).

Континентальная философия с такой проблемой разделалась бы очень легко: робот не человек, чем там очаровываться? – но вот обосновывать это (что такое робот? что такое человек?) пришлось бы неизбежно за счет привлечения метафизики и возобновления спора о том, что есть субъект (что его характеризует – свобода воли, душа, открытость бытию, способность осознавать движение абсолютного духа или, там, ризомы со складками – выбор огромен). Справился бы Шуринга с этой задачей? Загадка: хотя и гегельянец, автор подозрительно избегает любых контраргументов со стороны континентальной философии – и вообще практически ее не касается за все три сотни страниц, кроме пары анекдотов про Жака Деррида.

Но тогда для развития темы можно было бы привлечь, например, не философов, а ученых, которые также участвовали в 1980-е в этом глобальном полилоге о возможности искусственного интеллекта (ИИ) наряду с аналитиками Сёрлом и Деннетом – Роджера Пенроуза²⁵ или Дугласа Хофштадте-

24 См.: www.theguardian.com/technology/2025/aug/12/us-man-bromism-salt-diet-chatgpt-openai-health-information.

25 Сэр Роджер Пенроуз (р. 1931) – британский ученый, лауреат Нобелевской премии по физике 2020 года. Как исследователь сознания выпустил книгу «Новый ум короля» (1989), в которой усомнился, что сознание можно описать алгоритмом (то есть аналитически) и, следовательно, создать его цифровую копию («ИИ»). Пенроуз предполагает, что сознание основано на пока не открытых физических микроструктурах наподобие «квантовых процессов в микротрубочках внутри нейронов».

ра²⁶, у которых были свои оригинальные теории, не противоречащие притом принципиальному физикализму аналитиков. В этом случае дискуссия вышла бы за пределы исключительно философского дискурса – но раз автор и так производит эту вылазку в финале книги (правда, в сторону политического активизма), то почему бы не преподнести проблему в гораздо более многоплановом виде?

2. Квантификация и капреализм

Под самый конец книги Шурина намечает одну из ее потенциальных силовых линий (остающуюся, увы, нераскрытой):

«Идеология аналитической философии остается либеральной. Ее участники воображают себя вступающими в либеральный “рынок идей”. Считается, что именно через свободное обращение на этом рынке лучшие идеи и “побеждают”. Каждому, как предполагается, открыт вход на рынок – всякий якобы может свободно войти и принять участие в процессе обмена. Но условия доступа в расчет не берутся: принимается как данность, что все – равные и суверенные индивиды. Поддержание этой фикции “равного доступа”, разумеется, служит все тем же интересам, что и в случае реального товарного рынка: интересам тех, кто на деле обладает властью» (р. 265).

Выводы из этого Шурина, правда, делает своеобразные и довольно краткие. Но можно ведь было бы и серьезно задуматься: а как *квантификация* (десяток раз поминаемая в книге), идея принципиальной количественной измеримости эффективности всего-всего, от ценности информации (в том числе философской) до государственных реформ, сформировала текущий ландшафт времени и событий? Почему распространение аналитической философии, которая открыто позиционировала себя как *правильный*, демократический (=неолиберальный) выбор разумного человека, совпадает хронологически – и, вероятно, даже географически – с экспансией капиталистического реализма?

Можно было бы поставить вопрос: капиталистический реализм вызывает депрессию, безнадежность и отупение, лишая разум любого возможного будущего, – а что в таком случае вызывает аналитическая философия, для которой мир состоит из правильных постигаемых объектов, описываемых правиль-

26 Дуглас Хофштадтер (р. 1945) – американский физик и информатик, исследователь сознания и теоретик ИИ. Получил известность благодаря книге «Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда» (1979), за которую получил Пулитцера. В этом труде Хофштадтер предполагает, что мысли человека рекурсивно ссылаются друг на друга, создавая, в конечном счете, сложную петлю самосознания.

ным языком? Да, наверное, то же самое, ведь в подобном способе мышления невозможно ничто принципиально новое, как и в капреализме: лишь все больше и больше того же самого. Для деталей потребовалось бы большое исследование с примерами; хочется верить, что кто-нибудь этим однажды займется.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ
ШУМ & ЯРОСТЬ, ИЛИ
ВООБРАЖАЕМАЯ ИСТОРИЯ
МЕНТАЛЬНОГО ВИРУСА

3. Угон лингвистического поворота и провал проекта 1960-х

Так же в самом конце Шуриंगा вскользь отмечает еще один очень важный момент:

«Упомянутые фигуры – это аналитические философы традиционного толка, продолжающие методологически прежнюю линию, но теперь применяющие методы и “инструменты” аналитической философии к предметным областям, которые аналитическая философия ранее игнорировала.

В некотором смысле ситуация противоположна той, которую должен был представлять “лингвистический поворот”: в случае лингвистического поворота предмет должен был оставаться прежним, хотя методология должна была быть радикально переосмыслена» (р. 265).

Шуриंगा упоминает действительно интересный факт, который имеет большое значение для повествования. Вероятно, на излете 1960-х произошло следующее: «лингвистический поворот», крайне интересный и перспективный прорыв в гуманитарных науках, начатый исследованиями структуралистов вроде Клода Леви-Стросса, оказался «угнан» представителями аналитической философии, которые обратили и его в свои бесконечные словесные игры. Иронично, что, судя по всему, это началось уже с публикации Ричардом Рорти одноименного сборника статей «Лингвистический поворот» в 1967 году. Шуриंगा цитирует Рорти, который не особенно скрывает цели и методы действия аналитиков того периода (курсив мой):

«В начале 1950-х аналитическая философия начала завоевывать американские философские кафедры. К великим эмигрантам – Карнапу, Гемпелю, Файглю, Райхенбаху, Бергману, Тарскому – стали относиться с заслуженным уважением. Их ученики стали назначаться на самые престижные кафедры и занимать там руководящие должности. Кафедры, не поддерживавшие этот тренд, начали терять свой престиж. К 1960 году сложился новый набор философских парадигм» (р. 125).

Сложился, значит, видимо, сам собой, благодаря естественному закону природы. Интересно другое: в чем исходно за-

ключался потенциал лингвистического поворота до захвата направления аналитиками, к чему это могло привести и не стала ли эта ситуация, в конечном счете, *ключевым моментом* в провале гуманитарных революций 1960-х?

Тема сложная для обсуждения и даже для формулирования. Из 2025 года не разглядеть, что могло бы быть, потому что наши представления сформированы как раз теми, кто в этой борьбе (повторимся, сам факт которой сегодня неочевиден) исторически победил. Хотелось бы узнать об этом больше, но, хотя в книге Шуринги словосочетание «лингвистический поворот» упоминается 86 раз, контуры темы только намечены и также еще ждут своего раскрытия.

Закончить хотелось бы цитатой об упоминавшемся выше Эрнсте Бергмане:

«В 1960 году Бергман писал о “лингвистическом повороте” как о “фундаментальном методологическом маневре, в котором сходятся философы обычного и идеального языка”, и характеризовал его следующим утверждением: “Все лингвистические философы рассуждают о мире посредством рассуждений о подходящем [для его описания] языке”. Трудно отделаться от впечатления, что Бергман так и не разъяснил, что именно он подразумевает под термином “лингвистический поворот”. Ситуация отражает общую путаницу, окружающую эту идею. Должно быть, за этим стоит нечто большее, чем просто рефлексия о языке; ведь философы всегда ею занимались.

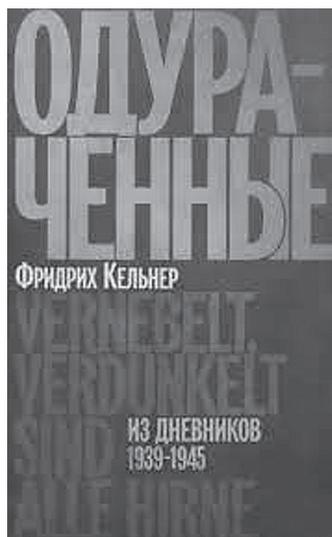
Но если это некий особый “методологический маневр”, то что именно это может быть? Что дает философу право прояснять или, напротив, реформировать язык каким-либо заведомо полезным способом? Разве язык не должен, в конце концов, сверяться с реальностью? Не утратили ли мы в итоге весь смысл предполагаемого лингвистического поворота?» (р. 179).

Рецензии

Одураченные. Из дневников 1939–1945

ФРИДРИХ КЕЛЬНЕР

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2024. – 440 с. – 2000 экз.

«Одураченные» – еще одна важная книга из серии переводной «свидетельской» литературы, выпущенной в последние годы петербургским «Издательством Ивана Лимбаха»: мемуарной и дневниковой документалистики, повествующей о зарождении, становлении и крахе германского фашизма в прошлом веке.

Фридрих Кельнер (1885–1970) – участник Первой мировой войны – вел свой дневник, включающий десять тетрадей, на протяжении всей Второй мировой и делал это, как можно догадаться, с риском для жизни, поскольку имел антивоенные взгляды и презирал нацистов. После войны в разговоре с внуком он так объяснил свой тихий подвиг:

1 РЕК-МАЛЛЕЧЕВЕН Ф. *Дневник отчаявшегося*. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2023. (См. рецензию на эту книгу в «НЗ» (2025. № 1(159). С. 78–82). – *Примеч. ред.*)

«Так я сопротивлялся террору и беззаконию... Это мой способ вооружить твое поколение – как и следующие – знанием правды, чтобы не повторился весь этот кошмар» (с. 17).

Подобные взгляды стоили жизни его современнику, Фридриху Рек-Маллечевену, который тоже вел во время войны дневники и погиб в Дахау после ареста по доносу издательства¹. Как и Маллечевен, Кельнер не эмигрировал из страны, считая, вероятно, что вместе со своим народом должен выпить до дна «горькую чашу национал-социализма» (с. 110). Возможно, от репрессий его защитила важная должность: он стал управляющим делами суда в Лаубахе – небольшом городе неподалеку от Франкфурта. Переехав туда с семьей после прихода Гитлера к власти, Кельнер скрыл, что был активистом социал-демократической партии. В 1935 году Кельнер отправил своего сына Фреда в США, чтобы уберечь сознание молодого человека от заразы нацизма.

Сын Фреда – Роберт, – родившийся в Америке, впоследствии сыграет ключевую роль в публикации дневников своего деда. В своем биографическом очерке он рассказывает, как жилось Фридриху и его жене Паулине под нацистами и как они приспособились к ситуации, чтобы избежать преследований и при этом не изменить себе. «Пассивное сопротивление супругов отчасти заключалось в том, чтобы по мере возможности не помогать войне» (с. 53). Однажды они отказались разместить у себя в доме солдата, хотя и вынуждены были потом отдать ему одну комнату. Когда к ним приходили сборщики денег из

«Национал-социалистической народной благотворительности», они жертвовали мало или вовсе отказывались участвовать в «попрошайничестве, организованном государством» (с. 125). Оба так и не вступили ни в одну национал-социалистическую организацию, несмотря на уговоры и давление. Они рисковали, потому что такое поведение обращало на себя внимание; более того, на них постоянно поступали жалобы от активистов НСДАП. Примером активного сопротивления были две их поездки во Францию, в 1937-м и 1938 годах, специально для того, чтобы отправить оттуда письма государственному секретарю США Корделлу Халлу с описанием гитлеровских репрессий и призывом отказаться от нейтралитета Америки.

Сегодня Фридриха Кельнера назвали бы политическим и даже военным аналитиком, потому что его оценки гитлеровского режима, хода войны, экономического положения страны были точны, а основные прогнозы сбылись. В частности, в дневниковой записи от 10 июня 1941 года он предсказал нападение Германии на СССР, приняв во внимание концентрацию войск на Востоке. Автор называет СССР «жертвой пакта о ненападении, заключенного с Германией» (с. 189), а сам пакт, подписанный в августе 1939-го, он тогда же охарактеризовал как «зловещий». На следующий день после нападения Кельнер приводит в дневнике так называемое «народное мнение», которое, как он полагает, не рождается в мозгу отдельных людей, а вдалбливается «сверху». «Считаю, что поступили правильно, атаковав Россию, иначе они бы напали на нас», – цитирует автор некую Хельгу Э. восемнадцати лет (с. 191). Если бы Россия напала первой, то оказалась бы неправой и тогда весь мир был бы против агрессора, рассуждал уже в 1944 году автор.

Кельнер начал вести свой дневник в сентябре 1939 года, в самом начале войны. В первых тетрадах автор вынужден

констатировать «примитивность мышления немецкого народа», которую он объясняет работой министерства пропаганды: «Затуманены все мозги, заморочены» (с. 88). Пропаганде поддались даже люди, которые, казалось бы, обладали критическим умом и хотя бы в силу образования «должны были бы распознать в проецируемых на экран картинах миражи, блеф, подлый обман» (с. 107). Но люди предпочли ни о чем не думать, доверив решение всех вопросов фюреру. «Повсюду ужасающее невежество. Люди выхватывают что-нибудь из газеты и выдают это за плод собственных размышлений» (с. 118). Какое мучение сидеть рядом с такими людьми, слушать их премудрости и молчать, не имея возможности прочистить им мозги, – сетует автор уже в июне 1943 года.

«Снова и снова задаешься вопросом: как могло случиться, что такой культурный народ, как немцы, передал всю власть одному человеку?» (с. 110). Это главный вопрос, который задает себе и Кельнер, и другие немецкие публицисты-мемуаристы, чьи воспоминания и размышления столь последовательно переводило на русский и выпускало «Издательство Ивана Лимбаха». Кельнер полагает, что великая нация, включая молодежь, пошла на поводу у «фигляра и демагога», каким он видит Гитлера, «вследствие безумного легкомыслия, совершенно непонятной доверчивости и проклятой “бюргерской” мягкотелости» (там же). Вновь и вновь автор задает себе и предполагаемому читателю один и тот же, формулируемый на разные лады и ставший почти риторическим, вопрос: почему немецкий народ позволил повести себя на закляние? Откуда взялся этот «морок в умах» (с. 150), дополненный пустотой в душах?

Главный козырь тирании – террор и подавление инакомыслия, возведенные в ранг закона, отвечает он. Кельнер приводит список принципов (называя их фундаментальными ошибками), на которых держался, по

его мнению, нацистский режим. Среди них есть универсальные характеристики, свойственные любой тирании: подчинение общественного мнения власти (единомыслие в прессе); подавление любого свободного высказывания; преследование порядочных граждан за иное мнение и критику недостатков; жестокая бюрократия и раздутый чиновничий аппарат; бюджетные расходы, превышающие доходы; непрерывный рост налогового бремени; организованное попрошайничество под видом благотворительности; беспрекословное подчинение фюреру и преклонение перед ним; «защита разного рода подонков (снятие с них вины)» (с. 108–109).

Кельнер очень критичен к согражданам: в 1938 году он пишет о рабской натуре немцев, утративших мысли о свободе. Но он возлагает ответственность за развязывание как Первой, так и Второй мировой войны не только на народ, трусливо, без борьбы, отказавшийся от свободы, но в основном на элиты, которым не было нужно умеющее думать общество. Германская элита слилась с НСДАП и заговорила о планах мирового господства, в чем ей помогла отмена свободы слова. «Раньше им можно было возразить, по крайней мере устно и письменно. А теперь? Вся пресса поет в унисон!» (17 марта 1940 года, с. 129).

В прессе людям вдалбливали, что война с СССР не попытка завоевания мира, а «крестовый поход против мирового врага – большевизма» (с. 305). Автор указывает, что любое нападение можно загримировать под защиту и наоборот. Он обращает внимание на специфический язык пропаганды, имеющий целью приукрасить действительность, выдать черное за белое. В этом языке вообще нет немецких поражений:

«Любое отступление изображается как блестящее достижение. Или как гениальная стратегическая операция. Отступление – это не отступление, а “отход” или “отвод”» (20 ноября 1944 года, с. 412).

В личном общении Кельнер вел свою индивидуальную контрпропаганду. Опираясь на бесспорные аргументы, он брал промахи пропаганды и обсуждал их до тех пор, пока собеседник не начинал сомневаться. Автор с гордостью писал, что в его ближайшем окружении, благодаря такой методике, не осталось убежденных нацистов. Эту работу, отнимавшую много энергии, Кельнер считал необходимой. Так он готовил крушение режима, будучи, впрочем, уверен, что тот падет лишь в результате военного поражения.

Кельнер писал, что немцы проиграли войну еще до того, как она была начата. Предсказав нападение на СССР, он на протяжении всей войны уверенно предсказывал поражение Германии, а также связанное с этим неизбежное «похмелье» немцев, когда они проснутся от наркотического действия национал-социализма:

«Немецкий народ будет наказан за то, что непрерывно действовал вопреки доводам разума и рассудка» (31 декабря 1939 года, с. 126).

«Тот день, когда палача, занесшего топор над десятками народов, постигнет заслуженная кара, я назову самым прекрасным в своей жизни» (13 апреля 1940 года, с. 134).

«Отмщения нам не избежать» (16 июня 1941 года, с. 185).

«Трезво взвешивая все факторы, я прихожу к выводу, что выиграть эту войну Германия не сможет» (1 января 1942 года, с. 228).

«За тотальной войной последует тотальное фиаско» (15 февраля 1943 года, с. 297).

Уверенный в этом, Кельнер приветствует спасение Гитлера во время покушения на него в июле 1944 года, «потому как он должен стать очевидцем позорного конца» и понести наказание (с. 385).

Автор чрезвычайно критически отзывается о правительствах западных стран, которые могли остановить агрессора, но не сделали этого, безвольно наблюдая за тем,

как накануне войны «Германия вооружалась бешеными темпами» (с. 139); да и народы этих стран тоже не проявили солидарности, тогда как «должны сплачиваться, если надо наказать агрессора» (с. 128). Кельнер считает, что страны обязаны вносить экономический, финансовый и военный вклад в поддержание мира соразмерно своей величине. По его словам, западная демократия, включая немецкую, провалилась, склонившись перед тремя тиранами – Гитлером, Сталиным и Муссолини. «Сражаться с диктатором инструментами демократии невозможно» (с. 143), бездействие стало роковой ошибкой. Международный институт Лиги Наций, предшественница ООН, оказался способен лишь на «вялую болтовню» (с. 128), тогда как нацию, одержимую идеей мирового господства, «можно образумить только самым энергичным сопротивлением всего человечества» (с. 149).

И все же автор верил в возможность в будущем справедливого миропорядка, который «должен основываться только на принципах права, справедливости и верности договорам» (с. 228). Он также предсказал появление Европейского союза, написав еще в 1939 году, что будущая Европа станет объединением небольших государств и что миролюбивая Германия вновь обретет друзей, «а имеющему добрых друзей не страшна никакая агрессия» (с. 432).

Как настоящий немецкий патриот, Кельнер желал поражения нацизма в войне. В дневниках он предвкусывал это, приветствовал его, сетовал на слишком медленное, «черепашьим шагом», продвижение противников рейха в Италии, на то, что англичане и американцы воюют «без энтузиазма», на затягивание с открытием второго фронта в Европе. Кельнер сознавал, что после страшной бойни его стране предстоит длительный период восстановления, в котором едва ли не главным будет исправление исковерканного мышления немцев, подчиненного задачам войны. Он не видел в членах

национал-социалистической партии раскаяния и писал о необходимости привлечения к ответственности самых упертых нацистов. Обновление страны автор связывал с торжеством справедливости, под которым понимал наказание, адекватное совершенным преступлениям: «Национал-социализм нужно вырвать из немецкой земли с корнем» (с. 430). Искреннее покаяние в преступлениях, по его мнению, должно стать доказательством, что Германия стремится быть порядочной, миролюбивой страной, при этом обновленное государство должно опираться не на вчерашних партийных функционеров, а на других деятелей, иначе коренного обновления не произойдет.

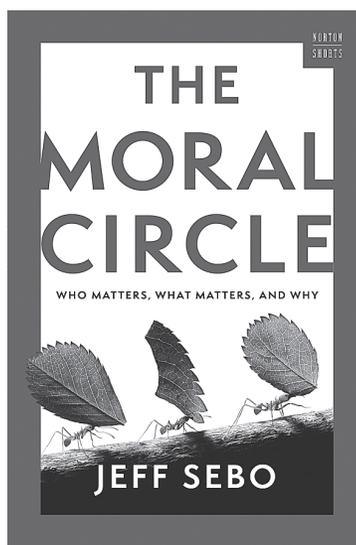
СЕРГЕЙ ГОГИН

ШИРЕ КРУГ, ИЛИ О БЕДНОЙ КОЗЯВОЧКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

The Moral Circle: Who Matters, What Matters, and Why

JEFF SEBO

New York: W.W. Norton & Company, 2025. – 192 p.

Призывая в своей новой книге «Моральный круг: кто, что и почему имеет значение» к фундаментальной перестройке этики, Джефф Себо утверждает, что наши моральные компасы устарели, и предлагает переосмыслить свойственные нам представления о том, какие существа имеют значение и почему. Книгу можно рассматривать одновременно и как компендиум современных этических позиций, и как мягкое, но настойчивое требование пересмотреть наши привычные взгляды.

Себо утверждает, что нам следует включать в сферу морального внимания значительно большее количество существ, чем ранее. Как сам автор резюмирует в статье «Взрывное расширение морального круга»², для этого существуют две взаимосвязанные причины. Во-первых, мы должны признать, что огромное количество существ – от беспозвоночных и растений до будущих искусственных интеллектов – может обладать способностью чувствовать или иным образом быть «значимыми». Во-вторых, наши действия сегодня затрагивают столь широкий круг живых существ – как в пространстве, так и во времени, – что мы обязаны учитывать их интересы хотя бы минимально. В итоге Себо делает вывод: нам стоит распространять сочувствие на «квинтиллионы существ» – вплоть до будущих нелюдей, – что потребует серьезной ревизии многих этических теорий³.

В своих рассуждениях он подробно останавливается на типичных кандидатах для включения в расширенный моральный круг: это чувствующие существа (способные испытывать удовольствие или боль), агенты (имеющие цели и способные их преследовать) и просто живые организмы

(обладающие способностью к выживанию и размножению). Аргументацию он строит плюралистически и вероятно, подчеркивая, что наши знания в этой сфере остаются крайне неопределенными.

Плюрализм предполагает признание отсутствия единого мнения среди экспертов: одни считают, что значимы только чувствующие существа; другие полагают, что этого критерия недостаточно. Вероятностный подход состоит в том, что мы должны сменить модальность вопрошания: вместо вопроса «Имеет ли существо безусловное значение?», следует задать другой – «Может ли оно иметь значение?». Иными словами, различные точки зрения должны получать разный уровень доверия, сохраняя пространство для сомнений.

Себо подчеркивает: учитывая, насколько мало мы понимаем, какие именно качества делают существо ценным – чувствительность, сознание или способность к действию, – было бы самонадеянно считать свои взгляды единственно верными. Поэтому, принимая жизненно важные решения, разумнее исходить из принципа риска: если существует ненулевая вероятность, что некое существо может обладать внутренней ценностью, мы должны проявлять к нему осторожность и уважение.

Автор сознательно отказывается от претензий на универсальные моральные истины и предлагает сосредоточиться на тех зонах, где различные этические традиции пересекаются. В условиях теоретических разногласий, утверждает он, разумнее всего искать так называемый перекрывающийся консенсус – осторожно вычленять принципы, поддерживаемые множеством подходов, несмотря на их философские расхождения.

2 См.: <https://jeffsebo.net/wp-content/uploads/2022/09/jeff-sebo-moral-circle-explosion.pdf>.

3 Многие ключевые концепции, развернутые в рецензируемой книге, были сформулированы Себо раньше – в частности, в упомянутой статье «Взрывное расширение морального круга», написанной для оксфордского справочника по нормативной этике. Для читателя, ищущего более сжатого изложения, статья может оказаться предпочтительнее (как и, например, в случае с «Концом истории» Фрэнсиса Фукуямы или даже с «Бредовой работой» Дэвида Грэбера).

Ключевым таким принципом становится идея снижения вреда. Себо отмечает, что во многих теориях этики присутствует императив помогать самым уязвимым. Именно эта идея – сокращения или исправления причиненного вреда – и должна составлять ядро жизнеспособной этической системы⁴.

Методология Себо заключается в выявлении тех норм и убеждений, в которых сходятся различные школы: даже если мы не можем быть абсолютно уверены в истинности отдельного морального утверждения, его поддержка с разных теоретических позиций позволяет говорить о высокой степени рационального доверия.

Здесь прослеживается влияние выстроженной в первом томе работы «О том, что имеет значение» (2011) методологии Дерек Парфита – одного из научных консультантов Себо и члена его диссертационного комитета: поиск точек соприкосновения между разными этическими теориями для обоснования общего практического курса⁵. Аргумент ввиду этого строится уже не на чистой интуиции, а на конвенциональности и непротиворечивости популярным теориям: раз все они ведут к схожему выводу, он, вероятно, верен.

В «Моральном круге» подчеркивается, что нет ни одной доминирующей доктрины: главная обязанность – уменьшать вред там, где он наносится, что может найти поддержку у консеквенциалистов-утилитаристов, кантианцев с теоретиками прав и сторонников этики заботы или добродетели. Из этого следует важный практический вывод: существа, обладающие способностью чувствовать, сознанием или агентностью, с высокой вероятностью имеют моральное значение и заслуживают сочувствия.

Более того, по мнению Себо, моральное внимание следует уделять и тем, кто попадает хотя бы под один из этих критериев. Поскольку среди философов нет согласия, требует ли моральный статус обязательного сочетания сознания, чувствительности и агентности, то предлагается формулировать свои выводы с учетом уровня уверенности – различая уверенность «высокую» и «низкую» – и сохранять пространство для сомнения.

Важно, что эта линия напрямую связана и с его докторской диссертацией «Личностное – это политическое»⁶, в которой Себо утверждал, что множественность личностей является не только патологическим феноменом, но и обычной чертой повседневной психики. Один и тот же человек, по его мысли, может быть своего рода сообществом высокоинтегрированных личностей для работы, для отдыха и так далее. В этом смысле даже один человек уже представляет собой множество моральных агентов с собственными обязанностями⁷.

Эта смелость в умножении личностей и внимание к тем, кого обычно не замечают, находит свое продолжение в «Моральном круге», где объектом рассмотрения становятся уже не субличности, а насекомые, искусственные интеллекты и будущие поколения. Если множественность личностей и агентов внутри одного индивида кажется нам допустимой, что непривычно для базовых интуиций, то почему бы не взглянуть на необычных в контексте рассмотрения личности и агентности нечеловеческих существ, то есть на животных, кремниевую жизнь и прочих?

При этом Джефф Себо четко разводит понятия морального пациента и морального

4 JACOBSEN S.D. *Jeff Sebo on Ethics, Sentience, and the Future of Moral Consideration* (<https://intpolicydigest.org/jeffsebo-on-ethics-sentience-and-the-future-of-moral-consideration/>).

5 PARFIT D. *On What Matters: Volume One*. New York: Oxford University Press, 2011.

6 Себо играет с фразой «The Personal Is Political», которая в иных контекстах обычно переводится как «личное – это политическое».

7 См.: <https://jeffsebo.net/wp-content/uploads/2016/06/the-personal-is-political.pdf>.

агента. Под моральными пациентами он понимает те существа, которым можно нанести вред и принести пользу, тогда как под моральными агентами – тех, кто обладает способностью рационально оценивать свои действия. В контексте долженствования пациентами оказываются те, перед кем можно иметь моральный долг, а агентами – те, кто может его иметь.

Если снижение вреда – это ключевой принцип, а плюрализм и вероятностный подход – главный метод, то вопрос «Кто подпадает под определение морального пациента?» – пусть и рассматриваемый в разных формулировках – становится основным.

Чтобы усилить интуитивную привлекательность и наглядность своих рассуждений, философ активно использует мысленные эксперименты. Один из самых ярких – история с тремя соседками по комнате, которые вдруг узнают, что двое из них вовсе не люди: одна является потомком неандертальцев, а другая состоит из кремния, а не углерода, то есть фактически является роботом. С помощью этого примера демонстрируется, что ни робота, ни неандертальца невозможно обоснованно исключить из морального круга – обе девушки из мысленного эксперимента, вероятно, обладают чувствительностью и агентностью. При этом Себо подчеркивает, что даже если случай с роботом интуитивно сложнее, то наше сомнение никогда не должно приводить к «округлению возможности до нуля» – лучше в случае неуверенности проявить осторожность и хотя бы частично приписать роботу моральное значение.

Себо идет дальше и задается вопросом, нужна ли вообще возможность субъективного восприятия, например, боли, для того, чтобы мы имели возможность признать существо чувствительным? Если мы предположим, что для этого нужна только возможность явно различать положительные

и отрицательные стимулы, то это решает одну из основных проблем, препятствующих признанию искусственного интеллекта в качестве морального пациента.

Впрочем, в повседневной жизни мы относимся друг к другу как к моральным пациентам, обладающим возможностью субъективного восприятия, хотя и не знаем об этом наверняка. Чтобы признать, что у окружающих есть субъективное восприятие, нам обычно хватает их видимой возможности различать положительные и отрицательные стимулы. Но при обсуждении искусственного интеллекта наши привычные интуиции дают сбой, хотя логика остается той же самой.

Несмотря на то, что Себо часто подчеркивает, что наши моральные интуиции могут быть искажены предубеждениями и стереотипами, в своих рассуждениях он нередко опирается именно на обыденные интуитивные различия. Например, разница между тем, чтобы пнуть кошку, и тем, чтобы пнуть машину, обычно понятна интуитивно: кошке, в отличие от машины, можно причинить вред, который имеет значение для нее самой. Этот пример используется, чтобы проиллюстрировать принцип благополучия: моральную значимость имеет тот, кто способен получать выгоду или понести ущерб. Вероятно, если бы обыденная интуиция здесь ему противоречила, он бы не стал приводить ее без критики или оговорок.

Принцип благополучия используется для критики рационализма, гласящего, что только разумные существа имеют значение, и спешиализма, то есть видовой дискриминации. Ведь интуитивно обычно принимается, что у нас есть долженствование не пинать кошек и младенцев, хотя они и относятся к животным и неразумным существам соответственно. Вместе с тем Себо идет дальше и задает неудобные вопросы: достаточно ли для обладания благополучием просто реагировать на стимулы

или необходимо субъективное переживание – способность ощущать, «каково это – быть» этим существом?

Этот вопрос особенно важен при обсуждении искусственного интеллекта и простейших форм жизни. Возможно, как и в случае с другими людьми, чьи субъективные переживания нам недоступны, нам стоит проявлять великодушие и распространять презумпцию наличия чувствительности на более широкий круг существ в соответствии с осторожным вероятностным предотвращением вреда.

Джефф Себо также обращается к теме так называемых «родственных обязанностей». С одной стороны, кажется естественным полагать, что мы обязаны тем, с кем нас связывают родственные или близкие связи: семье, друзьям, ближайшему окружению. С другой стороны, Себо напоминает, что помощь исключительно близким может быть нелегитимно ограничивающей. Если наши дальние родственники или совершенно чужие существа нуждаются в поддержке и нам под силу помочь, не следует ли распространить круг нашей заботы и на них?

К примеру, если вы можете существенно повлиять на благополучие далекого общества или будущих поколений, возможно, это должно восприниматься не менее серьезно, чем забота о собственных близких. Это замечание выдвигает альтернативный взгляд: моральный круг может включать всех, кому мы реально можем улучшить жизнь, а не только тех, кто близок нам по крови.

Тем не менее Себо признает и традиционное представление о том, что семье мы должны все же немного больше: из-за силы связей наше воздействие на нее может быть более эффективным. Впрочем, этот аргумент похож скорее на своеобразную подачку распространенному представлению, так как на протяжении всей книги повторяется мысль о том, что на самом деле мы крайне сильно влияем на тех, с кем не близки как в пространстве, так и во времени. Вполне

вероятно, что мы можем гораздо больше в чем-то помочь людям на другом континенте, чем своим близким.

Кроме того, призыв автора к балансу между заботой о ближних и дальних может показаться недостаточным. Возмозно, вызовы XXI века требуют не компромисса, а радикальной этической позиции, к которой автор лишь осторожно подводит, но не формулирует ее открыто. Даже с точки зрения вероятностного подхода мы должны рассматривать возможность того, что на самом деле мы обязаны заботиться в первую и единственную очередь только о ближних или только дальних, но не заботиться об остальных.

При всем этом книга вовсе не навязывает окончательных решений. Она написана скорее как осторожное приглашение расширить моральный круг, а не как догматический манифест. Автор готов признать неожиданные последствия своих доводов: «Я начал с того, что собирался показать – нужно включить в моральный круг насекомых и будущие ИИ, – но теперь чувствую, что обязан добавить микробы, нынешние ИИ и многих других». То есть логика аргумента сама подталкивает к еще более широкой инклюзии.

«Моральный круг» – это призыв к расширению наших моральных границ с учетом современных научных данных и колебаний моральных интуиций. Джефф Себо снабжает читателя множеством примеров и теоретических соображений, стараясь не столько найти абсолютно убеждающий аргумент, сколько *показать*, что границы круга могут и, вероятно, должны становиться шире. Книга в какой-то степени сама размывает понятия, говоря «может быть важно» вместо «важно», что делает выводы менее категоричными.

Некоторым читателям, возможно, хотелось бы видеть более четкие границы и более конкретные решения: например, когда именно следует признавать в качестве мо-

рально значимого то или иное насекомое или искусственный интеллект. Автор же намеренно сохраняет пространство для сомнения, что можно воспринимать и как достоинство (антидогматизм), и как недостаток – из-за отсутствия жестко очерченной позиции.

Книга служит скорее приглашением к размышлению: она предлагает думать о вероятностях и заставляет читателя выйти за рамки повседневных представлений о добре и долге, напоминая, что наша эпоха связана с влиянием человека на невероятно широкий круг жизней. Такой подход может заинтересовать тех, кто готов рассмотреть нетривиальные объекты заботы, кто ищет новые ориентиры и идеи, кто хочет понять, какие еще дискуссии о животных и искусственном интеллекте существуют в современных разновидностях этики. Специалисты же скорее найдут книгу несколько избыточной вследствие постоянно повторяемых деталей и напоминаний, но при этом вполне могут оценить систематизацию аргументов и самобытный взгляд на парадигмальные проблемы.

Некоторые идеи книги, например, забота о будущих существах, уже витают в воздухе и становятся относительно мейнстримными. Они встречаются не только в таких философских трактатах прошлого века, как «Основания и лица» Дерекы Парфита⁸, но и в художественной литературе – например, в романе «Министерство будущего»⁹ Кима Стэнли Робинсона, – что лишний раз подчеркивает актуальность тематики, выбранной Себо.

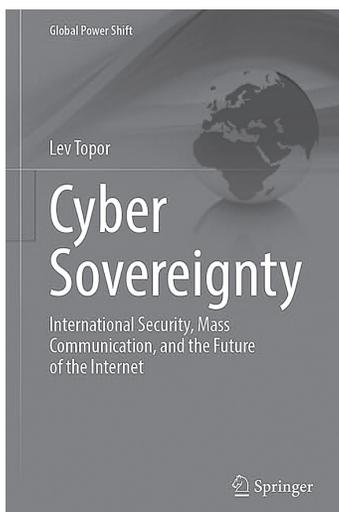
АЗАТ САДРИЕВ

ОБ АНАТОМИИ КИБЕРСУВЕРЕНИТЕТА

Cyber Sovereignty: International Security, Mass Communication, and the Future of the Internet

LEV TOPOR

Cham: Springer, 2024. – xix, 207 p.

Эпоха цифровой трансформации, в которую нам довелось жить, провоцирует радикальное переосмысление понятий, ранее считавшихся более или менее устоявшимися. В их ряду в последние годы оказался и суверенитет – неуловимая сущность, давно назначенная правоведами и политологами на роль главнейшего сущностного предиката современного государства. Несмотря на то, что о суверенитете и суверенности со времен Жана Бодена написаны тонны книг, недавно обнаружилась важная вещь: субъектность в киберпространстве важна не только в техническом, но и в политическом плане – и это заставило старую тему заиграть новыми красками. В книге, написанной приглашенным сотрудником Института Вульфа – британского научного

8 PARFIT D. *Reasons and Persons*. New York: Oxford University Press, 1984.

9 ROBINSON K.S. *The Ministry for the Future: A Novel*. New York: Orbit, 2020.

учреждения, специализирующегося на изучении антисемитизма и различных форм религиозной нетерпимости, – предпринимается попытка уточнить понятие «киберсуверенитета». Приоритетными для автора темами выступают функционирование суверенных цифровых доменов, фрагментация интернета, а также влияние этих процессов на глобальный миропорядок.

Структурно работа подразделяется на четыре смысловых блока. Сначала автор представляет термины и концепты, связывающие суверенитет и киберпространство; затем обозначает ряд насущных проблем, с которыми современные государства сталкиваются в киберпространстве, зачисляя в их число кибервойны, фейковые новости, сетевую уязвимость; потом читателю предлагается новаторская дискуссия, составляющая, вероятно, главную «изюминку» работы и сосредоточенная на «защищенных кибердоменах» (*secure cyber domain*), а также «уязвимых кибердоменах» (*vulnerable cyber domain*); наконец, завершают книгу общие раздумья о будущем интернета.

Уже в предисловии автор недвусмысленно обозначает свою позицию: по его мнению, «интернет без границ» есть не что иное, как утопия, поскольку нынешние государства всеми силами стремятся обогатить «обычный» суверенитет киберсуверенитетом (р. vii). Причем за подобными попытками, как полагает Топор, стоят не просто какие-то технические подвиги, а коренная переоценка политических установок, касающихся властного контроля над «цифрой». И эти изменения нужно считать естественными, поскольку на планете, согласно автору, крепнет понимание, что неконтролируемая фрагментация интернет-пространства повлечет за собой такую беду, как «цифровая балканизация» – до предела обостряющую конфликт, с одной стороны, автономии индивида и, с другой стороны, национальной безопасности.

В первой главе автор кратко представляет ряд тезисов, которые намеревается развить в дальнейшем. Среди прочего он, руководствуясь только что обозначенной дихотомией «свобода vs безопасность», выделяет два вида киберпространства: защищенное (и базирующееся на защищенных кибердоменах), которое согласовывается с государственным суверенитетом посредством контроля и регулирования, и уязвимое (и базирующееся на уязвимых кибердоменах), в котором свобода личности ставится выше приоритетов государства.

Далее автор сопоставляет страны, ориентирующиеся на разные модели, подчеркивая при этом собственную приверженность реализму – доктрине, предполагающей рассмотрение государств (а не индивидов) в качестве ключевых акторов международных отношений. Далее автор будет с пиететом цитировать одного из отцов классической геополитики – американского историка и контр-адмирала Альфреда Тайера Мэхэна, – переиначивая его афоризм «тот, кто правит волнами [морем], правит миром» на современный лад: «тот, кто правит киберпространством, правит массовыми коммуникациями и, следовательно, всем миром» (р. 1). (По ходу дела, однако, у читателя могут возникнуть сомнения относительно того, стопроцентным ли реалистом является Топор, но об этом чуть позже.)

Здесь же исследователем представлены четыре базовых сценария развития интернета, среди которых: а) сохранение *status quo* (интернет и дальше остается преимущественно западным проектом, опирающимся на изначальные разработки и мощности); б) формирование «интернет-пузырей» (каждая развитая страна формирует свой суверенный интернет, который частично или полностью отгораживается от мирового виртуального пространства); в) формирование интернет-блоков («окукливаются» региональные интернет-прост-

ранства, в общих чертах соответствующие очертаниям цивилизаций по Сэмюэлу Хантингтону); г) появление международного интернет-права, применимого во всем мире и тотально регулирующего виртуальную сферу. Сам Топор, объявивший ранее о личной приверженности реалистской парадигме международных отношений, не скрывает симпатий к первой из упомянутых альтернатив, которая с реализмом не очень дружит.

Каталог сценариев органичным образом дополняется очерком, описывающим историю мирового интернета и представленным во второй главе («Киберпространство: структура, функциональность и слабые места»). Центральное место здесь отводится США, выступившими первопроходцем в этой области, но немало внимания уделяется также появлению интернета в СССР и КНР. Тут же читатель найдет и список акторов, которые в той или иной мере контролируют развитие киберпространства – в него входят общественные движения, правительства, негосударственные организации, частные компании (р. 33). Наконец, завершая широкое введение в тему, автор, опираясь на труды правоведов и специалистов по кибербезопасности, формирует перечень основных социально-политических вызовов, свойственных сегодняшнему киберпространству.

В третьей главе («Суверенитет, власть, международная безопасность и прорехи международного права») дается кибертолкование базовых для авторской логики концептов. Углубившись в классику, включая Вестфальский трактат 1648 года и сочинение Бодена «Шесть книг о государстве», Топор выводит собственное – и надо сказать, не слишком оригинальное, – определение суверенитета: под ним в книге понимается «способность субъекта принимать независимые решения, руководствуясь главным образом собственной выгодой, и действовать без вмешательства других

субъектов» (р. 51). Типовой инструментарий, который задействуется участниками международных отношений («мягкая», «умная» и прочие силы), тестируется в книге применительно к киберсреде; в результате выясняется, что, скажем, «инфраструктурная» сила (*infrastructural power*) обнаруживает себя через управление инфраструктурой цифрового пространства, а «острая» сила (*sharp power*) концентрируется в информационных кампаниях, разворачиваемых в интернете посредством социальных сетей. Именно последняя, предоставляя мировым акторам возможности влиять на общественное мнение, позволяет им поддерживать собственный киберсуверенитет и расшатывать киберсуверенитет конкурентов – в силу сказанного автор считает необходимым посвятить ей отдельную главу.

Четвертая глава («Кибервойна: глобальные тенденции и прокси-войны») логически продолжает рассуждения предыдущей о природе власти и силы в киберпространстве, сводя их к проблематике кибервойн. Подступаясь к теме, Топор делает комплименты России и Китаю, называя их странами, обладающими на сегодня наибольшей кибервластью и максимальным кибервлиятием (р. 76). Причину этого он видит в их недемократичности: незападные и нелиберальные режимы внушительнее позиционируются в киберпространстве из-за того, что они с легкостью позволяют себе то, что для демократических государств недоступно в силу идеологических приличий. Возможно, это и так, но не без досады приходится отмечать, что, постулируя подобные вещи, автор не считает нужным подкреплять их эмпирическими данными или документальными свидетельствами. Из-за этого представленная им картина российских, китайских, северокорейских киберкозней кажется не столько пугающей, сколько малоубедительной (р. 90–92). Тем не менее по соседству с плакатными декларациями в главе встречаются и любопыт-

ные авторские находки: скажем, Топор едва ли не первым предлагает – причем не без оснований – рассматривать киберсилу как качественно новый, не имеющий аналогов, вариант силы государственной: более динамичный, чем традиционные «мягкая» и «жесткая» силы, и основательно дополняющий их.

Пятая глава («Дезинформация и национальная устойчивость: защищены ли государства от фейковых новостей?») посвящена исследованию «острой» силы (*sharp power*), оперирующей в киберпространстве. Здесь автор сосредотачивается в основном на кейсах различных информационно-пропагандистских кампаний, определяя пропаганду как такой способ распространения информации, основной целью которого является внедрение определенной идеи (р. 114) – и смешивая тем самым пропагандистскую деятельность с рекламной. В качестве примеров использования «острой» силы читателю предлагаются, в частности, информационные оформления Брексита и захвата Капитолия в 2021 году. Наверное, самым интересным в этом ряду выглядит так называемое «иностранный воздействие» на Израиль: согласно Топору, поскольку значительная доля русскоязычных граждан этой страны читает и смотрит российские СМИ, пользуется российскими социальными сетями, общается с российскими друзьями и родственниками, она невольно транслирует в Израиле позицию России. Но тут автору хочется возразить: можно ли вообще говорить о целенаправленном политическом воздействии там, где речь идет о естественных процессах? Более того, описанный случай едва ли уникален; по сути, он иллюстрирует влияние любых крупных диаспор на политическую жизнь стран, в которых они обосновались. Иначе говоря, целенаправленное применение «острой» силы здесь, по-видимому, ни при чем.

Шестая глава («Защищенные кибердомены: зрелые модели») – одна из самых важ-

ных: в ней автор подробно раскрывает концепт защищенных кибердоменов, к которым обладателям которых он относит Китай, Россию, Северную Корею, Саудовскую Аравию, Иран, Индию и Мьянму. По мнению Топора, именно эти государства в дальнейшем станут пионерами формирования так называемых «интернет-пузырей», выступающих аналогами цивилизаций Хантингтона в киберпространстве и, подобно последним, также конфликтующих друг с другом (р. 135). Глава снабжена подробными картами, таблицами, статистическими данными и историческими справками, поясняющими эволюционный путь каждого из анализируемых кибердоменов. Методологически обеспечение кибербезопасности, практикуемое «зрелыми моделями», рассматривается на четырех уровнях: физическом (контроль над серверами и инфраструктурой передачи информации), логическом (контроль над сетевыми шлюзами, возможность ограничивать доступ к интернету в определенных регионах и в определенное время), информационном (контроль над содержанием информации в интернете), пользовательском (контроль над использованием интернета конкретными индивидами или их группами). В результате автор приходит к выводу, что в настоящее время государства, сформировавшие защищенные кибердомены, обладают гораздо большим киберсуверенитетом, чем западные демократии.

Разобравшись с победителями, автор переходит к побежденным, которым посвящена седьмая глава («Уязвимые модели кибердоменов»). В числе последних, по его мнению, оказываются Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Израиль, члены Европейского союза – страны, которые пока ставят свободу слова и распространения информации выше соображений безопасности. Топор обращает внимание на знаменательный, по его мнению, факт: в настоящее время почти за всеми проявлениями

нестабильности в указанных странах стоит внешнее кибервмешательство (р. 165). Вопрос, насколько сказанное соответствует действительности, остается открытым, но некоторые авторские наблюдения определенно заставляют задуматься. Вот, например, одно из них:

«Свобода информации и слова являются важными ценностями, но иногда они способствуют подъему темных сил и наступлению темных времен – нацистская Германия служит здесь прекрасной иллюстрацией» (р. 166).

Несмотря на свою открытость и отказ от жесткого регулирования, уязвимые кибердомены все равно вынуждены ситуационно обращаться к мерам государственного вмешательства: среди них автор перечисляет отказ американских властей от китайского коммуникационного оборудования в 2022-м, британские законодательные инициативы 2019 года по борьбе с онлайн-ненавистью, периодическое использование Израилем интернет-цензуры (р. 173–182). К сожалению, без внимания остается подробный разбор кейса ЕС, хотя было бы интересно исследовать столкновения интересов государств-участников и наднациональных европейских органов в изучаемой автором сфере. Тем не менее, даже несмотря на эту лакуну, из предпринятого анализа видно, что западные демократии, подобно их антагонистам, так или иначе уже вынуждены (или будут вынуждены) ограничивать активность в интернет-пространстве ради обеспечения собственной безопасности. И если сегодня подобные меры остаются по большей части точечными, то завтра, вероятно, отмеченный тренд будет укрепляться и расширяться.

В итоговой главе («Будущее интернета») Топор делает прогнозы относительно развития киберпространства в мире в целом и киберсуверенитета в отдельных странах в частности. Помимо уже обозначившихся

киберугроз (утечки данных, кибератаки, дискредитация конфиденциальности и так далее), автор особо акцентирует углубляющийся социально-культурный и политико-экономический разрыв между странами, обуславливающий разный уровень доступа к интернет-технологиям. Как доказывает в книге, сегодня быть суверенным, не овладев интернетом, нельзя; по этой причине, несмотря на нескрываемое личное тяготение к неолиберальным подходам, британский исследователь, завершая труд, вынужденно подтверждает заявленную в самом начале приверженность реалистской парадигме: современные государства, несмотря на глобализацию, продолжают дорожить суверенитетом, а в свете этого наиболее вероятным вариантом развития мирового интернет-пространства представит виртуальная суверенизация и образование автономных «интернет-пузырей».

Здесь же исследователь возвращает читателя к началу повествования, вновь вспомнив о четырех сценариях развития интернета (р. 200). По его мнению, каждая из представленных альтернатив созвучна с тем или иным теоретическим подходом к международным отношениям. Так, в свете неолиберализма логичным представляется выработка глобального права, регулирующего функционирование киберпространства; с постулатами марксизма хорошо согласуется модель киберблоков, формируемых крупными частными или государственными игроками; реализм же способен воплощаться в двух сценариях – с его идеями сочетаются и киберблоки, предводительствуемые крупными державами, и дальнейшее автаркическое обособление защищенных кибердоменов.

Несмотря на некоторые концептуальные прорехи – в частности, недостаточность эмпирической базы, подтверждающей авторские тезисы, а также не слишком глубокий анализ влияния, оказываемого на регулирование цифровой сферы наднациональными

структурами, – представленную книгу с полным основанием следует признать заслуживающей внимания просвещенного читателя. Конечно, как и любое повествование о будущем, авторские идеи не могут не быть спорными, но завтрашний день, о котором рассуждает автор, обязательно наступит, причем в этом дне значимость интернета, будь то глобального или суверенного, станет еще большей. Лев Топор со своей кибертемой попал в точку; так что теперь дело за нами – будем читать и размышлять.

Юлия Фролова, доцент кафедры политологии РГПУ имени А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Человек читающий. Значение книги для нашего существования

Рюд Хисген, Адриан ван дер Вейл
СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2025 – 464 с.

Нидерландские авторы Рюд Хисген и Адриан ван дер Вейл, о которых из русского перевода их книги мы, к сожалению, ничего не знаем (социологи? историки? теоретики

культуры? университетские преподаватели? вольные журналисты?), выстраивают систематический обзор чтения как символической практики и ее известных к нашему времени формирующих воздействий на человека, предлагая большой свод наработанных представлений на эту тему. «Человек читающий» – книга, скорее просветительская и популярная, нежели исследовательская и проблематизирующая. Авторы более склонны отвечать на возможные (типовые) вопросы, нежели ставить их; результаты чужих изысканий они складывают в стройную обзорную систему.

Книга начинается с разъяснения, «почему так важно читать» (с. 25), отчего «чтение важно для каждого из нас» (с. 51), «а также для общества в целом» (с. 61). Продолжается она анализом того, «как именно происходит чтение» (с. 65), что при этом происходит в мозге, какое влияние оказывают поза читающего и окружающая обстановка. После этого повествование переходит к очерку истории книжной культуры – от возникновения письменности до цифровой революции, с сопутствующими ей потреблением текстов с экранов и угасанием мотивации к чтению. В финале авторы предлагают практические советы: как современному человеку справиться с чтением, что его может мотивировать к этому, для чего вообще способно пригодиться это странное занятие. Советы, можно сказать, для совсем начинающих, чуть ли не с азов: «Поборите свой страх перед чтением» (с. 377), «Обратитесь за советом, если не знаете, что почитать» (с. 378), «Как заставить себя читать» (с. 394). (У заядлого книжника подобные формулировки могут вызывать протест: мало нам несвобод и принуждений – так еще и эта!) Здесь же – рекомендации педагогам и родителям, как приучить детей к чтению, – с обилием отсылок к нидерландскому опыту.

Труд Хисгена и ван дер Вейла стремится быть сразу многим: и популяризацией знаний по истории культуры, психологии, фи-

зиологии и социологии чтения, и публицистикой (когда речь идет о современном, цифровом чтении и соответствующем состоянии общества), и практическим, мотивирующим руководством. Авторы стараются дать современникам и соотечественникам понятные, сочетающиеся с их ценностями мотивации к чтению, которые можно применять в обычной жизни. В этом есть изрядная психотерапевтическая составляющая: в «Человеке читающем» говорится, например, о том, как чтение способствует преодолению страхов, пониманию жизни и обретению ее смысла – а то и напрямую о библиотерапии.

Строго говоря, из этой книги стоило бы сделать две или три – нынешние многоохватность и разнонаправленность, адресованность сразу нескольким и слишком разным читательским аудиториям не идут ей на пользу. Те, к кому обращены советы о том, как заставить себя читать, вряд ли осилят главы об истории чтения и книжной культуры, а тем, кто с ними справится, вряд ли нужны инструкции, собранные в заключительной части.

Ответы на вопрос, для чего вообще нужно читать, здесь вполне самоочевидные:

«Все цели [...] легко разделить на три типа: приобретение знаний (учебные цели), получение информации новостного характера (чтобы быть в курсе событий) и отдых» (с. 49).

«Чтобы быть полноценным членом современного демократического общества, важно уметь читать на высоком когнитивном уровне» (с. 50).

Вообще к уязвимым сторонам книги можно отнести склонность Хисгена и ван дер Вейла к чрезмерно обобщающим высказываниям: «чтение делает нас той личностью, которой мы являемся; человек – это то, что он читает, и то, как он читает» (с. 51). Раскрытия этой мысли мы не увидим. Схожие высказывания используются, когда авторы

фактически отказывают в статусе полноценного чтения аудиокнигам и электронным документам, не утруждаясь аргументацией столь радикальных утверждений – результатами исследований или статистическими данными:

«Не обманывайте себя. Аудиокнига – это не книга, это опыт прослушивания, для которого необязательно быть грамотным. Поэтому не рассматривайте аудиокнигу как замену чтению» (с. 437).

«Чтение с экрана не эквивалентно чтению с бумаги. Текст на экране лишен физической опоры, которую обеспечивает бумага, и не способствует запоминанию прочитанного» (с. 436).

Но для читающего по-русски здесь, несомненно, найдется и нечто новое: прежде всего в малознакомом нам нидерландском материале, особенно в той главе, что отведена под практические рекомендации. Факты и цифры из нидерландской, а также родственной ей бельгийской жизни тут в изобилии, например, сведения о старейших книжных магазинах: «“Dominicanen”, расположенном в Доминиканской церкви XIII века, в самом сердце Маастрихта, или “Waanders In de Broeren” в бывшей церкви 1512 года в Зволле» (с. 411); книжных музеев: например в Антверпене это Литературный музей и музей Плантена-Моретуса (с кратким рассказом, чем они интересны, и контактными данными), а в Гааге – Дом книги и Литературный, включающий в себя также Музей детской книги; самых важных библиотек: в Валбюргской церкви в Зютфене – старейшая в Нидерландах, библиотека Тисиана в Лейдене.

Из «Человека читающего» можно узнать, какие (и в каких городах) проводятся литературные фестивали (большой список!), книжные ярмарки, встречи и творческие вечера писателей, программы популяризации чтения (и тут же практический совет: что необходимо сделать, чтобы оставаться

в курсе литературных событий Нидерландов). Более того, сказано и о книжных городах, даже за пределами Нидерландов и Бельгии: «сегодня во многих европейских странах существуют одно или несколько [...] книжных местечек; больше всего их во Франции – шесть» (с. 418). Любопытно, что все это – даже в виде краткого перечня – дает представление о немалом интересе жителей этой части Европы к чтению, причем именно книг, что ставит под сомнение авторский тезис об «обескниживании» (с. 420) и «обесценивании литературы» (там же).

Помимо книжных магазинов, библиотек и литературных фестивалей, упоминаются, пусть вскользь, литературные конкурсы и премии, например:

«С 2002 года литературный журнал “Tzum” присуждает ежегодную премию за лучшую литературную фразу. Помимо кубка, победитель получает сумму в евро, равную количеству слов в этой фразе» (с. 248).

Приводится и победившая в 2021 году фраза – из произведения молодого прозаика Марике Лукаса Рейневельда:

«Дорогой питомец, моя дорогая питомица, скажу тебе это сразу: в тот строптивый горячий сезон мне надо было вырезать тебя, как вырезают абсцесс из кориума копытным ножом, я должен был освободить место в межкопытцевой щели, чтобы в ней не задерживались навоз и грязь и не могла пристать никакая зараза, а может, мне следовало просто почистить и отшлифовать тебя на станке, отмыть тебя дочиста и высушить тебя насухо со шкуркой» (с. 248).

Ну где бы мы еще прочитали такое?

Все это, максимально конспективно сказанное здесь о нидерландской и общеевро-

пейской литературной и околосредовой жизни, вполне могло бы быть развернуто в отдельную книгу.

О глубоком анализе речь не идет, но если для нидерландцев и бельгийцев сочинение Хисгена и ван дер Вейла – прежде всего инструмент, помогающий ориентироваться в привычном книжном пространстве, то для живущих за пределами этих стран книга способна стать путеводителем по чужой культурной жизни, ее представлениям о самой себе по состоянию на 2022 год (выход в свет оригинала), то есть состояние вполне актуальное.

В целом есть сильный соблазн сказать, что Хисген и ван дер Вейл систематизируют общеизвестное, да еще и с бесконечными повторами, раз за разом возвращаясь, например, к нехитрой мысли, согласно которой «чтение совершенствует разум» (с. 214), помогает противостоять пропаганде, обману и манипуляциям (ах, если бы...), дает возможность «укрепить свое понимание жизни» (с. 404) и вообще – как правило, «вознаграждается» (с. 246). Действительно, оригинальными идеями этот компендиум не изобилует, не говоря о том, что представленный здесь подход к чтению видится, в конечном счете, чересчур утилитарным, вплоть до некоторой упрощенности.

Но не будем торопиться осуждать авторов – тем более, что и общеизвестное нуждается в систематизации, не говоря уже о том, что для кого-то сказанное окажется новым. А самое интересное и неожиданное, как это часто случается, кроется в непредвиденных складках и трещинках между банальностями. В едва заметных глазу межкопытцевых щелях.

Ольга Балла

Summary

The 163rd NZ issue takes communism as its central theme. More precisely, it covers various aspects of communism, from historical and political to theoretical and ideological, as well as administrative and practical; it also examines communism as an artistic project, an artistic utopia. The issue is entitled *“The End of Communism and «Communism» Without End”*. As the title suggests, it has two thematic poles. The first one is historical, dedicated to the 40th anniversary of the start of perestroika in the USSR, which ultimately led to the collapse of the country.

The opening section of the issue is titled *“THE PROCESS IS NOT UNDERWAY: ON THE 40TH ANNIVERSARY OF PERESTROIKA”*; it’s a reference to Mikhail Gorbachev’s famous phrase, *“The process is now underway”*. The block contains six extensive articles devoted to various aspects of perestroika seen specifically as a crisis and the end of communism.

The first article, *“Perestroika and the «Blind Spots» of Late Soviet Rationality”* by Dmitry Gorin, analyses the consciousness of Soviet society, questioning its rationality, which is usually attributed to it by default due to Soviet ideology officially being based on atheism, materialism, etc.

Sergei Gogin provides a brief outline of the history of perestroika-era journalism – the prime engine of the rapid changes happening in the USSR in the late 1980s and early 1990s.

Australian historian Mark Edele traces the history of the Great Patriotic War

veterans from 1945 to the end of the USSR, demonstrating the transformation of this social group into a force that held influence in Soviet society and enjoyed – at least on paper – significant privileges. It all ended tragically for the veterans, who saw the collapse of the country that had supported and promoted them, and lost nearly all their privileges and influence with it.

Alexander Zamyatin’s article *“Towards the Origins of Strong Executive Power in Post-Soviet Russia: Re-reading Gavriil Popov’s «What Is to Be Done?»”* focuses on the political history of perestroika. The author explores the events of 1990 when a kind of diarchy was being established across Russia (then still a part of the USSR): alongside the federal administrative structure, there emerged a system of local (republican, regional, municipal) authorities. These supplemental administrative bodies often ended up under the control of anti-Gorbachev democratic (or self-proclaimed “democratic”) forces, which quickly began employing some methods characteristic of authoritarian regimes. It is through this lens that Zamyatin analyses the article by Gavriil Popov, who was one of the democratic leaders at the time and shortly afterwards became the first mayor of Moscow.

Alexey Makarkin’s piece (*“Perestroika’s Conservative Face: The Canonisation of Saints at the 1988 Local Council”*) depicts several episodes from the history of the Russian Orthodox Church in the late Soviet period, showing how conservative forces, which had been very influential in the Church before 1985, became dominant during – and especially after – perestroika.

Lastly, Sergei Ryzhenkov, in his article *"After Perestroika: The Transformation of the Russian Political Regime in 1991–2000"*, demonstrates the fallacy of viewing the period of Russian history between 1991 and the start of Vladimir Putin's first presidency as a triumph (or even any significant success) of democracy. The author views the 1990s as a decade of searching for and honing authoritarian methods, creating authoritarian institutions, and so on.

The first thematic block of issue 163 of *NZ* is complemented by several regular sections, which also have a thematic focus this time around. In *CULTURE OF POLITICS*, Ilya Vinitzky conducts a fascinating investigation into two historical and cultural narratives. The first one is about Friedrich Engels learning the Russian language and how Soviet propaganda managed to utilise this fact. The second one concerns the Soviet writer Galina Serebryakova, who, using the fact that one of the "founders of scientific communism" had studied Russian, in her writing mythologised Karl Marx's family and Friedrich Engels as role models for Soviet families and citizens (*"The Red Beauty and the Beast. Galina Serebryakova and the Soviet Russification of Marxism in the 1960s"*).

In the *CASE STUDY* section, Pavel Glushakov discusses one more possible origin and meaning of the pseudonym Stalin. *NZ ARCHIVE* features a translation of several excerpts from the memoirs of Muhammad Najati Sidqi, a Palestinian communist active in the 1920s–1930s, which recount the early years of the Palestinian socialist movement, and its relationship with the Jewish left and trade unions. An excerpt describing the memoirist's studies at the Communist University of the Toilers of the East is of particular value.

In the *THEORY AND PRACTICE OF MODERNITY* section, Slovenian historian of ideas Tanja Petrovič raises the question – which, given the intensity of current debates within the left-wing part of academia, is not purely theoretical – about the possibility of a socialist modernity beyond the constraints of colonial thinking and colonial politics. The latest instalment of Alexey Levinson's *SOCIOLOGICAL LYRICISM* is also devoted to perestroika – or more precisely, to its author, Mikhail Gorbachev.

The second selection of materials in issue 163 has to do with another kind of "communism" – that of a social and artistic utopia. Chronologically, however, it pertains to the same period: perestroika, when the USSR was deep in crisis (ideologically, among other things), eventually leading to the collapse of the state. This process had a crucial cultural dimension; Soviet people not only gained access to almost everything previously banned by the Soviet authorities, from Nabokov's novels to sex education manuals, they also gained the opportunity to engage in writing or any other form of creativity without seeking permission from the authorities. Many movements that had formed a DIY culture alongside the official culture now emerged from the underground.

One of the most powerful of these was the rock music movement, which revealed itself to Soviet society almost fully operational: it had numerous bands playing a wide variety of genres, it had underground recording studios, a functioning non-official system for organising concerts and distributing records, it had samizdat periodicals, and, of course, it already had an audience. One of the regional "schools" of the late Soviet rock movement that had emerged from the underground was the so-called Siberian

punk, which differed significantly from the rock scenes of Moscow, Leningrad, and Sverdlovsk. One of the key figures of the Siberian punk scene was Yegor Letov, the founder and leader of the band Grazhdanskaya Oborona. Around this band, there formed a very distinctive, radical regional subculture, which, in turn, brought forth new bands and new recordings.

Grazhdanskaya Oborona spawned a number of side-projects, one of which became the focus of the second thematic selection of this *NZ* issue. The project is called *Kommunizm*; it existed in various forms for quite a long time and released several albums. In their articles, the Italian researcher Sara Manzi (*"The Harmony of Decay: Kommunizm's Early Recordings*

in an Interdisciplinary Perspective"), Denis Karpov (*"Side-Projects of Siberian Punk as Anti-Aesthetic Statements: Tsyganyata I Ya S Ilyicha"*), Kirill Korchagin (*"Kommunizm vs Collective Actions: Conceptualism as Liberation"*), and Anatoly Korchinsky (*"The Ghosts of Kommunizm: The «Compression» of Time and the «State of History»"*), all explore various aspects of the poetics and politics of *Kommunizm's* releases.

The issue concludes with the **NEW BOOKS** section, where we can single out Andrei Gelianov's extensive – and quite critical – review of the recently published, much-discussed book by Christoph Schuringa, *"A Social History of Analytic Philosophy: How Politics Has Shaped an Apolitical Philosophy"*.

www.eurozine.com

The most important articles on European culture and politics

Eurozine is a netmagazine publishing essays, articles, and interviews on the most pressing issues of our time.

Europe's cultural magazines at your fingertips

Eurozine is the network of Europe's leading cultural journals. It links up and promotes over 100 partner journals, and associated magazines and institutions from all over Europe.

A new transnational public space

By presenting the best articles from the partner magazines in many different languages, Eurozine opens up a new public space for transnational communication and debate.

The best articles from all over Europe at www.eurozine.com **eurozine**

Оформить подписку на журнал можно в следующих агентствах:

«Подписные издания»: подписной индекс П3832 (только по России) <https://podpiska.pochta.ru>

«МК-Периодика»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.periodicals.ru

«Экстра-М»: подписной индекс 42756 (по России и СНГ) www.em-print.ru

«Ивис»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.ivis.ru

«Информ-система»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informsystema.ru

«Информнаука»: подписной индекс 45683 (по России и за рубежом) www.informnauka.ru

«Прессинформ»: подписной индекс 45683 (по России и СНГ) <http://pinform.spb.ru>

«Урал-Пресс»: подписной индекс: 45683 (по России и за рубежом) www.ural-press.ru

Приобрести журнал вы можете в следующих магазинах:

В Москве:
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, 8 +7 495 789-35-91

«Фаланстер» М. Гнездиновский пер., 12/27 +7 495 749-57-21

«Фаланстер» (на Винзаводе) 4-й Сыромятнический пер., 1-6 (территория ЦСИ Винзавод) +7 495 926-30-42

«Циолковский» Пятницкий пер., 8 +7 495 951-19-02

В Санкт-Петербурге:
На складе издательства Лиговский пр., 27/7 +7 812 579-50-04 +7 952 278-70-54

В Воронеже:
«Петровский» ул. 20-летия ВЛКСМ, 54а (ТЦ «Петровский пассаж») +7 473 233-19-28

В Екатеринбурге:
«Пиотровский» ул. Б. Ельцина, 3 («Ельцин-центр») +7 343 312-43-43

В Нижнем Новгороде:
«Дирижабль» ул. Б. Покровская, 46 +7 831 434-03-05

В Перми:
«Пиотровский» ул. Ленина, 54 +7 342 243-03-51